

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Исторический факультет
Кафедра международных отношений и внешней политики**

М. М. КУХТИН

**КРИЗИС НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА И
РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ**

Монография

ДОНЕЦК – 2023

УДК 327
ББК С562.26
К957

Рекомендовано к изданию Ученым советом
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
(протокол № 3 от 28.04.2023 г.)

Кухтин М. М. Кризис неолиберального проекта и российско-немецкие отношения: монография / М. М. Кухтин. – 2-е изд., доп. и перераб. – Донецк: Издательский дом «ЭДИТ», 2023. – 372 с.

Рецензенты:

доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет» Рагозина Т. Э.;

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» Черкашин К. В.;

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» Никулин М. А.

Главная цель монографии – систематически проследить развитие современных российско-немецких отношений в контексте кризиса глобального неолиберального проекта, нарастающих противоречий позднекапиталистического общества. Делается вывод о грядущей неизбежной трансформации как системы международных отношений в целом, так и существующих форматов российско-немецкого взаимодействия. Для студентов специальности «Международные отношения», педагогических и научных работников, интересующихся актуальными проблемами российской и немецкой внешней политики.

УДК 327
ББК С562.26

ISBN 978-5-6049600-1-1

© Кухтин М. М., 2023
© ФГБОУ ВО «ДонГУ», 2023
© Издательский дом «ЭДИТ», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПРИЧИНЫ И МЕХАНИЗМЫ КРИЗИСА НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА	20
1.1. Неолиберальный проект и его альтернативы	20
1.2. Социально-экономический аспект проблемы	41
1.3. Политический аспект проблемы	63
1.4. Критика идеологии	76
1.5. Выводы по первой главе	92
ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ....	102
2.1. Динамика двусторонних отношений с начала украинского кризиса	102
2.2. Политика	125
2.3. Экономика	147
2.4. Перспективы развития двусторонних отношений	162
2.5. Выводы по второй главе	167
ГЛАВА 3. СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ ..	178
3.1. Структурные параметры двусторонних отношений: диалектика интересов и ценностей	178
3.2. Идентичности и нарративы: проблемы восприятия в российско-немецком взаимодействии.....	205
3.3. Глобальное и региональное распределение геополитических и геоэкономических ролей	230
3.4. Выводы по третьей главе	249
ГЛАВА 4. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ: СОЦИОЛОГИЯ И ФУТУРОЛОГИЯ	255
4.1. Методология политического анализа и прогнозирования: альтернативные подходы	255
4.2. Основные противоречия российско-немецких отношений и возможные пути их разрешения	277
4.3. Сценарии европейского будущего: интересы России и Германии	304
4.4. Выводы по четвертой главе	324
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	330
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	349

ВВЕДЕНИЕ

Современный миропорядок находится в состоянии острого системного кризиса, который охватил все стороны жизни человечества: политику, экономику, социум, культуру, идеологию, мораль. Причины кризиса и пути выхода из него оцениваются по-разному, но ощущение нависшей над миром катастрофы объединяет большинство аналитиков, независимо от их идеологии, происхождения, страны проживания и социального статуса. Современные российско-немецкие отношения, с одной стороны, отмечены печатью упомянутых глобальных вызовов и угроз, с другой – омрачены рядом более или менее специфических проблем. Обе страны являются столпами европейской политической архитектуры, от их взаимопонимания в огромной степени зависит судьба региона, имеющего ключевое значение для современной системы международных отношений. Изложенные соображения – весомые аргументы в пользу актуальности заявленной темы.

Причины обсуждаемых деструктивных процессов ученые видят по-разному. Сегодня многие исследователи в скрытой или явной форме привержены идеалистическому пониманию истории и, соответственно, ищут объяснения наблюдаемых явлений в эволюции идей. В рамках данной концепции трудно объяснить, почему из ряда соперничающих концепций одни торжествуют, а другие забываются, как идеологические предпочтения влияют на эффективность и конкурентоспособность социальных систем и т. д. Материалистический же подход в обществоведении был в глазах многих дискредитирован противоречиями и крахом советского проекта, что внесло немалую долю предвзятости в дальнейшие дискуссии о его научной состоятельности. Прояснение данных вопросов, касающихся как философии и методологии науки, так и правильной организации прикладных политических исследований, принадлежит к числу наиболее актуальных задач, стоящих сегодня перед учеными-гуманитариями.

Объектом исследования является наблюдаемый кризис неолиберального проекта, имеющий глобальный, системный и острый характер, *предметом* –

его влияние на динамику и перспективы современных российско-немецких отношений.

Термин «неолиберальный порядок» требует уточнения. Иногда им обозначают современную мир-систему в целом, в других случаях – только ее управляющие механизмы. Поздний капитализм охвачен кризисом и на уровне базиса (производственных отношений), и на уровне надстройки (включая политику). Социально-экономический анализ в работе посвящен преимущественно проблемам первой категории, политический – второй, причем обе линии исследования тесно связаны. Данное разграничение важно в методологическом отношении, поскольку проливает свет на структурные причины современных российско-немецких противоречий. И Германия, и Россия – страны позднего капитализма, встроенные в единую мир-систему (первая принадлежит к ее «центру», вторая находится за его пределами). Однако отношение Москвы и Берлина к неолиберальному порядку как организации власти глубоко различно. РФ стремится достичь своих геополитических и геоэкономических целей, в ряде случаев ставя его под вопрос, ФРГ – последовательно соблюдая диктуемые им «правила игры».

Цель работы – изучить логику развития современных российско-немецких отношений, приняв во внимание все необходимые локальные, региональные и глобальные контексты. Для достижения данной цели нужно выполнить следующие *задачи*:

- осмыслить методологию исследования на специально-научном и общенаучном уровнях;
- собрать эмпирический материал, достаточный для глубокого, всестороннего, объективного анализа неолиберального проекта;
- вскрыть причины и механизмы наблюдаемого системного кризиса неолиберального проекта;
- собрать репрезентативные и надежные эмпирические данные о современных российско-немецких отношениях;

– найти объяснительные модели, позволяющие поместить взаимодействие Москвы и Берлина в исследованный выше глобальный контекст;

– проанализировать политические, экономические, идеологические и иные причины ухудшения двусторонних отношений;

– аргументированно охарактеризовать современное состояние отношений;

– спрогнозировать их дальнейшее развитие, оценить условия и перспективы их улучшения.

Методология исследования, кроме общенаучных и специально-научных методов, включает ряд ключевых подходов классического марксизма и неомарксизма:

1) Международные отношения рассматриваются как система, обладающая сложной, противоречивой, динамичной структурой, которая ускользает от поверхностного взгляда. В отличие от американского ученого К. Уолца и его последователей, считающих ядром данной структуры великие державы и их отношения (баланс сил, коалиции, количество и относительное влияние полюсов, «дилемма безопасности» и т. д.), неомарксисты делают акцент на базовых характеристиках современной мировой экономики (неоднородность, угнетение, эксплуатация, большой конфликтный потенциал, неспособность функционировать без периодических, все более глубоких кризисов и т. д.). Структурный подход к изучению международных отношений также отличает геополитику и две дополнительные по отношению к ней дисциплины – геоэкономику и геокультуру. Многие их достижения были успешно интегрированы в те или иные неомарксистские концепции (в данной связи можно вспомнить творчество, например, И. Валлерстайна).

2) Марксисты рассматривают капитализм как исторически обреченную общественно-экономическую модель. Порожденные им противоречия (между общественным характером производства и частным характером присвоения, между свободной конкуренцией и монополиями и т. д.) не могут быть

разрешены в его рамках. Нельзя и оставить все как есть: реформы могут принести временное облегчение, однако упомянутые противоречия неуклонно нарастают, и в более или менее отдаленном будущем демонтаж всей системы неизбежен. С данной точки зрения, кризис современного миропорядка нельзя объяснить случайными, преходящими, поверхностными причинами: он указывает на несостоятельность неолиберального проекта как такового с его частной собственностью на средства производства и системой наемного труда. Впрочем, принципиальный исторический оптимизм марксизма не отменяет необходимости трезвого анализа нынешнего тяжелого положения. По мнению видного представителя Франкфуртской школы Т. Адорно, капитализм проявил удивительную способность интегрировать и приспосабливать к себе общественные явления, которые, казалось, были самой логикой исторического процесса предназначены для его ниспровержения. Наличные эмпирические данные производят амбивалентное впечатление: их можно рассматривать как приговор капитализму в целом или только его исторически преходящей форме, как стимул полностью отказаться от него или реформировать и, таким образом, сохранить в измененном виде¹.

3) В основу работы положен анализ материальных первопричин общественных явлений, причем политика, право, идеология относятся к области надстройки над базисом – производственными отношениями. Три основных положения исторического материализма и сегодня сохраняют актуальность, хотя в прошлом их нередко неверно истолковывали по незнанию или преднамеренно. Они таковы: существуют объективные законы общественного развития, доступные научному познанию; общественное бытие определяет общественное сознание; общественное сознание оказывает обратное воздействие на общественное бытие². Марксизм нередко упрекали в экономическом детерминизме, в попытках редукционистского объяснения

---

¹ Adorno T. W. Spätkapitalismus oder Industriegesellschaft? / T. W. Adorno // Ob nach Auschwitz noch sich leben lasse. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1997.

² Корнфорт М. Диалектический материализм. Введение / М. Корнфорт. – М.: Издательство иностранной литературы, 1956. – С. 151.

сложнейших политических, социальных, культурных проблем. Такая критика далека от истины. Материалистическая диалектика учит, что, хотя новое качество, безусловно, создается предшествующими факторами, его нельзя исчерпывающе объяснить только их особенностями, проигнорировав его собственную специфику. Возникать на основе тех или иных явлений и процессов и сводиться к ним без остатка – разные вещи. С другой стороны, марксизм, как явствует из вышеизложенного, внимательно изучает обратные связи между надстройкой и базисом. Этого уже достаточно, чтобы доказать его несовместимость с однобоким, схоластическим пониманием детерминизма. Соотношение случайности, возможности и необходимости нужно понимать не метафизически, а диалектически.

Марксистская методология исследования, положенная в основу работы, не исключает пристального внимания к альтернативным трактовкам изучаемых явлений. Известный либеральный теоретик К. Поппер резко критиковал марксизм за его приверженность историцизму: «В самом деле, необходимо признать одним из принципов всякого непредвзятого подхода к сфере политики, что в человеческих делах возможно все и, в частности, что нельзя исключать никакой мыслимый вариант развития на тех основаниях, что он может нарушать так называемую тенденцию человеческого прогресса или какую-либо другую из закономерностей, якобы свойственных «природе человека»³. Сам тезис о том, что исторический процесс имеет закономерный характер, что предшествующие события более или менее жестко детерминируют последующие, далеко не тривиален и нуждается в обосновании. При этом эмпирический материал, который можно привлечь в данной связи, часто допускает двоякую интерпретацию: трудно отличить «настоящее» предсказание от самоподтверждающегося⁴. К. Поппер полагает, что историцизм К. Маркса не имеет научного оправдания. Немецкий философ, тем не менее, сделал большой вклад в экономику и социологию, однако многие

---

³ Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2-х т. / К. Поппер; пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. – М.: Международный фонд «Культурная инициатива», Soros Foundation (USA), 1992. – Т. 2. – С. 227.

⁴ Там же. – С. 228.

неправильно понимают, в чем именно заключается последний. «...успешных результатов Маркс всегда достигал методами анализа социальных институтов и никогда – с помощью своего историцистского метода. ...ни один из наиболее претенциозных историцистских выводов Маркса, ни один из его «неумолимых законов развития» и «ступеней истории, через которые невозможно перескочить», ни разу не привели его к удачным предсказаниям. Марксу сопутствовал успех только до тех пор, пока он анализировал социальные институты и их функции»⁵.

Впрочем, закономерный характер нынешних злоключений неолиберальной идеи признается широким кругом ученых, включая и тех, кто частично или полностью отвергает марксистское видение проблемы.

Многие аналитики (Э. Тоффлер, С. Б. Переслегин и другие) считают, что наблюдаемый кризис – преддверие перехода от индустриального общества к когнитивному (информационному). В рамках данной концепции индустриальное общество как таковое считается почти исчерпавшим потенциал развития – и в социалистическом (СССР), и в капиталистическом (США) вариантах. Если для марксиста принципиальным является вопрос о собственности на средства производства (частной или общественной), то для теоретика постиндустриализма гораздо важнее преобразование самих производительных сил (средств производства и приводящих их в движение людей) ради создания общества изобилия, где главным экономическим ресурсом будет информация. Марксист, скорее всего, скажет, что такое преобразование невозможно без социальной революции с неизбежной экспроприацией экспроприаторов. Теоретик информационного общества возразит, что его создание сделает вопрос о социальных революциях неактуальным.

Существуют еще различные теории конвергенции, сторонники которых считают, что именно синтез неолиберального проекта с некоторыми достижениями левой мысли выведет человечество из нынешнего кризиса.

---

⁵ Там же. – С. 226–227.

Идея о постепенной конвергенции социализма и капитализма (Д. Гэлбрейт) использовалась Западом как идеологическое оружие во время «холодной войны». В итоге «свободный мир» крайне мало заимствовал из советского проекта, а вот советское общество, напротив, глубоко «обуржуазилось», что стало одной из главных причин распада СССР. Тем не менее, данных фактов недостаточно для исчерпывающего научного опровержения теории конвергенции. Чтобы дать ей взвешенную оценку, необходимо тщательно проанализировать историю еврокоммунизма, западной социал-демократии и социал-либерализма – тех общественно-политических течений, которые декларировали упомянутый синтез как свою цель и/или пытались осуществить его на практике.

Однако не подлежит сомнению тот факт, что капитализму пришлось интегрировать некоторые элементы социалистической модели, чтобы просто выжить. «Великая депрессия» 1929-1933 гг. показала, что буквальная реализация модели «свободного рынка» губительна для экономики, которая не может нормально функционировать без достаточно широкого государственного регулирования и планирования. Уже в современном мире борьба крупных корпораций с периодическими экономическими кризисами, анархией производства вынуждает их неуклонно развивать систему планирования, повышать управляемость экономики, забыв либеральные концепции «спонтанного порядка», «невидимой руки рынка», «свободной конкуренции» и т. д.

С марксистской точки зрения, данная тенденция неизбежно сопутствует позднему, загнивающему капитализму, для которого характерны вытеснение и деформация свободной конкуренции монополиями и господство финансового капитала. Капитализм сам воспитывает своего могильщика («Манифест Коммунистической партии») и в итоге приходит к самоотрицанию, создавая общественно-экономические структуры, с которыми он в принципе не может справиться, но которые послужат новому, социалистическому строю.

С неолиберальной точки зрения, примеры «конвергенции», напротив, свидетельствуют о практически неисчерпаемом потенциале капитализма, который способен осваивать и использовать в своих целях первоначально чуждые и даже враждебные ему идеи, оставаясь в главном самим собой.

Впрочем, сегодня приобретает популярность идея, что исход борьбы коммунизма и капитализма решается не в экономической, а в психолого-антропологической плоскости: «Здесь-то и проходит водораздел. Если труд на самом деле составляет высшее наслаждение человека, капитализм обречен за счет того, что авторское право, увеличивая информационное сопротивление в социуме, снижает индекс развития. Но если человек, являясь «переходной ступенью от неандертальца к магу», способен трудиться только ради или преимущественно ради «строительства светлого будущего в одной отдельно взятой квартире и на одном отдельно взятом приусадебном участке, отгороженном от остального человечества колючей проволокой...», тогда, по-видимому, обречен коммунизм»⁶. Марксисты отвечают, что корень проблемы не в труде самом по себе (такая постановка вопроса была бы слишком абстрактной), а в некоторых его конкретно-исторически определенных формах, связанных с многообразными видами отчуждения.

Критический разбор марксистской исторической концепции и ее альтернатив поможет уточнить и дополнить понятийный аппарат, необходимый для полноценного анализа современных российско-немецких отношений. Одно из главных положений работы можно сформулировать так: хотя взаимопониманию и сотрудничеству Москвы и Берлина мешает множество специфичных проблем, наблюдаемые охлаждение и отчуждение невозможно понять, если не учитывать деформирующего влияния неолиберального проекта на двусторонние отношения. Значительная часть монографии посвящена конкретизации и обоснованию данного тезиса, а также анализу необходимо следующих из него выводов. Германия прочно встроена в

---

⁶ Переслегин С. Б. «Полдень...» начинается в субботу / С. Б. Переслегин // Аркадий и Борис Стругацкие. Официальный сайт. – URL: <http://www.rusf.ru/abs/rec/peresl07.htm> (дата обращения: 28.09.2017).

неолиберальный миропорядок, а Россия находится с ним в противоречивых, неоднозначных отношениях: с одной стороны, она приложила большие усилия, чтобы вступить в ВТО, с другой – играет важную роль в объединении БРИКС, выступающем за коренную трансформацию мировой экономики. Эта разница в положении во многом обуславливает наблюдаемое напряжение в двусторонних отношениях. Логично предположить, что для их улучшения она должна частично нивелироваться. Теоретически, здесь есть три варианта. Германия может перейти в оппозицию неолиберальному миропорядку (утопический сценарий). Россия может полностью интегрироваться в него (катастрофический сценарий). Наконец, он сам может рухнуть. Одна из целей дальнейшего изложения – доказать, что последний вариант практически неизбежен по многим социально-экономическим, политическим и идеологическим причинам. По отдельности все они многократно упоминались в СМИ, научной и публицистической литературе западных стран, однако попытки дать комплексный анализ происходящего остаются сравнительно немногочисленными. Отчасти это обусловлено тем, что люди, которым выгодна нынешняя система, стремятся снизить действенность критики в ее адрес. С другой стороны, недовольные сложившимся положением нередко цепко держатся за свои иллюзии и боятся узнать правду о причинах своих бедствий.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала украинского кризиса до настоящего момента с краткими экскурсами в предшествующее пятилетие (от кавказского кризиса августа 2008 г. до начала событий, приведших к государственному перевороту в Киеве в феврале 2014 г.). Перечисленные даты являются рубежными для неолиберального миропорядка, центр которого – США – продолжает оказывать определяющее влияние на внешнюю политику ФРГ. В 1991 г., когда распался СССР, многим казалось, что последний серьезный вызов позднему капитализму исчез, а дальнейшее мировое развитие будет носить в целом инерционный характер. На протяжении следующих десяти лет такие иллюзии широко

распространились и получили дополнительное научнообразное обоснование. Террористические атаки 11 сентября 2001 г. положили конец данному «головокружению от успехов». Если международный терроризм – внешний вызов неолиберальному проекту, то перспективы последнего нельзя считать безоблачными. Если же (что гораздо вероятнее) данный вызов является внутренним, систематически порождается самими позднекапиталистическими порядками, то у их поборников еще меньше оснований для оптимизма. 2001, 2003, 2008 и 2014 гг. (Афганистан, Ирак, Грузия, Украина) – следующие вехи кризиса неолиберального проекта. Пока политические элиты прочно удерживают власть, они могут достигать многих целей, не прибегая к открытому насилию, и временно смягчать порождаемые эксплуатацией и социальным неравенством противоречия. Если они вынуждены принимать все более радикальные меры, это значит, что источники их могущества начали иссякать.

Географические рамки теоретической части работы охватывают все ключевые макрорегионы мира, поскольку речь идет об актуальных проблемах глобального развития. Эмпирическая часть монографии посвящена событиям, большинство из которых произошли в Европе и Северной Америке, хотя, разумеется, вырывать данные территории из более широкого (в пределе – планетарного) контекста представляется нецелесообразным. Текущий ближневосточный кризис остается весомым фактором современных российско-немецких отношений. Необходимо будет дать и краткую характеристику БРИКС, «большой семерки» и «большой двадцатки» – трансконтинентальных форумов сотрудничества. Наконец, нужно будет показать многофакторное и противоречивое взаимодействие различных уровней международной политики – локального, субрегионального, регионального, макрорегионального и глобального.

Научная новизна. Марксистская критика неолиберального проекта имеет давнюю историю. Предлагаемая монография интегрирует данные специальных исторических, философских, политэкономических исследований

в единую картину, что позволяет выявить специфику, присущую текущему этапу общего кризиса капитализма. Существующие работы на данную и смежные темы нередко отличаются неполнотой, что обусловлено как масштабом исследовательской задачи и огромным объемом релевантного материала, так и, в ряде случаев, влиянием ревизионистских и прямо буржуазных установок на авторскую позицию.

Кроме того, современные российско-немецкие отношения, как правило, рассматриваются через призму неореализма, неолиберализма или какого-либо компромиссного подхода. Их неомарксистское осмысление затрудняется тем фактом, что мир-системная теория считает национальное государство второстепенной единицей анализа, делая акцент на глобальном и транснациональном измерениях международных отношений, на исторических судьбах макрорегионов (центр, полупериферия, периферия). Между тем, обсуждаемая методология исследования имеет четко оформленный универсальный аспект, область ее применимости охватывает (с необходимыми модификациями) все виды социальных отношений. В работе указанный пробел отчасти восполняется анализом ряда специально-исторических вопросов.

Источниковая база исследования. Современные российско-немецкие отношения изучались по информационно-аналитическим материалам ведущих мировых СМИ (РИА Новости, ТАСС, Spiegel, Welt и других). Многие аспекты данной темы еще не были подвергнуты обстоятельной научной разработке, рассматриваемые процессы часто еще далеки от завершения, что и обусловило приоритеты и предпочтения при отборе текстов.

Источниковедческий обзор первой, теоретической, части работы представляет известные трудности. В ней ряд фундаментальных трудов использовался двояко: и в информационных, и в аналитических целях. Так, многие произведения классиков марксизма являются и энциклопедиями сведений по социально-экономической и политической истории, и образцами их глубокого плодотворного осмысления. Кроме того, цели и задачи работы

предопределяют неразрывное единство историографических экскурсов и самостоятельного исследования актуальных вопросов мировой политики и экономики. Рассматриваемые произведения подробно характеризуются в первой секции обзора литературы.

Историография исследования. Марксистские оценки ключевых общественных явлений были почерпнуты из произведений К. Маркса, Ф. Энгельса^{7 8} и В. И. Ленина⁹, а также из советских обзорных работ^{10 11} и классического компендиума видного идеолога Коммунистической партии Великобритании М. Корнфорта¹². Мир-системный анализ был изучен и освоен по трудам его создателей И. Валлерстайна¹³ и С. Амина¹⁴. Был сделан вывод, что (нео)марксистский анализ капиталистической экономики в целом сохраняет актуальность, более того, история неолиберального проекта дает богатый материал для его подтверждения. Структурный подход к международным отношениям развивался целым рядом школ, среди которых видное место занимает неореалистическая¹⁵. Неомарксисты сосредоточились на изучении экономической структуры миропорядка, в то время как неореалисты делают акцент на военно-политической проблематике. Два подхода органично дополняют друг друга. Наконец, в работе широко используются достижения геополитики, изучающей структуру мирового пространства как не только количественной, но и качественной категории. 3.

---

⁷ Маркс К. Введение (из экономических рукописей 1857-1858 годов) / К. Маркс. Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения // К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1958. – Т. 12. – С. 709–738.

⁸ Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение / К. Маркс. Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения // К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 1. – С. 414–429.

⁹ Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма (популярный очерк) / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. 5-е изд. – Т. 27. – С. 299–426.

¹⁰ Краткий очерк истории философии / под ред. М. Т. Иовчука, Т. И. Ойзермана, И. Я. Щипанова. – 2-е изд., переработ. – М.: Мысль, 1971. – 790 с.

¹¹ Материалистическая диалектика. Краткий очерк теории / П. Н. Федосеев, И. Т. Фролов, В. А. Лекторский и др. – М.: Политиздат, 1980. – С. 175–220, 263–279.

¹² Корнфорт М. Диалектический материализм. Введение / М. Корнфорт. – М.: Издательство иностранной литературы, 1956. – 498 с.

¹³ Wallerstein I. World-systems analysis. An introduction / I. Wallerstein. –Durham & London: Duke University Press, 2004. – 109 p.

¹⁴ Amin S. Capitalism in the age of globalization: the management of contemporary society / S. Amin. – London: Zed Books, 2014. – 192 p.

¹⁵ Waltz K. N. Theory of International Politics / K. N. Waltz. – Reading, Massachusetts: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. – 251 p.

Бжезинский был последовательным атлантистом¹⁶, Г. Киссинджер отстаивает идею легитимного многополярного миропорядка¹⁷, а С. Б. Переслегин разрабатывает стратегию «российского прорыва» в когнитивное будущее¹⁸.

В исследовании нашли отражение и альтернативные (нео)марксистскому подходы. Произведения британского философа К. Поппера¹⁹ содержат развернутую защиту либеральной политической традиции, причем его аргументы не могут быть полностью отвергнуты в ходе марксистского анализа, поскольку они во многом основаны на идеях Просвещения и действительных достижениях буржуазных революций. Цивилизационный подход представляет собой влиятельную альтернативу монистическому пониманию истории, однако методологическая несовместимость отнюдь не предопределяет противоречий между частными результатами, достигнутыми в рамках двух парадигм. С. Хантингтон²⁰ и К. Куигли²¹ проницательно описали некоторые слабости и проблемы современного Запада, нередко ускользающие от внимания поборников однополярного мира.

Теории информационного (когнитивного/постиндустриального) общества подробно разработаны, в частности, в произведениях американского футуролога Э. Тоффлера²² и российского политолога и социолога С. Б. Переслегина²³. Было установлено, что такого рода концепции по-разному соотносятся с марксистско-ленинским учением: некоторые из них являются апологией позднего капитализма, другие, напротив, представляют собой

---

¹⁶ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М.: АСТ, 2014. – 702, [2] с.

¹⁷ Киссинджер Г. Дипломатия / Г. Киссинджер; пер. с англ. В. В. Львова. – М.: Ладомир, 1997. – 847 с.

¹⁸ Переслегин С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске / С. Б. Переслегин // Philosophy. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2005. – 619, [5] с.

¹⁹ Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2-х т. / К. Поппер; пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. – М.: Международный фонд «Культурная инициатива», Soros Foundation (USA), 1992.

²⁰ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. под общ. ред. К. Королева. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.

²¹ Quigley C. The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis / C. Quigley. – Indianapolis: Liberty Press/Liberty Fund, 1979. – 444 p.

²² Тоффлер Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер // Philosophy. – М.: АСТ, 2003. – 669, [3] с.

²³ Переслегин С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске / С. Б. Переслегин // Philosophy. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2005. – 619, [5] с.

попытки объективно осмыслить социально-экономические последствия текущей научно-технической революции.

Кризиса неолиберального проекта так или иначе касаются многие исследователи, далекие от диалектико-материалистической интерпретации проблемы. Действительно, деструктивные явления в современной мировой политике и экономике дают серьезные основания для тревоги. Впрочем, перечисляемые ниже авторы оставляют за скобками важнейшие структурные причины кризиса: все они так или иначе допускают возможность сохранения капиталистических производственных отношений на неопределенный срок, пусть и не в неолиберальной форме. Данное предположение неверно, однако ошибочная мировоззренческая установка не помешала им сделать ряд ценных выводов частного характера. П. Бьюкенен подверг аргументированной критике безответственную финансовую политику американских неоконсерваторов и неолиберальный тезис о благотворности свободной торговли²⁴. Д. Сорос, используя свой опыт ученого и биржевого игрока, обстоятельно проанализировал причины мирового экономического кризиса 2008 г. и пришел к выводу о несостоятельности неолиберальной модели управления финансовыми рынками²⁵. Ф. Фукуяма, переосмыслив свои ранние взгляды, в итоге отказался от концепции «конца истории», предполагавшей неизбежность глобального торжества либеральной демократии и рыночной экономики²⁶. П. Кругман тяготеет к неокейнсианскому пониманию проблем, стоящих сегодня перед национальными экономиками и глобальным капитализмом в целом. По его мнению, неблагополучие современной мировой экономики доказывает

---

²⁴ Бьюкенен П. Правые и не-правые / П. Бьюкенен; пер. с англ. К. Ковешникова. – М.: АСТ: АСТ Москва: Транзиткнига, 2006. – 348, [4] с.

²⁵ Сорос Д. Мировой экономический кризис и его значение. Новая парадигма финансовых рынков / Д. Сорос; пер. с англ. К. Вагнера. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010. – 272 с.

²⁶ Fukuyama F. The future of history. Can liberal democracy survive the decline of the middle class? / F. Fukuyama // Foreign affairs. – January-February 2012. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2012-01-01/future-history> (дата обращения: 27.09.2017).

необходимость возврата к широкому государственному регулированию рынка, во многом по образцу «шведской модели»^{27 28 29}.

Труды американских^{30 31} и немецких^{32 33} специалистов по международным отношениям помогли упорядочить доступную информацию, отделив важное от второстепенного, и установить ряд существенных причинно-следственных связей между изучаемыми событиями. Данный круг работ составил концептуальную основу второго раздела. Одни авторы^{34 35} призывают принять великодержавную политику современной России как геополитическую данность, другие³⁶ полагают, что в обозримом будущем не исключено превращение Москвы в младшего партнера Пекина. Существуют и концепции, не предполагающие явную постановку вопроса в таких терминах³⁷.

Теоретическая значимость монографии обусловлена рассмотрением современных конкретно-исторических условий через призму марксистского «большого нарратива». Ряд теоретиков характеризует текущую ситуацию в общественных науках термином «марксизм в обороне». Действительно, крах советского проекта дал глобальному капитализму передышку и вызвал серьезный мировоззренческий и организационный кризис в международном коммунистическом движении. Однако никакие внешние победы не могут устранить внутренние противоречия существующей мир-системы. Кроме того,

---

²⁷ Кругман П. Великая ложь: сбиваясь с пути на рубеже нового века / П. Кругман; пер. с англ. Д. Павловой, А. Романовой, Г. Соловьевой // Philosophy. – М.: АСТ, 2004. – 474, [6] с.

²⁸ Krugman P. Keynes was right / P. Krugman // The New York Times. – URL: http://www.nytimes.com/2011/12/30/opinion/keynes-was-right.html?_r=1 (дата обращения: 29.09.2017).

²⁹ Krugman P. What ails Europe? / P. Krugman // The New York Times. – URL: <http://www.nytimes.com/2012/02/27/opinion/krugman-what-ails-europe.html> (дата обращения: 29.09.2017).

³⁰ Mankoff J. Russian Foreign Policy: The Return of Great Power Politics / J. Mankoff // Council on Foreign Relations Books. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2009. – 372 p.

³¹ Olikier O. Russian Foreign Policy: Sources and Implications / O. Olikier, K. Crane, L. H. Schwartz, C. Yusupov. – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2009. – 246 p.

³² Пар А. Россия-Запад. Кто кого? / А. Пар. – М.: Издательство «Э», 2016. – 352 с.

³³ Wipperfürth C. Russlands Außenpolitik: Lehrbuch / C. Wipperfürth // Elemente der Politik. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. – 151 s.

³⁴ Пар А. Россия-Запад. Кто кого? / А. Пар. – М.: Издательство «Э», 2016. – 352 с.

³⁵ Mankoff J. Russian Foreign Policy: The Return of Great Power Politics / J. Mankoff // Council on Foreign Relations Books. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2009. – 372 p.

³⁶ Wipperfürth C. Russlands Außenpolitik: Lehrbuch / C. Wipperfürth // Elemente der Politik. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. – 151 s.

³⁷ Olikier O. Russian Foreign Policy: Sources and Implications / O. Olikier, K. Crane, L. H. Schwartz, C. Yusupov. – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2009. – 246 p.

марксизм как научное направление и левый политический проект – не одно и то же. Наконец, ближайшие перспективы последнего выглядят не столь уж тревожными, если обратить внимание, например, на подъем латиноамериканского пролетариата и рост антикапиталистических настроений на геоэкономическом Юге. В исследовании на богатом фактическом материале доказываются актуальность и эффективность познавательного инструментария классического марксизма.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее выводы могут быть использованы в дальнейшем изучении очерченного круга проблем, при написании лекционных курсов для высшей школы, составлении информационно-аналитических документов для органов власти и выработке внешнеполитических решений.

ГЛАВА 1. ПРИЧИНЫ И МЕХАНИЗМЫ КРИЗИСА НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА

1.1. Неолиберальный проект и его альтернативы

Многие аналитики, в том числе и весьма далекие даже от компромиссных форм левого проекта, склонны объяснять кризис современного миропорядка практическим внедрением неолиберальных идей. Необходимо рассмотреть основные черты неолиберальной общественно-экономической модели и ее отличия от классического либерализма.

Исторически либерализм является мировоззрением «третьего сословия», которое под руководством буржуазии покончило с феодальным строем в странах Западной Европы. Для данной идеологии характерны следующие черты:

- отстаивание политических и личных прав человека (с опорой на естественное право или, реже, на неортодоксально понимаемый божественный авторитет);

- невнимание либо недостаточное внимание к социально-экономическим правам человека, которые, по мысли отцов-основателей движения, в «правильном» обществе обеспечиваются автоматически;

- идея правового демократического государства, основанного на общественном договоре (в конечном счете, на согласии управляемых и народном суверенитете), которое от превращения в тиранию предохраняют разделение властей («система сдержек и противовесов») и активность гражданского общества;

- утверждение «священного характера» частной собственности и отстаивание свободного рынка и свободной конкуренции автономных индивидов («социальных атомов») как оптимальной экономической модели;

- линейное, прогрессистское, монистическое понимание исторического процесса;

– рационализм, сциентизм, светскость, в прошлом часто принимавшие форму механистического (метафизического) материализма.

Разумеется, либерализм никогда не был монолитным течением общественно-политической мысли. Между его сторонниками уже несколько веков продолжаются острые дискуссии об идеальном общественном строе.

Некоторые теоретики (Ф. фон Хайек, К. Поппер и др.) делают акцент на спонтанном, стихийном характере общественной жизни при либерализме, поскольку никакая государственная или общественная инстанция неспособна учесть интересы, потребности и идеи всех граждан. Функционирование и развитие социума нельзя втиснуть в рамки формализованных процедур, подчинить централизованному планированию. С другой стороны, либерализму не чужд механистический подход к общественной жизни, которая должна быть подчинена требованиям разума и подробно разработанному законодательному регулированию, защищающему права граждан. Именно следование четко определенным, прозрачным и рациональным процедурам и алгоритмам является противоядием от злоупотреблений (непрозрачность, иррациональность и произвольное толкование законов – это как раз черты тиранического правления). И сегодня одни либералы понимают общество скорее как стихию, а другие – скорее как машину, хотя противопоставлять данные две точки зрения нельзя, речь здесь идет о разной расстановке акцентов.

В то же время либерализм подвергся значительному влиянию социализма и был вынужден интегрировать ранее игнорировавшуюся им проблематику социально-экономических прав человека. В итоге возник социал-либерализм, для которого центральной является идея социального государства. В Западной Европе действительно относительно успешно функционирует ряд государств такого типа, и здесь важно выяснить, какие выводы из этого нужно сделать. Сами либералы часто рассматривают данный опыт как подтверждение правильности их общественно-политической модели, способной брать у «конкурентов» лучшее и продуктивно его использовать. Марксисты, напротив,

утверждают, что поддержание «общества изобилия» на Западе возможно только за счет продолжающегося ограбления «третьего мира» через систему неокOLONиализма. Таким образом, буржуазная модель социального обеспечения – это аргумент против либерализма и капитализма. Интересно, что социальное государство подвергается нарастающей критике и со стороны людей, разделяющих основные ценности и принципы либерализма. Например, отмечают, что государство, сконцентрировав в системе социального обеспечения огромные ресурсы, может манипулировать ими, добиваясь от граждан политической лояльности. Желаящих поступиться правами и свободами в обмен на сытую и легкую жизнь может оказаться пугающе много, и это станет концом открытого общества. К. Поппер писал: «Даже если бы было верно, что централизованно планируемая государственная экономика выше основанной на свободном рынке, я бы выступил против централизованно планируемой экономики. Я бы выступил против нее из-за вероятности того, что она увеличит власть государства до уровня тирании»³⁸. Кроме того, чрезмерно раздутая социальная сфера угнетающе действует на национальную экономику, делая ее менее конкурентоспособной на международной арене: так, высокие налоги на бизнес снижают мотивацию и сужают возможности предпринимателей. Наконец, социальные гарантии привлекают в западные страны мигрантов, большинство из которых глубоко чужды ценностям принимающего общества и могут при тех или иных условиях открыто выступить против принятого в нем образа жизни.

В современном мире идут острые дискуссии между социал-либералами и неолибералами. Последних можно рассматривать как сторонников в основе своей классического либерализма, модернизированного и видоизмененного трудами Общества Мон-Пелерен и других научных объединений.

Британский социолог К. Крауч указывает, что либералы разных стран могут придерживаться диаметрально противоположных взглядов на один и тот

---

³⁸ Notturmo M. Hayek and Popper: On Rationality, Economism and Democracy / M. Notturmo. – London & New York: Routledge, 2014. – P. 58.

же вопрос. Так, либералы в странах Центральной и Восточной Европы, как правило, выступают за максимальную свободу рынков, а в США, напротив, – за широкое государственное регулирование экономики. Первые синтезируют левые и правые идеи, вторые – однозначно левые³⁹. Отчасти это вызвано различиями между европейской и американской историей. Североамериканские колонии Великобритании никогда не знали развитых форм феодализма, которые были главным объектом критики европейских либералов. Кроме того, рыночные экономики по-разному отреагировали на вызовы «Великой депрессии». В США был провозглашен «Новый курс», предусматривавший массивное вмешательство государства в экономику на основе кейнсианской теории управления спросом. Франция (ненадолго) и скандинавские страны приняли похожую модель⁴⁰. В нацистской Германии и милитаристской Японии локомотивом развития авторитарно управляемой экономики были государственные военные заказы. В долгосрочной перспективе данная стратегия, как известно, себя не оправдала. После Второй мировой войны в США распространилось мнение, что любые формы интервенционизма в экономике – уступка коммунистам. «Охота на ведьм», инициированная, среди прочих, американским сенатором Д. Маккарти, получила следующую оценку К. Крауча: «Защита экономического либерализма стала весьма нелиберальной»⁴¹. В итоге само понятие либерализма подверглось в США радикальному переосмыслению⁴². Критика кейнсианства справа отчасти основывалась на неверных исходных посылах, хотя не подлежит сомнению, что оно так и не выработало эффективную долгосрочную стратегию обуздания инфляции.

Люди, хотевшие, несмотря на описанные исторические перипетии, сохранить значительную часть классического либерального наследия, стали называть себя неолибералами, чтобы избежать путаницы. Неолиберализм

---

³⁹ Крауч К. Странная не-смерть неолиберализма / К. Крауч. – М.: Дело: РАНХиГС, 2012. – С. 21–22.

⁴⁰ Там же. – С. 24.

⁴¹ Там же. – С. 26.

⁴² Там же. – С. 26.

предполагает «базовое предпочтение рынка государству» и, более того, рассматривает рыночные механизмы как локомотив социального прогресса⁴³. При этом неолиберализм не был механическим повторением классических идей и простым отрицанием кейнсианства. Классический либерализм отводил государству роль «ночного сторожа», гарантирующего гражданам только соблюдение минимального набора прав и предоставляющего остальное гражданскому обществу и рыночным механизмам. «Великая депрессия» доказала, что предельно свободные рынки рано или поздно приходят к саморазрушению, которому «ночной сторож», за недостатком полномочий и инструментов влияния, помешать не может. Был сформулирован идеал государства всеобщего благосостояния, непосредственно защищающего социально-экономические права граждан и ради этого активно вмешивающегося в экономику. Интервенционизм, десятилетиями дававший хорошие результаты, в долгосрочной перспективе оказался неспособен обуздать инфляцию⁴⁴, что сделало его уязвимым для атак неолибералов. Последние отвергали модель государства всеобщего благосостояния, однако, разумеется, стремились избежать повторения мирового экономического кризиса 1929-1933 гг. Ответом на данное затруднение стал так называемый «ордолиберализм» – учение, согласно которому государство может вмешаться в функционирование рыночной экономики только при угрозе ее саморазрушения. Данная концепция предполагала ослабление государственного контроля над финансовым сектором⁴⁵, ставшее одной из причин начавшегося в 2008 г. мирового финансового кризиса. С другой стороны, неолибералы считали, что низкий уровень безработицы – это просто черта здоровой экономики, которую нельзя делать непосредственной политической целью⁴⁶. Судьба людей, «не вписавшихся в рынок», при таком подходе оставляется без внимания. Снижение государственных расходов,

---

⁴³ Крауч К. Странная не-смерть неолиберализма / К. Крауч. – М.: Дело: РАНХиГС, 2012. – С. 28.

⁴⁴ Там же. – С. 37–38.

⁴⁵ Там же. – С. 41.

⁴⁶ Там же. – С. 40.

реальных зарплат, налогов на бизнес, разумеется, принесло капиталистам непосредственную экономическую выгоду. С другой стороны, частичный демонтаж социального государства предрешил нынешний системный кризис, поскольку он подрывал платежеспособный спрос.

Немецкий ученый У. Бек по целому ряду пунктов согласен с изложенной характеристикой. По его мнению, капиталистическая глобализация при господстве ТНК⁴⁷ – важнейшая причина кризиса демократии и социального государства⁴⁸, дальнейшей поляризации мирового населения по уровню доходов⁴⁹. Она размывает национальный суверенитет⁵⁰ – многовековую основу международных отношений. Выходом из тупика является восстановление подлинно демократических механизмов управления уже на транснациональном уровне⁵¹ («инклюзивная Европа» как «политический укротитель экономической глобализации»⁵²). Сохранение же существующих тенденций приведет к антиутопии⁵³. У. Бек глубоко знает произведения К. Маркса, неоднократно указывает на внутренние противоречия позднего капитализма. Однако в рекомендательной части работы он неявно приписывает ЕС свободу действий, которой тот не может обладать в рамках существующей мир-системы. Соответственно, политическая программа немецкого эксперта отмечена печатью утопизма. За без малого два десятилетия после выхода книги в свет Брюссель ожидаемо ничего не сделал для ее реализации.

Для реальной неолиберальной экономики характерно господство крупных корпораций. Интересно, что в США было рано принято антимонопольное законодательство, однако юристы быстро нашли способы до известной степени обходить его (создание холдингов и т. п.). Согласно неолиберальной

---

⁴⁷ Бек У. Что такое глобализация? / У. Бек; пер. с нем. А. Григорьева и В. Седелника. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 10.

⁴⁸ Там же. – С. 19.

⁴⁹ Там же. – С. 20.

⁵⁰ Там же. – С. 12.

⁵¹ Там же. – С. 272.

⁵² Там же. – С. 270.

⁵³ Там же. – С. 276–278.

модели, большой бизнес может влиять на функционирование рынка только через ценовой механизм⁵⁴, не прибегая к внерыночным рычагам. В реальности в экономике развитых капиталистических стран господствуют монополии и олигополии, которые ограничивают, парализуют действие рыночных механизмов и самим своим существованием, и политическими средствами, и попытками преодолеть анархию производства, расширяя сферу и увеличивая масштабы планирования.

В практическом смысле под неолиберализмом можно понимать господствующую идеологию позднекапиталистического общества, призванную охранять существующие в нем отношения власти и собственности и, более того, представлять их общественному сознанию как естественные и справедливые. Делать это с каждым годом становится все труднее.

Представляет немалый научный интерес характеристика, которую в книге «Правые и неправые» дал неолиберализму американский консервативный политик П. Бьюкенен. Его претензии к данному строю можно суммировать следующим образом:

– (нео)либеральная политика свободной торговли делает отечественного производителя беззащитным перед глобальной конкуренцией и ведет к размыванию национального промышленного потенциала⁵⁵;

– она противоречит принципу равенства людей перед законом (американскому бизнесмену достаточно перенести производство в Китай, если американские правовые нормы кажутся ему обременительными, а оставшиеся будут вынуждены их соблюдать)⁵⁶;

– с либеральной точки зрения, общество – это механический набор «социальных атомов», объединяемых лишь законами, а не ценностями и органическими связями, такая трактовка подрывает саму идею национального государства⁵⁷;

---

⁵⁴ Крауч К. Странная не-смерть неолиберализма / К. Крауч. – М.: Дело: РАНХиГС, 2012. – С. 41.

⁵⁵ Бьюкенен П. Правые и не-правые / П. Бьюкенен; пер. с англ. К. Ковешникова. – М.: АСТ: АСТ Москва: Транзиткнига, 2006. – С. 217–221.

⁵⁶ Там же. – С. 239.

⁵⁷ Там же. – С. 219.

– либералы ниспровергают традиционные ценности⁵⁸;

– под влиянием либеральных идей Республиканская партия США перешла от истинного консерватизма к безответственной псевдоконсервативной политике, предполагающей увеличение расходов госбюджета при одновременном сокращении налогов⁵⁹, а также продолжающееся расшатывание традиционных ценностей⁶⁰.

Разумеется, оценка П. Бьюкенена обусловлена его политической ориентацией с ее неизбежными ограничениями, однако некоторые его выводы, несомненно, общезначимы. Если для данной экономической системы императивом является максимизация прибыли, она с легкостью пожертвует любым своим элементом, если это выгодно ей как целому. Таким «элементом» может оказаться отдельный работник со своей семьей, предприятие, отрасль экономики или даже целая национальная экономика. Американские законы, касающиеся минимальной зарплаты, социального обеспечения и охраны окружающей среды, снижают прибыль капиталистов. Неудивительно, что они отстаивают политику свободной торговли и активно переносят свои производства за рубеж, понимая, что это со временем обернется крахом для американской национальной экономики (у них перед глазами показательный пример, поскольку Великобритания уже прошла данный путь в XIX-первой половине XX в.). Когда ситуация станет критической, «штаб» мировой экономики просто окончательно переместится из США в другое место (скорее всего – в Восточную Азию) и извлечение прибыли продолжится, несмотря на перемену внешних условий.

Неолиберальное видение политики и экономики несостоятельно не только в упомянутом отношении. Сторонники данной идеологии рассматривают общество как совокупность изолированных «социальных атомов», объединенных и взаимодействующих сугубо внешним образом⁶¹. При

---

⁵⁸ Там же. – С. 263, 296–299, 302–303.

⁵⁹ Там же. – С. 252–255.

⁶⁰ Там же. – С. 343–344.

⁶¹ Корнфорт М. Диалектический материализм. Введение / М. Корнфорт. – М.: Издательство иностранной литературы, 1956. – С. 42–43.

таким подходе гражданам государства достаточно общих законов, общие интересы, цели и ценности не обязательны. По мнению отцов английской классической политической экономии – А. Смита и Д. Рикардо, – индивид в условиях свободного рынка служит обществу помимо своей воли: для этого ему достаточно просто преследовать свои эгоистические цели, не нарушая существующих законов. Опыт свидетельствует, что такой подход является в корне неправильным. Общество, лишенное чувства солидарности, абсолютизирующее юридический аспект человеческих взаимоотношений, оказывается беззащитным перед более мотивированными или просто более воинственными конкурентами. Это хорошо видно на примере миграционного кризиса, охватившего современную Западную Европу. Вышесказанное прекрасно согласуется с оценкой американского теоретика цивилизаций К. Куигли. Еще в 1960-х гг. он говорил, что Запад, добившийся огромных успехов в военной, экономической и интеллектуальной сферах, отстал от других цивилизаций в социальной и религиозной.

Анализ П. Бьюкенена проливает свет на альтернативы неолиберальному проекту. Он подвергается как консервативной критике справа, так и (нео)марксистской критике слева, причем, как ни странно, у первой и второй есть целый ряд точек соприкосновения. Неомарксисты также критикуют идею свободной торговли, видя в ней творение буржуазных политэкономов, ограниченное условиями места и времени. Разумеется, (нео)марксист должен отрицательно оценивать тот факт, что современная мировая экономика позволяет богатому Северу через несимметричный товарообмен, ТНК и кабальные кредиты эксплуатировать бедный Юг и не дает последнему возможности защитить себя протекционистскими мерами. Кроме того, для последователя К. Маркса неприемлемы нарушения прав трудящихся Севера, теряющих работу из-за переноса производств за рубеж, а также близкое к рабскому положение многих жителей Юга. Кардинальное улучшение ситуации на Юге, по понятным причинам, обрушило бы все здание неолиберальной мировой экономики. Наконец, для социалистической

экономики, находящейся в капиталистическом окружении, политика свободной торговли еще более губительна, поскольку означает быстрое принудительное втягивание данного государства на периферию мир-системы и утрату всех завоеваний социализма.

Также важно отметить, что сторонники материалистической диалектики разделяют с П. Бьюкененом неприятие механистического подхода к общественной жизни и признание важности солидарности. Классики марксизма, как известно, раскритиковали предшествующие формы материализма за созерцательность и метафизический характер. «Придерживаясь своего абстрактного, механистического взгляда на людей, как на социальные атомы, прогрессивные механисты пытались решить абстрактным образом вопрос о том, какая форма общества была бы наилучшей для человечества, что лучше всего соответствовало бы абстрактной человеческой природе, такой, как они ее представляли»⁶².

Впрочем, далеко не все формы критики неолиберализма слева действительно полезны. Об этом хорошо написал словенский философ-фрейдомарксист С. Жижек. «Что касается этой радикальной моды, то идеологи и практики «третьего пути» заслуживают уважения: они, по крайней мере, играют по правилам и честно признают глобальные капиталистические координаты в отличие от псевдорадикальных университетских левых, презирующих «третий путь», в то время как их собственная радикальность является в конечном счете пустым, ни к чему не обязывающим жестом»⁶³.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что неолиберальная модель мироустройства не является безальтернативной, хотя ее сторонники пытаются доказать обратное, прибегая, в частности, к манипуляциям многозначными терминами. Одну из таких манипуляций позволяет вскрыть анализ термина «глобализация» С. Б. Переслегиным. «Термином «глобализация» принято обозначать три совершенно разных понятия:

---

⁶² Там же. – С. 43.

⁶³ Жижек С. 13 опытов о Ленине / С. Жижек. – М.: Ад Маргинем, 2003. – С. 23.

1. ...Глобализация есть политика предельного снижения транзакционных издержек во имя вовлечения в индустриальное производство/потребление последних остатков свободного экономического пространства Ойкумены. ...Эта составляющая процесса глобализации носит естественный и объективный характер.

2. Глобализация – это процесс социокультурного перемешивания... Эта составляющая носит смешанный характер...

3. Глобализация – это проект мирового переустройства, направленный на закрепление господства Запада (и прежде всего, США) над остальным миром. Эта составляющая, несомненно, носит проектный характер»⁶⁴.

Неолибералы сначала доказывают неизбежность глобализации как следствия «закрытия» мирового пространства⁶⁵, а потом смешивают первое и третье значения термина, что позволяет «обосновать» неотвратимость торжества «Американского мира». Теоретики, использующие такую аргументацию, часто не учитывают, что истинные творцы и руководители неолиберального проекта дорожат Pax Americana не больше, чем они в свое время дорожили Pax Britannica. Как уже указывалось выше, «штаб» мировой экономики – структура мобильная («западный перенос», закон Брукса Адамса⁶⁶), хотя, разумеется, перемещать его в пространстве без крайней нужды не будут. Кроме того, те, кто действительно контролирует мировую экономику (насколько столь сложное, динамичное и противоречивое целое вообще поддается контролю), готовы пожертвовать любым государством, если это сулит большую выгоду, чем его сохранение. США долгое время были защищены от такого вмешательства, поскольку могли эффективно отстаивать интересы транснациональных элит, однако ситуация уже изменилась. Систему доллара поразил кризис, окрепли силы, выступающие за глубокую

---

⁶⁴ Переслегин С. Б. Возвращение к звездам. Фантастика и эволюция / С. Б. Переслегин // Philosophy. – М.: АСТ: АСТ Москва; СПб.: Terra Fantastica, 2010. – С. 500.

⁶⁵ Гаджиев К. С. Геополитика: учеб. / К. С. Гаджиев // Основы наук. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2011. – С. 13.

⁶⁶ Переслегин С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске / С. Б. Переслегин // Philosophy. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2005. – С. 130.

трансформацию мировой экономики (в первую очередь, страны БРИКС), попытки США применить стратегию управляемого хаоса уже не так эффективны, как раньше, что особенно хорошо видно на примере сирийского и украинского кризисов. Начавшиеся в США конфликты вокруг фигуры экс-президента Д. Трампа, истории Гражданской войны 1861-1865 гг. и проблемы расизма можно рассматривать как указание на недовольство мирового капитала Вашингтоном, которому все труднее дается поддержание современной мир-системы.

Необходимо с учетом вышеизложенного очертить основные альтернативы неолиберальному проекту:

1) Консервативные ответы на вызовы позднего капитализма не всегда оказываются на высоте поставленной задачи, однако следует отметить и наличие ряда положительных примеров. Часть консерваторов призывает вернуться к докапиталистическим общественно-экономическим моделям: здесь можно вспомнить идеализацию Средневековья в некоторых произведениях Г. К. Честертон и буколические фантазии романтиков. С другой стороны, сам термин «консерватизм» по необходимости объединяет множество разнообразных течений, стремящихся к сохранению тех или иных существующих порядков («классический» вариант) или реставрации того, что уже стало достоянием истории (консервативная революция). Соответственно, нельзя оценивать данное течение общественно-политической мысли исключительно по его крайним проявлениям. Критика неолиберализма, данная П. Бьюкененом, отличается как конструктивностью, так и ориентацией на будущее. Впрочем, предложенные им конкретные меры (вернуть консерваторам Республиканскую партию, восстановить влияние Конгресса, покончив с произволом судебной власти в США и т. д.) так и не были реализованы, и на это есть глубинные, структурные причины. По-видимому, здесь имеет место то, о чем говорили классики марксизма: многие порочные общественно-экономические системы не поддаются плавному, относительно безболезненному реформированию: они рано или поздно рушатся под

бременем внутренних противоречий. С другой стороны, пока хватает сил, они эффективно «отсеивают» людей, которые хотят, изменив их характер, помешать им шагать к пропасти.

Общая, по необходимости предварительная оценка консерватизма представляет существенные трудности. Как уже отмечалось, выбор объекта охранения или реставрации в каждом случае обусловлен историческим прошлым, традициями, культурной спецификой конкретного народа. Американский консерватор – поборник «старой республики», русский – византизма, английский – парламентской монархии с сильной аристократией. Даже если значительно сузить тему и рассмотреть только сторонников абсолютизма, сразу обратят на себя внимание большие различия, например, между «старым режимом» во Франции и эпохой Николая I в России.

Тем не менее, консервативные партии разных стран часто имеют много общего. Их роднят как аксиологические представления и вытекающие из них политические цели, так и, с неизбежными оговорками, стратегия и тактика. Это особенно заметно, если рассматриваемые партии действуют в странах, характеризующихся известной общностью культурной (в частности, религиозной) традиции (христианство и античное влияние в России и Германии).

Консервативный ответ на острые вопросы современности во многом опирается на социально-культурные феномены, задававшие жизненные форматы людей до буржуазных революций, – религию, сословность, общинность и вообще представления о допустимых социальных ролях, так или иначе восходящие к доиндустриальному общественному укладу. Данная политическая программа не может быть опровергнута тривиальными, лежащими на поверхности соображениями. Ее нужно внимательно изучить, чтобы аргументированно определить степень актуальности консервативного послания в эпоху постмодерна.

Таким образом, целый ряд традиционалистских концепций (как российских, так и западных) весьма важен для всестороннего исследования

заявленной темы, однако их подробное рассмотрение выходит за рамки задач работы.

Завершая анализ консервативной альтернативы, следует сделать еще одно замечание. Фундаменталистские движения являются, во-первых, псевдоконсервативными (их представления о прошлом несостоятельны), во-вторых, непроектными (у них нет позитивной программы действий).

2) (Нео)марксизм характеризуется четко оформленным концептуальным фундаментом и методологической строгостью. Ленинская теория империализма, труды И. Валлерстайна и А. Г. Франка содержат научно состоятельное описание и объяснение того, как устроена и функционирует мировая капиталистическая экономика. С другой стороны, предлагаемые методы и цели ее трансформации вызывают ряд возражений. Марксизм уже пережил несколько кризисов, связанных с вынужденной переоценкой его стратегии и тактики. Капитализм проявил удивительную способность интегрировать, включать в свою систему политические движения, которые, казалось, грозили ему гибелью. Европейские социал-демократы, изначально стоявшие на революционных позициях, в большинстве своем пришли к реформизму, ревизионизму и компромиссу с буржуазией («точкой невозврата» для движения в целом стал 1914 год). Сегодня западные социал-демократические и социал-либеральные партии представляют собой вполне системные политические силы, нисколько не угрожающие основам капиталистического строя.

Уже в начале 1920-х гг. стало ясно, что надежды на быстрое осуществление мировой революции не оправдались. Баварская и Венгерская советские республики пали, Советская Россия потерпела поражение от Польши, буржуазия крупнейших капиталистических стран сумела сохранить власть. После данных событий советская внешняя политика приобрела черты непоследовательности: Коминтерн продолжал транслировать идею мировой революции, а наркомат иностранных дел СССР проводил политику мирного сосуществования стран с разным общественным строем. Многие западные

марксисты (А. Грамши и др.) пришли к выводу, что с капитализмом покончит не вооруженное выступление пролетариата, а тихая, незаметная работа интеллектуалов, захватывающих «командные высоты» буржуазной культуры и морали и подрывающих их изнутри. В. И. Ленин, в свое время потрясенный «социал-шовинизмом» бывших соратников, дал другой ответ. Он призвал усилить революционную работу в колониях, полуколониях и на зависимых территориях. По его мысли, один из главных ударов империализму должны были нанести национально-освободительные движения под красными флагами. Организация же революции в развитой капиталистической стране признавалась делом гораздо менее перспективным, поскольку ее буржуазия делилась доходами от эксплуатации колоний с рабочими метрополии и тем покупала их лояльность или хотя бы пассивное согласие (современный неоколониализм сильно модифицировал данный принцип).

Ленинские теория империализма и учение о социалистической революции образуют неразрывное единство. В. И. Ленин одним из первых дал подлинно научный анализ империализма. Другие нередко сводили данное общественное явление только к определенному типу политики – колониализму, подчинению аграрных областей индустриальными (К. Каутский), – игнорируя его экономические корни. Ленин же подчеркивал: «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами»⁶⁷. То есть, империализм к основному противоречию капитализма добавляет еще одно – между рыночными механизмами и монополиями. В. И. Ленин, в отличие от Д. Гобсона, считал, что империализм – это закономерное, неизбежное явление и что устранить его можно только революционным путем, а не проведением реформ. Такой ход рассуждения логически подводил

---

⁶⁷ Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма (популярный очерк) / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. 5-е изд. – Т. 27. – С. 387.

мыслителя к поиску тенденций, внутренне присущих самому империализму и неизбежно ведущих его к краху. Они имеют как внешний, так и внутренний по отношению к отдельным государствам характер. С одной стороны, экономические кризисы и безработица – неизменные спутники капитализма, а накал классовой и национально-освободительной борьбы со временем нарастает в эксплуататорском обществе. С другой – все более жесткой становится конкуренция международных монополистических объединений за рынки и ресурсы, нередко выливающаяся в империалистические войны⁶⁸. Мир-система, создающая такие проблемы просто в силу своей природы, с неизбежностью движется к скачкообразной трансформации. Впрочем, марксизм не настаивает на насильственном характере такого преобразования. Только анализ конкретно-исторических условий и расстановки классовых сил позволяет предсказать, будет ли свержение капитализма в той или иной стране сопряжено с насилием или нет.

Ленинская стратегия антиколониальной борьбы принесла плоды в Китае, Вьетнаме, Северной Корее и на Кубе, однако во многом это был лишь временный успех. «Четыре модернизации Китая», провозглашенные Дэн Сяопином в 1979 г., означали, с точки зрения классического марксизма, перерождение революции (из социалистического лагеря Китай вышел еще раньше).

Растущие расхождения между официальной идеологией и реальным общественным строем КНР неоднократно обращали на себя внимание экспертов, хотя их формулировки часто достаточно расплывчаты. В частности, российский специалист В. Петровский отмечает: «Мы увидим совершенно новую китайскую экономику, мы увидим совершенно новую политическую систему, внутри которой коммунистическая идеология не будет доминирующим элементом. ... Китай возвращается к своим культурным корням, к конфуцианской этике ... С точки зрения политической системы мы

---

⁶⁸ Краткий очерк истории философии / под ред. М. Т. Иовчука, Т. И. Ойзермана, И. Я. Щипанова. – 2-е изд., переработ. – М.: Мысль, 1971. – С. 604.

увидим, я думаю, конвергированную модель, и будет очень сложно определять ее как социализм или капитализм»⁶⁹. Также ученый предсказывает дальнейшее укрепление китайского среднего класса, которое вызовет известную степень «американизации» всего общественного уклада страны (формирование «общества потребления», рост политической активности зажиточных слоев населения и т. д.)⁷⁰. Однако это уже не социализм и не «третий путь», а локальная форма капитализма со своей культурно-исторической спецификой. Интересно, что, например, XIX съезд КПК анализируется целым рядом авторов в терминах прагматизма и геополитики, с вынесением за скобки собственно идеологической проблематики⁷¹.

Колониальная эксплуатация периферии «центром» сменилась неоколониальной – не менее жестокой, однако более безответственной. Колониальные империи принимали ответственность за поддержание порядка на покоренных землях и, в минимальной степени, развитие их народов. При неоколониализме можно не делать и этого, ведь формально за жителей «третьего мира» отвечают правительства юридически (однако не фактически) независимых государств. Наконец, викторианская Англия использовала доходы от колоний для обеспечения социального прогресса у себя дома, а сегодня в разной степени и в разной форме деградируют все «этажи» мировой экономики.

Яркую характеристику неоколониальной эксплуатации дал в 2004 г. председатель Государственного совета Республики Куба Фидель Кастро Рус: «В бедных странах живет 85 процентов мирового населения, но их участие в международной торговле составляет только 25 процентов.

Внешний долг этих стран в 1964 году ... был около 50 миллиардов долларов. Сегодня он достигает цифры в 2,6 триллиона.

---

⁶⁹ Петровский В. Е. Как изменится китайский коммунизм в будущем? / В. Е. Петровский // Российский совет по международным делам. – URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/kak-izmenitsya-kitayskiy-kommunizm-v-budushchem/> (дата обращения: 27.11.2018).

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Косырев Д. Е. Китайский съезд: калибровка сверхдержавности / Д. Е. Косырев // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/analytics/20171024/1507427460.html> (дата обращения: 27.11.2018).

Между 1982 и 2003 годами, то есть за 21 год, бедный мир выплатил 5,4 триллиона долларов за обслуживание долга, что означает, что его теперешний объем был выплачен богатым странам более чем вдвое.

...То, что третий мир получил как официальную помощь развитию в прошлом, 2003 году, равнялось 54 миллиардам долларов. В том же году бедняки заплатили богачам 436 миллиардов за обслуживание долга»⁷².

Советский Союз сделал значительный вклад в демонтаж колониальной системы, однако не смог предотвратить становление неокOLONИализма. Концепция «красного империализма» несостоятельна, поскольку Москва дотировала зависимые от нее страны себе в убыток, не получая от своего преобладания финансовой выгоды, что, конечно же, не отменяло выгод геополитических.

В 1991 г. СССР рухнул, что было сильнейшим ударом для коммунистической идеологии в глобальном масштабе. Впрочем, есть серьезные основания полагать, что это произошло из-за отхода от принципов социализма, а не из-за их ошибочности. Ввиду непростой судьбы левой идеи в XX в., неудивительно, что сегодня критический компонент (нео)марксизма ценится гораздо выше рекомендательного. Тем не менее, данное идейное течение остается актуальной альтернативой неолиберальному проекту.

3) Сегодня неолиберализм нередко критикуют сами либералы, говорящие о необходимости уравновесить свободу ответственностью, а автономию индивида – прочными социальными связями. Также необходимо избавить либеральную демократию и рыночную экономику от социал-дарвинистских тенденций и адаптировать их к экологическим требованиям современности. Есть люди, трезво оценивающие пороки неолиберального проекта и даже причиняемый им вред, однако полные решимости сохранить идейное наследие европейских буржуазных революций и эпохи Просвещения.

---

⁷² Кастро Ф. Послание XI конференции Объединенных Наций по торговле и развитию / Ф. Кастро // Fidel. Soldado de las Ideas. – URL: <http://www.fidelcastro.cu/it/node/58483> (дата обращения: 23.09.2017).

4) Сложно сказать, следует ли рассматривать теории постиндустриального (когнитивного, информационного) общества как альтернативу неолиберальному проекту. На то есть несколько причин. Так, термин «постиндустриализм» допускает двоякую расстановку акцентов. С одной стороны, постиндустриальной называют экономику, в которой основная часть трудящихся занята в сфере услуг, а не в промышленности и сельском хозяйстве. С другой – данный термин может выступать практически как синоним терминов «информационный» и «когнитивный» и обозначать общество, в котором все стороны жизни революционизированы новыми информационно-коммуникационными технологиями, наука и техника в целом развиваются невиданными темпами и играют все более значимую социальную роль. Впрочем, целый ряд теорий интегрирует оба аспекта как равноправные и тесно взаимосвязанные. Логика здесь следующая: сегодня трудоемкость сельского хозяйства и промышленности снижается, а влияние науки на общественную жизнь растет, сочетание данных двух факторов вызывает перетекание трудовых ресурсов в третичный сектор экономики. Однако следует помнить, что научно-технический прогресс является локомотивом не только материального, но и духовного производства. Иными словами, наука ускоряет свое собственное развитие, снижает трудоемкость самого познавательного процесса. За счет чего, в таком случае, включается упомянутый «кадровый пылесос»?

«Экономика услуг» отнюдь не вызывает симпатий у многих ученых. Чрезмерное расширение сферы услуг в развитых странах в большой степени обусловлено тем, что они перенесли часть своей промышленности на зависимую от них периферию мирового капитализма: это не «светлое будущее», а просто верхний этаж пирамиды неокOLONиальной эксплуатации. Кроме того, некоторые виды услуг являются ярким примером социальной энтропии: здесь можно вспомнить непомерно большую армию юристов в США и тех торговых посредников, которые просто паразитируют на

производителе и конечном потребителе, без нужды (с точки зрения общественной пользы) вклиниваясь между ними.

Теории же, подчеркивающие второй аспект, заслуживают более пристального изучения, хотя их соотношение с неолиберальным проектом остается невыясненным. Их сторонники предрекают изобилие, преодоление пороков индустриальной цивилизации, демократизацию политической и общественной жизни. Например, американский футуролог Э. Тоффлер в книге «Метаморфозы власти» отмечает, что традиционные источники власти (сила и богатство) все больше зависят от знания – ресурса, который, в отличие от вышеназванных, не может монополизировать тонкая элитарная прослойка. Отсюда ученый делает вывод, что становление информационного общества неизбежно будет сопровождаться (и даже уже сопровождается) широкой демократизацией, сломом авторитарных и тоталитарных властных структур. «Революционно новая составляющая – переворот, созданный новой системой производства материальных ценностей; он проходит в условиях общественно необходимого порядка. Ибо новое заключается в том, что, когда страны совершают переход к передовой, суперсимволической экономике, они нуждаются в усилении горизонтальной саморегуляции и ослаблении контроля сверху. Попросту говоря, тоталитарное управление душит развитие экономики»⁷³.

Российский политолог и философ С. Б. Переслегин пишет в книге «Самоучитель игры на мировой шахматной доске», что фазовый переход предполагает коренную перестройку всей общественной жизни, в том числе и управления. «Изменение фазы развития подразумевает перенастройку всей совокупности общественных связей (личных, профессиональных, конфессиональных и пр.), что означает, в частности, полный слом не только юридической системы, но и положенной в ее основу морали»⁷⁴. Неолиберализм (как и, например, коммунизм) – это порождение

---

⁷³ Тоффлер Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер // Philosophy. – М.: АСТ, 2003. – С. 573.

⁷⁴ Переслегин С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске / С. Б. Переслегин // Philosophy. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2005. – С. 503.

индустриальной социальной ткани, неспособное пережить ее превращение в нечто качественно иное. Продуктивно рассуждать о будущем по ту сторону фазового барьера можно только в имманентной ему логике, простая экстраполяция существующих тенденций не позволяет увидеть главного⁷⁵. Неoliberalизм – идеология сугубо инерционная, поэтому он исторически обречен.

Таким образом, теории Э. Тоффлера и С. Б. Переслегина можно рассматривать как «дорожные карты», на которых отмечены пути выхода из неолиберального тупика.

Впрочем, марксисты часто относятся к теориям информационного общества скептически, резонно отмечая, что никакие научно-технические революции сами по себе не устраняют фундаментального противоречия между людьми наемного труда и собственниками средств производства. Наивно думать, что капитализм, вооруженный персональными компьютерами, новейшими нано- и биотехнологиями, потеряет свою эксплуататорскую сущность. Исторический опыт свидетельствует как раз об обратном: повышение производительности труда при капитализме положительно сказывается на прибыли капиталиста, а не на уровне жизни или условиях труда рабочих (за редкими исключениями). На материале британской промышленности это прекрасно показал Поль Лафарг в работе «Право на лень»⁷⁶. Также показательно в данной связи движение луддитов, хорошо понимавших, что введение новых машин вызывает, с одной стороны, рост безработицы, а с другой – усиление эксплуатации. С марксистской точки зрения, теоретики информационного общества стараются замаскировать основное противоречие капитализма, превознося новшества, которые при сохранении эксплуататорского строя не сулят трудящимся кардинальных перемен к лучшему и могут даже ухудшить их положение.

---

⁷⁵ Там же. – С. 508–510.

⁷⁶ Лафарг П. Право на лень. Религия капитала / П. Лафарг. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – С. 6–10.

1.2. Социально-экономический аспект проблемы

Есть два основных способа изучения общественных и природных явлений: метафизический и диалектический. Первый предполагает рассмотрение явлений окружающего мира изолированно и в статике, второй – во взаимосвязи, взаимодействии и динамике. Соответственно, для метафизика объекты взаимодействуют только внешним образом и причины всех изменений также имеют, в конечном счете, сугубо внешний характер. Диалектик же глубже проникает в сущность вещей, исследуя самодвижение материи, вызываемое единством и борьбой противоположностей, внутренними противоречиями природных процессов, общественно-экономических систем и т. д. Данный подход необходимо применить и к анализу неолиберального проекта. Несомненно, в мире существуют силы, не вполне «переваренные» современной мировой экономикой и отвергающие фундаментальные принципы ее функционирования, однако исторический опыт свидетельствует, что внешний удар, как правило, является фатальным только для систем, уже подточенных внутренними противоречиями. К их изучению и следует обратиться.

В науке распространено мнение, согласно которому кризис индустриальной фазы развития вызван исчерпанием свободного экономического пространства на земном шаре. Резонно указывается, что индустриальная экономика имеет кредитный характер, что делает ее принципиально неравновесной: она не может достичь гомеостаза и либо расширяется, либо рушится⁷⁷. Действительно, существует достаточно очевидная корреляция между «закрытием» мирового пространства в начале XX в., вступлением капитализма в империалистическую фазу развития и «Великой депрессией» 1929-1933 гг. Здесь можно провести простой мысленный эксперимент: что было бы, если бы ойкумена – заселенная и

---

⁷⁷ Переслегин С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске / С. Б. Переслегин // Philosophy. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2005. – С. 488.

освоенная человеком часть земной поверхности – была в десять раз больше (тогда и размеры Земли были бы другими)? Очевидно, что появление дополнительного свободного экономического пространства только перенесло бы системный кризис на более поздний срок, но ни в коем случае не отменило бы его. При анализе заявленной нами темы следует сосредоточиться не на внешних факторах, ограничивающих пространственную экспансию системы, а на более подробном выяснении, почему данное ограничение столь критично для нее. Еще К. Маркс дал непротиворечивое объяснение функционирования капиталистической экономики как замкнутой системы. Разумеется, реальные капиталистические экономики никогда не были замкнутыми: уже первые из них при своем появлении застали достаточно развитый международный рынок, а колониальная экспансия Запада (с вывозом товаров и капитала на покоренные земли) началась еще при господстве феодальной формации. Однако главное то, что построенная Марксом модель непротиворечива и хорошо обоснована фактами, а его упрощения и абстракции соответствуют современным критериям научной достоверности. Хотя реальный капитализм всегда осуществлял территориальную экспансию, нет логически необходимой связи между ее отсутствием или даже невозможностью и, с другой стороны, крахом системы. Следовательно, причины кризиса неолиберального проекта нужно искать в другом месте – в неизбежном нарастании его внутренних противоречий. Так, для производства материальных благ нужны согласованные усилия все большего количества людей, осуществляющих все более сложную деятельность, а круг лиц, присваивающих себе прибавочную стоимость, остается весьма узким. Противоречие между свободной конкуренцией и монополиями дополнительно усложняет ситуацию⁷⁸. Также необходимо отметить, что монополист может даже тормозить научно-технический прогресс, поскольку в его положении это может оказаться выгодным⁷⁹, что при позднем капитализме бурно развивается слой рантье,

---

⁷⁸ Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма (популярный очерк) / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. 5-е изд. – Т. 27. – С. 385–386.

⁷⁹ Там же. – С. 397.

увеличивающий социальную энтропию⁸⁰. Наконец, на высшей стадии капитализма обостряются противоречия между ведущими державами, что, впрочем, известно не только из ленинского анализа, но и из произведений отцов-основателей геополитики.

Неомарксизм критически переосмыслил творческое наследие Маркса, Энгельса и Ленина. Многие представители данного направления отвергали официальную советскую идеологию, среди них было нередким и критическое отношение к ленинскому вкладу в философию и политэкономии. Вершиной неомарксистской мысли стал мир-системный анализ. Данный подход к изучению общества продолжает получать противоречивые оценки. Некоторые видят в нем прямое продолжение ленинской теории империализма, другие – полемику с ней, ее критику. Данную теорию необходимо внимательно изучить, поскольку она представляет собой доказательный и обстоятельный разбор современного состояния глобального капитализма. Приблизительно в 1945-1970 гг. в науке велись четыре теоретические дискуссии, результаты которых составили идейный фундамент мир-системного анализа:

1) были разработаны концепция «ядро-периферия» и целый спектр теорий зависимости (И. Валлерстайн рассматривает ядро и периферию глобальной экономики, в первую очередь, как два разных, взаимно соотнесенных типа производственных процессов);

2) было вновь введено в научный оборот и творчески переосмыслено представление о самостоятельном азиатском способе производства, противоречившее линейной схеме исторического развития, на которой настаивал исторический материализм в его официальной советской интерпретации;

3) возобновились споры о механизмах перехода от феодализма к капитализму, о неизбежности данного процесса, о роли в нем внешних и внутренних факторов, торговли и производства;

---

⁸⁰ Там же. – С. 397.

4) приобрела влияние выдвинутой школой «Анналов» концепция «тотальной истории»⁸¹.

Мир-системная теория настаивает на следующих основных посылах:

1) Основной единицей анализа должна быть мир-система, а не национальное государство. Здесь можно вспомнить критерий «постижимости», выдвинутый К. Куигли в книге «Эволюция цивилизаций». Цивилизация постижима в том смысле, что ее строение и функционирование можно достаточно полно объяснить без привлечения внешнего материала, исходя исключительно из нее самой. Отдельная культура, принадлежащая к той или иной цивилизации, не обладает данным преимуществом⁸². Точно так же и национальное государство, рассматриваемое изолированно, вне контекста соответствующей мир-системы, остается, по мнению неомарксистов, непостижимым.

2) Общество живет сразу в нескольких «временах». Наиболее важным из них является структурное, в котором возникают, развиваются и прекращают свое существование исторические системы. Последние делятся на мини-системы и мир-системы, вторые, в свою очередь, бывают двух видов: мир-экономики и мир-империи.

3) Границы между общественными науками носят искусственный характер и противоречат уже упоминавшейся установке на создание «тотальной истории»⁸³.

Анализируя исторические системы, И. Валлерстайн вводит понятие времени-пространства⁸⁴. Оно близко к получившей широкое распространение в отечественном литературоведении концепции хронотопа (М. Бахтин, А. Гуревич). М. Бахтин определяет хронотоп как «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в

---

⁸¹ Wallerstein I. World-systems analysis. An introduction / I. Wallerstein. –Durham & London: Duke University Press, 2004. – С. 11–15.

⁸² Quigley C. The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis / C. Quigley. – Indianapolis: Liberty Press/Liberty Fund, 1979. – P. 71–75.

⁸³ Wallerstein I. World-systems analysis. An introduction / I. Wallerstein. –Durham & London: Duke University Press, 2004. – P. 16.

⁸⁴ Там же. – P. 22.

литературе»⁸⁵. В поэтике хронотоп – это среда, система координат, с которой органически связаны те или иные герои произведения. Время-пространство в мир-системном анализе – это социальная ткань, в которую включены люди и которая имеет два неразрывно связанных измерения – географическое и хронологическое.

Таковы концептуальные основы мир-системного подхода. В контексте заявленной темы необходимо выделить два его элемента: идею неравного торгового обмена (Р. Пребиш) и представление о «развитии недоразвитости» (А. Г. Франк).

Необходимо подробно рассмотреть, почему торговля развитых капиталистических стран с «третьим миром» неизбежно предполагает систематическое присвоение первыми ресурсов последнего, то есть отношения эксплуатации. Наиболее распространено следующее объяснение: одни производственные процессы контролируются монополиями, другие регулируются рыночными механизмами. Очевидно, что монополист получает большую прибыль, чем производитель, действующий в конкурентной среде. Это относится как к отдельным фирмам, так и к целым странам. Страны ядра – это монополисты глобальной экономики, пользующиеся своим положением, чтобы эксплуатировать подчиняющихся рыночной логике производителей периферии⁸⁶.

Идея «развития недоразвитости» проливает свет на истинную сущность неолиберальной концепции свободной торговли. Экономическая отсталость стран «третьего мира» объясняется, главным образом, не их собственными упущениями (которые, конечно же, имеют место), а целенаправленной политикой «ядра». Последнее, прикрываясь лозунгом свободной торговли, удерживает «командные высоты» в их экономиках и навязывает им путь

---

⁸⁵ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234.

⁸⁶ Wallerstein I. World-systems analysis. An introduction / I. Wallerstein. – Durham & London: Duke University Press, 2004. – P. 17–18.

«зависимого развития», иными словами – консервации недоразвитости на неопределенный срок⁸⁷.

Описанные механизмы эксплуатации продолжают функционировать, в том числе, и благодаря содействию компрадорских элит. Если же страна «третьего мира» (например, после политической революции) пытается переломить ситуацию, ей грозит «оранжевый» переворот или даже военное вторжение.

Чисто формальный характер суверенитета слаборазвитых стран очевиден, однако и сильнейшие государства мира в известном смысле оказались в незавидном положении. При колониализме доходы от эксплуатации заморских владений были локомотивом социально-экономического прогресса в метрополиях. Положение западных рабочих улучшалось, классовая борьба в странах «центра» не выходила за приемлемые для буржуазии рамки. При неоколониализме ситуация изменилась. Сегодня положение трудящихся в разной степени ухудшается во всех зонах мир-системы. Если в том или ином государстве рабочая сила дорожает, производственные мощности переносятся из него в страны, население которых согласно работать за меньшее вознаграждение. Американский Детройт превратился в город-призрак после переноса автомобилестроительных предприятий за рубеж. За последние десятилетия США подверглись частичной деиндустриализации, что причинило ущерб национальной экономике, ограничило суверенитет страны и отрицательно сказалось на уровне жизни ее населения.

Интересно, что представители разных научных направлений единодушны, по крайней мере, в одном – в объяснении кризиса современной мир-системы, в первую очередь, экономическими факторами. Марксистская трактовка вопроса была резюмирована выше. Э. Тоффлер говорит о новом этапе научно-технической революции, о создании экономики знаний, об отходе от стандартизованного массового производства, деурбанизации. С. Б. Переслегин подчеркивает кредитный, неравновесный характер

---

⁸⁷ Там же. – Р. 12.

индустриальной экономики, который он правильно связывает со сложной диалектикой производства средств производства и предметов потребления. Данные весьма различные взгляды объединяет материалистическая установка: производство материальной жизни признается первичным по отношению к политике, праву, идеологии, культуре.

Изложенные глобальные теории дают представление об общих контурах кризиса неолиберального миропорядка. Необходимо выяснить, какие экономические тенденции послужили его непосредственными причинами. Очевидно, что искать их следует, в первую очередь, в развитых странах «золотого миллиарда», поскольку периферия (а отчасти и полупериферия) мир-системы играет в ней пассивную роль. Данные тенденции можно кратко суммировать следующим образом:

1) Сверхпотребление в развитых странах, поощряемое рекламой, системой образования, господствующей культурой в целом. Оно обеспечивается за счет абсолютной или относительной бедности в большинстве остальных стран мира и, тем не менее, ведет к росту государственных и частных долгов в «первом мире». Мировой экономический кризис, начавшийся в 2008 г., не случайно был запущен, в том числе, и проблемами в финансовой сфере.

2) Ряд западных правительств проводит (или проводил в недавнем прошлом) безответственную, популистскую политику, заключающуюся в увеличении государственных расходов при одновременном снижении налогов. Это делала, например, администрация Д. Буша-младшего в США. Результатом несбалансированной финансовой политики является рост бюджетного дефицита и внешнего долга. Впрочем, жесткие меры, которые принимаются в ряде европейских стран для исправления ситуации, в некоторых случаях представляют собой «лекарство страшнее болезни». Во-первых, они нацелены скорее на спасение банков, чем на помощь простым людям. Во-вторых, бюджетная дисциплина, как ее понимало, например, правительство А.

Меркель, мешает расти покупательной способности населения, что лишает экономику одного из важнейших «локомотивов», двигателей развития.

3) Финансовый сектор западных экономик уже давно оторвался от реального. Суммарная стоимость биржевых сделок с нефтью (золотом, пшеницей и т. д.) в разы превышает стоимость наличного количества данных ресурсов. Ценные бумаги не могут заменить оружия, если началась война, или еды, если пришел голод. Разрастание «фиктивной», не обеспеченной материальными ресурсами экономики стало одной из ключевых причин кризиса.

4) Разрыв между богатыми и бедными странами в последние десятилетия неуклонно возрастал, что вызвало новый виток противостояния между Севером и Югом. Борьба с международным терроризмом связана с такими трудностями, поскольку Запад и использует те или иные террористические группировки в своих геополитических целях, и за счет сверхэксплуатации поддерживает во многих районах «третьего мира» благоприятные для экстремистской пропаганды социально-экономические условия. Очевидно, что такая политика неизбежно должна обратиться (и уже обращается) против самого Запада.

5) Ресурсы Земли ограничены, поэтому преимущественно экстенсивное развитие экономики рано или поздно заведет в тупик. Сегодня инновации являются вопросом не только успеха, но и выживания. Однако современная западная модель образования чаще увеличивает инновационное сопротивление в обществе, чем уменьшает его. Она хорошо приспособлена для подготовки специалистов средней, но не высокой, квалификации, а импорт необходимых кадров из-за рубежа означает рост зависимости, не является надежным решением проблемы и чреват побочными эффектами. Существуют разные объяснения кризиса западной системы образования. Некоторые (в частности, С. Б. Переслегин) говорят, что при приближении к фазовому барьеру институты и практики, сформировавшиеся в уходящей фазе, с неизбежностью постепенно теряют эффективность. Другие (например,

академик В. И. Арнольд) считают, что происходящее имеет, в первую очередь, проектный характер: западные элиты сознательно добились известного снижения интеллектуального уровня населения, поскольку критически мыслящие люди неудобны и как потребители, и как избиратели. Возможна и комбинация данных объяснений. Как бы то ни было, современные тенденции в западном образовании снижают сюжетность и проектность западной цивилизации как целого, что имеет, в том числе, и разрушительные экономические последствия.

Мощный инструмент для анализа текущего кризиса предложил египетский политолог С. Амин. Он выдвинул концепцию «пяти монополий», которые позволяют «центру» поддерживать свою гегемонию: технологической, финансовой, ресурсной, информационно-коммуникационной, связанной с ОМУ⁸⁸. Общий кризис мир-системы выражается также и в том, что способность «центра» поддерживать некоторые из перечисленных монополий постепенно и неуклонно слабеет. Данный вопрос следует рассмотреть подробнее. Технологическое превосходство «центра» полностью сохраняется. Неевропейские страны, достигшие высочайшего уровня технологического развития, – США и Япония – были в свое время инкорпорированы «центром», что не затронуло основных принципов функционирования мировой капиталистической экономики. Переход элемента системы с одного ее уровня на другой не обязательно меняет ее структуру. Кроме того, странам редко удается существенно повысить свой статус в мир-системе. Даже Китаю это на самом деле не удалось. Сегодня он, вопреки распространенной оценке, является не мастерской мира, а его сборочным цехом. Умение производить дешевые и часто качественные товары по чужим образцам не может заменить инноваций, производство которых сосредоточено в основном в странах «золотого миллиарда» и, в гораздо меньшей степени, в «пороговых» государствах.

---

⁸⁸ Amin S. Capitalism in the age of globalization: the management of contemporary society / S. Amin. – London: Zed Books, 2014. – P. 3–5.

С ресурсной монополией дело обстоит сложнее. «Центр» продолжает удерживать ее, однако цена, которую приходится за это платить, неуклонно возрастает. Теоретически, неокOLONиальная эксплуатация может долго обходиться без прямого насилия, опираясь на неравный торговый обмен, кабальные международные кредиты и т. д. В действительности же западные интервенции в Ираке и Ливии доказывают, что борьба за нефть в современном мире принимает все более насильственный характер. Обострение конфликтов из-за ресурсов во многом объясняется тем, что капитализм уже достиг экологических «пределов роста». При этом, говоря о необходимости защиты окружающей среды, страны «центра» на деле следуют двойным стандартам. С их точки зрения, они (но не другие) имеют право на продолжение безответственной, хищнической эксплуатации природы⁸⁹. Ключевые экологические проблемы современности не могут быть решены в рамках капиталистической мир-системы, что создает дополнительное давление на нее. Здесь уместно вспомнить концепцию «трагедии общин», автором которой является американский эколог Г. Хардин. На простом примере пользования общинным пастбищем он показал, что члены коллектива, рационально преследуя свои эгоистические цели, в долгосрочной перспективе нередко заводят в тупик коллектив в целом⁹⁰. Данная модель представляет собой серьезный аргумент против некоторых ключевых положений английской классической политэкономии. Как выясняется, рациональный эгоист, играющий по правилам, далеко не всегда в итоге служит общему благу.

Финансовая монополия развитых капиталистических стран сегодня поставлена под сомнение. Чтобы сохранить свое положение на рынке, монополист должен не только эффективно блокировать любые попытки составить ему конкуренцию, но и защищать данный рынок от саморазрушения, выдерживать хотя бы минимальные стандарты

---

⁸⁹ Amin S. Capitalism in the age of globalization: the management of contemporary society / S. Amin. – London: Zed Books, 2014. – P. 5.

⁹⁰ Banyan M. E. Tragedy of the commons / M. E. Banyan // Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/science/tragedy-of-the-commons> (дата обращения: 21.09.2017).

экономической эффективности. Мировой финансовый кризис, начавшийся в 2008 г., свидетельствует о том, что глобальные элиты отчасти утратили контроль над ситуацией на международных финансовых рынках и неспособны приблизить их к потребностям реального сектора экономики. С. Амин отмечает, что финансовая глобализация – неестественное и потому хрупкое явление: национальная валюта «мирового должника» не может нормально функционировать в качестве международной⁹¹.

Гегемония Запада в мировом информационном пространстве оспаривается рядом стран, не желающих подчиняться его диктату и тщательно готовящихся к вероятным гибридным войнам. Известно, что в современном мире государство, одержавшее верх на поле боя, может проиграть в информационном противостоянии и, несмотря на (возможно, впечатляющие) материальные приобретения, выйти из конфликта ослабленным. Российские новостные агентства Russia Today, Sputnik и другие являются пока асимметричным ответом BBC и CNN.

Создание Интернета облегчило диверсификацию источников информации, хотя функционирование сети и сегодня зависит от технологических возможностей «центра» мир-системы. Кроме того, американским стратегам пока удается использовать новые технологии для дестабилизации неудобных режимов («фейсбучные революции») и защищать информационное пространство своей страны от аналогичных воздействий, хотя данное преимущество невозможно сохранить даже в среднесрочной перспективе. Наконец, Интернет используется в качестве трибуны различными экстремистскими движениями. «Центр», как известно, использует некоторые из них в своих целях, однако международный терроризм угрожает и ему.

Новые формы и виды преступности – далеко не единственный вызов Западу, связанный с исследуемым аспектом научно-технического прогресса. С. Амин резонно отмечает, что бурное развитие информационно-

---

⁹¹ Amin S. Capitalism in the age of globalization: the management of contemporary society / S. Amin. – London: Zed Books, 2014. – P. 4.

коммуникационных технологий расширило возможности манипуляций сознанием, что уже привело к частичному размыванию западной демократии⁹². С одной стороны, с этим нельзя не согласиться. С другой – капитализм антидемократичен по своей сути, поскольку он предполагает систематическое нарушение, прежде всего, социально-экономических прав граждан. Такое нарушение может маскироваться формальной демократией (парламентская республика), а может происходить в условиях открытой террористической диктатуры (фашизм). «Эрозия демократии» – постепенное выявление истинной сути капитализма, а не отклонение от его нормального развития. Наконец, открытое торжество авторитаризма или даже тоталитаризма на Западе само по себе вполне совместимо с продолжением неокOLONиальной эксплуатации.

Чтобы глубже понять факторы, размывающие «четвертую монополию», необходимо обратиться к амбивалентному характеру американской культурной гегемонии. З. Бжезинский отмечает: «Культурное превосходство является недооцененным аспектом американской глобальной мощи. Что бы ни думали некоторые о своих эстетических ценностях, американская массовая культура излучает магнитное притяжение, особенно для молодежи во всем мире. Ее привлекательность, вероятно, берет свое начало в жизнелюбивом качестве жизни, которое она проповедует, но ее притягательность во всем мире неоспорима»⁹³. Хотя данное заявление звучит достаточно высокомерно, в нем, несомненно, есть большая доля истины, и дело здесь не только в популярности американской культуры как таковой, но и в постепенной «американизации» многих других национальных культур. П. Бьюкенен, отвергающий многие ключевые положения концепции З. Бжезинского, тем не менее, пишет: «Бренды наподобие «Кока-колы», «Макдональдса» и «Ливайса» известны повсеместно, от Катманду до Курдистана. Музыка, которую слушает молодежь во всем мире, – американская или написанная ей в подражание. ...

---

⁹² Там же. – Р. 5.

⁹³ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М.: АСТ, 2014. – С. 38.

Голливудские фильмы собирают наибольшую аудиторию»⁹⁴. Политические последствия такого культурного преобладания впечатляют. Так, американский кинематограф влияет не только на бытовые предпочтения людей в разных странах мира, но и на восприятие ими западных ценностей, внешней и внутренней политики Вашингтона.

Впрочем, к сфере идеального принадлежат и некоторые угрозы американскому могуществу. З. Бжезинский, отдавая должное традиционной американской культуре как локомотиву социально-экономического развития⁹⁵, так характеризует духовную ситуацию США на рубеже тысячелетий: «... доминирующая в стране культура больше тяготеет к массовым развлечениям, в которых господствуют гедонистские мотивы и темы ухода от социальных проблем. Суммарный эффект этого делает все более трудной задачу создания необходимого политического консенсуса в поддержку непрерывного и иногда дорогостоящего лидирующего положения США в мире»⁹⁶. П. Бьюкенен с горечью отмечает, что «культурная революция» разрушила традиционные устои американской семьи и привела к катастрофическому снижению рождаемости⁹⁷.

Говорить о монополии стран «золотого миллиарда» на оружие массового уничтожения – значит сильно преувеличивать их реальную мощь. Впрочем, процитированная работа С. Амина была впервые опубликована в 1997 г., и анализировать приведенное утверждение необходимо с учетом тогдашних конкретно-исторических условий. Индия и Пакистан присоединились к «ядерному клубу» в 1998 г., а КНДР – в 2006 г. Впрочем, периферийный Китай впервые испытал атомную бомбу в 1964 г., а ельцинская Россия, приобретя целый ряд черт периферийного государства, тем не менее, осталась великой ядерной державой. Можно возразить, что только российский ядерный

---

⁹⁴ Бьюкенен П. Правые и не-правые / П. Бьюкенен; пер. с англ. К. Ковешникова. – М.: АСТ: АСТ Москва: Транзиткнига, 2006. – С. 11.

⁹⁵ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М.: АСТ, 2014. – С. 15.

⁹⁶ Там же. – С. 250.

⁹⁷ Бьюкенен П. Правые и не-правые / П. Бьюкенен; пер. с англ. К. Ковешникова. – М.: АСТ: АСТ Москва: Транзиткнига, 2006. – С. 321.

потенциал может сравниться с американским по качеству и количеству, а незападные политики, хранящие сбережения в западных банках, никогда не решатся на применение ОМУ без санкции «центра». Однако полагаться на это нельзя. Чтобы причинить противнику неприемлемый ущерб, может хватить одной боеголовки. С другой стороны, ни одна страна мира не застрахована от политических революций. Нет никаких гарантий, что Запад сможет влиять на революционную власть в той же степени, что и на ее предшественников. Наконец, своими действиями США объективно способствуют распространению ядерного оружия в мире, хоть на словах и призывают положить конец данному процессу. Некоторые страны, например, КНДР, сделали вывод, что только наличие ядерного потенциала позволит им избежать судьбы Ирака и Ливии. История учит, что ни сделанные уступки, ни международные договоренности и гарантии не защитят от американской интервенции. И такую логику можно понять, хотя не исключено, что данные государства будут использовать обретенную мощь не только для самозащиты. Описанную проблему нельзя решить только юридическими средствами. В мире есть целый ряд «пороговых» стран, не обладающих ядерным оружием, однако способных в сжатые сроки переориентировать свою экономику на его производство. Действительно сделав это, они бы нарушили Договор о нераспространении ядерного оружия, однако способность совершить правонарушение и его совершение – это разные вещи. Если признанному независимому государству запретить мирное использование технологий двойного назначения, это будет посягательством на его суверенитет. Кроме того, представление о том, какие именно технологии относятся к данной категории, зависит от уровня развития науки и, следовательно, меняется со временем. Правовое регулирование всегда отстает от научно-технического прогресса. Наконец, возникает вопрос: если государство, не подписавшее ДНЯО, приобрело ядерное оружие (Индия, Пакистан, Израиль), нарушило ли оно тем самым международное право? Если да, то договор отчасти является излишним. Если нет, то он неэффективен. Наконец, статья 10 договора

предусматривает право государств-участников выйти из него. В 1995 г. он стал бессрочным, однако это означает отсутствие необходимости продления, а не невозможность выхода. В 2013 г. российский дипломат В. Воронков сказал: «Необходимо предпринять такие меры, которые бы максимально затрудняли или делали бы невозможным выход государств из ДНЯО и четко демонстрировали, что международное сообщество не намерено допускать повторения прецедента КНДР»⁹⁸. Значит, КНДР продолжают рассматривать как участницу договора не потому, что она утратила суверенное право выхода из него, а потому, что механизм выхода не предусмотрен. Если он все-таки будет разработан, вопросов станет еще больше. Только укрепление доверия и сотрудничества в международных отношениях позволит сделать шаг вперед в решении проблемы ядерной безопасности.

Перечисленные тенденции являются рамочными и долгосрочными, их последствия видны далеко не сразу. От их анализа следует обратиться к рассмотрению конкретных причин и механизмов мирового финансового кризиса, первые предвестия которого наблюдались уже в 2007 г.

Предварительное объяснение можно сформулировать так: рост производства за пределами «ядра» (где меньше издержки) сопровождается снижением платежеспособного спроса в самом «ядре», на которое приходится львиная доля потребления. Трудящиеся развитых капиталистических стран вынуждены конкурировать с дешевой рабочей силой полупериферии и периферии, что парализует их попытки добиться лучшей жизни, увеличить свои доходы. Напротив, во многих случаях их положение ухудшается.

Очевидно, что понимание общей картины кризиса не может заменить конкретного исследования его финансовых пружин. Американский финансист Д. Сорос разработал целую теорию рефлексивности, предлагающую оригинальное объяснение формирования «сверхпузыря». Для человека характерно двойственное отношение к реальности: он ориентирован и на ее

---

⁹⁸ Дипломат: КНДР все еще участник ДНЯО, поскольку выход не предусмотрен // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/world/20130608/942270872.html> (дата обращения: 21.09.2017).

познание, и на ее изменение, и данные две функции тесно переплетены. Люди в принципе неспособны составить себе полностью адекватное представление о социальной действительности, поскольку их мнения и связанные с ними ожидания и намерения уже влияют на нее, что составляет важнейшее отличие социальных процессов от природных, развертывающихся независимо от сознания⁹⁹. Например, неоправданные негативные ожидания трейдеров могут побудить их к необдуманным поступкам, которые действительно дестабилизируют фондовый рынок. Вполне реальные убытки убедят их, что их первоначальные опасения имели основания, что вызовет новую серию ошибок. Круг замкнется, и это при том, что исходная ситуация отнюдь не была плохой. В финансовом секторе самоподтверждающиеся пророчества не редкость. Опасность кризисов в том, что они в большой степени являются саморазвивающимися, самоподдерживающимися процессами¹⁰⁰. Стоит сдвинуть лавину – и неизвестно, где и когда она остановится.

Д. Сорос отмечает, что прочно утвердившаяся в экономической науке теория рациональных ожиданий не годится для анализа текущего кризиса, поскольку она не учитывает тонкую диалектику фактов об обществе и мнений о них¹⁰¹. Приведенные рассуждения заставляют вспомнить тезис К. Куигли о разнице между естественными и общественными науками. Первые изучают процессы, на которые человеческая мысль повлиять не может, вторые – напротив¹⁰². Вполне возможно, что именно это объясняет, почему гуманитарное знание до сих пор не достигло строгости и доказательности естественнонаучного.

Изложив свою теоретическую концепцию, Д. Сорос переходит к конкретно-историческому анализу мирового финансового кризиса, который, по его оценке, ознаменовал собой «завершение эпохи кредитной экспансии,

---

⁹⁹ Сорос Д. Мировой экономический кризис и его значение. Новая парадигма финансовых рынков / Д. Сорос; пер. с англ. К. Вагнера. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010. – С. 115–116.

¹⁰⁰ Там же. – С. 259.

¹⁰¹ Там же. – С. 115.

¹⁰² Quigley C. The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis / C. Quigley. – Indianapolis: Liberty Press/Liberty Fund, 1979. – P. 46.

основанной на долларе как всемирной резервной валюте»¹⁰³. Причину кризиса кратко можно определить так: на протяжении четверти века опасный тренд (чрезмерный рост объемов кредитования) и неверная концепция (рыночный фундаментализм) поддерживали друг друга и постепенно подрывали основы мировой финансовой системы¹⁰⁴. Когда в начале нового тысячелетия деньги стали дешевы, обострились традиционные проблемы финансового сектора: анархия (отражающая анархию производства при капитализме), спекуляции, чрезмерное использование заемных средств, отсутствие строгого учета и контроля и т. д. В итоге кризис сначала охватил ипотечный рынок, а потом перекинулся на другие сферы (в первую очередь, «в индустрию кредитных карт, автокредитования и коммерческой недвижимости»¹⁰⁵). Индустриальная экономика имеет кредитный характер, развитие реального сектора при капитализме зависит от доступа предпринимателей к выгодным кредитам. Неудивительно, что резкое сокращение объемов кредитования отрицательно повлияло на реальную экономику¹⁰⁶.

Кризис отражает фундаментальные черты капиталистической мир-системы. В СССР не было ипотеки, средневековое западноевропейское общество осуждающе смотрело на ссудный процент, считая его формой нетрудового дохода, ислам запрещает ростовщичество. Иначе говоря, мыслим целый ряд экономических укладов, иммунных к данному конкретному типу кризисов (хотя, конечно же, имеющих свои недостатки). Впрочем, современный капитализм – это планетарное явление, и страны, воплощающие альтернативные экономические модели, не могут полностью отгородиться от глобального рынка.

Завершая свой анализ, Д. Сорос делает вывод, идущий вразрез с распространенными неолиберальными мифами: «Я утверждаю, что закончился длительный период относительной стабильности, основанной на

---

¹⁰³ Сорос Д. Мировой экономической кризис и его значение. Новая парадигма финансовых рынков / Д. Сорос; пер. с англ. К. Вагнера. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010. – С. 93.

¹⁰⁴ Там же. – С. 96.

¹⁰⁵ Там же. – С. 109.

¹⁰⁶ Там же. – С. 110.

роли США как доминирующей силы и доллара как основной международной резервной валюты. Я предвижу период политической и финансовой нестабильности, вслед за которым, я надеюсь, сформируется новый мировой порядок»¹⁰⁷.

Американский ученый П. Кругман, лауреат Нобелевской премии по экономике 2008 г., дает неолиберальному проекту более резкие оценки. По его мнению, история мирового финансового кризиса дает богатый материал, подтверждающий правильность экономической теории Д. М. Кейнса. «Резкое сокращение государственных расходов в депрессивной экономике усугубляет ее депрессию; режим строгой экономии должен подождать до тех пор, пока восстановление не пойдет полным ходом»¹⁰⁸. Во время европейского долгового кризиса Греции и Ирландии навязали прямо противоположный образ действий, что имело катастрофические последствия¹⁰⁹. Такие факты сами по себе подрывают неолиберальное требование минимизировать экономические функции государства.

Недавние события оттенили несостоятельность некоторых традиционных аргументов против социального государства. Американские республиканцы говорили, что европейский долговой кризис был вызван чрезмерными расходами соответствующих государств на социально незащищенные группы населения. Пример Швеции опровергает данное утверждение. Немецкие правящие круги пеняли на несоблюдение бюджетной дисциплины, понимая под ней политику «затягивания поясов» для простых граждан, но не для банков. Однако страны, не входящие в зону евро, – например, США, Великобритания и Япония – продемонстрировали способность избегать кризисов исследуемого типа, несмотря на большие долги и значительный дефицит бюджета.

---

¹⁰⁷ Там же. – С. 256.

¹⁰⁸ Krugman P. Keynes was right / P. Krugman // The New York Times. – URL: http://www.nytimes.com/2011/12/30/opinion/keynes-was-right.html?_r=1 (дата обращения: 29.09.2017).

¹⁰⁹ Там же.

В действительности же Европа была ввергнута в пучину кризиса непродуманной валютной политикой: страны, учредившие евро, не озаботились созданием учреждений, необходимых для его эффективного функционирования¹¹⁰.

В статье 1999 г. в журнале «Fortune» П. Кругман дал развернутый анализ преимуществ «шведского социализма»: «...Швеция традиционно была моделью того, что обычно именуется «средним путем», рыночной экономикой, острые края которой приглажены щедрыми правительственными программами»¹¹¹.

Необходимость более активного государственного регулирования экономики отстаивали и другие теоретики первой величины. Так, лауреат Нобелевской премии по экономике Д. Стиглиц недвусмысленно отзывается о недостатках неолиберальной модели:

«Теории, выступающие за дерегуляцию и открытие рынков, показали свою неэффективность.

Кризис ясно показывает, что государство должно сыграть свою роль, даже если эта роль должна зависеть от местных условий и обстоятельств.

Текущий кризис обещает продлиться дольше, чем ожидалось; если не будет кардинальных изменений в международной финансовой архитектуре, разразится еще один кризис»¹¹².

В 2008 г. американский ученый резко раскритиковал общественные институты, чьи непродуманные и эгоистичные действия сыграли существенную роль в подготовке кризиса. Банки долгое время противостояли регулированию, ужесточению антимонопольного законодательства, но в трудный период настаивали на получении государственной помощи.

---

¹¹⁰ Krugman P. What ails Europe? / P. Krugman // The New York Times. – URL: <http://www.nytimes.com/2012/02/27/opinion/krugman-what-ails-europe.html> (дата обращения: 29.09.2017).

¹¹¹ Кругман П. Великая ложь: сбиваясь с пути на рубеже нового века / П. Кругман; пер. с англ. Д. Павловой, А. Романовой, Г. Соловьевой // Philosophy. – М.: АСТ, 2004. – С. 464.

¹¹² Joseph Stiglitz: “One of the Main Lessons from the Financial Crisis is that the State Must Play a Key Role in Sustaining Economic Development” // African Development Bank Group. – URL: <https://www.afdb.org/en/news-and-events/joseph-stiglitz-one-of-the-main-lessons-from-the-financial-crisis-is-that-the-state-must-play-a-key-role-in-sustaining-economic-development-5524/> (дата обращения: 15.10.2018).

Американская финансовая система не смогла обеспечить квалифицированное управление рисками и размещение капитала. Более того, многие ее пороки распространились на весь остальной мир. Под лозунгом инноваций расшатывалась система правил, призванная обеспечить стабильность и эффективность¹¹³.

Похожие мысли высказывал видный российский политик Е. М. Примаков. Он подчеркивал, что российский монетаризм – во многом плод вульгаризации и догматизации отдельных вырванных из контекста достижений западной экономической мысли, он не учитывает конкретно-исторических условий современной России, для которой благотворно как раз государственное доминирование в экономике¹¹⁴.

Экономические выводы ученого можно резюмировать следующим образом. Государственно-частное партнерство – эффективная альтернатива неолиберализму, несмотря на ряд трудностей в практической реализации. Государство должно воздействовать на экономику и как регулятор рынка (через законы и контролирующие инстанции), и как мощный (возможно, наиболее влиятельный) игрок на нем. Кругман был прав, критикуя неолиберализм, монетаризм и настаивая на приоритете развития перед экономией. Неолиберализм не обеспечивает социальной справедливости, коммерциализация науки, образования и здравоохранения, к которой он призывает, – глубоко ошибочная идея. Наконец, неолиберализм, вопреки здравому смыслу и историческому опыту, настаивает на безусловном приоритете личных интересов перед общественными¹¹⁵.

Анализ Д. Сороса, П. Кругмана, Д. Стиглица и Е. Примакова проливает свет на функционирование неолиберальной экономической модели, диалектически взаимодействующей со своей идеологической надстройкой. Для решения накопившихся структурных проблем необходимо пересмотреть

---

¹¹³ Stiglitz J. The fruit of hypocrisy / J. Stiglitz // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2008/sep/16/economics.wallstreet> (дата обращения: 15.10.2018).

¹¹⁴ Примаков Е. М. Россия. Надежды и тревоги / Е. М. Примаков. – М.: Центрполиграф, 2015. – С. 20.

¹¹⁵ Там же. – С. 22–24.

сами принципы, на которых основана современная мировая экономика, однако такие инициативы достаточно эффективно блокируются соответствующими «группами интересов» с помощью господствующих экономических учений. Положение усугубляется тем, что последние используются не только для пропаганды, но и, в целом ряде случаев, для принятия практических решений.

Само собой разумеется, что все перечисленные причины и проявления кризиса многократно описывались и обсуждались ведущими специалистами по экономике и политическим наукам. Ученые неоднократно заявляли о недопустимости сложившегося положения и предлагали более или менее удачные варианты выхода из кризиса. Естественным образом возникает вопрос, почему, несмотря на все это, положение только ухудшается. Часть объяснения содержится в замечании С. Б. Переслегина: «Фазовый барьер, как и любой острый системный кризис, характеризуется тем, что естественные действия людей и гомеостатические реакции систем оказываются направленными не на разрешение, но на развитие кризиса»¹¹⁶. С данной оценкой перекликаются мысли А. Лазарчука и П. Лелика из статьи «Голем хочет жить»: «Понимание того, что обществу у нас в стране противостоит не группа заговорщиков, не свора дураков и даже не паразитический класс, а нечеловеческий, всезнающий, абсолютно аморальный и в то же время тупой, лишенный аналитических и прогностических способностей интеллект, определяет направление дальнейших размышлений и действий»¹¹⁷. Данный нечеловеческий интеллект – Голем – воплощен в государственной бюрократии как отчужденной от общества силе, преследующей свои собственные цели, часто в ущерб народу. Кому-то такая трактовка взаимоотношений общества и власти может показаться слишком радикальной, неоправданно пессимистичной, однако она хорошо объясняет многие политические события и процессы на современном Западе. Когда доктор наук А. Меркель

---

¹¹⁶ Переслегин С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске / С. Б. Переслегин // *Philosophy*. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2005. – С. 503.

¹¹⁷ Лазарчук А. Г. Голем хочет жить / А. Г. Лазарчук, П. В. Лелик // Андрей Лазарчук. Ирина Андронати. – URL: <http://lazandr.lib.ru/web/books027.html> (дата обращения: 30.09.2017).

отказывается признавать самые очевидные социально-экономические последствия массовой иммиграции с Ближнего Востока в Германию, проблема заключается, конечно же, не в познавательной ошибке, а во влиянии той самой Системы, о которой так любят рассуждать авторы теорий заговора. Ее существование как происходящей из общества, однако господствующей над ним извне силы логически вытекает уже из анализа марксистской категории отчуждения. При этом теории заговора методологически несостоятельны¹¹⁸ и превратно трактуют сущность глобальной неолиберальной Системы. Их ошибку разоблачает С. Жижек: «Если традиционные культурологические исследования (Cultural Studies) критикуют капитализм, то делают они это в соответствии с типичными кодами голливудской либеральной паранойи: враг – это «система», скрытая «организация», антидемократический «заговор», а не просто капитализм и государственные аппараты. ...Нужно признать, что нет никакой необходимости в существовании тайной «организации в организации», «заговор» уже присутствует в самой «видимой» организации, в капиталистической системе, в том, как функционируют политическое пространство и государственные аппараты»¹¹⁹. А. Вассерман уличает теории заговора в вопиющих противоречиях, в отстаивании несовместимых тезисов: «Причины всего происходящего в мире сложны и сокрыты от простых смертных.

Причины всего происходящего в мире просты и очевидны конспирологу.

...

Архивные документы – часть заговора, подготовленная для обмана позднейших исследователей.

Архивные документы несомненны, если их цитировать выборочно, исключая все фрагменты, противоречащие теории заговора»¹²⁰. Перечислять подобные противоречия можно долго, однако уже сказанного в

---

¹¹⁸ Вассерман А. А. Аксиомы конспирологии / А. А. Вассерман // Конспирология. Теории заговора. – URL: http://conspi.ru/news/a_vasserman_aksiomy_konspirologii/2010-12-30-49 (дата обращения: 10.09.2017).

¹¹⁹ Жижек С. 13 опытов о Ленине / С. Жижек. – М.: Ад Маргинем, 2003. – С. 22.

¹²⁰ Вассерман А. А. Аксиомы конспирологии / А. А. Вассерман // Конспирология. Теории заговора. – URL: http://conspi.ru/news/a_vasserman_aksiomy_konspirologii/2010-12-30-49 (дата обращения: 10.09.2017).

процитированной заметке достаточно, чтобы доказать ненаучный характер подавляющего большинства теорий заговора.

Имеет смысл ввести классификацию политических действий, усугубляющих кризис: системно обусловленные (неизбежные); ошибки, обусловленные низкой квалификацией политика; случайные ошибки; ошибки при решении сверхсложной задачи. При анализе политических причин кризиса необходимо учитывать данные различия.

1.3. Политический аспект проблемы

После распада СССР многие представители западных политических и интеллектуальных элит испытали своеобразное «головокружение от успехов». Крах советского проекта истолковывался как решающий аргумент в пользу либеральной демократии, которую позиционировали как идеальную модель общественного устройства. Симметричных вызовов американской мощи после 1991 г. долгое время не было, а асимметричные отчасти не имели сегодняшней остроты, отчасти недооценивались политиками и аналитиками. Фундаментальные сдвиги, совершавшиеся тогда в мире, были адекватно оценены только позже. После окончания «холодной войны» обострились межцивилизационные отношения, появились новые виды преступлений (например, киберпреступления), активизировался международный терроризм, увеличился разрыв между богатыми и бедными в рамках отдельных стран и во всемирном масштабе и т. д. Данные перемены, некоторые из которых были рассмотрены выше, сами по себе являлись (и являются) серьезной проблемой для неолиберального проекта. Неправильно оценивая упомянутые вызовы и давая на них ошибочные ответы, поборники Pax Americana и вовсе поставили мировую политическую и экономическую систему на грань катастрофы. Свою роль здесь сыграл и традиционный порок американского политического мышления – уверенность в том, что два океана защитят США от любых катаклизмов в Старом свете, в том числе и спровоцированных самим

Вашингтоном. В XIX в., при тогдашнем уровне научно-технического развития и глобализации, это было отчасти верно, хотя непосредственной причиной принятия доктрины Монро были именно планы Священного союза военной силой восстановить власть Испании над ее бывшими колониями. К началу XX в. ситуация кардинально изменилась, и президент США В. Вильсон уже разрабатывал свою внешнюю политику с учетом данного факта. В годы Второй мировой войны известный геополитик Н. Спикмен обосновывал необходимость глобальной вовлеченности США, акцентируя изменившееся значение океанов. Впрочем, ни один американский лидер после Р. Никсона не был выдающимся геополитиком, хотя, например, Р. Рейгану нельзя отказать в развитом политическом чутье. Снижение качества стратегического руководства привело к ошибкам. Так, в 1979-1989 гг. американцы поддерживали моджахедов в Афганистане, наивно полагая, что исламский фундаментализм никогда не будет угрожать их собственной безопасности.

После окончания «холодной войны» ошибки участились. Если раньше наличие советского вызова оказывало на Вашингтон отрезвляющее и дисциплинирующее воздействие, то теперь многие ответственные лица в США прониклись иллюзией всемогущества собственной страны, которую они нередко воспринимали как «мирового полицейского». «Только за 1993-1996 гг. США в одностороннем порядке ввели (или угрожали ввести) экономические санкции более шестидесяти раз в отношении 35 стран ... В 90-е годы США использовали военную силу в шести крупных военных операциях (т. е. вдвое чаще, чем в 80-е годы) ... Участились и случаи угроз применения военной силы, наиболее серьезные из которых были адресованы Северной Корее (1994 г.) и Китаю (1996 г.)»¹²¹.

Неудивительно, что такая бесцеремонная политика со временем привела именно к тому, что З. Бжезинский считал главной угрозой американскому глобальному доминированию, – к формированию на евразийском континенте устойчивых стратегических союзов, направленных против американского

---

¹²¹ Торкунов А. В. По дороге в будущее / А. В. Торкунов. – М.: Аспект Пресс, 2010. – С. 158.

гегемонизма. Их участники критически оценивают не только американскую внешнюю политику, но и всю современную систему глобальных координат, столь активно защищаемую США.

Проблема неолиберализма в его тотальности и универсализме, в том, что он стремится восторжествовать в глобальном масштабе и трансформировать все сферы человеческой жизни (не только политику и экономику, но и привычки, семью, быт) в соответствии со своими принципами. Неолиберальный миропорядок предполагает жесткий диктат, замаскированный ложными альтернативами. «В эпоху, названную Хабермасом *die neue Unübersichtlichkeit*, наш повседневный опыт мистифицирован больше, чем когда-либо: модернизация сама порождает новые формы обскурантизма; подавление свободы преподносится как приобретение новых свобод. Ощущение, что мы живем в обществе свободного выбора, в котором нам надлежит выбирать даже свои самые «естественные» особенности (этническую или сексуальную идентичность), – это лишь внешняя форма своей полной противоположности, отсутствия подлинного выбора»¹²². Господствующему течению американской политической мысли чуждо представление о западной цивилизации как уникальной, но не универсальной (формулировка С. Хантингтона): «Мультикультурность на родине угрожает Соединенным Штатам и Западу; универсализм за границей угрожает Западу и миру. Оба отрицают уникальность западной культуры. Глобальные монокультураллисты стремятся весь мир сделать похожим на Америку. Доморощенные мультикультураллисты хотят сделать Америку похожей на мир»¹²³.

При этом неолиберализм может выступать в различных геополитических обличьях. Атлантисты открыто выступают за «жесткую» американскую гегемонию как оптимальное решение для Запада и мира в целом на неопределенный срок. Открытое высказывание данной точки зрения вызывает

---

¹²² Жижек С. 13 опытов о Ленине / С. Жижек. – М.: Ад Маргинем, 2003. – С. 19.

¹²³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. под общ. ред. К. Королева. – М.: АСТ, 2003. – С. 525–526.

бурную реакцию в западных странах. Кроме того, ее утопический характер, ее непригодность в качестве основы политического курса очевидны даже многим пламенным поборникам Pax Americana. З. Бжезинский, которого трудно заподозрить в излишней мягкости, предостерегал американское руководство от двух фундаментальных ошибок:

1) Неправильно считать, что американское глобальное доминирование можно сохранить на неопределенный срок, уже сегодня нужно думать о том, каким будет мир после относительного ослабления американской мощи. Нужно сделать все необходимое, чтобы оставить новому миру в наследство стабильную политическую и экономическую архитектуру, а также эффективную систему безопасности¹²⁴.

2) Грубой силой господство над Евразией не удержать, для этого необходимо умелое, гибкое сочетание дипломатических, экономических и других методов, а применение вооруженных сил – это крайняя мера¹²⁵.

Легко заметить, что внешняя политика администрации Д. Буша-младшего была основана на систематическом игнорировании данных предупреждений. США действовали в Афганистане и Ираке так, будто американской мощи в принципе не может грозить никакой кризис и, соответственно, платить по счетам никогда не придется. Кроме того, так называемая «доктрина Буша», по сути, провозглашала право США применить военную силу против любой страны мира на основании одних только подозрений.

Против войны в Ираке выступили даже Франция и Германия – союзники США по НАТО. Российско-китайское и российско-индийское сближение во многом было мотивировано необходимостью сообща противостоять американскому гегемонизму. В последние годы перед началом Специальной военной операции Япония начала проявлять известную тягу к самостоятельности, стремясь улаживать свои разногласия с Россией без оглядки на Вашингтон. Некоторые страны мира, памятуя о судьбе Ирака и

---

¹²⁴ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М.: АСТ, 2014. – С. 247–254.

¹²⁵ Там же. – С. 48–49.

Ливии, считают, что только наличие ядерного оружия оградит их от американского вторжения. И это далеко не полный перечень последствий внешней политики американских неоконсерваторов.

Неудивительно, что позиции чистого атлантизма сегодня шатки даже в самих США. Неоатлантизм предлагает более взвешенную и осторожную стратегию, направленную на максимальное сохранение западного влияния в мире. По мнению С. Хантингтона, Запад, вовлеченный в изнурительное противостояние с Китаем и исламским миром, должен пересмотреть свою идентичность¹²⁶ и привлечь на свою сторону латиноамериканскую цивилизацию и Россию¹²⁷. Кроме того, западному доминированию угрожают лавинообразное нарастание миграционных потоков, неконтролируемое распространение вооружений и кризис концепции демократии – вызовы, на которые необходимо срочно искать адекватные ответы¹²⁸. Очевидно, что вера в американскую исключительность, все еще разделяемая значительной частью политического класса США, препятствует критической оценке сложившейся ситуации и выполнению изложенного плана, который, несомненно, представляет собой шаг вперед по сравнению с деструктивными, дестабилизирующими действиями неоконсерваторов.

Наконец, попытка спасти неолиберальный проект может принять третью – мондиалистскую – форму. Активным пропагандистом данного пути развития был американский политолог Ф. Фукуяма¹²⁹, хотя позже он во многом пересмотрел свои взгляды¹³⁰. Мондиалисты верят в конечное торжество либеральной демократии как наилучшей модели общественного устройства, не связывая его жестко с гегемонией той или иной страны или группы стран. «Мировое правительство», по их мысли, является коллективным органом,

---

¹²⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. под общ. ред. К. Королева. – М.: АСТ, 2003. – С. 501–507.

¹²⁷ Там же. – С. 514.

¹²⁸ Там же. – С. 286–322.

¹²⁹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; пер. с англ. М. Б. Левина // Philosophy. – М.: АСТ: Ермак, 2005. – 588, [4] с.

¹³⁰ Fukuyama F. The future of history. Can liberal democracy survive the decline of the middle class? / F. Fukuyama // Foreign affairs. – January-February 2012. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2012-01-01/future-history> (дата обращения: 27.09.2017).

опирающимся на консенсус суверенных государств. Однако мультиполярность здесь лишь кажущаяся. Только страны, принимающие принципы либеральной демократии и рыночной экономики, допускаются в «цивилизованное сообщество» и могут участвовать в управлении миром. Мы в очередной раз сталкиваемся с одной из тех ложных альтернатив, о которых говорил С. Жижек. С точки зрения мондиалистов, страна может выбирать, подчиняться ли ей американскому влиянию или сопротивляться ему, однако, парадоксальным образом, быть похожей на США она обязана. Соответственно, мондиализм – это одна из концепций однополярного мира, просто полюсом здесь является не отдельное государство или союз государств, а идеология. Таким образом, даже в своем предельно смягченном варианте неолиберальный проект не дает народам мира подлинного выбора, а это большая политическая ошибка.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что политические причины кризиса неолиберального проекта в основном распределяются по следующим категориям:

1) непонимание специфики и/или остроты тех или иных глобальных вызовов современности и, как следствие, их игнорирование или неадекватная реакция на них;

2) меры, диктуемые логикой эксплуататорского строя, которые, принося краткосрочную выгоду, обостряют его противоречия и приближают его крах (все попытки построить «неолиберализм с человеческим лицом», во-первых, утопичны, во-вторых, эффективно блокируются Системой).

Анализ политических причин кризиса показывает, вполне в духе марксизма, что они, в свою очередь, обусловлены порочной структурой определенной экономической системы и ее обреченными на неудачу попытками сохранить себя в стремительно меняющемся мире. Аналитики, исследующие данную проблему, придерживаются разных политических убеждений и научных подходов, ассоциируют себя с разными общественными силами, однако большинство из них сходятся в одном: современный

капитализм исторически обречен. Некоторые считают, что его разрушит изнутри социальная революция, другие утверждают, что его основные категории и принципы просто не найдут себе применения в информационном/когнитивном/постиндустриальном обществе. По мнению третьих, человечество ожидает более или менее плавная и безболезненная демократизация миропорядка, связанная с дальнейшим перетеканием политического и экономического влияния от США к России, Китаю, Индии и другим странам (маловероятный инерционный сценарий, скорее случится прорыв или катастрофа).

Получается замкнутый круг: политические ошибки будут совершаться и усугубляться, пока коренным образом не изменится экономическая система, а ее глубокая трансформация будет стоить власти нынешней глобальной элите. Человечество будет вынуждено разрубить узел, который невозможно развязать. Задача конструктивной оппозиции неолиберальному проекту состоит в том, чтобы, когда будет достигнута точка кипения, сделать переход к новым общественным отношениям как можно менее болезненным.

Проанализировав динамику мирового финансового кризиса, Д. Сорос пришел к выводу, что обсуждаемые процессы являются саморазвивающимися и это обусловлено по преимуществу той выдающейся ролью, которую в них играет сознание. Под влиянием неоправданных ожиданий и неверных оценок люди совершают ошибки и ухудшают ситуацию. Как следствие, пространство возможностей сужается, правильное решение становится труднее найти и, тем более, претворить в действительность. Новые ошибки обходятся значительно дороже старых, и начинается новый виток кризиса. На механизм явления проливают свет слова К. Куигли: «Данный процесс [развития цивилизации] не является неумолимо детерминированным во всех точках, но только в некоторых, в том смысле, что у людей есть сила и свободная воля, однако их действия, тем не менее, имеют последствия»¹³¹. В целом ряде ситуаций выбор

---

¹³¹ Quigley C. The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis / C. Quigley. – Indianapolis: Liberty Press/Liberty Fund, 1979. – P. 161.

есть. Более того, в точке бифуркации сложной самоорганизующейся системы любое действие, даже незначительное по масштабам, может кардинально изменить граничные условия будущих решений. Однако последствий уже сделанного выбора никогда нельзя избежать полностью, а иногда катастрофа оказывается неизбежной.

Вопрос о причинах кризиса имеет смысл поместить в более широкий контекст исследования его механизма. Факторы, поддерживающие и/или обостряющие кризис, могут появляться уже на продвинутых этапах его развития, вне прямой связи с его первопричиной. Полезным инструментом анализа здесь является понятие воронки. «Воронкой называется ситуация, в которой каждый шаг развития уменьшает размерность пространства решений. Если в пределе какое-либо решение, отвечающее исходной цели, отсутствует, воронка называется фатальной»¹³². Иногда одной ошибки бывает достаточно, чтобы запустить форсированный вариант, однако чаще в тупик заводит череда неправильных решений, принимавшихся в условиях ограниченного выбора, но не безальтернативных.

Агония отжившего свое общественного строя, как правило, толкает правящую элиту на поступки, делающие революционное разрешение накопившихся противоречий неизбежным. В качестве примеров можно привести поведение английского короля Карла I накануне буржуазной революции, французского короля Карла X незадолго до событий 1830 г. Кто хочет удержать все, несмотря на кардинально изменившиеся конкретно-исторические условия, потеряет даже то, что при более гибком курсе можно было сохранить.

«Новый мировой порядок» не стал здесь исключением. Военно-политические кризисы последней четверти века дают богатый материал для доказательства данного тезиса. Показательным является сравнительный анализ войн в Афганистане (2001-2014 гг.) и Ираке (2003-2011 гг.). Операция

---

¹³² Переслегин С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске / С. Б. Переслегин // Philosophy. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2005. – С. 60.

США и их союзников в Афганистане была санкционирована ООН и получила поддержку значительной части международного сообщества. Кроме того, режим талибов действительно имел фундаменталистский характер и был тесно связан с международным терроризмом («Талибан» – запрещенная на территории РФ террористическая организация). С другой стороны, вторжение в Ирак не было санкционировано ООН и раскололо даже евроатлантическое сообщество. Великобритания поддержала заокеанского союзника, в то время как Франция и Германия оказались вместе с Россией в лагере противников операции. Силы коалиции так и не нашли в Ираке никаких доказательств того, что режим С. Хусейна обладал оружием массового поражения или стремился его приобрести, а ведь именно данное обвинение послужило главным аргументом в пользу вторжения. Информация о сотрудничестве иракских спецслужб с террористами также не подтвердилась. Наконец, режим С. Хусейна можно в целом охарактеризовать как светскую автократию, хотя диктатор не был чужд использованию религиозных лозунгов в политических целях.

Разумеется, и в 2001, и в 2003 гг. США действовали из эгоистических побуждений, однако только иракская кампания показала, насколько американская гегемония противоречит долгосрочным интересам человечества, насколько она далека от задекларированной «благожелательности». Кризис концепции демократии, имеющий долгую историю, вступил в новую фазу. Противоречие между идеализмом и прагматизмом красной нитью проходит через американскую историю. Так, в свое время бурно обсуждалась «доктрина Рейгана», предусматривавшая возможность помощи недемократическим и даже экстремистским режимам и движениям, если это усиливало позиции США в глобальном геополитическом противостоянии с СССР. Еще одну дилемму американской внешней политики описал в 1990-е гг. С. Хантингтон¹³³. Как Запад должен относиться к

---

¹³³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. под общ. ред. К. Королева. – М.: АСТ, 2003. – С. 298–308.

демократически избранному антизападному правительству в стране, принадлежащей к другой цивилизации? Должен ли он приветствовать «торжество демократии» или рассматривать случившееся как угрозу своим геополитическим интересам? На практике Вашингтон неизменно выбирает второе, однако идеологическое затруднение остается.

Неоконсерваторы, вместо того чтобы решать проблему, еще больше ее усложнили. Вторжение в Ирак, проходившее под лозунгом «продвижения демократии на Восток», в итоге ввергло страну в хаос и привело к всплеску фундаменталистских настроений. Администрация Д. Буша-младшего, очевидно, сознательно проигнорировала общеизвестные уроки истории. Так, Г. Киссинджер писал о причинах неудачи США во Вьетнаме: «Во всяком случае, Америка заплатила за свою авантюру во Вьетнаме такую цену, которая была несоизмерима с любыми благоприобретенными выгодами ... Америка в первую очередь оказалась вовлеченной в войну потому, что безоговорочно применила принципы-аксиомы своей удачной европейской политики к региону с диаметрально противоположной политической и социально-экономической ситуацией»¹³⁴. Стабильные либеральные демократии за пределами западного культурного ареала – вообще большая редкость, вспоминаются только Япония и Индия. Кроме того, данную форму общественного устройства нельзя механически насадить извне, она должна органически вырасти на местной почве.

Американские действия в Ираке изменили восприятие либеральной демократии в мире. Многие стали воспринимать ее просто как сквозную тему западной пропаганды, а не как «серьезную» идеологию, которой она объективно является и поныне.

Американские операции по смене неудобных режимов заставили пересмотреть концепцию «демократического транзита». Как известно, она в большой степени является обобщением опыта «бархатных революций», которые привели к падению восточноевропейских коммунистических

---

¹³⁴ Киссинджер Г. Дипломатия / Г. Киссинджер; пер. с англ. В. В. Львова. – М.: Ладомир, 1997. – С. 633.

режимов. Однако говорить о переходе от диктатуры к демократии, не конкретизируя данных понятий, – значит слишком абстрактно формулировать вопрос. Только рациональные светские автократии способны совершить «демократический транзит», однако их становится все меньше. Современный российский исследователь И. Тимофеев отмечает в данной связи: «В последние два десятилетия Запад увлечённо добивал цветными революциями или открытыми интервенциями автократии современного типа, невольно умножая число фундаменталистских автократий разных мастей. Эти автократии могут быть удобными союзниками на определённом этапе. Но в ценностном плане они гораздо дальше от западных принципов демократии, нежели любой из уничтоженных авторитарных режимов. Запад, таким образом, лишил себя «скамейки запасных» – тех стран, которые могли бы провести более или менее успешный демократический транзит»¹³⁵.

Таким образом, Запад, действуя на международной арене под универсалистскими лозунгами, на деле часто уничтожает предпосылки для распространения своей общественной модели. Некоторые истолковывают такой политический курс как проявление крайней недалёковидности, однако есть и другое, более убедительное, объяснение: Запад в действительности не хочет повсеместного торжества своего строя. Если уровень зарплат и социальных гарантий в развивающихся странах приблизится к западным нормам, это станет концом неокOLONиальной системы. Последняя для своего функционирования нуждается в сотнях миллионов людей, готовых трудиться за мизерное вознаграждение. Кроме того, стабильный, эффективный политический режим в гораздо большей степени способен сопротивляться внешнему давлению, чем режим кризисный. Чем больше успешных правительств будет в Азии, Африке и Латинской Америке, тем меньше Запад сможет навязывать их жителям свою волю. Триумф американского универсализма означал бы конец американского доминирования, которое,

---

¹³⁵ Тимофеев И. Н. От авторитаризма к демократии? Будущее политических режимов / И. Н. Тимофеев. – URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-avtoritarizma-k-demokratii-budushchee-politicheskikh-rezh/?sphrase_id=262569 (дата обращения: 14.09.2017).

впрочем, при любом развитии событий нельзя сохранить надолго. Дестабилизирующие действия Вашингтона не могут предотвратить переход мира к зрелой мультиполярности, однако значительно повышают связанные с ним издержки, что и позволяет охарактеризовать их как глубоко ошибочные. Анализ более поздних событий только подтверждает данную оценку.

Кавказский кризис августа 2008 г. стал важной вехой в мировой политике. Принудив Грузию к миру, Россия во всеуслышание заявила о своем высоком международно-политическом статусе и потребовала соответствующего уважения к своим интересам – как в «ближнем зарубежье», так и на глобальном уровне. Еще важнее было то, что за рассматриваемыми событиями не последовала международная изоляция Москвы, хотя американская дипломатия упорно работала в данном направлении. Для Вашингтона, не вполне избавившегося от стереотипов ельцинской эпохи, это было неожиданностью. В 1996 г. З. Бжезинский называл Россию «черной дырой» на геополитической карте Евразии и говорил, что у страны есть два пути: смириться с ролью младшего партнера Запада или прекратить свое существование¹³⁶. Выяснилось, что есть и третий путь: возрождение национальной мощи России, полное восстановление ее политического и экономического суверенитета. Не бросая вызов Западу, Москва дала понять, что не собирается поступаться своими коренными интересами ради поддержания хороших отношений с ним. Сотрудничество предпочтительнее конфронтации, однако она неизбежна, если Запад перейдет «красную черту». Справедливости ради нужно отметить, что Россия отказалась от атлантистского внешнеполитического курса еще в 1993 г., а в 1996 г. приняла доктрину многовекторности, однако США долго тешили себя иллюзией *Rex Americana* и не относились к данным решениям с должной серьезностью. В 2008 г. даже ярким поборникам американской гегемонии стало ясно, что усилия В. Путина, Е. Примакова, С. Лаврова и других не пропали даром.

---

¹³⁶ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М.: АСТ, 2014. – С. 148.

Крымские события и успешная операция ВКС РФ в Сирии – продолжение той же тенденции. Из данного ряда выбивается тот факт, что Россия в свое время не заблокировала резолюцию СБ ООН 1973, позволившую США и их союзникам начать вооруженную интервенцию в Ливии. Как известно, после падения режима М. Каддафи страна погрузилась в хаос, из которого не вышла до сих пор. Впрочем, «стратегия хаоса» не может остановить эрозию национальной мощи США, хотя и приносит им несомненные тактические, а иногда и стратегические, выгоды.

Одним из главных результатов американской внешней политики после 1991 г., как уже упоминалось, стало сплочение сил, противостоящих американскому гегемонизму. Уже С. Хантингтон отмечал сближение Китая и некоторых мусульманских стран на антизападной почве, хотя и призывал не переоценивать его перспективы¹³⁷. Второй результат – нагнетание международной напряженности, снижение предсказуемости и управляемости мирового политического процесса. Чтобы отвлечь внимание от кризиса отжившей своей системы, ее сторонники организуют «цветные революции», погружают в хаос целые страны и регионы, разобщают и стравливают людей по всему миру. Однако начавший прибегать к данным средствам вынужден постоянно увеличивать дозу, что неизбежно ведет к полному краху.

Говоря о будущем западной цивилизации, К. Куигли отмечал: «В настоящее время рано судить, разрешится ли текущий кризис западной цивилизации новой, четвертой эпохой экспансии или же он продолжится через эпоху конфликта до всеобщей империи и, в конечном счете, до разложения и вторжения»¹³⁸. Первое издание книги «Эволюция цивилизаций» вышло в 1961 г., автор умер в 1977 г. В данный период, на который пришлась, например, часть правления Ш. де Голля, возможно, еще были основания сомневаться, суждено ли США стать всеобщей империей западного мира и растратить его ресурсы,

---

¹³⁷ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. под общ. ред. К. Королева. – М.: АСТ, 2003. – С. 383–386.

¹³⁸ Quigley C. The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis / C. Quigley. – Indianapolis: Liberty Press/Liberty Fund, 1979. – P. 413.

создав иллюзию «золотого века»¹³⁹. Теперь ясно, что Запад пошел именно по данному пути. Если рассматриваемая концепция верна, новый инструмент экспансии не возникнет, а текущий кризис неизбежно разрешится (может быть, очень нескоро) распадом цивилизации¹⁴⁰.

1.4. Критика идеологии

Ученому, занимающемуся историей культуры, идеологий и нравов, необходимо учитывать трудную философскую проблему, получившую название «гильотины Юма». Автор концепции излагает ее следующим образом: «Я заметил, что в каждой этической теории, с которой мне до сих пор приходилось встречаться, автор в течение некоторого времени рассуждает обычным способом, устанавливает существование Бога или излагает свои наблюдения относительно дел человеческих; и вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно есть или не есть, не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки должно или не должно»¹⁴¹. Идея шотландского философа заключается в том, что этику нельзя с логической необходимостью вывести из онтологии, предписание – из описания. Исчерпывающие доказательства обратного так и не были представлены. Значение изложенных соображений для истории можно пояснить на ряде примеров. Так, убеждения нацистов, несомненно, способствовали их поражению: против их человеконенавистнической идеологии сплотились люди разных взглядов со всего мира. Кроме того, нежелание руководства Третьего рейха учитывать достижения ученых-евреев затормозило развитие нацистского ядерного проекта. Однако приведенные соображения не могут заменить социально-экономического и военно-стратегического анализа, проливающего свет на причины поражения «оси». Неприятная истина заключается в том, что можно

---

¹³⁹ Там же. – Р. 158–159.

¹⁴⁰ Там же. – Р. 161.

¹⁴¹ Юм Д. Сочинения в двух томах / Д. Юм. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: Мысль, 1996. – Т. 2. – С. 510–511.

непротиворечиво мыслить крайне стабильную тиранию. Наивно надеяться, что она рано или поздно рухнет единственно под бременем собственной аморальности, без участия других факторов. Второй пример связан с демографией. Низкую рождаемость в современных западных странах часто объясняют упадком нравственности, оставляя за скобками экономическую обусловленность различных типов воспроизводства населения. Редукционизм – неправильный подход к объяснению социальной действительности, независимо от того, какие именно факторы вырываются из контекста и абсолютизируются в данном конкретном случае – экономические, географические или этические. Об этом необходимо помнить в ходе дальнейшего изложения.

Современная западная культура производит противоречивое впечатление. С одной стороны, создана солидная материально-техническая база (Голливуд и т. д.), присутствует доскональное знание массовой психологии и способов воздействия на зрителя/слушателя/читателя. С другой – идеология потребления не может служить прочной основой культуры как по внешним, так и по внутренним причинам. Культ потребления навязывает людям образ жизни, который недоступен большинству населения даже в богатейших странах мира. Следовательно, современная массовая культура является лишь урезанным и искаженным отражением действительности и не готовит людей к осмысленному взаимодействию с ней. Кроме того, человек, часть потребностей которого создана искусственно (модой, рекламой, общественным мнением и т. д.), часто вынужден слишком много работать, нанося ущерб своему здоровью, самообразованию и личностному росту. Бывший президент Уругвая Х. Мухика сказал об этом: «Мы придумали гору чрезмерных потребностей. Вы должны постоянно покупать, выбрасывать. Это наши жизни, которые мы ломаем. Когда я что-то покупаю или когда вы это покупаете, мы ведь платим не деньгами. Мы платим тем временем нашей жизни, которое мы были вынуждены потратить на то, чтобы заработать эти деньги». Человек, изнуренный чрезмерным трудом и слишком быстрым

темпом жизни, жертвующий своими истинными потребностями ради иллюзии, не может быть ни творцом, ни даже просто квалифицированным потребителем подлинной культуры. Это внутренняя проблема. Существует и внешняя, заключающаяся в том, что общества, лишенные четких мировоззренческих ориентиров, часто уступают напору конкурентов, имеющих однозначно трактуемую картину мира и готовых активно ее отстаивать. Российские ученые С. Градировский, Б. Межуев и П. Щедровицкий отмечают в данной связи: «Все безжалостней обнажаются скрытые фобии массового секулярного сознания относительно религиозной и тем более фундаменталистской ментальности. Особенно болезненно нынешнее «европейское» мироощущение переживает столкновение с формами агрессивной религиозной мобилизации и таким «пугалом» современности, как шахидизм. Духовный кризис усиливает во многом сопряженное с алармизмом сопротивление индивидуалистического и метафизически «беспочвенного» сознания западного человека перспективе возвращения онтологии в культуру»¹⁴². Уже цитировавшийся американский консерватор П. Бьюкенен пишет: «Многие из старинных церквей Америки ныне опустели. Католическую церковь, наиболее многочисленную по числу прихожан, раздирают склоки, ересь и откровенное неверие»¹⁴³.

Впрочем, «закат Европы», в отличие от краха неолиберального проекта, не представляется решенным делом. Известно, что «при взаимодействии систем с разной структурностью ... менее структурная система с неизбежностью приобретает структуру более структурной (закон индукции)»¹⁴⁴. При таком подходе пассионарность, вера, решимость людей, составляющих данные системы, предстают как важные, однако не решающие факторы. Здесь можно вспомнить классический мотив «гибели Рима». Если

---

¹⁴² Градировский С. Н. Государство. Антропоток / С. Н. Градировский, Б. В. Межуев, П. Г. Щедровицкий // Русский Архипелаг. – URL: http://www.archipelag.ru/agenda/strateg/antrostream/project-anropotok/doclad_zakl/ (дата обращения: 06.09.2017).

¹⁴³ Бьюкенен П. Правые и не-правые / П. Бьюкенен; пер. с англ. К. Ковешникова. – М.: АСТ: АСТ Москва: Транзиткнига, 2006. – С. 21.

¹⁴⁴ Переслегин С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске / С. Б. Переслегин // Philosophy. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2005. – С. 198.

при рассмотрении данной проблемы ограничиться периодом поздней античности и раннего Средневековья, может показаться, что найден контрпример к заявленному тезису. Варвары уничтожили Западную Римскую империю, основав на ее территории свои королевства, а потом и низложив последнего императора Ромула Августула. Коренные римляне, которые еще при принципате отличались низкой рождаемостью, были к началу Средневековья в большой степени замещены, в первую очередь, германцами и выходцами с Ближнего Востока. Наступили Темные века – время, когда многие (в том числе и гуманитарные) технологии античности были утрачены, уровень развития производительных сил (соответственно, и уровень жизни большинства населения) был крайне низким, а общественный прогресс шел очень медленно. Казалось бы, налицо полный крах античного мира. Однако, если привлечь материал не только раннего, но и зрелого Средневековья, взору исследователя предстанет совершенно иная картина. Ниже дается список аргументов, доказывающих, что «более структурная» античная цивилизация в конечном счете одержала верх над «менее структурными» германскими племенами.

1) Римско-католическая церковь – институт, «скреплявший» средневековое общество, не дававший ему распасться в условиях феодальной раздробленности, – уходит своими корнями в античность. Христианство, как известно, вышло и оформилось именно в Римской империи и даже стало при Феодосии I ее государственной религией.

2) Синтез христианского богословия и античной философии был последовательно проведен еще великими каппадокийцами. Средневековая схоластика унаследовала от предшествовавшей цивилизации и Библию, и творения Аристотеля, многих отцов Церкви как основание картины мира и отправную точку для дальнейших размышлений.

3) Языком средневековой культуры была латынь, а не, например, англосаксонский или древневерхненемецкий. Вестготы, остготы, западные франки и многие другие утратили свои исконные диалекты, вытесненные

поздней вульгарной латынью. Английский язык, германский в своей основе, сформировался после нормандского завоевания под сильным романским влиянием. «Юридический французский» («Law French») использовался в английских судах еще в первой трети XVIII в. Сегодня романские языки широко распространены в Европе и мире в целом.

4) Одним из величайших государств Средневековья была Священная римская империя (добавление «германской нации» относится к достаточно позднему времени). Понятно, что в ней было мало истинно римского, однако столь решительная обращенность в идеализируемое прошлое впечатляет.

5) Право зрелых средневековых королевств больше напоминало римские образцы, чем обычное право германцев. Последнее отражало социальные отношения доклассового и раннеклассового общества и, разумеется, не подходило для развитого феодализма.

5) Иногда приходится встречать мнение, что феодализм является исконно германским элементом средневекового общества. Однако колонат («протофеодальный» институт) распространился в Римской империи еще до варварских нашествий. С другой стороны, в первый период Великого переселения народов подавляющее большинство германцев еще жили при родовом строе, а феодализм (минуя развитые формы рабовладения) начал складываться у них под влиянием или даже под давлением «более структурной» античной цивилизации. Более того, «чистый» феодализм является научной абстракцией. Согласно «Книге Судного дня», которая была составлена по приказу английского короля Вильгельма I Завоевателя в 1086 г. и представляла собой одновременно кадастр и перепись населения, 9 % жителей тогдашней Англии были рабами. И это при том, что западный феодализм сохранил от рабовладельческого строя гораздо меньше, чем восточный.

6) Когда средневековое общество достигло наивысшего уровня развития, возможного в рамках феодальной общественно-экономической формации

(эпоха Возрождения), оно в поисках вдохновляющих примеров обратилось к античному, а не древнегерманскому, наследию, что также весьма показательно.

Главный вклад германцев в создание западной цивилизации заключался в их пассионарности, которая выражалась в воинственности, инициативности, хорошей обучаемости, высокой рождаемости. Остальное, как правило, так или иначе восходило к античности.

Вышеизложенное не отменяет ни качественного своеобразия средневекового общества, ни катастрофы Темных веков, однако доказывает, что новое закономерно вбирает в себя лучшее из старого, хотя политическая и военная сила оказывается не на стороне уходящего в прошлое мира. Таким образом, даже если политические и демографические прогнозы П. Бьюкенена верны, основы западной цивилизации будут сохранены. Даже почти полное замещение коренного населения иммигрантами (не неизбежное, хотя и возможное) не сможет этому помешать.

Впрочем, все вышесказанное отнюдь не прибавляет неолиберальному проекту респектабельности и не отменяет его исторической обреченности, которая имеет и идеологическое измерение. Американский неомарксист И. Валлерстайн, один из создателей мир-системного анализа, отмечал, что выступления 1968 г. нанесли сокрушительный удар идеологии центристского либерализма, которая восторжествовала в ходе Великой французской революции и почти два века служила геокультурной «надстройкой» капиталистической мир-системы¹⁴⁵. Сильной стороной концепции Валлерстайна (как и классического марксизма) является неприятие грубо оценочного подхода к исследуемым явлениям. Он предпочитает говорить не о пороках либерализма как такового (безотносительно к конкретно-историческим условиям), а о его несоответствии требованиям современности – эпохи, когда капитализм приблизился к полному исчерпанию своих ресурсов.

---

¹⁴⁵ Wallerstein I. World-systems analysis. An introduction / I. Wallerstein. –Durham & London: Duke University Press, 2004. – С. X.

Очевидно, было бы абсурдно утверждать, что безусловно порочная идеология почти 200 лет позволяла мир-системе расти и успешно развиваться.

Аналогично, классический марксизм признает, что буржуазия в свое время была прогрессивным классом. Она боролась с отжившими свое феодальными порядками и отстаивала капиталистические производственные отношения, открывавшие лучшие возможности для развития производительных сил. Соответственно, и либерализм был тогда прогрессивной идеологией, мощным орудием критики феодального мировоззрения, убедительным обоснованием политических и личных прав человека. Со временем буржуазия стала реакционным классом, а либерализм превратился в апологию загнивающего общественного строя. Следовательно, дискуссия о том, хорош или плох либерализм в принципе, без дальнейших уточнений, – это схоластика.

Идеологический/геокультурный анализ современной мир-системы, несомненно, очень важен для понимания текущего кризиса, однако не следует рассматривать идеальное в отрыве от материальных структур. Когда консерваторы сводят наблюдаемый европейский демографический кризис к упадку нравственности, в лучшем случае это односторонний взгляд, в худшем – просто неверно. Теория, упускающая из виду сугубо материальные причины проблемы, не соответствует некоторым ключевым критериям научной достоверности. Говоря об уровне рождаемости в современных США и Западной Европе, необходимо принимать во внимание экономические факторы. В традиционном, аграрном обществе ребенок – это дополнительная дешевая рабочая сила. В индустриальном – это трудоемкий, дорогостоящий проект, причем сделанные финансовые вложения либо окупятся в неопределенно далеком будущем, либо не окупятся вовсе. Соответственно, в аграрном обществе инстинкт продолжения рода и императив социального выживания «работают» в одном направлении, а в индустриальном – в диаметрально противоположных. Социал-либеральные реформы, по понятным причинам, не могут изменить фундаментальный характер

промышленной цивилизации. В богатейших западных обществах, где среднестатистическому гражданину нет нужды волноваться за свое социальное выживание, рождаемость тоже низкая, однако это не опровергает первоначального тезиса. Западный индивидуализм, отвергающий традиционные семейные ценности, также имеет экономические истоки: он неразрывно связан с буржуазными производственными отношениями.

Обусловлено ими и такое явление в современной западной философии и культуре в целом, как постмодернизм. Как известно, данная школа мысли отвергает представление об объективной истине и рассматривает культуру как совокупность различных (в том числе и взаимоисключающих) равноправных нарративов и дискурсов. Нет ни истины, ни лжи, ни четкой системы мировоззренческих координат, есть только версии и мнения. Полезно, оставив на время в стороне вопрос о состоятельности данной теории, рассмотреть ее социально-экономическую и политическую основу. История классовой борьбы учит, что революционные классы заинтересованы в установлении истины, а реакционные – в ее сокрытии. Это неудивительно: истина о будущем неприятна, в первую очередь, тем, у кого его нет или кого оно не радует. В раннее Новое время буржуазная философия отличалась сильными рационалистическими тенденциями (эпоха Просвещения). На повестке дня стояли развенчание феодальной идеологии, обоснование и обслуживание практики капитализма, обладавшего огромным потенциалом развития. Соответственно, защита нового строя во многих случаях не требовала софистики, искажения или утаивания фактов, поскольку время пока действительно было на его стороне. С тех пор ситуация сильно изменилась: капитализм из локомотива общественного развития превратился в его тормоз, а в буржуазной философии укоренился и даже восторжествовал иррационализм, необходимый для затушевывания неутешительных перспектив неолиберального проекта и капиталистической мир-системы в целом. Постмодернизм – одно из проявлений данного «разрушения разума» (термин Д. Лукача). Признание внешней, независимой от человеческого

сознания реальности, объективной истины – шаг, требующий от философа известного мужества. «Невыносимая правда жизни в том, что события, которые на самом деле вызывают беспокойство, случаются вне нас...»¹⁴⁶. Данному подходу постмодернисты противопоставили свой тезис: «Симулякр – это вовсе не то, что скрывает собой истину, – это истина, скрывающая, что ее нет. Симулякр есть истина»¹⁴⁷. Их мотив понятен: полностью рациональное исследование современных общественных отношений означало бы крах господствующей формы геокультуры и приблизило бы окончательное разложение тех политических и экономических порядков, которые она обслуживает.

Описанная трансформация западной культуры хорошо укладывается в концепцию К. Куигли. Он отмечал, что успехи науки – признак расцвета локальной цивилизации, а торжество иррационализма – признак ее кризиса, пусть и не фатального¹⁴⁸. «Эпоха конфликта», неизменно следующая за «эпохой экспансии», является, в частности, «периодом растущей иррациональности, пессимизма, суеверий и неотмирности»¹⁴⁹. Когда социальная действительность не внушает оптимизма большинству населения, многие выбирают иррациональные фантазии, эскапизм, крайние формы религиозности. Современная западная философия во многом потакает нежеланию «общества потребления» смотреть правде в глаза, что только усугубляет ситуацию.

Постмодернизм – только один из способов «бегства от реальности», другим является политкорректность, которая не позволяет адекватно описать, а значит – и решить, некоторые общественные проблемы. Например, еще совсем недавно американским «системным» СМИ с их политкорректным дискурсом удавалось убеждать многих людей в том, что конфликты на национальной и расовой почве – явление для США маргинальное.

---

¹⁴⁶ Жижек С. 13 опытов о Ленине / С. Жижек. – М.: Ад Маргинем, 2003. – С. 23.

¹⁴⁷ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр // Технология свободы. – М.: Постум, 2015. – С. 5.

¹⁴⁸ Quigley C. The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis / C. Quigley. – Indianapolis: Liberty Press/Liberty Fund, 1979. – P. 293.

¹⁴⁹ Там же. – P. 150.

Неудивительно, что события в Фергюссоне были для многих американцев громом среди ясного неба. Между тем, открытое и честное обсуждение проблемы помогло бы предотвратить столкновения. Впрочем, немало случаев, когда непосредственное содержание конфликта лишь маскирует истинные цели и интересы тех или иных общественных сил (необязательно прямо в нем участвующих). Так, в современных США к истории Гражданской войны 1861-1865 гг. обращаются как сторонники, так и противники экс-президента Д. Трампа, причем и те, и другие преследуют вполне злободневные цели, имеющие мало общего с подлинными причинами войны 150-летней давности.

Можно провести известную аналогию между текущим положением США и советской действительностью эпохи «застоя». Диалог брежневской поры почти полностью утратил изначальный творческий характер марксистско-ленинской философии. Развивающийся, открытый для дискуссий и критики метод был заменен застывшей онтологией, набором готовых формул и рецептов. Этого и следовало ожидать: любая попытка аутентичного прочтения классиков могла обернуться обличением самого позднесоветского строя. Здесь стоит вспомнить знаменитые слова одного из героев М. А. Булгакова: «Разве Карл Маркс запрещает держать на лестнице ковры? Где-нибудь у Карла Маркса сказано, что второй подъезд Калабуховского дома на Пречистенке следует забить досками и ходить кругом через черный двор?»¹⁵⁰. Точно так же почти любое философское исследование, ставящее своей целью установление истины, а не создание очередного «нарратива», представит неолиберальный проект в невыгодном свете. Следовательно, его сторонники заинтересованы в исключении некоторых способов философствования из публичного дискурса.

Кроме того, в позднесоветском обществе публичное обсуждение политических и социально-экономических вопросов предполагало обязательное использование набора застывших формул. Его цель состояла, в частности, в том, чтобы сделать наиболее болезненные проблемы

---

¹⁵⁰ Булгаков М. А. Собачье сердце / М. А. Булгаков // Избранные произведения. В 2-х т. – К.: «Дніпро», 1989. – Т. 1. – С. 479.

безымянными и, как следствие, «ненаблюдаемыми». Когда В. И. Ленин говорил об империализме как загнивающем капитализме, это была вполне научная гипотеза, удовлетворявшая критериям верифицируемости и фальсифицируемости. В позднесоветском диалогате слово «загнивающий» применительно к капитализму стало ничего не значащим эпитетом. Реальный анализ пороков мир-системы (которые даже ее пламенные апологеты не могут полностью отрицать) был подменен догмами и лозунгами. В современной неолиберальной политкорректности тоже есть нечто оруэлловское: сужение диапазона мысли и здесь рассматривается как достижение.

Система навязывает подвластным ей людям язык, на котором ее критика либо невозможна, либо неизбежно сводится к очевидно бессодержательным, абсурдным утверждениям. И главная проблема заключается отнюдь не в том, что такое бесцеремонное навязывание может вызвать бурную, опасную для существующих властных структур реакцию. Люди, занимающие верхний этаж Системы, со временем нередко начинают использовать данный искаженный язык при общении между собой, думать на нем, а это лишает их возможности предвидеть опасности и адекватно и оперативно реагировать на них. В. Пелевин писал в эссе «Зомбификация»: «Единственная слабость этой [тоталитарной] системы в том, что из-за поголовной зомбификации у власти тоже рано или поздно окажутся зомби. С этого момента начинается разброд, хаос и стагнация...»¹⁵¹.

Неолиберализм тоталитарен в смысле отсутствия у живущих при нем людей подлинного выбора. В свое время испанский философ Х. Ортега-и-Гассет создал впечатляющую метафору «тюрьмы, которая растягивается, как резина, не выпуская на волю»¹⁵². Он применял ее к западной культуре XIX в., однако она не менее уместна как характеристика неолиберального проекта. Последний, как явствует из предшествующего анализа, исторически обречен, в том числе, и потому, что он не может неопределенно долго поддерживать хотя

---

¹⁵¹ Пелевин В. О. Все повести и эссе / В. О. Пелевин. – М.: Эксмо, 2005. – С. 390.

¹⁵² Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: сб. / Х. Ортега-и-Гассет // Philosophy. – М.: АСТ, 2002. – С. 35.

бы приемлемое качество политических и экономических решений. Управляющие и управляемые не отделены друг от друга непроходимой стеной. Если элита изолирует себя от общества, стремится снизить эффективность социальных лифтов, то она теряет связь с реальностью, лишается социальной опоры, вырождается и терпит крах. Альтернатива есть – рекрутировать часть кадров из расположенных ниже социальных страт. Однако для современных западных элит это означает допустить к власти людей, чью психику они до этого систематически деформировали, используя подконтрольные СМИ и проплаченных «властителей дум». Налицо тупиковая ситуация.

Для поддержания любого общественного строя необходимы элиты, достаточно трезво оценивающие меняющуюся обстановку и эффективно решающие хотя бы часть возникающих проблем. Неоднократно утверждалось, что при тоталитарном режиме верхушка, навязывающая народу определенное мировидение, со временем либо сама начинает проникаться им, либо вообще утрачивает базовую онтологию. В последнем случае она теряет волю и мотивацию, скатывается к бессистемному мышлению. Так или иначе, в долгосрочной (или даже среднесрочной) перспективе крах режима неизбежен. Историками собран богатый фактический материал, говорящий в пользу такого хода рассуждений. Однако остается открытым вопрос, является ли падение тоталитарных режимов логически неизбежным или нет? Как известно, некоторые авторы антиутопий выбирали второй вариант ответа. Д. Оруэлл в романе «1984» описал тоталитарный строй, максимально защищенный от внутренних и внешних угроз. Элита, контролирующая разветвленный аппарат подавления, практикует так называемое «двоемыслие» – психотехнику, позволяющую произвольно переключаться между двумя картинками мира – предельно идеологизированной и более или менее объективной. Иными словами, правители, парадоксальным образом, сохраняют и трезвый взгляд на вещи, и полную уверенность в своей непогрешимости и непобедимости. Угроза режиму извне исключена: три

сверхдержавы, поделившие между собой большую часть мира, ведут войны только для консервации, а не для нарушения статус-кво.

Насколько реальна такая перспектива? Она представляется непротиворечивой, однако есть большая разница между формальной и реальной возможностями. Впрочем, в романе-предупреждении Д. Оруэлла, пусть и в гиперболизированной, заостренной форме, отражен ряд подлинных черт советского и западного общества. Некоторые полагают, что произведение английского писателя направлено только против сталинизма и аналогичных политических моделей. Немецко-американский философ и психолог Э. Фромм не соглашался с данной точкой зрения, резонно указывая, что книга правдиво отражает, в том числе, и целый ряд западных реалий. В частности, он писал: «Мы показываем наше общество как общество свободной инициативы, индивидуализма, идеализма, а на самом деле это лишь слова. Мы представляем собой централизованное, административное индустриальное общество, бюрократическое по существу, мотивированное материализмом и лишь немного смягченное по-настоящему духовными и религиозными заботами»¹⁵³.

Альтернативные антиутопии предложили О. Хаксли в романе «О дивный новый мир» и Е. Замятин в романе «Мы». Хаксли описывает самоподдерживающееся общество потребления, состоящее, в основном, из «одномерных людей» (термин Г. Маркузе). Данная в произведении характеристика духовной ситуации позднекапиталистического общества – одна из лучших в мировой литературе. Однако сегодня трудно представить себе экономику, которая обеспечивала бы достаточно высокий уровень потребления всему населению Земли, не причиняя при этом критического ущерба природе. Несмотря на высокие технологии, реальная капиталистическая мир-система, во-первых, вплотную приблизилась к экологическим «пределам роста», во-вторых, поддерживает (кстати,

---

¹⁵³ Фромм Э. Комментарии к «1984» / Э. Фромм. – URL: http://orwell.ru/library/novels/1984/russian/rnt_ef (дата обращения: 10.09.2017).

неуклонно снижающийся) уровень жизни «золотого миллиарда» только ценой постоянных лишений и страданий большей части человечества. Е. Замятин, несомненно, выстроил в своем произведении рабочую модель тоталитарного государства, однако намеренно ограничил свои выводы. Во-первых, Единое Государство, вопреки официальной пропаганде, не охватывает всего человечества, во-вторых, финал романа остается открытым: хотя судьбы главных героев решены, неизвестно, чем закончится восстание против тирании.

Антиутопии представляют ценность для политологического анализа не только как более или менее обоснованные прогнозы на будущее, но и как отражение уже существующих тенденций общественного развития, возможно, еще не успевших обратить на себя внимание представителей специальных наук.

Можно непротиворечиво мыслить увековечившую себя тоталитарную систему. Впрочем, ее возникновение остается маловероятным. Слабости же авторитарных и тоталитарных режимов были детально исследованы Ф. Фукуямой¹⁵⁴, который пророчил кризисы легитимности только государствам, не являющимся либеральными демократиями. Между тем, протесты в США против администрации Д. Трампа идут вразрез с приведенным прогнозом. Могут возразить, что США – не либеральная демократия, а финансово-олигархическая республика, и это будет недалеко от истины. Однако открыто признать это неолиберальные идеологи не могут.

Сделанные выводы необходимо снабдить известными оговорками. Сферы общественной жизни отличаются значительной степенью автономии, и кризис в одной из них (даже если это экономика) не позволяет без дальнейшего конкретного анализа, на основании априорных посылок сделать вывод о неблагополучии системы в целом. Взаимодействие ее подсистем имеет нелинейный, крайне сложный характер. Марксистская философия

---

¹⁵⁴ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; пер. с англ. М. Б. Левина // Philosophy. – М.: АСТ: Ермак, 2005. – 588, [4] с.

подчеркивает, что базис не только определяет надстройку, но и испытывает ее обратное влияние. Мысли и намерения людей так или иначе отражают их материальную жизнь, общественную практику, однако и роль идей в преобразовании материальных условий трудно переоценить. К. Маркс отмечал: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»¹⁵⁵. Кроме того, такие культурные феномены, как логика и язык, не являются частью надстройки, они имеют надклассовый характер. Соответственно, выявить механизмы их внутренней и внешней детерминации еще сложнее.

И идеология, и искусство, и философия, отражая в той или иной форме практические интересы людей, сохраняют, тем не менее, свою специфику. Данные виды человеческой деятельности тесно и многообразно связаны с социально-экономическим и политическим развитием общества, однако их нельзя рассматривать только как его функцию. В. И. Ленин подчеркивал, что ни одна форма отражения действительности не есть механическое копирование. Напротив, любая из них представляет собой сложный продукт действия законов, присущих как отражаемому, так и отражающему.

К. Маркс писал: «Относительно искусства известно, что определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации»¹⁵⁶. И далее: «... трудность заключается не в том, чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны с известными формами общественного развития. Трудность состоит в том, что они еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном отношении служить нормой и недостижимым образцом»¹⁵⁷.

---

¹⁵⁵ Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение / К. Маркс. Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения // К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 1. – С. 422.

¹⁵⁶ Маркс К. Введение (из экономических рукописей 1857-1858 годов) / К. Маркс. Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения // К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1958. – Т. 12. – С. 736.

¹⁵⁷ Там же. – С. 737.

Динамичные, обладающие большим запасом прочности общества могут долгое время довольствоваться достаточно примитивными формами культуры (варварские королевства Западной Европы). Политическая раздробленность не помешала ни итальянскому Возрождению, ни развитию немецкой классической философии и немецкого романтизма. С другой стороны, современные США достаточно бедны высокой культурой, хотя все мыслимые материальные предпосылки для ее развития налицо. Наконец, кризис общества (и любой его подсистемы) может иметь двойной исход. Он может привести либо к качественному скачку, переходу на новый уровень развития, либо к окончательному упадку и деградации. Нет исчерпывающих доказательств того, что постмодернизм сформировался именно в рамках второго сценария («разложение буржуазной философии»). Сегодняшний всплеск иррационализма – не первый в истории западной культуры. Христианский мистицизм XVII в. был во многом забыт в эпоху Просвещения с ее культом Разума, а романтическое мироощущение уступило место холодной рассудочности викторианской эпохи, в искусстве которой, впрочем, было немало «подводных течений».

Возможно, постмодернизм отчасти объясним, как отражение незавершенности текущей научно-технической революции. Старые парадигмы «работают» все менее эффективно, а становление новых еще далеко от завершения. Когда наука переживает кризис, когда ее фундаментальные положения подвергаются пересмотру, часть общества теряет веру в ее способность познавать мир и служить теоретической основой его преобразования. С данной точки зрения, постмодернизм – это отражение продолжающегося развития познания, преодоления старых, узких форм рациональности.

Таким образом, хотя сам факт кризиса современной западной культуры не вызывает сомнений, он допускает различные интерпретации. Возможно, имеет место болезненный процесс прогрессивного развития, и причин для пессимизма мало. Впрочем, даже если наблюдаемый духовный кризис

является терминальным, это еще не классический «закат Европы»: можно предположить, что Западу, оставившему позади стадию культуры (по О. Шпенглеру), еще предстоят значительные успехи в период цивилизации.

1.5. Выводы по первой главе

Выше были проанализированы сущность неолиберального проекта и причины его кризиса. Сам факт кризиса с оговорками признается даже убежденными защитниками современной мир-системы. Однако то, как они видят его причины и механизмы, а также вероятное разрешение, обусловлено их классовым положением. Если объяснять проблемы, с которыми сталкивается «золотой миллиард», внешними причинами (например, затянувшимся переходным периодом после краха СССР), то можно уверить себя, что глобальный капитализм преодолеет их, сохранив свои фундаментальные характеристики. Внешние причины, действительно, присутствуют, однако им часто дается неверное истолкование. Сегодня человечество вплотную подошло к исчерпанию некоторых видов невозобновляемых ресурсов. Понять внесоциальный аспект данного вызова нетрудно, труднее сделать следующий шаг и задаться вопросом, почему именно капиталистическая экономика оказывает беспрецедентное давление на природу. Ссылка на высокий уровень производительных сил сама по себе ничего не доказывает по двум причинам. Во-первых, как отмечает советский историк и географ Л. Н. Гумилев, вызвать экологическую катастрофу может и общество, вооруженное техникой каменного века (образование пустыни Сахары). Во-вторых, капиталисты используют научно-технический прогресс в своих эгоистических целях, а не для гармонизации отношений внутри общества, между обществом и природой. Развитие машинного производства, например, в Великобритании XIX в. приводило к росту эксплуатации рабочих, а на сокращение рабочего дня буржуазия пошла не из-за повышения производительности труда, а из страха перед крепнущим массовым движением

пролетариата. Равным образом, обладая технологиями, позволяющими существенно уменьшить нагрузку на биосферу, большой бизнес, напротив, увеличивает ее в погоне за прибылью. Отчасти это можно объяснить конкуренцией, однако монополии действуют в той же логике.

Капиталистическая экономика управляется законом стоимости, который требует максимизации прибыли и ставит во главу угла накопление капитала. Потребность людей в тех или иных материальных благах сама по себе, безотносительно к возможностям ее монетизации, здесь не учитывается. Между тем, только общество, ограничивающее производство пределами разумного, ориентированное на справедливое распределение, может жить в гармонии с природой и избегать чрезмерной нагрузки на трудящихся.

Говоря о внешних факторах кризиса мир-системы, нередко вспоминают страны, которые не хотят полностью интегрироваться в нее и даже бросают ей вызов. С неолиберальной точки зрения, такая позиция является сугубо неконструктивной, данные страны объявляются отсталыми, неспособными достойно ответить на вызов Модерна и т. д. Действительно, сегодня на Земле существует целый ряд фундаменталистских движений, являющихся воплощением архаики в ее худших формах, однако именно они часто полностью встроены в капиталистическую мир-систему как ее неотъемлемая часть. Международный терроризм используется западными элитами как инструмент давления и на союзников, и на противников. Режим М. Каддафи в Ливии не хотел подчиняться логике глобального рынка – и страна стала добычей экстремистов. Западноевропейские страны неоднократно выражали недовольство политическим диктатом США – и наступил европейский миграционный кризис, в большой степени вызванный ближневосточными террористическими группировками, действующими при попустительстве и даже под покровительством Вашингтона. Хотя капиталистическая мир-экономика в целом ориентирована на (своеобразно понимаемое) прогрессивное развитие (пока оно не ставит под угрозу ее основы), она нуждается в сохранении на планете очагов отсталости, которые, во-первых,

подвергаются жестокой эксплуатации, во-вторых, поставляют кадры для международных преступных организаций, служащих удобным «пугалом» и инструментом насилия.

С другой стороны, страны, действительно не желающие играть по навязанным глобальной элитой правилам, отнюдь не являются отсталыми. Напротив, необходимо достичь достаточно высокого уровня развития, чтобы прийти к аргументированному выводу о порочности господствующего порядка и противопоставить ему свой жизнеспособный проект, который не будет тут же сметен империалистами. Жители, например, Кубы и Северной Кореи на самом деле не таковы, какими их представляют либеральные мифы.

Отсталость поддерживается и даже насаждается самой капиталистической мир-системой, а многие ее критики, наоборот, искренне привержены идее подлинного прогресса и не хотят, чтобы их страны повторили судьбу Украины, которая под лозунгом «вхождения в цивилизованный мир» уничтожила большую часть своей экономики.

Таким образом, наблюдаемый кризис неолиберального проекта нельзя объяснить наследием «холодной войны», строптивостью «несистемных» игроков или вырванными из контекста экологическими соображениями. Кроме того, несостоятельны попытки представить его как испытание, которое капиталистическая мир-система способна пережить. Исследование показывает, что целый ряд противоречий господствующего порядка, во-первых, имеет имманентный характер, во-вторых, не может быть разрешен в его рамках. Аналитики разных направлений единодушно утверждают, что сегодня человечество стоит на пороге коренной трансформации всего жизненного уклада, которая коснется каждого. При этом необходимо помнить, что политические и экономические системы отличаются большой инерцией. Ослабление американского влияния и перестройка мировой системы производства и распределения материальных благ – это долгие процессы, конкретные формы и темпы которых не всегда можно предсказать.

Тем не менее, историческая обреченность капиталистической мир-системы не вызывает сомнений, причем обусловлена она, в первую очередь, экономическими причинами. Политический и духовный кризисы в большой степени являются отражением экономических процессов, что, разумеется, не отменяет специфики и известной автономии политики и культуры, а также их обратного влияния на хозяйственную жизнь.

Своеобразным водоразделом в новейшей истории является 2008 г., который принес ряд событий, настроивших многих сторонников американской гегемонии на пессимистический лад:

1) начался мировой финансовый (позже – экономический) кризис, из которого США вышли с большими потерями, чем некоторые другие страны мира;

2) во время и после кавказских событий августа 2008 г. Россия не только показала всему миру, что не желает мириться с американским диктатом, но и сумела минимизировать ущерб от ответных действий Вашингтона;

3) на президентских выборах в США победил кандидат от Демократической партии Б. Обама, не имевший, как выяснилось позже, целостной концепции внешней политики (у неоконсерваторов такая концепция была, хоть она и имела преимущественно деструктивный характер).

Многие международные события последних лет – следствия действий Вашингтона, пытающегося удержать ускользающую гегемонию, не стесняясь в средствах. Ливийский, сирийский и украинский кризисы, нагнетание напряженности на Дальнем Востоке, нестабильность в Венесуэле и других странах Латинской Америки, продолжающаяся, несмотря на установление дипломатических отношений, блокада Кубы – вот лишь некоторые примеры. Необходимо учитывать не только непосредственные, но и отдаленные последствия американской внешней политики. Некоторые азиатские и африканские страны до сих пор участвуют в кровопролитных конфликтах из-за границ, установленных британской колониальной администрацией много десятилетий назад. Американское глобальное доминирование оказало еще

более глубокое влияние на политические, экономические и культурные структуры мира.

Изложенные общетеоретические посылки можно и нужно использовать для анализа частных проблем, в том числе и перипетий современных российско-немецких отношений, которые вне такого широкого контекста во многом предстанут непостижимыми. По мысли неореалистов (К. Уолц и др.), внешнеполитическое поведение государств в гораздо большей степени определяется структурой системы международных отношений и их местом в ней, чем их собственными атрибутами. Это верно, однако К. Уолц в книге «Теория международной политики» сосредоточивается на политическом анализе и не всегда отдает должное экономическим проблемам. Геоэкономика, во многом основанная на идеях И. Валлерстайна, и вовсе ставит под вопрос взгляды государственных автономистов, которые часто ориентируются на архаичные представления о суверенитете, восходящие к Вестфальской системе международных отношений.

Исследование широкого международно-политического контекста современных российско-немецких отношений не должно создавать впечатление, будто правительства обеих стран просто подчиняются железной логике событий и неспособны самостоятельно инициировать серьезные перемены. Напротив, понимание существующих рисков и ограничений только ярче высветит ответственность, лежащую на российском и немецком руководстве.

Прежде чем перейти к конкретно-историческому анализу отношений Москвы и Берлина, необходимо кратко суммировать все теоретически возможные варианты разрешения глобального кризиса, включая, для полноты классификации, и те, которые не укладываются в (нео)марксистский дискурс.

1) Сохранение капиталистической мир-системы в новой форме. На смену концепции «ночного сторожа» пришло кейнсианское управление спросом, которое, в свою очередь, было вытеснено неолиберализмом, и все это в рамках одной общественно-экономической формации. Возможно, в странах «золотого

миллиарда» возобладает другая модель отношений общества, государства и корпораций (например, японская или китайская, а не западная), что позволит изыскать ресурсы, необходимые для реализации в основе своей инерционного сценария.

2) Выход социалистических стран на лидирующие позиции в мировой экономике, переход старых центров капитализма на социалистический путь развития. После распада СССР данная альтернатива не пользуется популярностью среди ученых и политиков, однако существует хорошо обоснованная точка зрения, согласно которой крах советского проекта был вызван отходом от социалистических принципов, а не их несостоятельностью.

3) Различные варианты «третьего пути». О конвергенции социализма и капитализма рассуждали по обе стороны «железного занавеса». Данную идею обосновывал американский экономист Д. К. Гэлбрейт, в художественной форме ее воплотили братья Стругацкие. Она не утратила актуальности и после окончания «холодной войны». Современную китайскую модель истолковывают трояко: как пример реванша капитализма, как механическое, искусственное, непрочное соединение элементов двух разных укладов или, наконец, как образец успешной конвергенции. Вышеизложенное говорит в пользу первой интерпретации, однако окончательный вердикт вынесет только время. От судеб китайского проекта во многом будет зависеть оценка теории конвергенции как таковой.

4) Те или иные катастрофические сценарии. Речь может идти о глобальном ядерном конфликте или о распаде мировой экономики по другим причинам (экология, неспособность преодолеть фазовый барьер и т. д.). В обоих случаях неизбежна утрата ключевых достижений современной цивилизации. Впрочем, сам научный метод утратить гораздо сложнее, чем конкретные знания и технологии, полученные с его помощью.

Важно понять, каким будет уход гегемона – плавным или резким, будет ли он сопряжен с большими разрушениями. С этим связан вопрос о том, что ожидает выстроенную им и вокруг него систему: глубокая трансформация с

сохранением главного, качественный скачок, разрушение. История учит, что возможные варианты «конца эпохи» отличаются большим разнообразием. Агония Западной Римской империи растянулась надолго, и низложение последнего императора имело скорее символическое значение. В 410-476 гг. государство постепенно утрачивало политическую субъектность. За данный период Рим (уже утративший столичный статус, однако сохранивший ореол «вечного города») был трижды взят и разграблен неприятелем, на территории империи возник целый ряд варварских королевств, правители которых только формально (да и то не всегда) признавали власть Равенны. С другой стороны, даже низложение Ромула Августула в 476 г. не означало полного разрушения старого мира. Государство Сиагрия пало только в 486 г., а римское крупное земле- и рабовладение держалось в Италии до лангобардского завоевания.

Хотя разрушение Западной Римской империи было нелинейным, противоречивым, долгим процессом, который время от времени тормозился эффективными действиями политиков и полководцев, античный способ производства это не спасло. Он разложился, и ему на смену пришли качественно новые производственные отношения.

Упадок великих колониальных империй Нового времени также происходил постепенно, однако в двух важных отношениях он коренным образом отличался от гибели Рима. Во-первых, он не был вызван разложением капиталистической общественно-экономической формации. Напротив, империи возникали и рушились, а капитализм продолжал поступательно развиваться по имманентным ему законам. Во-вторых, гибель Рима под ударами варваров – часть сложного процесса, в ходе которого античная цивилизация была замещена новой, западной. Напротив, Испания, Португалия, Франция, Великобритания, США – страны одной цивилизации, и никакое перераспределение влияния между ними само по себе не может вызвать смену базовой онтологии западного человека.

Многие аналитики жестко и однозначно связывают наблюдаемый кризис американской мощи с агонией существующей мир-системы, однако (по

крайней мере, теоретически) не исключено, что ей предстоят смена лидера и болезненная трансформация, которые не затронут ее первооснов. Если будет реализован второй вариант, это не послужит опровержением марксизма. Последний правильно вскрыл основные противоречия капитализма и убедительно обосновал вывод о его исторической обреченности. С другой стороны, несколько поколений марксистов недооценивали живучесть высшей формы эксплуататорского строя, ее способность адаптироваться к меняющимся обстоятельствам, используя как внутренние ресурсы (классический либерализм, неолиберализм), так и элементы конкурирующих моделей (кейнсианство). Парижская коммуна пала под ударами версальцев. Венгерская и Баварская советские республики оказались крайне недолговечными государственными образованиями. Поражение Советской России в войне с Польшей заставило Москву отодвинуть мировую революцию в область долгосрочного планирования, а текущие политические решения основывать преимущественно на принципе мирного сосуществования стран с различным общественным строем. Венгерские события 1956 г., возведение Берлинской стены, Пражская весна 1968 г. испортили репутацию государственного социализма в глазах западных интеллектуалов, однако многие из них не отказались от марксистского наследия как такового. Напротив, в бурном 1968 г. некоторые студенческие демонстрации на Западе проходили под лозунгом «Маркс, Мао, Маркузе». Впрочем, Советский Союз был неспособен использовать данные настроения в своих целях и уже к началу 1970-х гг. утратил статус идеологической державы, а в 1991 г. и вовсе рухнул.

В постбиполярный период, как минимум, частичное перерождение китайской и вьетнамской моделей стало очевидным, хотя не вполне ясно, как данные общества будут развиваться в дальнейшем. Куба выдвинула лозунг модернизации социально-экономической модели, который оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, марксизм – творческая, развивающаяся философия, в которой главное – логика и теория познания, а не онтология. Странно, когда люди, называющие себя марксистами, держатся

за устаревшие рецепты и игнорируют происходящие в мире перемены. С другой стороны, под лозунгом обновления нередко предпринимались попытки провести ревизию марксизма и создать, по меньшей мере, идеологические условия для реставрации капитализма. Можно по-разному интерпретировать тот факт, что призывы к модернизации особенно громко раздаются именно сегодня, вскоре после восстановления американо-кубинских дипломатических отношений. Цель США, как и раньше, – изменить общественный строй Кубы, найдя себе союзников внутри страны и направив в неверное русло искренний энтузиазм ее жителей. Наконец, хотя Северная Корея успешно противостоит попыткам размыть основы ее социально-экономической и политической модели, она тесно связана с капиталистической мир-системой через торговлю с Китаем. Кроме того, до внешнего мира доходит мало информации о ее внутренней жизни, поэтому спешить с выводами не следует.

В начале XXI века многие сторонники социализма чувствуют неуверенность или даже разочарование, однако в этом они далеко не одиноки. Неолибералы присутствуют при конце построенного по их чертежам мира, традиционалисты, не предложившие убедительных ответов на некоторые вызовы модерна, теперь нередко не знают, как относиться к постмодерну. Крайне правые в странах «центра» и фундаменталисты за его пределами – очевидно непроектные силы, неспособные предложить человечеству альтернативу, плохо выглядящие даже на фоне агонизирующего неолиберализма. Попытки создать оригинальную жизнеспособную теорию до сих пор давали неоднозначные результаты.

Очевидно, что в качественно новых конкретно-исторических условиях готовых ответов у человечества нет. Однако поработанность современного человека отчужденными от него рыночными механизмами и бюрократическими аппаратами, несомненно, вызовет реакцию в виде нового издания левого проекта. Остается неясным, кто составит основную «группу поддержки» новой модели. Пролетариат «центра» в целом глубоко проникся буржуазным сознанием, однако прогрессирующий демонтаж социального

государства, вероятно, заставит его пересмотреть свое мировоззрение. Впрочем, доля промышленных рабочих в структуре занятости развитых капиталистических стран невелика, в сфере услуг там занято гораздо больше людей. Пролетариат индустриализирующихся стран растет численно, нередко укрепляется идеологически и организационно, однако последствия длившегося десятилетиями «развития недоразвитости» не позволят ему в полной мере использовать свой потенциал. При этом не все марксисты считают, что без пролетарской революции невозможен переход к социализму. Например, итальянский мыслитель А. Грамши выдвинул концепцию культурной гегемонии, некоторые элементы которой нашли себе применение в ходе общественно-политической борьбы в США в 1960-х гг. Наконец, проблемы, возникающие на пути нового, нисколько не улучшают положения отживших свое практик и институтов.

ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ

2.1. Динамика двусторонних отношений с начала украинского кризиса

Украинский кризис стал серьезнейшим испытанием для европейской архитектуры безопасности со времен кавказских событий августа 2008 г. После принуждения Грузии к миру российско-немецким отношениям потребовалось около двух лет на восстановление. Свержение режима В. Януковича и последовавшие за ним военные действия будут иметь для них более разрушительные последствия. Прежде чем обсуждать влияние данных событий на европейскую и мировую историю, необходимо дать их причинное объяснение и кратко охарактеризовать их международно-политический контекст.

Роль России в европейской системе международных отношений активно обсуждается как в самой стране, так и на Западе. Некоторые политики и эксперты выступают за создание единой зоны безопасности от Ванкувера до Владивостока. По их мнению, только так можно сделать Европу по-настоящему единой и гарантировать ее от раскола в ходе новой «холодной войны». Противники данного взгляда считают его утопическим и утверждают, что в обозримом будущем Россия не будет интегрирована в европейскую архитектуру безопасности. Сотрудничество между Москвой и Брюсселем будет время от времени прерываться периодами конфронтации.

Современные западные лидеры нередко проводят непоследовательную внешнюю политику, нацеленную одновременно на «сдерживание» России и ее вовлечение в решение общих проблем.

Ниже рассматриваются различные аспекты российско-немецких отношений. Решения, принимаемые в Москве и Берлине, могут коренным

образом изменить судьбу западного проекта в начале нового тысячелетия, если будут иметь преимущественно проектный, а не инерционный, характер. Великая рецессия окончательно разрушила надежды США на мировое господство. Вашингтон, начавший терять международное влияние, своими попытками переломить ситуацию только дестабилизирует ее. В таких условиях нелегко выработать эффективную стратегию за Россию или Германию.

Российское руководство понимает, что ЕС никогда не расширится до пределов Большой Европы. Брюссель сможет достичь своих целей только в тесном взаимодействии с другими акторами. По словам российского эксперта А. Торкунова, «РФ, ЕС, все третьи европейские страны должны совместными усилиями создавать тот мир, в котором мы хотели бы жить»¹⁵⁸. Данное утверждение является положительным сигналом для Европы, но ниже ученый добавляет: «Никто не должен обладать монопольным правом на вынесение оценки демократичности»¹⁵⁹. Недопустимо использовать апелляции к нормам и ценностям демократии для давления на соседей и решения собственных проблем за их счет. Не стоит пересматривать трактовку понятия «суверенитет», сложившуюся в современном международном праве. Фундаментальная зависимость системы международных отношений от воли отдельных государств в обозримом будущем не исчезнет. Следовательно, реализацию европейского проекта можно приветствовать, но переоценивать его не нужно¹⁶⁰.

Упомянутые факты проливают свет на нынешнюю позицию Кремля по Украине. Россия имеет ясное представление как о своих собственных интересах, нередко игнорируемых Объединенной Европой, так и о слабостях и проблемах последней. Страна четко обозначила свою трактовку украинского

---

¹⁵⁸ Торкунов А. В. По дороге в будущее / А. В. Торкунов. – М.: Аспект Пресс, 2010. – С. 20.

¹⁵⁹ Там же. – С. 22.

¹⁶⁰ Там же. – С. 20–22.

кризиса, возложив ответственность за него на активистов Евромайдана¹⁶¹ ¹⁶². До сих пор никакая критика и никакие санкции Запада не заставили Москву пересмотреть свое мнение.

Возникает вопрос, как украинские события повлияют на развитие российско-немецких отношений. Две страны придерживаются почти полярных взглядов на некоторые международные проблемы, что очень мешает их сотрудничеству. С другой стороны, Москва и Берлин имеют ряд общих интересов, и разрыв существующих между ними связей будет иметь катастрофические последствия для миропорядка в целом. Каждый международный актер должен, отстаивая собственную позицию, помнить о своей ответственности за безопасность и благополучие всех.

После присоединения Крыма к РФ некоторые немецкие консерваторы стали выступать за ужесточение российской политики Германии, не исключая ни новых санкций ЕС против Кремля, ни усиления военного присутствия НАТО в Восточной Европе. Впрочем, упомянутое мнение в свое время не было отражено в официальных документах ХДС и ХСС¹⁶³.

В современных российско-американских отношениях конфронтация по одним вопросам удивительным образом сочетается с сотрудничеством по другим. Не отказываясь от критики российской политической модели, Вашингтон (пусть и весьма косвенно) признает вклад Москвы в разрешение сирийского и иранского кризисов. Там, где речь идет о ценностях, между Россией и США вероятен конфликт. Там, где пересекаются их интересы, открываются возможности для сотрудничества¹⁶⁴. Данная модель подходит и для описания российско-немецких отношений, в которых за охлаждением всегда следует новое сближение.

---

¹⁶¹ Лавров: хорошо известно, кто и как создал кризис на Украине // Russia Today. – URL: <http://russian.rt.com/article/23497> (дата обращения: 09.10.2017).

¹⁶² Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/20603> (дата обращения: 09.10.2017).

¹⁶³ Weiland S. Deutsche Russland-Politik: Unions-Abgeordnete für härteren Kurs gegen Putin / S. Weiland // Der Spiegel. – URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/russland-cdu-und-csu-fuer-kurswechsel-gegen-putin-a-969317.html> (дата обращения: 09.10.2017).

¹⁶⁴ Trenin D. Mit Putin weiß man, was man hat / D. Trenin // Die Zeit. – URL: <http://www.zeit.de/2014/07/russland-aussenpolitik-putin> (дата обращения: 09.10.2017).

Усилившиеся российско-американские разногласия вынудили Берлин отказаться от «особых отношений» с Москвой и поддержать НАТО в начинавшемся противостоянии. Германия, в прошлом предпринявшая ряд попыток освободиться из-под опеки Вашингтона, вернулась в фарватер американской внешней политики. Неудивительно, что большинство россиян считают российскую политику ФРГ несамостоятельной. Специалисты дают ей более взвешенные оценки, но и они нередко сетуют, что европейцы никогда не принимают важных решений без согласования с США.

Немецкие лидеры продолжают критиковать политику Кремля в области прав человека. По их мнению, принятый в РФ закон, регулирующий деятельность неправительственных организаций, противоречит базовым либеральным нормам. В свое время представительница немецких «зеленых» М. Бек исходя из такого рода соображений призвала ЕС отказаться от дальнейшего смягчения визового режима с Россией. Также она заявила, что немецкий бизнес должен поддержать требование демократизации страны, озвученное официальным Берлином¹⁶⁵.

Видный немецкий политик И. Гаук однажды сказал, что ФРГ должна продвигать на международной арене определенные ценности, в частности – уважение к правам человека. Немецкий журналист Р. Александер пишет, что поведение Берлина в ходе украинского кризиса обмануло данные надежды. Крымские события деморализовали тогдашнего главу немецкой дипломатии Ф.-В. Штайнмайера и заставили его отказаться от давления на Кремль. Пассивность Германии послужила одной из причин того, что европейские санкции против России были приняты в урезанном виде и не достигли цели. Немецкий бизнес в целом поддержал умеренный курс своего правительства. Не исключено, что восточноевропейские страны, недовольные колебаниями

---

¹⁶⁵ Von Salzen C. „Putin entfernt sich von Europas Werten“ / C. von Salzen // Der Tagesspiegel. – URL: <http://www.tagesspiegel.de/politik/merkel-und-putin-in-hannover-putin-entfernt-sich-von-europas-werten/8030754.html> (дата обращения: 09.10.2017).

Берлина, впредь при решении проблем будут рассчитывать не на ЕС, а на НАТО и собственные силы¹⁶⁶.

Склонность немецкой дипломатии к компромиссам сыграла с ней злую шутку. Многие жители России уверены, что Берлин не имеет самостоятельного голоса в международных отношениях, и их позицию можно понять. Однако на Западе немцев нередко упрекают в прямо противоположном – недостаточной солидарности с союзниками по ЕС и НАТО. В данной связи современную внешнюю политику ФРГ следует признать недостаточно эффективной. Посредническая функция не оправдывает попыток совместить несовместимые интересы и ценности.

Крымские события показали слабость западных спецслужб, не сумевших проникнуть в планы Кремля¹⁶⁷. Правительству Германии трудно принимать взвешенные решения там, где бессильна немецкая разведка.

Немецкие атлантисты постепенно теряют популярность среди избирателей. Согласно социологическому опросу 2014 г., только 45 % немцев считали, что Германия должна решительно встать на сторону Запада в его конфликте с Россией. 49 % полагали, что Берлин должен сохранять нейтралитет и учитывать интересы как Вашингтона и Брюсселя, так и Москвы¹⁶⁸. ФРГ состоит в НАТО с 1955 г. и принадлежит к числу стран-основательниц ЕЭС, однако значительная часть ее населения отвергает атлантизм. Если официальный Берлин продолжит игнорировать данный факт, это будет большой ошибкой.

В 2013 г. немецкий фонд имени Ф. Эберта опубликовал экспертный доклад «Российско-германские отношения в 2030 году: четыре сценария». Его авторы рассматривают четыре варианта развития событий, два из которых

---

¹⁶⁶ Alexander R. Putin blamiert Deutschlands Außenpolitik / R. Alexander // Die Welt. – URL: <http://www.welt.de/debatte/kommentare/article125637098/Putin-blamiert-Deutschlands-Aussenpolitik.html> (дата обращения: 09.10.2017).

¹⁶⁷ Wergin C. Die Chaostheorie der russischen Außenpolitik / C. Wergin // Die Welt. – URL: <http://www.welt.de/debatte/article125329711/Die-Chaostheorie-der-russischen-Aussenpolitik.html> (дата обращения: 09.10.2017).

¹⁶⁸ СМИ: граждане Германии не хотят портить отношения с РФ из-за Украины // РИА Новости. – URL: <http://ria.ru/world/20140425/1005453570.html> (дата обращения: 09.10.2017).

имеют позитивный характер. Москва и Берлин могут заключить прочный альянс, основанный либо на ценностях, либо на интересах. В третьем сценарии Россия, сделавшая выбор в пользу авторитаризма, отказывается от стратегических связей с Западом и переносит центр тяжести своей внешней политики в Азию. В четвертом варианте все остается как есть: ценностная пропасть между Россией и ФРГ сохраняется, но не мешает их сотрудничеству в экономической и социальной сферах. Основой отношений служат интересы, хотя иногда на передний план выходят ценности¹⁶⁹. Вероятно, третий сценарий включен в анализ лишь для полноты классификации. Ни Россия, ни ЕС не заинтересованы в дестабилизации Европы, в этом их общее отличие от Вашингтонских «ястребов». Альянс, основанный на ценностях, в условиях украинского кризиса остается благим пожеланием. В двух остающихся прогнозах есть значительная доля истины. Наблюдаемая деградация российско-немецких отношений может со временем смениться прагматическим партнерством, хотя сегодня трудно в это поверить.

Пропасть между российской и немецкой политической культурой сохранится в обозримом будущем. Ценности и мировоззрения двух народов останутся весьма несхожими, но это не может оправдывать давление на партнера или прекращение сотрудничества. России и Германии не следует отказываться от принципов «реальной политики», если они хотят избежать просчетов и разочарований в двусторонних отношениях.

Существует несколько интерпретаций украинских событий. С геополитической точки зрения, кризис можно рассматривать как часть американской стратегии, направленной на разобщение евразийских государств. Сама возможность российско-немецкого союза издавна внушает опасения англосаксонской дипломатии. Британский географ Х. Д. Макиндер, стоявший у истоков геополитического подхода к международным отношениям, заметил еще в 1904 г.: «Смещение баланса сил в пользу осевого государства,

---

¹⁶⁹ «Российско-германские отношения в 2030 году»: Германия откровенно предлагает России очередную революцию // ИА REGNUM. – URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1729583.html> (дата обращения: 09.10.2017).

ведущее к его экспансии на окраинные земли Евразии, позволило бы использовать огромные ресурсы континента для строительства флота, а тогда на горизонте появилась бы мировая империя. Это может произойти, если Германия заключит союз с Россией»¹⁷⁰. Когда ученый писал данные строки, реализация описанного сценария была маловероятной уже в силу франко-русского союза, который обе стороны рассматривали как ключевой элемент своей внешней политики. Современный российский геополитик В. Л. Цымбурский, признавая плодотворность главных идей британского коллеги, тем не менее, с полным на то основанием отмечал: «Ни один геополитический опус Макиндера не оказался на ближней дистанции яичком ко Христову дню»¹⁷¹.

После Октябрьской революции в России и поражения Германии в Первой мировой войне британское и французское правительства приложили большие усилия, чтобы предотвратить сближение двух стран. Новым государствам Центральной и Юго-Восточной Европы была отведена роль «санитарного кордона», призванного сдерживать как продвижение большевизма на Запад, так и возможный немецкий «натиск на Восток». Х. Д. Макиндер подробно изложил концепцию «пояса безопасности» в книге 1919 г. «Демократические идеалы и действительность» («стратегический Хартленд»). Впрочем, заключение Рапалльского договора и твердая позиция Г. Штреземана на Локарнской конференции нарушили планы держав-победительниц.

Сегодня некоторые идеи Х. Д. Макиндера переживают второе рождение. Известный американский геополитик З. Бжезинский в 2012 г. написал: «Можно представить себе сценарий, в котором собственный экономический интерес приводит, например, Германию или Италию к построению особых отношений с Россией. Тогда Франция и Соединенное Королевство могут сблизиться, бросая косые взгляды на Германию, а Польша и страны Балтии

---

¹⁷⁰ Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History / H. J. Mackinder // The Geographical Journal. – 1904. – Vol. 23. – № 4. – P. 436.

¹⁷¹ Цымбурский В. Л. Хэлфорд Макиндер: трилогия хартленда и призвание геополитика / В. Л. Цымбурский // Русский Архипелаг. – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=2465> (дата обращения: 12.10.2017).

будут отчаянно просить у США дополнительных гарантий безопасности. Результатом будет не новый и более крепкий Запад, а все более раздробленный и пессимистичный Запад»¹⁷². Бразильский журналист П. Эскобар, являющийся активным противником американского гегемонизма, прямо указывает, что США намеренно разжигают украинский кризис, чтобы не допустить немецко-российского сближения. США преследует «кошмар коалиций», способных вытеснить их из Евразии, однако Вашингтон нередко игнорирует или недооценивает процессы, действительно подтачивающие его влияние на континенте, например, успешное развитие Шанхайской организации сотрудничества¹⁷³. Стремясь сохранить (и даже увековечить) геополитическую раздробленность Евразии, Белый Дом часто совершает действия, объективно приближающие диаметрально противоположный результат.

Неомарксистская интерпретация украинских событий органично дополняет геополитическую. Центр капиталистической мир-системы не сможет сохранить свои позиции даже в среднесрочной перспективе, источники его мощи иссякают, а стратегии, которые с видоизменениями служили ему столетиями, перестают работать. Современная украинская политика США обусловлена инерцией мышления их правящей элиты, ее страхом перед будущим и, наконец, ее стремлением сковать силы реальных и потенциальных противников американской гегемонии. «Стратегия хаоса» дает лишь временные, непрочные результаты, поскольку она неспособна устранить структурные причины проблемы. Война может отсрочить кризис перепроизводства, легитимировав в глазах общественности уничтожение и непродуктивное расходование материальных ресурсов. Об этом писал еще Д. Оруэлл: «Сущность войны – уничтожение не только человеческих жизней, но и плодов человеческого труда. Война – это способ разбивать вдребезги, распылять в стратосфере, топить в морской пучине материалы, которые могли

---

¹⁷² Brzezinski Z. Balancing the East, Upgrading the West. U.S. Grand Strategy in an Age of Upheaval / Z. Brzezinski // Foreign Affairs. – January-February 2012. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2012-01-01/balancing-east-upgrading-west> (дата обращения: 01.02.2021).

¹⁷³ СМИ: альянс России, Китая и Германии в Азии станет роковым для США // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/world/20141007/1027260910.html> (дата обращения: 12.10.2017).

бы улучшить народу жизнь и тем самым в конечном счете сделать его разумнее. Даже когда оружие не уничтожается на поле боя, производство его – удобный способ истратить человеческий труд и не произвести ничего для потребления»¹⁷⁴. Ему вторит С. Б. Переслегин: «Эпоха тоталитарных войн стала разрешением нестерпимого противоречия между конечностью земной поверхности и постоянным расширением мировой экономики. Каждая из войн позволяла «на законных основаниях» поглотить и уничтожить огромный объем индустриальной продукции»¹⁷⁵. Впрочем, на той же странице резонно отмечается: «Век тоталитарных войн» – это расцвет индустриальной фазы развития и начало ее гибели»¹⁷⁶. Войны поглощают «излишние» (в капиталистической логике) ресурсы, однако не устраняют факторы, обрекающие систему на повторение «экономического цикла». В текущей реальности, в отличие от описанного Д. Оруэллом мира, военно-политические и социально-экономические кризисы приобретают все более разрушительный характер, на их течение становится все труднее целенаправленно влиять.

«Цветные революции» и «гуманитарные» интервенции могут дать США временное преимущество, однако стратегически они отдаляют Вашингтон от намеченных глобальных целей. Кавказский кризис августа 2008 г. не привел к международно-политической изоляции России, напротив, она сумела использовать сложившуюся ситуацию, чтобы укрепить свое влияние в «ближнем зарубежье» и мире в целом. Сирийские события вызвали активизацию ближневосточной политики Москвы и, таким образом, в итоге поставили под вопрос американское влияние в регионе.

Если бы не государственный переворот в Киеве в феврале 2014 г., Крым остался бы украинским на неопределенный срок. Тогда Москве было бы крайне трудно противостоять ползучей западной экспансии на полуостров. Наконец, присоединение Крыма, а потом и еще четырех новых регионов к РФ

---

¹⁷⁴ Оруэлл Д. Скотный двор. 1984. Памяти Каталонии. Эссе / Д. Оруэлл. – М.: Пушкинская библиотека: АСТ, 2003. – С. 240.

¹⁷⁵ Переслегин С. Б. Вторая мировая: война между Реальностями / С. Б. Переслегин. – М.: Яуза: Эксмо, 2006. – С. 8.

¹⁷⁶ Там же. – С. 8.

существенно уменьшило охват русофобской пропаганды украинских националистов, которой даже режим В. Януковича отнюдь не препятствовал. Жертвы «стратегии хаоса» нередко имеют возможность контригры, поскольку полностью просчитать последствия ее применения невозможно в принципе.

В контексте изучаемой проблемы можно выделить два аспекта кризиса современной мир-системы. С одной стороны, обострение ее внутренних противоречий является для нее нежелательным дестабилизирующим фактором. С другой – ради сохранения статус-кво она сама готова дестабилизировать (более того, ввергнуть в пучину разрухи) целые страны и регионы. Парадоксальным образом, во имя поддержания устоявшегося (несправедливого) порядка в мировую политику и экономику вносится элемент хаоса, которому суждено со временем выйти из-под контроля и ниспровергнуть те структуры, которые он был призван увековечить. Это относится не только к украинскому кризису, но и к так называемой «Арабской весне», последствия которой дают о себе знать до сих пор.

Ближневосточные события являются важным контекстом для современных российско-немецких отношений. Сегодня Ближний Восток переживает один из сложнейших периодов своей истории. Регион всегда был неоднородным в этническом и религиозном отношении, страдал от политических, экономических и социальных проблем, но его нынешнее положение представляется особенно тяжелым. Это объясняется тем, что сегодня в его дестабилизации заинтересованы не только те или иные местные силы, но и США и их ближайшие союзники. Мотивы Вашингтона понятны: он использует страх европейцев перед исламским радикализмом, чтобы прочнее привязать их к себе. Борьба с режимами С. Хусейна и Б. Асада позволила на время отвлечь европейскую и американскую общественность от внутренних проблем Запада. Наконец, Белый Дом использовал террористическую угрозу как повод для ограничения прав и свобод американцев.

Германия, являющаяся членом НАТО и все еще зависящая от американского «зонтика безопасности», стала, по сути, заложницей

ближневосточной политики США. Берлин должен четче определить свои цели и задачи в регионе и твердо отстаивать свои интересы там, где они не совпадают с американскими.

Теракты 11 сентября 2001 г. сами по себе не обрекли старый миропорядок на гибель. Это сделали, в том числе, и действия тогдашней американской администрации, последовавшие за разрушением Всемирного торгового центра. 7 октября 2001 г. США и их ближайшие союзники начали военную операцию в Афганистане, которая завершилась два с половиной месяца спустя падением режима талибов (движение «Талибан» находится под санкциями ООН за террористическую деятельность). 20 марта 2003 г. возглавляемая Вашингтоном военная коалиция вторглась в Ирак и вскоре свергла режим С. Хусейна. В обоих случаях конечным результатом был затяжной конфликт, продолжающийся до сих пор.

Американский ученый Д. Фридман оправдывает современную ближневосточную политику США, не теряя опоры на факты. Действительно, «продвижение демократии на Восток» не состоялось. Однако истинной целью Вашингтона было не оно и даже не частичное покорение исламского мира, а погружение его в хаос. С данной точки зрения администрация Д. Буша-младшего добилась успеха. «...пока мусульмане будут враждовать друг с другом, победа всегда будет на стороне США»¹⁷⁷, – пишет Д. Фридман.

Оптимизм эксперта не выдержал столкновения с действительностью: Белый Дом уже отчасти потерял контроль над исламскими радикалами, во многом обязанными ему своими успехами. Ближневосточные события угрожают не только США, но и другим странам НАТО, рискующим снова стать мишенью для террористических атак. Есть основания опасаться, что Германия сильно пострадает от них¹⁷⁸. Ее правительство осознает, насколько новые формы исламского фундаментализма опасны для нее. Несколько лет

---

¹⁷⁷ Фридман Д. Следующие сто лет. Прогноз событий XXI века / Д. Фридман; пер. с англ. А. А. Калинина, М. Я. Мацковской, В. А. Нарницы. – М.: ЭКСМО, 2010. – С. 70.

¹⁷⁸ Geheimdienst-Informationen: Hinweise auf mögliche Anschläge auf deutsche Bahnhöfe und Pegida-Demos // Der Spiegel. – URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/berlin-und-dresden-geheimdienste-warnen-vor-terroranschlaegen-a-1013334.html> (дата обращения: 10.10.2017).

назад Ф.-В. Штайнмайер заявил, что мировое сообщество готово принять жесткие антитеррористические меры, а ближневосточные страны могут не опасаться, что их оставят один на один с радикалами¹⁷⁹, действия которых уже осудили, в частности, Россия, Китай и Иран. Арабские государства должны забыть о своих разногласиях и единым фронтом выступить против нового врага¹⁸⁰.

Решительно осуждая новый всплеск международного терроризма, Германия ни словом не упрекает главного виновника текущего ближневосточного кризиса. США много сделали для того, чтобы исламский радикализм превратился из регионального вызова в глобальный¹⁸¹. Западное давление на исламский мир является одной из причин проблемы.

США не раз поддерживали экстремистские организации в Африке и Центральной Америке, используя их для борьбы с неудобными режимами и общественными движениями. Ближневосточные интервенции Вашингтона привели, в конечном итоге, к выходу террористической угрозы на новый уровень¹⁸², поскольку вызванные ими хаос и разруха – питательная среда для экстремизма. Большой ущерб международной безопасности причинили люди, которых Запад в прошлом активно поддерживал, атакуя их руками режимы М. Каддафи в Ливии и Б. Асада в Сирии. Вашингтон применяет двойные стандарты, деля террористов на «плохих» и «хороших». Пока все проявления терроризма не будут признаны безусловным злом, борьба с ним не приведет к

---

¹⁷⁹ Außenminister Steinmeier zur Befreiung von 49 türkischen Geiseln aus den Händen der Terrorgruppe ISIS // Auswärtiges Amt. – URL: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Meldungen/2014/140920_Befreiung_T%C3%9CR_Geiseln_aus_den_H%C3%A4nden_ISIS.html?nn=341800 (дата обращения: 10.10.2017).

¹⁸⁰ Außenminister Steinmeier bei UN-Sicherheitsratssitzung in New York // Auswärtiges Amt. – URL: <http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Friedenspolitik/VereinteNationen/Aktuell/140919-BM-SR-Irak.html?nn=341800> (дата обращения: 22.03.2015).

¹⁸¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. под общ. ред. К. Королева. – М.: АСТ, 2003. – С. 281–286.

¹⁸² Chomsky N. Noam Chomsky: The Long, Shameful History of American Terrorism / N. Chomsky // In These Times. – URL: http://inthesetimes.com/article/17311/noam_chomsky_the_worlds_greatest_terrorist_campaign (дата обращения: 10.10.2017).

победе¹⁸³. При этом Белый Дом не признает своей вины и пытается навязать свои ложные взгляды другим.

Список угроз международной безопасности, в свое время озвученный президентом США Б. Обамой на Генеральной ассамблее ООН, не выдерживает никакой критики. Он заявил, что наибольшую угрозу для мира представляет вирус Эбола, второе место занимает мифическая «российская агрессия против Украины», а третье – боевики печально известного варварского псевдохалифата¹⁸⁴ (ИГИЛ – запрещенная на территории РФ террористическая организация). По мнению Вашингтона, мирное самоопределение жителей Крыма и Донбасса опаснее для человечества, чем тяжкие военные преступления исламистов. Также Б. Обама заявил, что мир стал свободнее и безопаснее¹⁸⁵. Какие соображения привели его к такому выводу, остается неясным.

Однако немецкие атлантисты упорно не замечают фактов, бросающих тень на их заокеанских партнеров. При таком близоруком подходе любые долгосрочные антитеррористические меры обречены на провал. Германия должна решить, хочет ли она и впредь оставаться союзницей США, действия которых нередко угрожают международной безопасности. Не освободившись из-под иностранной опеки, она не может рассчитывать ни на хорошие отношения с Россией, ни на успешную этноконфессиональную политику у себя дома.

Бесцеремонное поведение Вашингтона вызывает скрытое недовольство немецкого руководства. Стоит ли Германии сохранять статус младшего партнера США, создающий ей все больше проблем и приносящий все меньше пользы¹⁸⁶? Берлину следует сделать шаг навстречу Москве, противостоящей американскому империализму. По словам российского политолога В.

---

¹⁸³ First sponsoring, now fighting? Lavrov on West's anti-ISIS op // Russia Today. – URL: <http://rt.com/news/190200-lavrov-isis-west-miscalculation/> (дата обращения: 10.10.2017).

¹⁸⁴ Russia tops ISIS threat, Ebola worst of all? Lavrov puzzled by Obama's UN speech // Russia Today. – URL: <http://rt.com/news/190392-russia-lavrov-obama-threat-speech/> (дата обращения: 10.10.2017).

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Решетников: поведение ЦРУ подводит ФРГ к освобождению от зависимости // РИА Новости. – URL: <http://ria.ru/world/20140711/1015550691.html> (дата обращения: 10.10.2017).

Смирнова, «...финансовые капиталы Германии, ее технологические запасы, то есть наука и промышленность, могут объединиться с людскими и природными ресурсами Российской Федерации. Тогда это будет "государство" даже более мощное экономически и военно, чем Соединенные Штаты»¹⁸⁷.

России и Германии следует задуматься и о новых совместных антитеррористических мерах. В свою бытность министром обороны ФРГ У. фон дер Ляйен (ХДС) заявила, что ее страна заинтересована в укреплении отношений с восточным соседом ради решения общих проблем. Варварский псевдохалифат (ИГИЛ – запрещенная на территории РФ террористическая организация) угрожает России не меньше, чем Западу: экстремизм на Северном Кавказе еще не побежден окончательно. Следовательно, Москва и Берлин могут вместе успешно противостоять радикалам, несмотря на свои разногласия по Украине¹⁸⁸. Страны с разным общественным строем и политической культурой должны объединиться перед лицом глобальных угроз.

Чешский политик М. Земан также подчеркивал, что Россия является важным союзником Запада в борьбе с международным терроризмом. В интервью немецкой газете «Das Bild» он дал анализ международной ситуации, идущий вразрез с точкой зрения Белого Дома. В частности, он сказал, что исламские радикалы намного опаснее для Объединенной Европы, чем украинский кризис. Наблюдаемое отчуждение между Москвой и Брюсселем является временным, не нужно воспринимать его как катастрофу¹⁸⁹.

Россия должна занять в европейской и мировой архитектуре безопасности соответствующее ее политической, экономической и военной мощи место. Германия объективно достаточно сильна для проведения самостоятельной внешней политики. Ей нужно отбросить стереотипы, восходящие к эпохе

---

¹⁸⁷ Мнение: США опасаются, что союз РФ и Германии превзойдет их по мощи // РИА Новости. – URL: http://ria.ru/radio_brief/20150319/1053493295.html#ixzz3V20OgTQt (дата обращения: 10.10.2017).

¹⁸⁸ Russland gegen den Westen. Europas Frieden in Gefahr? // ZDF. – URL: <http://www.zdf.de/maybrit-illner/russland-gegen-den-westen-europas-frieden-in-gefahr-zu-gast-u.a.-jens-stoltenberg-und-ursula-von-der-leyen-37036236.html> (дата обращения: 21.03.2015).

¹⁸⁹ Tiede P. Tschechiens Präsident Zeman im Bild-Interview. Wir brauchen Putin im Kampf gegen ISIS! / P. Tiede, H.-J. Vehlewald, D. Biskup // Das Bild. – URL: <http://www.bild.de/politik/ausland/tschechien/wir-brauchen-putin-im-kampf-gegen-isis-38602006.bild.html> (дата обращения: 10.10.2017).

«холодной войны», и более последовательно отстаивать свои национальные интересы. Идея немецко-российского стратегического альянса заслуживает внимательного рассмотрения.

А. Меркель слишком дорожила мнением заокеанских коллег, чтобы следовать приведенным рекомендациям. Так, она отказалась участвовать в Параде Победы в Москве 9 мая 2015 г. Ее решение было резко раскритиковано представителями немецкой Лево́й партии¹⁹⁰. Текущая российская политика ФРГ в целом неконструктивна и не учитывает общих для двух стран интересов безопасности. Однако в Германии есть и влиятельные политические силы, выступающие против атлантизма и с пониманием относящиеся к действиям России.

Как явствует из вышеизложенного, российско-немецкому взаимопониманию препятствует не только объективное частичное несовпадение интересов двух стран, особенно ярко проявляющееся в кризисных ситуациях, но и особенности западного восприятия России, ее внешней и внутренней политики. На второй проблеме следует остановиться подробнее.

Немецкому ученому К. Випперфюрту принадлежит ряд интересных мыслей о российской внешней политике. Он высказал мнение, что Россия нуждается во взаимопонимании с Западом как для модернизации своей экономики, так и для того, чтобы обеспечить себе хорошие отношения с другими странами СНГ и «не попасть в изоляцию в Европе»¹⁹¹. Трения между Москвой и ее западными партнерами в 2004-2008 гг. различные наблюдатели объясняют по-разному. Нельзя обвинять в случившемся только одну сторону, здесь необходим более взвешенный подход¹⁹². Особого внимания заслуживает данный немецким экспертом прогноз на будущее. Он опубликовал цитируемую работу в 2011 г., после кавказских событий августа 2008 г., но до

---

¹⁹⁰ Schuler K. Linke kritisiert „kleinkarierte Geschichtsvergessenheit“ / K. Schuler, R. Pausch // Die Zeit. – URL: <http://www.zeit.de/politik/deutschland/2015-03/merkel-moskau-linke-spd-gruene> (дата обращения: 10.10.2017).

¹⁹¹ Wipperfürth C. Russlands Außenpolitik: Lehrbuch / C. Wipperfürth // Elemente der Politik. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. – S. 121.

¹⁹² Там же. – S. 122.

украинского кризиса. Следует установить, какие из его прогнозов сохраняют актуальность в изменившейся международной обстановке.

В будущем Россия постарается сохранить свое внешнеполитическое влияние в качестве либо самостоятельного центра силы, либо «моста между Западом и Востоком»¹⁹³, евроатлантическим миром и Китаем. Укрепление многополярности облегчает России роль «мирового посредника»¹⁹⁴, однако есть сомнения, обладает ли страна достаточным экономическим и демографическим потенциалом, чтобы успешно играть ее¹⁹⁵. Будущее ее отношений с Западом остается неясным из-за сохраняющегося взаимного недоверия¹⁹⁶. Здесь К. Випперфюрт дает в целом оптимистичный прогноз, сделав оговорку относительно маловероятных и непредсказуемых событий¹⁹⁷. Москва не хочет быть младшим партнером Пекина и понимает, что она может играть ключевую роль на европейской арене. Россия и Запад, встревоженные ростом китайской мощи, вероятно, заключат стратегический альянс между 2020 и 2040 гг. Однако если их отношения надолго испортятся и/или Россия серьезно ослабнет, она, возможно, не увидит для себя другого выхода, кроме неравноправного союза с Китаем¹⁹⁸.

Сейчас можно утверждать, что автор концепции переоценил степень совпадения европейских и американских интересов и недооценил решимость Вашингтона отстаивать однополярную модель мироустройства, в том числе и деструктивными методами.

Американский исследователь Д. Манкофф был более реалистичен в своих оценках. После распада СССР Россия воспринимала многие действия Запада как проявления неуважения. Кавказский кризис августа 2008 г. показал всему миру, что она не принадлежит к западной цивилизации и является великой, как

---

¹⁹³ Там же. – С. 138.

¹⁹⁴ Там же. – С. 138.

¹⁹⁵ Там же. – С. 138.

¹⁹⁶ Там же. – С. 139.

¹⁹⁷ Там же. – С. 143.

¹⁹⁸ Там же. – С. 145.

минимум, региональной державой, с которой необходимо считаться¹⁹⁹. Еще в 2009 г. ученый написал, что Украина может распасться на части, если она будет вынуждена решать раз и навсегда, быть ли ей в союзе с Россией или вступить в НАТО. Если Запад попытается, например, быстро принять Украину и Грузию в альянс, это сыграет на руку евразийцам, ориентированным на геополитическое противостояние с США²⁰⁰. Облеченные властью противники евразийства, принимая решение о принуждении Грузии к миру, стремились минимизировать последствия данного шага для отношений России и Запада. Они ограничили применение военной силы, чтобы, не поступаясь великодержавным статусом своей страны, сохранить возможность конструктивного диалога с ведущими западными державами²⁰¹. Российские элиты всегда рассматривали «ближнее зарубежье» как зону особых интересов Москвы²⁰².

Д. Манкофф правильно указал вероятный источник конфликтов между Россией, укрепляющей свою сферу влияния, и Западом, обеспокоенно следящим за ростом ее мощи. При этом ученый пишет, что главную опасность для Запада представляет исламский фундаментализм²⁰³, а Москва является союзником евроатлантического мира в борьбе с данной глобальной угрозой²⁰⁴. Россия, не будучи частью Запада, должна интегрироваться в созданный западной цивилизацией миропорядок на выгодных для себя условиях²⁰⁵. По мнению Д. Манкоффа, с 1999 г. В. Путин «следовал тому или иному варианту данной стратегии»²⁰⁶. Западные лидеры должны активно сотрудничать с Россией, отчуждать и игнорировать ее опасно²⁰⁷. Существуют две тенденции, угрожающие реализации описанного позитивного сценария. Некоторые

---

¹⁹⁹ Mankoff J. Russian Foreign Policy: The Return of Great Power Politics / J. Mankoff // Council on Foreign Relations Books. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2009. – P. 293.

²⁰⁰ Там же. – P. 297.

²⁰¹ Там же. – P. 297–298.

²⁰² Там же. – P. 294, 299.

²⁰³ Там же. – P. 300.

²⁰⁴ Там же. – P. 298–299.

²⁰⁵ Там же. – P. 302.

²⁰⁶ Там же. – P. 302.

²⁰⁷ Там же. – P. 309.

влиятельные представители российской элиты могут перейти на антизападные позиции, а Запад может принять меры к тому, чтобы «наказать и изолировать Россию»²⁰⁸.

В рассмотренных книгах даются весьма несходные ответы на одни и те же вопросы. Это отчасти обусловлено культурно-историческими причинами. Немецкую политическую культуру отличает акцент на надежности, предсказуемости и ответственности внешней политики²⁰⁹. На мировой арене немцы, как правило, действуют не в одиночку, а в рамках многосторонних инициатив, с опорой на международное право и развитую систему международного сотрудничества²¹⁰. Силовая политика до сих пор внушает Берлину недоверие²¹¹. Германия все еще зависит от американского «зонтика безопасности» и следует в фарватере американской внешней политики, не спеша брать на себя соразмерную ее потенциалу долю ответственности за судьбу западной цивилизации. Кроме того, немцы склонны преувеличивать применимость опыта европейской интеграции в других регионах мира. Соответственно, немецкие эксперты порой недооценивают конфликтный потенциал современных международных отношений.

С другой стороны, немецкий исследователь Ш. Мейстер еще в 2012 г. предсказал, какие факторы отрицательно повлияют на российско-немецкие отношения в ближайшем будущем. Две страны по-разному понимают цели «модернизационного партнерства»²¹². Берлин надеется побудить Москву к глубоким экономическим и политическим реформам, а она стремится приобрести передовые немецкие технологии. Немецкое руководство все меньше интересуется Россией и все меньше понимает ее. Как следствие,

---

²⁰⁸ Там же. – Р. 303.

²⁰⁹ Krotz U. National Role Conceptions and Foreign Policies: France and Germany Compared / U. Krotz. – URL: https://ces.fas.harvard.edu/#/publications/working_papers/78 (дата обращения: 15.07.2015). – Р. 12–14.

²¹⁰ Там же. – Р. 11–12.

²¹¹ Там же. – Р. 12.

²¹² Meister S. An Alienated Partnership. German-Russian Relations after Putin's Return / S. Meister // The Finnish Institute of International Affairs Briefing Paper 105. – May 20, 2012. – URL: <http://www.fiia.fi/assets/publications/bp105.pdf> (дата обращения: 23.07.2015). – С. 2.

отношения Москвы и Брюсселя – в том числе и в энергетической сфере – ухудшатся²¹³.

Американская история последних 70 лет значительно отличается от европейской. В эпоху «холодной войны» США часто делали выбор в пользу реальной политики, шедшей вразрез с вильсоновскими идеалами. Так, администрация Р. Рейгана поддерживала и тех антикоммунистов, которые отвергали западные ценности²¹⁴. Кроме того, обе сверхдержавы нуждались в тщательном геополитическом планировании. Ведущие американские геополитики времен «холодной войны» – Г. Киссинджер и З. Бжезинский – занимали ключевые правительственные посты. Как отмечает Г. Киссинджер, «для Никсона все человечество разделялось на друзей и антагонистов; он выделял арены сотрудничества и районы конфликтующих интересов. В представлении Никсона спокойствие и гармония не соответствовали естественному порядку вещей...»²¹⁵. Опыт, полученный элитой и народом США в годы «холодной войны», повлиял на подходы американских ученых к исследованию международных отношений. Изданная корпорацией RAND монография «Российская внешняя политика: источники и результаты»²¹⁶ иллюстрирует данный тезис. Ее авторы высказали мнение, что в обозримом будущем российско-американские отношения будут оставаться непростыми. Москва и впредь будет противостоять дестабилизирующим, по ее оценке, действиям Вашингтона, в частности – «распространению демократии»²¹⁷. США должны первыми инициировать меры по улучшению двусторонних отношений²¹⁸, успокоив опасения партнера. Если Москва не проявит достаточной готовности к сотрудничеству, это, возможно, повлечет за собой существенные изменения американской стратегии²¹⁹. Россия не угрожает

---

²¹³ Там же. – С. 2.

²¹⁴ Киссинджер Г. Дипломатия / Г. Киссинджер; пер. с англ. В. В. Львова. – М.: Ладомир, 1997. – С. 705–706.

²¹⁵ Там же. – С. 640.

²¹⁶ Olikier O. Russian Foreign Policy: Sources and Implications / O. Olikier, K. Crane, L. H. Schwartz, C. Yusupov. – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2009. – 246 p.

²¹⁷ Там же. – С. 194.

²¹⁸ Там же. – С. 194.

²¹⁹ Там же. – С. 194–195.

американским интересам безопасности. Нельзя допустить, чтобы она стала противником США²²⁰.

Как показывают украинские события, Белый Дом склонен игнорировать мнения американских политологов, предупреждающих о губительных последствиях российско-американской конфронтации.

В европейской и американской политической культуре международные отношения рассматриваются по-разному. В первом случае акцент делается на нормах и институтах, во втором – на геополитических реалиях. Данные подходы не являются взаимоисключающими, от обоих необходимо взять лучшее. Объективное изучение современной внешней политики России не только обогащает политологию и смежные дисциплины, но и способствует снижению международной напряженности.

Когда те или иные немецкие политики, эксперты или журналисты дают превратную трактовку российской внешней политики, это далеко не всегда объясняется познавательными ошибками или намеренным искажением истины. Часто речь идет просто о двух различных картинах мира, системах мировоззренческих координат. Как известно, после Великой французской революции господствующей идеологией капиталистической мир-системы стал центристский либерализм, со временем сумевший не только захватить командные высоты в глобальной геокультуре, но и трансформировать по своему образу и подобию конкурирующие учения – консерватизм и радикализм²²¹. Действительно, например, в современных США неоконсерватизм, представляющий собой противоречивый синтез традиционных и либеральных ценностей, пользуется гораздо большим влиянием, чем «чистый» консерватизм. Аналогичная ситуация наблюдается во многих других странах. С другой стороны, сегодня некоторые регионы мира переживают всплеск фундаментализма – псевдоконсервативной идеологии, дискредитирующей подлинный консерватизм.

---

²²⁰ Там же. – С. 196.

²²¹ Wallerstein I. World-systems analysis. An introduction / I. Wallerstein. – Durham & London: Duke University Press, 2004. – P. 52.

С левой альтернативой центристскому либерализму дела обстоят немногим лучше. Многие современные политические партии, называющие себя коммунистическими, на деле занимают социал-демократические позиции и нередко продолжают сдвигаться еще дальше вправо. Их реальные стратегии весьма далеки и от «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, и от ленинской теории империализма. Такие политические силы полностью интегрированы в мир-систему и, более того, оказывают ей неоценимую услугу, направляя общественное недовольство в безопасное для господствующих порядков русло.

Великая французская революция внесла в глобальную геокультуру два фундаментальных изменения: благодаря ей в мире укоренились представления о естественности, а во многих случаях – и желательности, политических перемен и о народном суверенитете в противоположность суверенитету монарха или парламента. Вторая концепция требует рассматривать население страны как граждан, а не как подданных²²². При этом необходимо помнить, что геокультурная карта мира так же неоднородна, как геополитическая. Страны «центра» глубоко прониклись упомянутыми идеями, положили их в основу своего общественного строя, преобразовали свои привычки и быт в соответствии с ними. В периферийных и полупериферийных государствах либерализм приживается гораздо хуже: чем меньше прибыли приносят производственные процессы, тем значительнее роль государства как инструмента накопления капитала. Для таких стран характерны высокие уровни коррупции и непропорционально большое влияние силовых структур на общественную жизнь²²³. Очевидно, что вере в социальный прогресс и идеалу гражданственности трудно пустить корни в таких обществах. Материалистическое понимание истории заставляет признать, что духовная ситуация современной России во многом определяется структурой ее экономики. Общественное бытие определяет общественное сознание,

---

²²² Там же. – Р. 51.

²²³ Там же. – Р. 53.

следовательно, в странах, различающихся укладом материальной жизни, формируются разные системы ценностей, базовые онтологии. Парадоксальным образом, неолибералы стремятся увековечить политические и социально-экономические условия, делающие невозможной подлинную универсализацию либеральной демократии и рыночной экономики.

Цивилизационный анализ в данном случае органично дополняет выводы, полученные с использованием мир-системного подхода. Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер и С. Хантингтон, при всех различиях между ними, единогласно утверждают, что Россия не принадлежит к западной цивилизации. В рамках данной теории находят убедительное объяснение и трудная судьба либерализма в России, и специфическое понимание Западом «истоков российского поведения». С. Б. Переслегин озвучил другое мнение: «Россия исторически принадлежит к Евро-Атлантическому сообществу, но является наиболее экзотической его культурой, что, несомненно, обусловлено тесными контактами с Евразийской цивилизацией в период монгольского завоевания»²²⁴. Христианство роднит Россию с Западной Европой, Северной и Латинской Америкой, однако становление российской государственности происходило под сильнейшим золотоордынским влиянием (кстати, по мнению Л. Н. Гумилева, русские и русичи – это два разных этноса).

Данный культурологический экскурс проливает свет на существующие разногласия РФ и ФРГ. Разумеется, в огромной степени они объясняются структурой системы международных отношений и объективными национальными интересами двух стран. Однако важную роль играет и несовпадение господствующих картин мира. Немцы гордятся своим высоким правосознанием, для русского же менталитета соображения справедливости, групповые или личные интересы нередко перевешивают требования писаного закона. Оба подхода имеют как плюсы, так и минусы. С одной стороны, достаточно терпимое отношение российского общества к коррупции

---

²²⁴ Переслегин С. Б. Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: основные понятия геополитики / С. Б. Переслегин // Классика геополитики. XIX век: сб. / сост. К. Королев. – М.: АСТ, 2003. – С. 695.

существенно затрудняет борьбу с ней. С другой – идеально законопослушные люди нередко терпят неудачи в ситуациях, в которых необходимы действия «не по инструкции». Кроме того, общество в целом всегда развивается быстрее, чем его юридическая подсистема. Наконец, представление о «диктатуре закона» может заставить граждан выполнять даже абсолютно неприемлемые требования власти, пока она соблюдает те или иные внешние формальности.

Изучение новейшей истории российско-немецких отношений много дает для понимания их текущего состояния. Здесь связь исторического и логического выступает предельно ясно. Чтобы понять функционирование системы в ее наличном виде, необходимо изучить ее генезис. С другой стороны, важные факты о последнем, по тем или иным причинам не нашедшие отражения в источниках, могут быть реконструированы по текущему состоянию изучаемого объекта. Кроме того, внутренний механизм развития часто нельзя понять вне контекста его результата.

В 2014 г. изменилась сама система координат европейской политики. Украина, имевшая после распада СССР все необходимое для построения стабильной государственности, оказалась самым слабым звеном европейской архитектуры безопасности. Российско-немецкие разногласия по поводу украинских и ближневосточных событий уже привели к значительному ухудшению двусторонних отношений. Впрочем, взаимодействие Москвы и Берлина в 2014-2022 гг. – это нелинейный процесс, в котором проявлялись как отрицательные, так и положительные тенденции. События последних лет не только высветили уязвимость существующих моделей сотрудничества, но и показали, насколько прочен его фундамент. Две страны являются столпами европейской региональной и глобальной систем международных отношений, их экономики теснейшим образом взаимосвязаны. У них немало общих геополитических интересов, хотя данный факт затушевывается деструктивным американским влиянием на динамику двустороннего взаимодействия.

Проделанный анализ логически подводит к изучению современного состояния российско-немецких отношений. Важнейшие политические и экономические вопросы будут рассмотрены в двух следующих подразделах, потом будут сформулированы прогнозы и рекомендации, основанные на общей логике мир-системного подхода и экстраполяции существующих тенденций.

2.2. Политика

Современные российско-немецкие политические отношения являются достаточно болезненной темой для обеих сторон. Их повестка дня во многом определяется двумя острыми международными кризисами – сирийским и украинским. В обоих случаях ФРГ вынуждена следовать в фарватере американской внешней политики, хотя, судя по ряду признаков, значительная часть немецкой правящей элиты полностью отдает себе отчет в пагубности данного курса. Миграционный кризис, во многом вызванный деструктивным вмешательством США в ливийские и сирийские дела, имеет явную тенденцию к обострению. Немецкое правительство уже не может замалчивать его социально-экономические и культурные последствия. Растущее недовольство немцев миграционной политикой режима сделало свой вклад в рост неонацистских настроений и стремительное восхождение «Альтернативы для Германии». Данная партия объединяет евроскептиков и консерваторов, глубоко встревоженных влиянием глобализации на немецкое общество и государство. Капиталисты, как правило, заинтересованы в повышении мобильности рабочей силы. Трудовые мигранты придают мир-системе гибкости, позволяя ей быстро наращивать производство там, где оно сулит максимальную прибыль. С другой стороны, они создают дополнительное давление на рынок труда, чем мешают местному населению добиваться политических и экономических уступок от работодателей и правительства. Таким образом, либерализация миграционного законодательства, диктуемая

логикой глобального капитализма, выгодна мир-системе в целом, однако нередко оказывается разрушительной для ее элементов – национальных экономик и государств.

С другой стороны, значительная часть капиталистов заинтересована в международной интеграции, поскольку она предполагает снижение или отмену таможенных барьеров, дополнительные гарантии для бизнеса, открывает новые возможности для сотрудничества. Одновременно появляются и новые риски, однако буржуазия надеется по большей части переложить их на народ. Например, когда после 2008 г. в европейской банковской системе наступила цепная реакция и проблемы приобрели лавинообразный характер, правительства стран еврозоны щедро выделяли деньги на спасение банков, убеждая население в необходимости жесткой экономии. Интересно, что данный курс не обеспечил даже корыстных интересов европейского правящего слоя. Для нормального функционирования любой экономики необходима целенаправленная политика по созданию новых рабочих мест и стимулированию платежеспособного спроса. Неолиберальный дискурс с его акцентом на дерегуляции и маркетизации подобных мер не предусматривает и, следовательно, не может дать достойный ответ на рассматриваемый вызов. Анализ международной интеграции заставляет вспомнить сказанное о миграционном законодательстве. Передача части государственного суверенитета на наднациональный уровень в целом облегчает функционирование глобального рынка, страхуя его от действий «строптивых», протекционистских государств и способствуя более полной реализации принципа «четырёх свобод». С другой стороны, интеграция страны в международные структуры создает дополнительные риски для ее безопасности. Усиливается зависимость от внешних факторов, а способность решать порождаемые ими проблемы ослабляется. Современные международные отношения основаны на принципе самопомощи: в конечном

счете, каждое государство может рассчитывать только само на себя²²⁵. Иллюзия «дружеского плеча» – роскошь, которую оно не может себе позволить.

Время покажет, как «Альтернатива для Германии» будет действовать для достижения своих программных целей, однако приведенные соображения уже сегодня проливают свет на причины популярности партии. Укрепление позиций немецких правых, разумеется, повлияет на отношение официального Берлина к сирийскому кризису, хотя, как явствует из вышеизложенного, механизмы такого влияния имеют нетривиальный, нелинейный характер.

Украинский кризис также является важной темой для современных российско-немецких отношений. Германия не признает присоединения новых регионов к России, хотя 20 февраля 2008 г. правительство А. Меркель признало независимость Косово. В международном праве существует объективное противоречие между принципами самоопределения народов и территориальной неприкосновенности государств. Некоторые страны мира используют данную проблему в своих интересах, акцентируя то первый, то второй принцип в зависимости от обстоятельств и своих текущих целей. Запад отказался признавать изменения украинских границ, однако спокойно пошел на нарушение территориальной целостности Ирака, Ливии и Сирии, когда это соответствовало его геополитическим интересам.

Двойные стандарты внешней политики правительства А. Меркель неоднократно критиковались и в самой Германии. После крымских событий Левая партия недвусмысленно напомнила федеральному канцлеру о проблеме Косово. Германская коммунистическая партия считает немецких христианских демократов проводниками (в первую очередь, американского) империализма и осуждает их за русофобию, лишь минимально прикрытую абстрактными рассуждениями о демократии и международном праве. Впрочем, А. Меркель успешно противостояла давлению слева. Немецкие коммунисты добились

---

²²⁵ Waltz K. N. Theory of International Politics / K. N. Waltz. – Reading, Massachusetts: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. – P. 195.

весьма скромных результатов на выборах в бундестаг в сентябре 2017 г. и остались в статусе маргинальной, неизвестной большинству населения партии. Левая партия, напротив, даже несколько улучшила свой результат по сравнению с 2013 г., однако это не должно сильно тревожить консерваторов. Есть серьезные основания полагать, что она постепенно «обуржуазивается», если воспользоваться марксистским термином, а ее антимилиитаризм становится все менее решительным и последовательным. Гораздо больше беспокойства властям должно внушать стремительное восхождение «Альтернативы для Германии», которая также может выступить против нынешней украинской политики официального Берлина, разумеется, руководствуясь при этом иными, нежели у левых, мотивами. А. Рар так прокомментировал успехи немецких правых: «Да, какие-то кризисы были всегда – на Ближнем Востоке, в Азии, вокруг Европы. Но мы смотрели на них, сидя на диване перед экранами телевизоров. А сейчас кризисы пришли к нам в Европу, и это очень тревожное ощущение. К чему это ведет? К росту недовольства по отношению к политическим институтам Запада, к политикам, к брюссельской бюрократии. Это ведет к появлению сильных «правых» движений. Никто не мог подумать, что в такой стране, как Германия, ... появится очень сильная партия, которой присуще националистическое видение политики страны. И это тоже только начало какого-то мощного процесса»²²⁶. Немецкие националисты отвергают не просто миграционную политику крупнейших партий, а лежащие в ее основе либеральные ценности. Следовательно, они не могут разделять и позицию официального Берлина по Украине.

Украинский кризис поставил Германию в трудное положение. Часть ее правящих и деловых кругов заинтересована в сотрудничестве с Россией, без которой невозможно себе представить ни европейскую экономику, ни европейскую архитектуру безопасности. Однако США подталкивают ФРГ к

---

²²⁶ Рокоссовская А. К. Эпоха несостоявшейся любви. Александр Рар: У Ангелы Меркель нет пути назад / А. К. Рокоссовская // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2016/09/19/aleksandr-rar-rossiia-ne-stanet-chastiu-zapada-i-dazhe-chastiu-evropy.html> (дата обращения: 11.10.2017).

действиям, которые явно наносят долгосрочный ущерб российско-немецким отношениям. Позиция Берлина по Крыму и Донбассу неконструктивна и не способствует разрешению кризиса. Если на границах ЕС возникнет очаг перманентной нестабильности, в проигрыше окажутся все европейские страны. В «европейское ядро» хлынут дополнительные потоки мигрантов, среди которых, в силу специфики современного украинского общества, будет немало представителей криминалитета. Кроме того, дальнейшая эскалация кризиса приведет к прямому втягиванию в него некоторых стран-членов ЕС и НАТО (как минимум, Польши, Румынии и прибалтийских республик), что чревато новыми рисками для европейского и евроатлантического сообществ. Современная Европа весьма далека от «демократического плацдарма», который представлял себе в 1996 г. З. Бжезинский. Тогда он предсказывал, что сильная и независимая Украина, возможно, станет продолжением «Веймарской тройки» и, таким образом, превратится в один из ключевых элементов европейской политической архитектуры²²⁷. Сегодня Украина – одно из наиболее нестабильных и неблагополучных государств континента, однако в анализе З. Бжезинского есть рациональное зерно. Страна действительно занимает важное место на геополитической карте Европы в том смысле, что дальнейшая эскалация украинского кризиса может, при неблагоприятном стечении обстоятельств, ввергнуть регион в хаос. Трагедия Украины отчасти объясняется тем, что она, будучи геополитическим центром²²⁸, не является геостратегическим игроком. С одной стороны, страна занимает выгодное географическое положение, располагает (даже в нынешних границах) большими природными ресурсами и еще не до конца растратила советское наследие (материально-техническая база, высокая квалификация части населения и т. д.). С другой – ни одно украинское правительство с 1991 г. не стремилось полноценно развивать имеющийся потенциал и строить действительно сильное государство. Наличие больших ресурсов при

---

²²⁷ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М.: АСТ, 2014. – С. 106.

²²⁸ Там же. – С. 56.

неспособности (неумении, нежелании) эффективно их использовать весьма опасно.

Рассмотрение российско-немецких отношений в контексте международных кризисов позволяет пролить свет на внешнеполитические приоритеты двух стран, их восприятие действий партнера и ожидания от дальнейшего сотрудничества. На основании изложенных фактов можно сделать предварительный вывод о причинах взаимного охлаждения. Ценностные различия, которые столь охотно подчеркивают многие западные политики и эксперты, важны, однако не играют решающей роли. Во-первых, не доказано, что Россия не принадлежит к широко понимаемой западной цивилизации. «Христианский мир» не менее реален, чем исламский или конфуцианский, просто устроен и проявляет себя иначе. Во-вторых, соответствие Германии классическим западным стандартам остается под вопросом. До сих пор не утихают дискуссии о том, насколько немецкий менталитет согласуется с англосаксонским культурным кодом, универсализация которого и сегодня является стратегической целью части американской политической элиты. В-третьих, история знает множество случаев плодотворного прагматического партнерства, изначально не предполагавшего совпадения или даже схождения ценностей. Одной общности интересов часто оказывается достаточно. В данной связи можно вспомнить Шанхайское коммюнике 1972 г., а также современные отношения России с Китаем и Индией. Следовательно, главную причину наблюдаемых российско-немецких трений нужно искать в другом.

Выше уже отмечалось, что структура системы международных отношений в большой степени определяет внешнюю политику отдельных государств, не исключая и великих держав. Один из основателей неореализма К. Уолц так описывал принуждающее воздействие, которое система оказывает на свои элементы: «Когда говорят, что «структура выбирает», это означает просто, что те, кто придерживается принятых и успешных практик, чаще поднимаются на вершину и с большей долей вероятности остаются там. Игра,

которую нужно выиграть, определяется структурой, задающей тип игрока, чей успех вероятен»²²⁹. Структура, о которой идет речь, вклинивается между намерениями государств и результатами их действий²³⁰. Соответственно, хотя государства сами создают и изменяют ее, каждый день делая выбор, данный процесс лишь в малой степени допускает сознательное планирование и целенаправленное регулирование.

Рассматриваемые структурные параметры не имеют прямого юридического или институционального выражения, однако анализ международно-правовых документов, устройства и функционирования международных организаций может дать исследователю много полезной информации.

Изучать ограничения немецкой внешней политики сравнительно легко, поскольку наиболее важные из них уже получили организационное отражение в рамках НАТО и ЕС. Следовательно, чтобы объяснить позицию официального Берлина по многим международно-политическим вопросам, нет необходимости предполагать тайные договоренности и закулисные интриги. Достаточно просто знать основные факты о европейском и евроатлантическом сообществах и уметь делать из них довольно очевидные выводы. Впрочем, есть целый ряд случаев, когда, напротив, очевидны неполнота и ненадежность релевантной информации из открытых источников.

Реакция Объединенной Европы на украинский кризис показала, что, хотя консенсусная демократия имеет заметные преимущества, ее недостатки также бросаются в глаза. Чем больше акторов допущено к принятию решений, тем больше времени и усилий требует согласование их позиций. Чрезмерное усложнение управляющей системы в итоге лишает ее способности функционировать в реальном времени, что чревато катастрофическими последствиями. Разумеется, «европейское ядро» нередко игнорирует интересы младших партнеров и даже навязывает им свою волю (как в случае с Грецией),

---

²²⁹ Waltz K. N. *Theory of International Politics* / K. N. Waltz. – Reading, Massachusetts: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. – P. 92.

²³⁰ Там же. – P. 107.

однако это работает далеко не всегда. Сравнительно слабые члены ЕС могут противостоять давлению, создавая ситуационные коалиции или опираясь на поддержку США. Наконец, само «европейское ядро» отнюдь не является монолитом: франко-немецкие разногласия имеют долгую и непростую историю, а Великобритания и вовсе вышла из ЕС.

Также консенсусная демократия тяготеет к выработке компромиссных решений, что часто приводит к отсутствию внятного, последовательного политического курса. Впрочем, различные авторы по-разному расставляют здесь акценты. К. Куигли полагал, что представление об умеренном характере истины критично для западной цивилизации. Он представлял развитие западной духовной традиции как череду побед «золотой середины» над крайними точками зрения²³¹: «Истина раскрывается во времени через общественный процесс»²³². Однако распространен и другой подход. Например, С. Б. Переслегин, критикуя евросоциалистов за эклектику и непоследовательность, отмечает: «... компромисс обычно хуже, чем любая из альтернатив. Иными словами – либо настоящий «левый проект», либо настоящий «правый», но никак не тепленькая смесь между ними, предусматривающая коренные социальные преобразования, но ненасильственным путем и со всеобщего согласия»²³³.

Германия связана многообразными обязательствами в рамках ЕС, что существенно влияет на российско-немецкое взаимодействие. Официальный Берлин склонен избегать решительных действий, смены внешнеполитического курса там, где их требуют обстоятельства. Это объясняется не только давлением США и психологическими последствиями нацистской диктатуры для немцев, но и положением Германии как фокуса противоречивых национальных интересов.

---

²³¹ Quigley C. The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis / C. Quigley. – Indianapolis: Liberty Press/Liberty Fund, 1979. – P. 344–348.

²³² Там же. – P. 336.

²³³ Переслегин С. Б. Возвращение к звездам. Фантастика и эволюция / С. Б. Переслегин // Philosophy. – М.: АСТ: АСТ Москва; СПб.: Terra Fantastica, 2010. – С. 79.

Членство в НАТО иначе ограничивает немецкую внешнюю политику. На практике организация далека от консенсусной модели принятия решений и является инструментом, который США используют, чтобы проецировать свою мощь на «демократический плацдарм», Ближний Восток и внутренние районы Евразии. Вашингтон неоднократно призывал своих союзников по НАТО прилагать больше усилий для обеспечения собственной безопасности. В данной связи можно вспомнить и «доктрину Никсона», и относительно недавние высказывания Д. Трампа. Однако в данном случае более равномерное распределение обязанностей не предполагает демократизации. Делиться своими привилегиями и реальным влиянием США не готовы. Структуры НАТО препятствуют отходу Германии от атлантизма и ее сближению с Россией. Если такая смена курса все-таки произойдет, это, вполне возможно, приведет к распаду евроатлантического сообщества. Впрочем, у О. Шольца перед глазами два примера – Ш. де Голля и Г. Шредера. Основатель Пятой республики вывел Францию из военной организации НАТО, отстаивал право страны на независимую от Вашингтона внешнюю политику и провозгласил идею «Европы от Атлантики до Урала». Данный курс, вопреки некоторым оценкам, никак не ухудшил позиции «свободного мира» в «холодной войне». Г. Шредер последовательно работал над укреплением российско-немецких отношений, осудил американскую интервенцию в Ираке и подготовил почву для реализации проекта «Северный поток». Угроза евроатлантическому единству, существовавшая в начале 2000-х гг., исходила не от его правительства, а от вашингтонских «ястребов», чьи деструктивные действия вызвали достаточно резкую реакцию Берлина и Парижа. По объективным и субъективным причинам О. Шольц не готов использовать опыт своего выдающегося предшественника, однако он не может ссылаться на якобы безальтернативность нынешнего курса.

Внешняя политика России имеет больше степеней свободы, поскольку страна единолично доминирует в ЕАЭС и ОДКБ, а ШОС и БРИКС, где она делит лидерство с Индией и Китаем, – форумы сотрудничества, а не

интеграционные проекты, предполагающие ограничение национального суверенитета участников.

Немецкий журналист и политолог А. Пар так суммировал претензии своих российских коллег к современному Западу: «Евросоюз подчинен блоковой дисциплине НАТО, даже в энергетических отношениях с Россией Вашингтон диктует Евросоюзу свои правила поведения, ТТИП окончательно привяжет Евросоюз к американскому экономическому, информационному и правовому пространству, принципом американской геополитики является предотвращение создания континентальной Европы, включающей в себя Россию, элиты Евросоюза индоктринированы трансатлантизмом»²³⁴. Значительная часть российского общества убеждена, что в обозримом будущем сближение Москвы и Берлина исключено, поскольку Германия, по сути, лишена возможности проводить самостоятельную, основанную на ее национальных интересах внешнюю политику. По многим стратегическим вопросам европейской политики Россия предпочитает вести прямые переговоры с США, поскольку только это дает надежду на успех. Влияние Германии на сирийские дела минимально, хотя они напрямую затрагивают немецкие интересы безопасности через посредство миграционного кризиса. Украинская политика правительства А. Меркель отражала американские устремления и оценки и была отмечена печатью нежелания брать на себя конкретные обязательства по урегулированию кризиса. Официальный Берлин толковал Минские соглашения в выгодном для себя ключе, и надо признать, что сам текст в ряде случаев предоставлял такую возможность. Так, в декларации лидеров четырех стран сказано: «Германия и Франция окажут техническую поддержку для восстановления сегмента банковской системы в затронутых конфликтом районах, возможно, путем создания международного механизма для содействия осуществлению социальных выплат»²³⁵. Конкретные мероприятия, призванные служить достижению данной цели, не

---

²³⁴ Пар А. Россия-Запад. Кто кого? / А. Пар. – М.: Издательство «Э», 2016. – С. 12.

²³⁵ Полный текст Минских соглашений // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/world/20150212/1047311428.html> (дата обращения: 26.10.2017).

перечислены, никакие сроки не прописаны. Следовательно, юридически было крайне трудно уличить Берлин и Париж в невыполнении данного обязательства. В самом начале текста договаривающиеся стороны заявляют, что «подтверждают полное уважение суверенитета и территориальной целостности Украины. Они твердо убеждены в безальтернативности исключительно мирного урегулирования. Они всецело готовы предпринять любые возможные меры как по отдельности, так и совместно в этих целях»²³⁶. Территориальная целостность Украины по-разному трактовалась странами-участницами Минского процесса. Берлин, Париж и Киев не признали самоопределения крымского народа в марте 2014 г. и продолжают настаивать на украинской принадлежности полуострова. Для Москвы данная позиция неприемлема. События, произошедшие после начала Специальной военной операции, еще больше углубили существующие разногласия и фактически подвели черту под Минским процессом. Пока западные страны отказываются признать новые геополитические и международно-правовые реалии, нельзя надеяться на эффективные совместные действия, направленные на урегулирование кризиса. Неудивительно, что в тексте Минских соглашений употребляется расплывчатая формулировка «любые возможные меры». Несмотря на вышеизложенное, А. Рар, говоря о конструктивной трансформации европейской политической архитектуры, сохранял изрядную долю оптимизма: «Германия тут скорее на стороне России, поскольку понимает, что выстроить Европу без России невозможно. Для стабилизации ситуации в Европе необходимо, чтобы Россия и Германия могли создать стратегическое партнерство. В Германии есть влиятельные силы, выступающие за снятие санкций в отношении России и начало диалога с Москвой о создании общей экономической зоны и пространства безопасности от Владивостока до Лиссабона. Германия открыто не говорит, но косвенно признает, что сделала ошибку, заставив Украину выбирать между Востоком и

---

²³⁶ Там же.

Западом и отказаться от двухвекторной повестки»²³⁷. Действительно, бывший министр иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайер в свое время признал, что ЕС совершил ошибку, определив условия ассоциации с Украиной без учета существовавших на тот момент российско-украинских соглашений и интересов России в «ближнем зарубежье»²³⁸. Также в подтверждение слов А. Рара можно вспомнить, как развивались отношения Москвы и Берлина после кавказского кризиса августа 2008 г. Правительство А. Меркель так и не приняло до конца позицию Вашингтона, добивавшегося международной изоляции России. Немецкие национальные интересы (энергетическая и военно-политическая безопасность, «модернизационное партнерство» и т. д.) и логика развития европейского сообщества заставили официальный Берлин несколько смягчить свой атлантистский внешнеполитический курс. Не будет преувеличением сказать, что в 2010 г. российско-немецкие отношения вернулись к докризисному уровню. Украинские события вызвали более глубокое отчуждение между двумя странами, однако это не отменяет наличия долгосрочных общих интересов. Последние нужно отстаивать хотя бы в прагматическом ключе, коль скоро разногласия ценностного характера пока непреодолимы.

Относительное ослабление американской мощи острее чувствуется на Дальнем Востоке, чем в Западной Европе. Соответственно, до событий 2022 г. Япония успела принять известные меры для нормализации отношений с Россией, а Германия продолжает полагаться на прочность американского «зонтика безопасности», хотя и осознает, что долгосрочную стратегию на данном основании построить нельзя. Логично предположить, что дальнейшая эрозия американского влияния в Европе и мире заставит ФРГ пересмотреть некоторые внешнеполитические приоритеты, восходящие еще к временам К. Аденауэра. «Западная интеграция» перестанет служить залогом стабильности и безопасности, долговой кризис еврозоны и неконтролируемый наплыв

---

²³⁷ Рар А. Россия-Запад. Кто кого? / А. Рар. – М.: Издательство «Э», 2016. – С. 10.

²³⁸ Neukirch R. „Russland nicht in die Knie zwingen“ / R. Neukirch, C. Hoffmann // Der Spiegel. – 2014. – № 52. – S. 25.

мигрантов в ЕС уже свидетельствуют о том, что это неизбежно. Германия будет вынуждена проводить самостоятельную политику безопасности, для чего ей придется либо заключить стратегический альянс с Россией, либо избрать роль посредника между Москвой и Вашингтоном. И то, и другое может потребовать коренного пересмотра западной идентичности немцев. Возможно, последнее не следует считать чем-то беспрецедентным: не все историки относят, например, викторианскую Англию и Германию Гогенцоллернов к одной цивилизации²³⁹. Впрочем, отход континентальной Европы от англосаксонского культурного стандарта сам по себе еще не будет означать смены базовой онтологии. Духовное наследие Запада неизмеримо шире, чем американская массовая культура и расхожие представления апологетов либеральной демократии и рыночной экономики.

Международно-политическое положение современной Германии необходимо рассматривать в контексте кризиса глобального неолиберального проекта. Если бы США удалось переформатировать международные отношения в соответствии со своими геополитическими интересами и стабилизировать капиталистическую мир-систему, Германия была бы обречена и дальше следовать в фарватере американской внешней политики. В действительности у Берлина есть выбор, поскольку «новый мировой порядок», каким он представлялся Вашингтону после окончания «холодной войны», начал рушиться, едва его контуры успели частично проступить при администрациях Д. Буша-старшего и У. Клинтона. Наблюдаемая эрозия американской мощи ставит Белый дом в тяжелое положение: ему все труднее контролировать своих союзников и вести их за собой. Наступит момент, когда данную слабость невозможно будет скрыть никакими пропагандистскими мерами, даже если американское преобладание в мировом информационном пространстве к тому времени полностью или частично сохранится.

---

²³⁹ Переслегин С. Б. Первая мировая. Война между реальностями / С. Б. Переслегин // Война и мы. – М.: Яузакаталог, 2016. – С. 29.

Впрочем, есть ряд интерпретаций современной внешней политики ФРГ, в которых не акцентируется роль внешних акторов в ее формировании. Журналист-международник А. Славин считает, что в лице А. Меркель Германию уже возглавлял прагматик, свободный от предвзятых идеологизированных подходов. Он отмечает: «Возможно, самый известный пример прагматичных установок Меркель – выводы, сделанные из аварии на японской АЭС «Фукусима». Сторонница атомной энергии в одночасье превратилась в ее противницу, и вот уже Германия постепенно закрывает свои атомные электростанции.

Газета «Berliner Morgenpost» в одной из статей выдвинула гипотезу о том, что настоящей Ангелы Меркель не существует. Её следует характеризовать в контексте той роли, которую она исполняет в данный момент. Времена и роли меняются, а вместе с ними – и Ангела Меркель»²⁴⁰. Внутренняя политика федерального канцлера действительно во многом соответствовала приведенной оценке, хотя мультикультурализм вместо эффективной интеграции и режим жесткой экономии вместо стимуляции спроса не могут быть оправданы никакими прагматическими соображениями. С внешней политикой дело обстояло сложнее. Характеризуя российско-немецкие отношения, А. Славин сам косвенно признает это: «Меркель все эти годы держала и собирается держать дистанцию в отношениях с Россией. Санкции и антироссийская риторика – глубинная реакция на кардинальные «нарушения порядка», которые в принципе чужды её пониманию мира – она видит в нестабильности опасность для страны»²⁴¹. Сама трактовка «порядка» федеральным канцлером не может быть обоснована без опоры на вполне определенную идеологию. По логике атлантистов, расширение НАТО и ЕС на Восток – сугубо демократический процесс, а стремление России защищать свои интересы в «ближнем зарубежье» – проявление имперских амбиций. Провозглашение независимости Косово и самоопределение Крыма

---

²⁴⁰ Славин А. Уроки власти Ангелы Меркель / А. Славин // Литературная газета. – URL: <http://lgz.ru/article/-37-6613-20-09-2017/uroki-vlasti-angely-merkel/> (дата обращения: 28.10.2017).

²⁴¹ Там же.

рассматриваются ими на основании диаметрально противоположных критериев. Такую позицию нельзя исчерпывающе объяснить ни юридически, ни даже прагматически. В конце концов, опыт показывает, что давление на Россию не столько ослабляет ее, сколько в итоге заставляет Запад страдать от закономерных ответных мер («война санкций» и т. п.). Внешнюю политику Берлина преимущественно формируют уже рассмотренные структурные факторы и некоторые укоренившиеся идеологемы и мифы. Искаженная картина мира, которую западные политики транслируют своему населению, влияет и на их собственное восприятие действительности. Можно сравнить современную западную русофобию, например, с антикоммунистическими настроениями в межвоенной Великобритании. Британские лидеры не улавливали изменений советской внешней политики, были неспособны разглядеть за лозунгами и декларациями истинные намерения Москвы. В действительности СССР к середине 1920-х гг. уже стал воспринимать себя как национальное государство, а не как плацдарм мировой революции, зародыш всемирного бесклассового общества. Коминтерн продолжал призывать к свержению западных буржуазных режимов и принимал практические меры для их дестабилизации, однако после падения Баварской и Венгерской советских республик, после советско-польской войны эффективность такой деятельности сильно снизилась. Британские (а также французские и американские) политики рассматриваемого периода перечисленных тонкостей не учитывали и слишком поздно отказались от курса на международную изоляцию СССР. В результате они существенно облегчили задачу нацистам. Точно так же иррациональная неприязнь современных немецких консерваторов к России выгодна вашингтонским «ястребам» и исламским фундаменталистам: и те, и другие по разным причинам не хотят создания сильной и стабильной Европы «от Атлантики до Урала».

Таким образом, не стоит преувеличивать рациональность и прагматизм А. Меркель. Впрочем, ее отношение к иракской проблеме А. Славин охарактеризовал верно: «Осторожность на международной арене – ее

политическое кредо. Лишь однажды, в 2003 году, она позволила себе резкий политический демарш, поддержав, в отличие от Шредера, политику Буша-младшего в Ираке. И в перспективе, кстати, выиграла: в Америке ее считают надежным союзником, а поддержка США многого стоит. Ее критика Трампа полна недоговоренностей, как бы «подковерна»²⁴². Другое дело, что победа А. Меркель обернулась поражением Германии. Страна в целом едва ли чувствовала американскую поддержку в эпоху ее правления. С долговым кризисом Объединенной Европе пришлось справляться самостоятельно. США так и не снизили зависимость Германии от российского природного газа за счет «сланцевой революции», которая еще недавно активно и с воодушевлением обсуждалась по обе стороны океана. Наконец, текущий миграционный кризис и вовсе преимущественно является результатом целенаправленных действий США в Ливии, Сирии и других странах арабского мира. С другой стороны, в 2005 г. Германия отказалась от курса на «нормализацию» своей внешней политики, провозглашенного предыдущим правительством, что означало, по сути, частичное возвращение к статусу слабой и зависимой Боннской республики, лишенной некоторых ключевых атрибутов суверенитета. Кроме того, приход А. Меркель к власти означал постепенный отход от старого формата российско-немецких отношений, в основном отвечавшего немецким национальным интересам. Последствия принятых тогда решений сегодня налицо.

Переход мира к зрелой мультиполярности создаст предпосылки для решения многих из названных проблем. Впрочем, в новой системе международных отношений политическая программа немецких консерваторов навряд ли сможет снискать достаточную народную поддержку. При долгосрочном планировании российской внешней политики необходимо это учитывать.

Многие из описанных процессов имеют долгосрочный характер, и прогнозируемый прорыв в российско-немецких отношениях наступит

---

²⁴² Там же.

нескоро. Кроме того, не следует надеяться на автоматическое улучшение ситуации и недооценивать роль субъективного фактора. Нормализация двусторонних отношений потребует сознательных, целенаправленных усилий российских и немецких политиков и простых граждан.

Осторожный оптимизм относительно будущего не отменяет остроты текущей ситуации. Уже сегодня необходимо прилагать систематические усилия, чтобы не допустить дальнейшей деградации отношений, поддерживать на приемлемом уровне функциональное сотрудничество. Впрочем, среди экспертов нет полного согласия относительно мер, необходимых для достижения данной цели. Российский аналитик В. Морозов полагает, что значительную часть проблем создает дефицит проектности и сюжетности, характерный для политических элит России, Германии и США. «...отношения в стратегическом треугольнике Россия-Германия-США сохранят неопределенность на ближайшую перспективу. ...даже при самом благоприятном исходе, который мог бы заключаться в постепенном снятии противоречий по вопросам Украины и послевоенного устройства в Сирии, ключевой фактор – отсутствие стратегического видения места каждой из стран в меняющемся мире и места других стран в их внешней политике – сохранит определяющее значение»²⁴³. Из приведенной оценки следует вывод, что заполнение «вакуума идей», серьезная идеологическая и мировоззренческая работа настоятельно необходимы, чтобы, по крайней мере, не допустить дальнейшей эскалации напряженности на европейском континенте. Каждый участник взаимодействия должен полнее осознать свои интересы и интересы партнеров, пересмотреть свои планы и ожидания в свете непрерывно изменяющихся, противоречивых конкретно-исторических условий. Если прагматические цели не вписаны в контекст той или иной общей картины мира, базовой онтологии, их достижение либо оказывается невозможным, либо в конечном счете не приносит ощутимой пользы.

---

²⁴³ Морозов В. А. Германия, США и Россия в меняющемся мире / В. А. Морозов // Российский совет по международным делам. – URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/germaniya-ssha-i-rossiya-v-menayayushchemsya-mire/> (дата обращения: 29.10.2017).

Другой российский эксперт – В. Белов – несколько иначе расставляет акценты. Он подчеркивает, что продолжение двусторонних контактов на разных уровнях – важнейший компонент правильной стратегии. Практические результаты таких встреч часто оставляют желать лучшего, а в некоторых случаях и вовсе отсутствуют, однако это не свидетельствует о неправильности текущего формата отношений. Напротив, как сказал английский писатель Г. К. Честертон, «если вы не будете красить белый столб, он скоро станет черным».

Комментируя российский визит президента ФРГ Ф.-В. Штайнмайера, В. Белов последовательно придерживался опытных данных, хотя, конечно, и не мог предвидеть событий февраля 2022 г. «В среднесрочной перспективе не следует ожидать каких-либо принципиальных изменений в политике ФРГ по отношению к России – она по-прежнему будет определяться ходом выполнения Минских соглашений. Не идет речи и о росте какой-либо внешнеполитической самостоятельности ФРГ или ее отдалении от евроатлантического вектора. Очевидно, не скоро мы увидим и концептуальные контуры новой восточной политики»²⁴⁴. Политолог П. Каневский, освещая выборы в бундестаг 2017 г., нарисовал сходный инерционный сценарий: «Я бы сказал, что кардинальных изменений ждать не стоит, потому что победила правящая коалиция ХДС/ХСС. Хотя можно сказать о том, что, наверное, Меркель будет немного более осторожной в вопросе выбора внешнеполитического курса в целом»²⁴⁵. С другой стороны, «при этом правительстве ФРГ ухудшения российско-германских отношений точно не будет»²⁴⁶. Разумеется, в данном отношении команда О. Шольца преподнесла аналитикам немало сюрпризов.

Важно, что приведенные констатации не заставили В. Белова усомниться в целесообразности обсуждаемой дипломатической деятельности.

---

²⁴⁴ Белов В. Б. «Противостоять отчуждению прошедших лет»: визит Ф.-В. Штайнмайера в Россию / В. Б. Белов // Российский совет по международным делам. – URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/protivostoyat-otchuzhdeniyu-proshedshikh-let-vizit-f-v-shtaynmayera-v-rossiyu/?sphrase_id=2030515 (дата обращения: 29.10.2017).

²⁴⁵ Эксперт рассказал, как в ФРГ после выборов изменится отношение к России // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/world/20170925/1505499843.html> (дата обращения: 30.10.2017).

²⁴⁶ Там же.

Упоминание о Минских соглашениях имеет скорее этикетный характер. Они не могли быть выполнены по целому ряду причин, и в Берлине это понимали не хуже, чем в Москве. Минский процесс систематически использовался для попыток давления на Россию, однако Германия не готова действительно поставить свою восточную политику в зависимость от киевского режима – кризисного, несамостоятельного и недоговороспособного.

Интересно, что правительство В. Брандта, выстраивая отношения с Москвой, проявило гораздо больше самостоятельности и инициативы, чем современные немецкие консерваторы. И этому не помешало отсутствие у Боннской республики некоторых атрибутов суверенитета, имеющих (хотя бы формально) у объединенной Германии. Очевидно, дело здесь не столько в более или менее неблагоприятных «стартовых условиях», сколько в наличии или отсутствии политической воли и мотивации.

Оценки российско-немецких отношений, данные В. Морозовым и В. Беловым, объединяет трезвое понимание накопившихся проблем без пессимистических настроений. Хотя новые успехи пока маловероятны, многое из уже достигнутого можно попытаться сохранить, если задаться целью. Встречи в нормандском формате завершились безрезультатно, однако сам факт их проведения символизировал готовность Москвы, Берлина и Парижа к дальнейшему диалогу. Вместе Россия и Германия активно работали над решением иранской ядерной проблемы, готовили почву для ликвидации химического оружия в Сирии; оба процесса были успешно завершены, соответственно, в 2015 и 2016 гг.²⁴⁷ Взгляды двух стран на политические перспективы Б. Асада несовместимы, однако важно отметить, что немецкая сторона выступает за широкое международное обсуждение кризиса. Наконец, несмотря на все имеющиеся разногласия, Германия все еще занимает высокие позиции в списке торговых партнеров России²⁴⁸.

---

²⁴⁷ Российско-германские политические отношения. Досье // ТАСС. – URL: <http://tass.ru/info/4224357> (дата обращения: 30.10.2017).

²⁴⁸ Там же.

Резюмировать проведенный анализ можно словами немецкого дипломата Х.-Ф. фон Плетца: «Легкий и быстрый возврат к предыдущему уровню отношений как в двустороннем, так и в более широком формате, вероятно, невозможен. Но у обеих сторон есть воля к улучшению.

Думаю, мы должны признать, что по поводу Крыма есть фундаментальное несогласие даже не между Россией и Германией, а Россией и Западом. Нужно ли после этого прекращать сотрудничество? Конечно, нет. Налаживать отношения, сокращать напряженность и военную конфронтацию, безусловно, нужно»²⁴⁹.

Кризис глобального неолиберального проекта поставил и Россию, и Германию в трудное положение. С одной стороны, пока ключевые элементы старой мир-системы не демонтированы, две страны не могут выйти на качественно новый уровень отстаивания своих национальных интересов. С другой, сам факт кризиса вынуждает их к немедленным активным действиям, хотя объективные и субъективные предпосылки для многих из них еще не созрели. Логика мир-системы не позволяет Москве и Берлину сблизиться, поскольку это противоречило бы интересам все еще действующего гегемона, как он их понимает (здесь уместно вспомнить о «кошмаре коалиций», преследовавшем, например, З. Бжезинского). Однако и новый «железный занавес» не является долгосрочным решением ни для одной из сторон конфликта. Если он все-таки опустится на Европу, как это уже случилось более 70 лет назад, кто будет снабжать Германию и ряд других крупных экономик природным газом? Разумеется, СССР в свое время поставлял большие объемы энергоносителей в капиталистические страны, однако современный Запад не хочет возвращаться к формату отношений, ставящему коренные экономические интересы всех ключевых игроков в зависимость от малейших колебаний политической конъюнктуры («холодная война» предполагала именно такие риски). Наконец, если на геополитической карте Евразии

---

²⁴⁹ Что там у немцев? Эксперты о российско-германских отношениях // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/world/20160816/1474464065.html> (дата обращения: 30.10.2017).

появятся настоящие «черные дыры», а не та, которая рисовалась воображению З. Бжезинского в 1996 г., это будет иметь катастрофические последствия для самого Запада. Соответственно, он, вероятно, не станет доводить «стратегию хаоса» до абсурда.

Таким образом, агонизирующая мир-система посылает своим элементам противоречивые импульсы, а они пока не обладают достаточной степенью свободы, чтобы эффективно блокировать такого рода воздействия. Структурные причины нередко не позволяют странам мира принимать оптимальные политические решения.

Международно-политический контекст двусторонних отношений делает особенно важным умелое применение «мягкой силы». Когда пространство для геополитического и геоэкономического маневра сужается, часто остается шанс достичь успеха в измерении геокультуры. Было время, когда немецкий потенциал «мягкой силы» значительно превосходил российский. В 1990-е гг. Германия была весьма благополучной в социально-экономическом отношении страной, центральным звеном европейского интеграционного проекта, который по привлекательности лишь ненамного уступал «американской мечте». Ельцинская Россия, напротив, была кризисным государством с размытыми внешнеполитическими приоритетами: доктрине многовекторности было нелегко утвердиться в борьбе с атлантизмом. За последнюю четверть века ситуация претерпела кардинальные изменения. После прихода к власти А. Меркель Германия поддержала целый ряд непопулярных американских инициатив. Европейская политика Берлина в период долгового кризиса многими оценивалась как империалистическая. Наконец, неконтролируемый наплыв мигрантов заметно ухудшил социально-экономическую ситуацию в большинстве стран-членов ЕС и существенно снизил привлекательность «европейской модели» за пределами региона. Напротив, Россия в большой степени восстановила свой военно-политический и экономический потенциал, начала проводить подлинно самостоятельную внешнюю политику, полностью учитывающую реалии многополярного мира

и ключевые интересы международной безопасности. Сегодня многие, по контрасту с Западной Европой и Ближним Востоком, рассматривают Россию как «остров стабильности» в стремительно меняющемся мире. Страна обладает большим ресурсом «мягкой силы», однако по объективным и субъективным причинам его не всегда удастся эффективно использовать. Разумеется, нерешенные политические, экономические и социальные проблемы отрицательно сказываются на имидже РФ в восприятии тех или иных отечественных и зарубежных аудиторий. Однако этим рассматриваемый вопрос далеко не исчерпывается. Умение подчеркнуть достижения и затушевать неудачи во многих случаях не менее (или даже более) важно, чем объективная картина. Сегодня курс доллара поддерживает, в том числе, и американская пропагандистская машина, старательно внушающая мировому сообществу неадекватные представления о текущем состоянии американской экономики. Впрочем, такая стратегия не может приносить успех неопределенно долго.

Наконец, необходимо рассмотреть проблему «командных высот» в мировом информационном пространстве. Западные медиакорпорации все еще превосходят российские как по охвату аудиторий, так и по эффективности воздействия на них. Это объясняется целым рядом исторических и современных причин. Во многих западных странах достаточно давно сформировалась соревновательная политическая система, предполагающая сравнительно широкое участие населения в принятии общественно значимых решений. Соответственно, пиар рано превратился там в самостоятельную область профессиональной деятельности со своими собственными, подробно разработанными приемами и методами. Российская империя и СССР, напротив, – примеры закрытого общества. Чтобы в одностороннем порядке доводить до населения государственную идеологию, продвинутые пиар-технологии не нужны.

Кроме того, современные российские элиты пока не достигли широкого и прочного консенсуса по некоторым важнейшим мировоззренческим вопросам.

Как следствие, российский потенциал «мягкой силы» остается ограниченным²⁵⁰. Западные же правящие круги сплочены неолиберализмом: его подлинным противникам трудно рассчитывать на успешную политическую карьеру в странах «центра». Данная идеология близка к исчерпанию своего ресурса, как и капиталистическая мир-система, которую она призвана обслуживать, однако Вашингтону и Брюсселю пока удается использовать инерцию традиционных социальных структур в своих целях.

Таким образом, продвижение позитивного образа России в зарубежных целевых группах – трудная задача. Если бы население Германии получало больше объективной информации об украинских и сирийских событиях, падение рейтинга немецких консерваторов и социал-демократов было бы еще значительнее. Впрочем, перспективы данных политических сил все равно представляются достаточно мрачными, поскольку некоторые международно-политические проблемы, которые атлантисты пытаются представить в ложном свете, уже непосредственно затрагивают простых немцев. Неолиберальная пропаганда не выдерживает столкновения с социально-экономической реальностью, создаваемой в Германии миграционным кризисом.

2.3. Экономика

Мир-системный анализ делает акцент на экономической структуре миропорядка и рассматривает геополитические и геокультурные реалии как ее отражение. Впрочем, данная теория не является редукционистской, она учитывает специфику всех сфер общественной жизни и все многообразие обратных связей между ними, при этом выстраивая их в определенную иерархию по принципу «базис-надстройка». Внутренняя и внешняя политика государства жестко ограничена экономическими факторами, однако не является механическим результатом их действия. Напротив, как раз

---

²⁵⁰ Бобыло А. М. «Мягкая сила» в международной политике: особенности национальных стратегий / А. М. Бобыло // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 14. – С. 133–134.

государство, неспособное выйти за пределы узко понимаемой экономической логики, обречено на крах. Буржуазному государству, обслуживающему интересы эксплуататоров в целом, время от времени приходится наказывать отдельных (в том числе и крупных) капиталистов, которые своими чрезмерными даже для данного строя аппетитами и пренебрежением к «правилам игры» ставят под угрозу существующие механизмы эксплуатации.

Кроме того, национальные государства не могут стопроцентно подчиниться логике глобального рынка, поскольку тогда они самоупряднятся, а капиталистическая мир-система, которой они служили опорой, рухнет. И это нисколько не противоречит тому факту, что капитал не имеет Родины и стремится максимально свободно перемещаться по миру в поисках наибольшей прибыли, чему препятствуют возводимые отдельными странами барьеры. ТНК не могут и не хотят брать на себя функции государства, хотя и тяготятся контролем чиновников и требованиями национальных законодательств. Бизнесменам лучше, когда социальные выплаты, силовые структуры и масштабные инфраструктурные проекты²⁵¹ финансируются за счет налогоплательщиков, лишь часть которых составляют фирмы. Если же в результате катастрофических перемен в международных отношениях ТНК будут вынуждены взять на себя несвойственные им функции, они, по сути, со временем превратятся в национальные государства. Даже Советской России – плацдарму мировой революции – пришлось пройти данный путь под давлением неборимой логики мир-системы.

Капитализм может нормально функционировать только в определенных политических условиях, государство современного типа – его необходимый коррелят. Более того, предельно дерегулированная рыночная экономика достаточно быстро придет к саморазрушению, и «ночной сторож» классической английской политэкономии не сможет ее спасти.

---

²⁵¹ Wallerstein I. World-systems analysis. An introduction / I. Wallerstein. –Durham & London: Duke University Press, 2004. – P. 48–49.

Закон стоимости, диктующий стремление к максимизации прибыли, существенно ограничивает горизонт планирования при капитализме. Бизнесмен, заботящийся об отдаленном будущем, легко может потерпеть поражение от конкурентов, ориентированных на немедленный успех любой ценой. Однако это не мешает капиталистам разрабатывать многоходовые комбинации и достигать своих целей непрямыми путями. Так, «война санкций» ставит многих европейских предпринимателей в крайне трудное положение и, таким образом, препятствует укреплению экономической мощи совокупного Запада. С другой стороны, сложившуюся ситуацию активно используют американские империалисты, стремящиеся затормозить эрозию своего влияния, разобщив Россию и «европейское ядро». Кроме того, можно говорить о начавшемся обострении конкуренции между западноевропейским и американским капиталом. Пока неолиберальный проект сохранял внутренний динамизм и потенциал развития, пока Объединенная Европа не претендовала на самостоятельную геостратегическую роль, разногласия Брюсселя и Вашингтона, как правило, удавалось улаживать. Уже события 2014-2022 гг. показали, что времена сильно изменились: сегодня общие интересы совокупного Запада все больше превращаются в фикцию. Ради достижения своих целей США готовы причинить большой ущерб европейской экономике («война санкций», навязанный неолиберальный ответ на долговой кризис), обречь страны-члены ЕС на социально-экономические и политические потрясения из-за неконтролируемого наплыва мигрантов, подтолкнуть их правительства к прямой конфронтации с Россией. Описанные межимпериалистические противоречия необходимо всесторонне учитывать в дальнейшем анализе.

Политические конфликты между государствами неизбежно сказываются на их экономических отношениях. Нынешние российско-немецкие трения не стали исключением. После начала украинского кризиса по инициативе немецкой стороны был свернут целый ряд совместных проектов. «Так, были отменены запланированные двусторонние мероприятия: 15-й раунд

межгосударственных консультаций и 14-е заседание «Петербургского диалога». Были заморожены строительство Центра боевой подготовки сухопутных войск в Мулино (Нижегородская область) с использованием технологий компании Rheinmetall (стоимость проекта оценивалась в €120 млн) и сделка о продаже России продукции оборонно-космического подразделения Airbus Group NV (в частности, спутниковых технологий на общую сумму около €700 млн). Эти решения выходили за рамки секторальных санкций ЕС, т. к. они не распространяются на уже заключенные контракты»²⁵². Новая внешнеэкономическая политика Берлина во многом объясняется давлением США и некоторых стран-членов ЕС, однако рассматриваемую проблему стоит поместить в более широкий контекст.

Международные отношения по своей природе анархичны, их не структурирует никакая централизованная организация («мировое правительство»). Соответственно, все государства мира существуют в системе самопомощи: в конечном счете, им не на кого рассчитывать, кроме самих себя. Уже приведенное краткое описание дает представление о факторах, препятствующих международному сотрудничеству. Во-первых, государства, как правило, рассматривают выгоды от совместных действий в относительных, а не абсолютных, терминах. Размер собственной прибыли – не главное, важнее всего, чтобы партнер, воспринимаемый как конкурент и потенциальный противник, не получил больше. Во-вторых, обладающие достаточными ресурсами государства стремятся минимизировать свою зависимость от внешнего мира, даже если это противоречит экономической логике²⁵³. «В системе самопомощи соображения безопасности подчиняют экономическую выгоду политическому интересу»²⁵⁴.

Неореалистический подход к изучению международных отношений помогает пролить свет на современную внешнеэкономическую политику

---

²⁵² Российско-германские политические отношения. Досье // ТАСС. – URL: <http://tass.ru/info/4224357> (дата обращения: 30.10.2017).

²⁵³ Waltz K. N. Theory of International Politics / K. N. Waltz. – Reading, Massachusetts: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. – P. 106.

²⁵⁴ Там же. – P. 107.

Берлина. «Модернизационное партнерство» предполагает достаточно высокую степень взаимозависимости. Германия нуждается в российском природном газе, Россия – в немецких высоких технологиях. Пока политические отношения Москвы и Берлина были относительно благополучными, они мирились с рисками, связанными с достигнутым уровнем экономического сотрудничества. Украинский кризис заставил их пересмотреть свои позиции. Германия так и не нашла альтернативу российским энергоносителям, зато сильно сократила сотрудничество на других направлениях. Россия же взяла курс на импортозамещение и диверсифицировала свои торговые отношения («Сила Сибири», евразийская интеграция, сотрудничество в рамках БРИКС и ШОС).

Улучшение политических отношений двух стран, несомненно, создаст более благоприятные условия для экономического сотрудничества, однако здесь не следует впадать в излишний оптимизм. Уроки кавказского кризиса августа 2008 г. и украинских событий заставят Москву и Берлин проявлять осторожность. Отношения могут резко испортиться в третий раз, и, если этого не удастся избежать, лучше подойти к критическому моменту с минимумом слабых мест. Подорванное доверие восстановить гораздо труднее, чем тот или иной конкретный формат сотрудничества. «На фоне осложнения политических отношений происходит и падение товарооборота. В 2016 г. он снизился до \$40,7 млрд (в 2015 г. – \$45,7 млрд, в 2014 г. – \$70 млрд)»²⁵⁵. Данные цифры быстро утратят сугубо экономическую актуальность, однако забудутся они нескоро.

Современный мир отличается беспрецедентной степенью взаимозависимости государств и национальных экономик, однако прошлое человечества все же дает материал для известных аналогий. Докапиталистические общественно-экономические формации допускали гораздо большую степень международной интеграции, чем многие думают. В

---

²⁵⁵ Российско-германские политические отношения. Досье // ТАСС. – URL: <http://tass.ru/info/4224357> (дата обращения: 30.10.2017).

период позднего бронзового века в Восточном Средиземноморье существовала развитая система дипломатии и международной торговли. Сильнейшие государства региона эффективно использовали ее в своих интересах, однако зависимость от внешних факторов создавала для них дополнительные риски. Широкое распространение бронзового оружия и орудий труда было несовместимо с автаркией рассматриваемых стран. Они, как правило, не испытывали недостатка в меди, однако олово было дефицитным товаром: его импортировали из Корнуолла²⁵⁶ и с территории современного Афганистана²⁵⁷. Интересно, что олово потребляли в основном раннеклассовые общества, а его поставщики еще жили при родоплеменном строе. Сегодня «золотой миллиард» зависит от поставок энергоносителей из стран, часто находящихся на более низком уровне социально-экономического развития.

Катастрофа бронзового века отчасти была вызвана упадком международной торговли из-за пиратства и варварских нашествий²⁵⁸. Разумеется, товароборот не мог быть нарушен одновременно во всех частях региона, однако этого и не требовалось. Рост взаимозависимости в международных отношениях чреват «эффектом домино»: если нарушается функционирование нескольких или даже одного элемента системы, она как целое оказывается под угрозой.

Таким образом, проблемы, которые эксперты привыкли связывать с глобализацией, существовали еще при рабовладельческом строе. К историческим аналогиям следует подходить с осторожностью, однако последствия катастрофы бронзового века могут быть поучительны для современных футурологов. Ее важнейшими проявлениями были крах международных рынков, распад великих империй на относительно мелкие политические и экономические единицы, рост автаркии. Сегодня капиталистическая мир-система может рухнуть по-разному. Человечество

---

²⁵⁶ Quigley C. The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis / C. Quigley. – Indianapolis: Liberty Press/Liberty Fund, 1979. – P. 203.

²⁵⁷ Cline E. H. 1177 B. C. The year civilization collapsed / E. H. Cline. – Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2015. – P. 13.

²⁵⁸ Там же. – P. 133–136.

может совершить скачок к более прогрессивным общественным отношениям, что, в частности, создаст условия для продолжения международной интеграции на более справедливых началах. Существует и негативный сценарий, в котором демонтаж капитализма будет сопряжен с откатом назад. Многие ключевые технологии, политические, культурные и социальные достижения будут утрачены, общественные структуры во многих частях мира резко упростятся, а единая мировая экономика распадется на ряд слабо связанных между собой хозяйственных организмов. Крах неолиберального проекта неизбежен, но прогрессивные силы не могут удовлетвориться констатацией его обреченности и просто пассивно ждать дальнейших событий. Необходимо осознать риск сползания в архаику и принять меры, чтобы на смену привычному миропорядку пришли более высокие общественные отношения, а не неофеодальные структуры власти и производства. Сказанное относится к глобальным вызовам и угрозам и при этом проливает свет на целый ряд частных вопросов международной жизни. Россия и Германия в известных пределах могут выстраивать экономические отношения на основании своих национальных интересов, не упуская из виду структурные проблемы мирового политического процесса и глобальной экономики.

Необходимо отметить, что уже сегодня бизнесмены и государственные деятели обеих стран принимают меры, чтобы смягчить рассмотренные риски, хотя жесткая политическая риторика и взаимные претензии нередко отвлекают внимание экспертов, журналистов и общественности от полезных инициатив.

Примером такого благоразумного и прагматичного подхода являлось отношение немецких деловых кругов к «Северному потоку», характерное для периода между подписанием Минских соглашений и началом Специальной военной операции. Так, в 2017 г. президент РФ В. Путин провел встречу с представителями немецкого бизнеса и получил от них ряд недвусмысленных положительных сигналов. Пресс-секретарь главы государства Д. Песков заявил по итогам мероприятия: «Компании, которые так или иначе

задействованы в «Северном потоке» – да, они выражали свое намерение продолжать. И выражали надежду на то, что ничто не помешает: ни внешние факторы, искусственно и неконкурентно навязанные, ни какие-либо другие»²⁵⁹. Под внешними факторами, способными помешать развитию проекта, очевидно, понимались, в первую очередь, начатая Брюсселем «война санкций» и неконструктивные действия некоторых стран Центральной и Восточной Европы. Немецкий бизнес не хочет быть заложником американского гегемонизма и повторяющихся российско-американских конфликтов. Деловым кругам различных стран вообще свойственно искать форматы сотрудничества, максимально иммунные к колебаниям политической конъюнктуры. Действия бизнеса определяются стремлением к максимизации прибыли, геополитику и идеологию он рассматривает только в данном контексте. Впрочем, взаимодействие предпринимателей и государств имеет двусторонний характер. Фирмы могут лоббировать свои интересы, пользуясь (легально или нелегально) услугами чиновников, однако и государство может существенно менять условия ведения бизнеса, это важнейшая составляющая его суверенитета. Разумеется, слаборазвитые страны, совершенно не контролирующие свою экономическую жизнь, реальным суверенитетом не обладают, а в некоторых случаях и великие державы вынуждены мириться с вмешательством в свои внутренние дела.

И. Валлерстайн перечисляет основные направления государственного регулирования бизнеса: импорт/экспорт товаров, капитала и рабочей силы; права собственности; трудовые отношения; покрытие производственных издержек; отношение к монополиям; налогообложение; отстаивание интересов отечественных фирм перед другими государствами²⁶⁰.

Таким образом, хотя поддержание отношений с немецкими деловыми кругами все же остается важной задачей российской внешней политики, их

---

²⁵⁹ Участники «Северного потока» выразили Путину намерение продолжать проект // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/economy/20171012/1506721301.html> (дата обращения: 03.11.2017).

²⁶⁰ Wallerstein I. World-systems analysis. An introduction / I. Wallerstein. –Durham & London: Duke University Press, 2004. – P. 46.

влияние на позицию официального Берлина не следует переоценивать. Гораздо значительнее тот факт, что зависимость Германии от поставок российских энергоносителей сохранится на неопределенный срок. Надежды на «сланцевую революцию» не оправдались. После аварии на японской АЭС Фукусима-1 Германия приняла решение о постепенном отказе от атомной энергии²⁶¹. Возобновляемые источники энергии все еще занимают в структуре немецкой экономики второстепенное место. Наконец, индустриальная экономика по своей природе стремится к экспансии, что выражается и в растущей потребности в энергоресурсах. Перечисленные факты определяют основы немецкой политики энергетической безопасности. В целом российско-немецкое экономическое сотрудничество переживает сегодня трудные времена, хотя в газовой сфере Москве и Берлину долго удавалось действовать достаточно успешно вопреки неблагоприятной геополитической конъюнктуре. Здесь будет уместно процитировать комментарий 2017 г., опубликованный ведущим российским информационным агентством: «Проект «Северный поток-2» предполагает строительство двух ниток газопровода общей мощностью 55 миллиардов кубометров газа в год от побережья РФ через Балтийское море до Германии. Новый трубопровод планируется построить рядом с «Северным потоком». Против реализации проекта выступает ряд стран, в частности Украина, которая опасается потерять доходы от транзита российского газа, и США, имеющие амбициозные планы по экспорту в Европу своего СПГ»²⁶². Интересно, что в данном случае даже недовольство Вашингтона не заставило немецкую сторону отказаться от участия в проекте на ранних этапах, что для современной Германии нетипично. Перспективы восстановления трубопровода после подрыва крайне туманны, однако нельзя полностью исключить реализацию аналогичных инициатив в достаточно отдаленном будущем. Ключевой мотивацией может послужить стремление

---

²⁶¹ Kabinett beschließt Atomausstieg bis 2022 // Süddeutsche Zeitung. – URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/gesetzpaket-zur-energiewende-kabinett-beschliesst-atomausstieg-bis-1.1105474> (дата обращения: 03.11.2017).

²⁶² Участники «Северного потока» выразили Путину намерение продолжать проект // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/economy/20171012/1506721301.html> (дата обращения: 03.11.2017).

Москвы и Берлина снизить свою зависимость от Украины – крайне ненадежного транзитера природного газа. Это очень важно, поскольку украинский кризис может как еще больше обостриться в обозримом будущем, так и затянуться на неопределенный срок, причем его динамика определяется не столько внутренней логикой событий, сколько действиями Вашингтона.

Участвуя в проекте «Северный поток-2», Германия объективно способствовала уменьшению американского влияния на европейские дела, основанного, в том числе, и на «особых отношениях» Вашингтона со странами-транзитерами энергоносителей. Его европейская политика заставляет вспомнить идею «санитарного кордона» из книги Х. Макиндера «Демократические идеалы и действительность». Впрочем, в межвоенный период в Центральной и Восточной Европе преобладало французское влияние, а сейчас в регионе прочно утвердилась находящаяся за пределами Евразии сверхдержава, что является беспрецедентным случаем в мировой истории. Кроме того, после Первой мировой войны еще были возможны концепции, рассматривавшие контроль над «междуморьем» как ключ к мировому господству, однако сегодня они уже имеют только историческое значение. Благодаря появлению новых технологий развитие российско-немецкого энергетического сотрудничества может меньше зависеть от позиции Украины, Польши и стран Балтии.

Диверсия на «Северном потоке-2» стала очередным водоразделом в отношениях России с коллективным Западом. Выяснилось, что Вашингтон и Лондон готовы пойти на крайние меры, чтобы положить конец «дипломатии «Газпрома» и сделать поведение немецких союзников более лояльным и предсказуемым. В игру вступил новый фактор, который Россия не может контролировать, что заставляет по-новому поставить вопрос о приоритетах ее внутренней и внешней политики. С одной стороны, Германия является необходимым элементом европейской политической архитектуры, что подрывает доверие к призывам полностью разорвать двусторонние отношения. С другой, Москва должна последовательно отстаивать свои

интересы безопасности, твердо реагируя на возникающие угрозы пропорционально их масштабу. При этом России следует сделать акцент на успешном внутреннем развитии, которое должно в нынешних условиях принять форму опережающей полуоткрытой модернизации. Реализация собственного потенциала поможет сузить круг неконтролируемых внешних факторов.

Здесь весьма показателен пример современного Китая. Западные элиты испытывают к нему явную неприязнь, однако вынуждены считаться с его огромным экономическим влиянием и соответствующим геополитическим потенциалом. Контролируя часть западных облигаций государственного долга и обширные зарубежные рынки высокотехнологичной продукции, Пекин неизменно заставляет своих противников идти на известные уступки. В будущем вполне возможен сценарий, в котором именно российское «экономическое чудо» мотивирует западные страны в одностороннем порядке отменить целый ряд санкций и вновь вернуться к обсуждению стратегического энергетического сотрудничества. Такое развитие событий можно будет выгодно использовать в российских национальных интересах, если к тому времени снизится зависимость отечественной экономики от экспорта энергоносителей, а ресурсоемкость ключевых западных производств, напротив, останется относительно высокой. Однако для достижения данной расстановки сил Москве еще нужно принять ряд нетривиальных управленческих решений.

Не следует переоценивать степень ухудшения российско-немецких экономических отношений, проблемы гораздо заметнее в таких сферах, как политика и мировоззрение. «Германские предприниматели демонстрируют желание продолжать работу на российском рынке. За первое полугодие 2016 года объем прямых немецких капиталовложений в Россию составил 1,73 миллиарда евро против 1,78 миллиарда евро за весь 2015 год. Немецкие инвестиции в Россию во втором квартале 2016 года (655 миллионов евро)

превысили в три раза аналогичный показатель предыдущего года»²⁶³. Такие успехи объясняются не только соображениями прибыли, хотя для бизнеса они, конечно же, являются основополагающими. Во-первых, сам рыночный характер немецкой экономики снижает эффективность санкций: правительство О. Шольца просто не может определять экономическую жизнь страны так, как это делается в рамках командно-административной модели. Во-вторых, полный и окончательный отказ от «модернизационного партнерства» немислим не только по соображениям энергетической безопасности ФРГ, но и из-за его политических последствий. Как уже указывалось выше, немецкой стороне несвойственно сугубо утилитарное восприятие данного формата сотрудничества. Напротив, Берлин долгое время рассматривал его как инструмент, позволяющий приблизить Россию к европейскому «сообществу ценностей» и полнее интегрировать ее в европейскую политическую архитектуру. По ряду достаточно очевидных причин Германия не может официально отказаться от данных целей. Хотя проект «Европы от Атлантики до Урала» пока не может быть реализован, сама идея продолжает оказывать влияние на международные отношения.

Некоторые эксперты более пессимистичны в своих оценках. По мнению А. Рара, «фактически уже в 2011-2012 годах – еще до последних событий на Украине – Запад отказался от партнерства по модернизации с Россией»²⁶⁴. Проведенный анализ позволяет несколько скорректировать данное утверждение, однако в словах немецкого ученого заключено важное предостережение. Можно по-разному оценивать настоящее и вероятное будущее «модернизационного партнерства», но безусловно необходимо пересмотреть стратегию развития России, сделав акцент на его внутренних факторах и источниках. Российское экспертное сообщество все еще не достигло полной концептуальной ясности в данном вопросе. Ряд аналитиков

---

²⁶³ Межгосударственные отношения России и Германии // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/spravka/20170502/1493229839.html> (дата обращения: 04.11.2017).

²⁶⁴ Рокоссовская А. К. Эпоха несостоявшейся любви. Александр Рар: У Ангелы Меркель нет пути назад / А. К. Рокоссовская // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2016/09/19/aleksandr-rar-rossiia-ne-stanet-chastiu-zarada-i-dazhe-chastiu-evropy.html> (дата обращения: 11.10.2017).

полагает, что отказ от открытой модернизации, подразумевающей полную интеграцию в глобальный неолиберальный проект, неизбежно приведет к международной изоляции РФ и ее последующему упадку. Однако это ложная альтернатива. Оптимальным представляется сценарий полуоткрытой модернизации: необходимо активно развивать международное экономическое сотрудничество, придерживаясь курса на импортозамещение и ограничивая влияние иностранного капитала на российскую экономику. Здесь полезно вспомнить уроки истории. Российская империя в эпоху Николая II не обладала всей полнотой экономического суверенитета: в ее финансовом секторе господствовали британские, французские и немецкие банки. Такая зависимость неизбежно сказывалась на внутренней и внешней политике страны, мешала ей последовательно отстаивать свои национальные интересы. С другой стороны, сталинская закрытая модернизация в условиях «осажденной крепости» стоила населению больших жертв. Наконец, апологеты неолиберального миропорядка стараются убедить свои целевые аудитории в его нерушимости и даже естественности. В такой порочной логике можно либо подчиниться требованиям системы, либо отвергнуть их (иногда допускаются различные степени и комбинации первого и второго). Между тем стратегически у человечества есть только один выход – коренная трансформация существующих порядков, переход к более высоким общественным отношениям. Данная констатация может показаться весьма далекой от реальной политики, однако не стоит спешить с выводами. Прагматичные лидеры современности живут в мире, который в большой мере был создан «мечтателями» – именно так многие воспринимали идеологов и вождей революционной буржуазии на рубеже Средних веков и Нового времени. Когда-то сторонники феодализма выводили его из неизменных божественных установлений, из метафизически понимаемой человеческой природы. До Великой французской революции восприятие политических перемен как чего-то нормального и даже желанного было слабо

распространено в Западной Европе²⁶⁵, а в некоторых частях мира оно не утвердилось до сих пор. Как бы то ни было, классический феодализм сегодня нигде не встречается.

Пока сохраняется капиталистическая мир-система, возможности для развития российско-немецкого экономического сотрудничества остаются жестко ограниченными. Разумеется, это не отменяет необходимости мер, направленных на улучшение двусторонних отношений в текущих конкретно-исторических условиях. «Если будет достигнуто взаимопонимание, это должно быть совершенно другое партнерство – более прагматичное и нацеленное, как этого всегда хотели в России, на общие интересы, а не только на либеральные ценности, как хотели в Германии в нулевые годы»²⁶⁶.

Многие эксперты считали, что выборы президента США 2016 г. и выборы в немецкий бундестаг 2017 г. существенно изменят граничные условия российско-немецкого экономического сотрудничества. Как известно, этого не произошло. Д. Трамп во многом построил свою предвыборную кампанию на критике гегемонистской и интервенционистской внешней политики администрации Б. Обамы. Первые месяцы правления нового президента показали, что надежды на разрядку международной напряженности, связывавшиеся с его именем, были, как минимум, преждевременными. Российский эксперт И. Истомин провел интересную параллель между Б. Обамой и Д. Трампом, проливающую свет на некоторые события новейшей истории. «На фоне провала наступательной стратегии Джорджа Буша-мл., политики «смены режимов» и форсированной демократизации на Ближнем Востоке и в других регионах мира в 2008 г. в то время кандидат от демократов Барак Обама призывал к выстраиванию кооперации с другими центрами силы (такими как Китай и Россия), отказу от интервенционизма и чрезмерной опоры на военную мощь. В 2016 г. Дональд Трамп пропагандировал схожие ценности

---

²⁶⁵ Wallerstein I. World-systems analysis. An introduction / I. Wallerstein. –Durham & London: Duke University Press, 2004. – P. 51.

²⁶⁶ Рокоссовская А. К. Эпоха несостоявшейся любви. Александр Рар: У Ангелы Меркель нет пути назад / А. К. Рокоссовская // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2016/09/19/aleksandr-rar-rossiia-ne-stanet-chastiu-zarada-i-dazhe-chastiu-evropy.html> (дата обращения: 11.10.2017).

стратегической сдержанности и внешнеполитической осмотрительности»²⁶⁷. Оба лидера не сдержали своих ключевых предвыборных обещаний, касавшихся американской внешней политики.

Итог выборов в бундестаг 2017 г. отразил значительные сдвиги в немецком общественном сознании, однако их пока недостаточно, чтобы коренным образом изменить внешнюю и внутреннюю политику страны. ХДС/ХСС и СДПГ значительно ухудшили свои результаты по сравнению с 2013 г., правая оппозиция господствующему либеральному консенсусу набрала силу, однако это не помешало атлантистам еще раз отсрочить свой крах, да и новые люди навряд ли обеспечили бы себе достаточное пространство для маневра в сложившейся системе институтов.

В конечном счете судьбу глобальных перемен всегда решают структурные причины. Необходимо трезво оценивать роль личности в истории, избегая как фатализма, так и волюнтаризма. Вышесказанное в полной мере относится и к российско-немецкому экономическому сотрудничеству.

Многие западные лидеры воспринимают Россию, в первую очередь, как страну, которая при сравнительно небольшом населении и заметном технологическом отставании контролирует огромные объемы критических для западных экономик ресурсов (нефть, природный газ). Такое положение вещей кажется им несправедливым. Однако, если бы развитые капиталистические страны сосредоточились на удовлетворении разумных потребностей своих граждан, а не на максимизации прибыли, они бы не так остро ощущали ресурсный голод. С другой стороны, при их нынешней позиции им в итоге не хватит и всех богатств Земли. Приведенные соображения проливают свет на причины и механизмы конфликтов между продавцами, транзитерами и потребителями природного газа в Европе. При современных технологиях Земля способна дать все необходимое огромному количеству людей, сегодня вызовом для человечества является не столько перенаселение, сколько тот

---

²⁶⁷ Истомин И. А. Дональд Трамп – непризнанный наследник Барака Обамы? / И. А. Истомин // Российский совет по международным делам. – URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/donald-tramp-nepriznannyy-naslednik-baraka-obamy/> (дата обращения: 06.11.2017).

факт, что запросы привилегированного меньшинства давно вышли за пределы разумного.

2.4. Перспективы развития двусторонних отношений

Политическое прогнозирование сталкивается с целым рядом трудностей, обусловленных как спецификой решаемой задачи, так и недостаточным уровнем развития соответствующих гуманитарных дисциплин. Выше уже отмечалось, что разница между общественными и естественными науками определяется отношением сознания к изучаемым ими явлениям и процессам. Историю делают люди, осознающие свои цели и интересы и имеющие определенное мировоззрение. Разумеется, их идеи в конечном счете отражают материальную действительность, однако это нелинейный, противоречивый процесс, а не механическое копирование. Кроме того, общественное сознание оказывает обратное воздействие на общественное бытие, что, в частности, делает возможными самоподтверждающиеся пророчества. Политический прогноз – не только более или менее адекватное отражение действительности, но и фактор ее изменения. Соответственно, здесь нелегко выработать объективные критерии успеха аналитика. Часто возникает вопрос: произошло бы некоторое событие, если бы его не предсказывали? Кризисы на финансовых рынках неоднократно начинались с безосновательной паники, а их материальный механизм, парадоксальным образом, формировался позже.

Трудности иного порядка связаны с тем фактом, что политологу приходится работать со сложными самоорганизующимися системами, функционирование которых не удастся описать конечным набором формул. Таким системам свойственно время от времени проходить через точки бифуркации, в которых минимальное, легко ускользающее от внимания исследователя воздействие может вызвать коренные качественные и количественные изменения. Аналитики пытаются решить данную проблему, вводя новые объяснительные модели («дикие карты» и т. д.).

Материалистическая диалектика позволяет подойти к вопросу с другой стороны. Закон перехода количественных изменений в качественные опровергает некоторые распространенные социологические и политологические концепции. Либералы нередко полагают, что только плавные, умеренные реформы способны решить стоящие перед современным обществом проблемы, а революции неизбежно отбросят его назад. Данная точка зрения представляется парадоксальной, поскольку сам либерализм проложил себе путь в ходе буржуазных революций, а не постепенных реформ феодального строя. Кроме того, она противоречит некоторым логическим соображениям. Количественные изменения часто растянуты во времени, однако возникновение нового качества – это всегда скачок, хотя его утверждение и распространение мгновенно не происходят. Смена отношений господства в паре противоположностей не может быть поэтапной.

Соответственно, в историческом развитии необходимо чередуются эволюционные и революционные периоды, причем последние могут обходиться без кровопролития и уничтожения материальных ценностей, но не без преобразования всей общественной жизни. К политическому прогнозированию все это имеет самое непосредственное отношение. Предсказания политических обозревателей и футурологов во многом основываются на экстраполяции уже существующих тенденций. Данный метод эффективен, если до примерной даты прогнозируемого события качественный скачок маловероятен. Если же нет, его применение с высокой вероятностью приводит к ошибке. Нельзя адекватно описать индустриальное общество в терминах предшествующей фазы развития²⁶⁸. Равным образом, люди коммунистического общества с их «инстинктивным гуманизмом» непостижимы для буржуазного сознания. Впрочем, и последнее было немислимо при античном способе производства или в раннем Средневековье. Структурные факторы ограничивают применимость метода экстраполяции

---

²⁶⁸ Переслегин С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске / С. Б. Переслегин // Philosophy. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2005. – С. 509–510.

достаточно узкими хронологическими рамками. Чтобы выйти за них, приходится выдвигать достаточно рискованные гипотезы.

Проблема точек бифуркации для материалистической диалектики не стоит. Система, проходящая через смену способа производства, весьма уязвима для внешних и внутренних разрушительных воздействий, однако они не могут изменить направление ее развития, предначертанное объективными историческими законами. Впрочем, рассматриваемая проблема пока не имеет однозначного решения. Ретроспективно можно объяснять историю как в терминах «развилки», так и в рамках той или иной линейной схемы. Удачные прогнозы, как уже было сказано, не являются в политических науках решающим аргументом.

Изложенные соображения позволяют описать возможные сценарии развития российско-немецких отношений. Прогнозы такого рода должны учитывать глобальный контекст двустороннего взаимодействия – структуру мировой экономики и международной системы. И неореализм, и неомарксизм несовместимы с крайними формами государственного автономизма, в которых отдельные страны рассматриваются метафизически, вне всеобщей взаимосвязи явлений.

Динамика российско-немецких отношений преимущественно определяется конкретными формами и темпами разложения капиталистической мир-системы, становления нового общественного строя. Здесь возможны несколько вариантов:

- 1) Инерционный сценарий, предусматривающий сохранение существующего миропорядка на десятилетия. Пока глобальные политические и экономические координаты будут оставаться в целом неизменными, российско-немецкие отношения, вероятнее всего, будут следовать устоявшейся модели. Они будут развиваться волнообразно, от кризиса к кризису, однако амплитуда колебаний будет ограниченной. Две страны не пойдут ни на заключение стратегического альянса, ни на свертывание всех совместных проектов. Неизбежное затухание украинского кризиса со

временем позволит довести сотрудничество Москвы и Берлина приблизительно до уровня 2010 г., когда международно-политические последствия кавказских событий августа 2008 г. уже ощущались сравнительно слабо, а «Арабская весна» еще не началась. Потом на геополитической карте Евразии появится новый очаг нестабильности, и российско-немецкие разногласия вспыхнут с новой силой. Выход из данного порочного круга открывается уже за хронологическими рамками капиталистической мир-системы.

2) Возрождение глобального социалистического проекта с вовлечением в него сильнейших государств мира. Демонтаж неолиберального миропорядка расширит пространство для внешнеполитического маневра, доступное России и Германии, однако это не гарантирует улучшения двусторонних отношений. Идеологическая близость и включенность в одни и те же международные структуры не отменяют несовпадения национальных интересов. Здесь стоит вспомнить о динамике советско-китайских отношений в 1950-1970-е гг. В эпоху Н. С. Хрущева между Москвой и Пекином наступило охлаждение, которое официально мотивировалось идеологическими разногласиями: Мао Цзэдун обвинял новое советское руководство в ревизионизме, а оно, в свою очередь, приписывало ему национализм и шовинизм. Однако в действительности конфликт имел геополитическую подоплеку. Между двумя странами шла скрытая борьба за лидерство в социалистическом лагере, кроме того, Китай, опасавшийся за свою независимость, стремился выйти из советской сферы влияния, что не могло не тревожить Москву. В результате сложных дипломатических маневров США и КНР пришли к стратегическому партнерству, основной целью которого было сдерживание советской экспансии на Дальнем Востоке и в глобальном масштабе. Национальные интересы перевесили все остальные соображения.

Аналогично, англо-американская война 1812-1814 гг. опровергает тезис о том, что «демократии друг с другом не воюют». Разумеется, можно возразить, что демократические институты, существовавшие в Великобритании и США

в начале XIX в., были незрелыми, однако будущие поколения, вероятно, упрекнут современные западные учреждения в том же. Таким образом, предвзятый исследователь может в каждом случае толковать приведенный тезис, как ему удобно.

3) Торжество «третьего пути». История заставляет усомниться в жизнеспособности подобных проектов в долгосрочной перспективе. Кейнсианство, предполагавшее внедрение социалистических элементов в капиталистическую экономику, помогло временно смягчить ее противоречия, однако в итоге оказалось бессильным перед проблемой инфляции и уступило место неолиберализму. Однако в контексте российско-немецких отношений «третий путь» имеет смысл обсуждать, поскольку запаса прочности эклектичных политико-экономических моделей, несмотря на все вышесказанное, иногда хватает на десятилетия.

Если ключевые государства капиталистической мир-системы отойдут от неолиберализма, это, вероятно, приведет к разрядке международной напряженности и расширению доступного им пространства для маневра. В таком случае, есть основания надеяться на улучшение российско-немецких отношений, на их переформатирование в соответствии с долгосрочными интересами двух стран. Крах неолиберального проекта лишит США возможности воспрепятствовать сближению Москвы и Берлина.

С другой стороны, нельзя исключить и возможность реализации негативного сценария. Аналогия с эпохой «великой депрессии» поможет полнее осознать существующие риски. Различные страны капиталистического мира по-разному отреагировали на кризис перепроизводства конца 1920-х – начала 1930-х гг. США и скандинавские страны сделали выбор в пользу социального государства. Франция сначала также пошла по данному пути развития, однако достаточно скоро отказалась от него. Германия и Япония взяли курс на милитаризацию экономики, на широкое внедрение элементов командно-административной модели. Кризис усилил неоднородность

капиталистического мира и увеличил конфликтный потенциал Версальско-Вашингтонской системы международных отношений.

Когда глобальный проект терпит крах, различные страны могут предлагать диаметрально противоположные альтернативы исчерпавшей себя системе и, таким образом, еще больше отдаляться друг от друга, несмотря на исчезновение структурных принуждений, ранее препятствовавших их сближению. «Третий путь» – это «зонтичный» термин, объединяющий разнородные концепции, сторонники которых нередко требуют несовместимых вещей или даже относятся друг к другу с нескрываемой враждебностью. Рассматривая возможные сценарии развития российско-немецких отношений, необходимо это учитывать.

4) Катастрофическое обрушение современного миропорядка. Делать прогнозы в рамках данного сценария весьма сложно, поскольку скачкообразное упрощение социальной ткани создает множество точек бифуркации, в которых возможен выбор между качественно различными путями развития. Катастрофа может как побудить страны к сближению («рапалльский» формат), так и разобщить их. Если в мире распространятся неофеодальные порядки, это будет означать фрагментацию международных политических, экономических и культурных отношений, разрыв многих из существующих связей. Отсюда следует парадоксальный вывод: в таком случае российско-немецкое сближение будет затруднено, однако возросшая самодостаточность стран и регионов, вероятно, позволит успешно обойтись без него. Впрочем, есть серьезные основания надеяться, что человечеству удастся преодолеть «фазовый барьер» и построить стабильное информационное общество.

2.5. Выводы по второй главе

Из новейшей истории российско-немецких отношений можно извлечь ряд полезных уроков. Кавказские события августа 2008 г. нанесли двустороннему

сотрудничеству серьезный урон и заставили глубоко задуматься о его движущих силах и перспективах. Принудив Грузию к миру, Россия во всеуслышание заявила о своем великодержавном статусе и особых интересах в «ближнем зарубежье». Она признала независимость Абхазии и Южной Осетии, чтобы обеспечить будущее их народов и закрепить новый региональный статус-кво. Германия была встревожена ростом российской мощи: в годы правления Б. Ельцина Запад привык смотреть на восточного соседа как на младшего партнера, кризисное государство и даже «черную дыру» на геополитической карте Евразии. Адаптироваться к новым реалиям было нелегко. Кроме того, изменение границ Грузии было воспринято в Берлине как нарушение порядка в его западном, формально-юридическом понимании. Впрочем, США и их союзники по-разному трактуют международное право в зависимости от соображений выгоды в каждом конкретном случае. Территориальная целостность Украины и Грузии является для них едва ли не абсолютной ценностью, а к Ираку, Ливии и Сирии у них другое отношение. Наконец, августовский кризис 2008 г. и его международно-политические последствия являются хорошей иллюстрацией американского влияния на российско-немецкие отношения. Правительство А. Меркель никогда безоговорочно не принимало американскую интерпретацию рассматриваемых событий, однако просто иметь свое мнение недостаточно, необходимо уметь отстаивать его вопреки давлению заокеанских партнеров. Последнее никогда не было сильной стороной немецких консерваторов.

С другой стороны, кризис по-новому высветил отношения взаимозависимости, сложившиеся между РФ и ФРГ. «Модернизационное партнерство» не могло быть полностью свернуто даже в условиях глубокого отчуждения между двумя странами. Кроме того, Берлин не может официально отказаться от продвижения западных ценностей на постсоветском пространстве. Наконец, от динамики российско-немецких отношений напрямую зависит функционирование европейской политической

архитектуры. Перечисленные факторы позволили уже в 2010 г. вывести двусторонние отношения на докризисный уровень.

Впрочем, потепление было недолгим. Москва и Берлин по-разному отреагировали на события «Арабской весны», и по мере развития ливийского и сирийского кризисов их разногласия только нарастали. Успехи российских Военно-космических сил в Сирии и европейский миграционный кризис уже начали менять ближневосточную политику Германии, однако Москва и Берлин так и не пришли к единому мнению относительно причин рассматриваемых проблем и способов их решения.

Украинский кризис стал самым серьезным испытанием для российско-немецких отношений после окончания «холодной войны». Впервые после югославских событий столь масштабное и затяжное военное противостояние развертывается в непосредственной близости от границ Объединенной Европы. Берлин снова упрекает Москву в нарушении «порядка», теперь за присоединение новых регионов и события эпохи Специальной военной операции, хотя в феврале 2008 г. правительство А. Меркель предпочло забыть о территориальной целостности Сербии ради признания независимости Косово. Война, развязанная киевским режимом при активной поддержке влиятельных западных покровителей, во многом определяет повестку дня современных российско-немецких отношений. Берлин возлагает на Москву ответственность за продолжающееся вооруженное противостояние, российское же руководство критикует немецких коллег за нежелание эффективно влиять на Украину. Минские соглашения так и не были выполнены по целому ряду объективных и субъективных причин. Закрепленная в них «дорожная карта» уже успела устареть в констатирующей и тем более рекомендательной частях. Улучшение российско-немецких отношений невозможно без разработки и внедрения новых форматов сотрудничества. Политика «взаимосвязанных решений» в стиле администрации Р. Никсона далеко не всегда оправдывает себя. Ставить российско-немецкое сотрудничество во всем его многообразии в зависимость от динамики

украинского кризиса – значит позволять вашингтонским покровителям киевского режима произвольно нарушать развитие европейской политической архитектуры.

Приведенный краткий исторический экскурс помогает представить себе текущее состояние российско-немецких отношений. Двустороннее энергетическое сотрудничество продолжается, хотя судьба проекта «Северный поток-2» заставила многих аналитиков дать откровенно пессимистические прогнозы, учитывающие критические уязвимости такого рода инициатив, включая их неизбежную зависимость от разнообразных «диких карт». В сфере бизнеса отмечается противоречивая динамика: «война санкций» все еще далека от завершения, однако солидный объем немецких инвестиций в российскую экономику тоже нельзя сбрасывать со счетов. Наблюдаемые разнонаправленные тенденции – это проявление более глубоких противоречий и конфликтов. Немецкий бизнес в поисках максимальной прибыли неизбежно обращает свои взгляды в сторону России, а немецкое правительство, действующее в навязанной Вашингтоном атлантистской логике, в данном случае старается предпочитать политические соображения экономическим. Кроме того, в самой позиции официального Берлина заложено пока непреодолимое противоречие между евроатлантическим, европейским и российским внешнеполитическими векторами. Наконец, капиталистическая мир-система, находящаяся в глубоком и остром структурном кризисе, неспособна выработать самосогласованный комплекс требований к своим элементам. В силу своей логики она не может ни мирно позволить им идти своим путем, ни создать для них нормальные условия функционирования, ни допустить их разрушение. В рамках капитализма данная проблема не имеет решения.

Существует несколько сценариев развития российско-немецких отношений: инерционный, революционный, компромиссный и катастрофический. О той или иной степени предопределенности можно говорить только применительно к первому варианту. Все остальные

амбивалентны: реализация любого из них совместима с различными моделями двустороннего взаимодействия. Здесь возрастает значение случайных факторов и целенаправленных усилий самих стран. Впрочем, роль сознательного проектирования велика и в первом случае. Если прорыв в отношениях окажется невозможным, тем не менее, нужно будет планомерно работать, чтобы минимизировать издержки от их текущего формата и не допустить их дальнейшей деградации. Анализ, проведенный в первой главе монографии, заставляет сделать вывод, что в долгосрочной перспективе у человечества есть выбор только между полным преодолением капитализма и глобальной катастрофой, однако в ближайшие десятилетия возможно временное торжество каждой из двух остающихся моделей (компромисс, инерция). 30-40 лет – небольшой срок для марксистской философии истории, которая в качестве основных единиц анализа избрала крайне долговечные объекты: классы, общественно-экономические формации, технологические эпохи и т. д. Однако через призму интересов национального государства или, тем более, индивида данная проблема видится совершенно иначе: для них за десятилетия может измениться все. Версальско-Вашингтонская система просуществовала меньше 20 лет, Ялтинско-Потсдамская – около 45.

В среднесрочной перспективе можно сформулировать следующие соображения об улучшении российско-немецких отношений:

1) Тот, кто первым отойдет от существующего формата взаимодействия, рискует поставить себя в невыгодное положение в информационном противостоянии. Неудивительно, что Минский процесс формально продолжался, пока его не прервали чрезвычайные события. Однако, хотя преобладающий формат политического сотрудничества, вероятно, еще нескоро официально сменится, дополнять и обходить его нужно уже сегодня. Здесь можно провести известную аналогию с реинтеграцией постсоветского пространства. СНГ было создано как инструмент пропаганды и «цивилизованного развода». После прихода В. Путина к власти Россия взяла курс на восстановление разорванных связей и наращивание своего влияния в

«ближнем зарубежье». СНГ было бы крайне трудно адаптировать к целям, диаметрально противоположным первоначальным. Проще было развивать альтернативные международные организации, что и было сделано (ОДКБ, ЕАЭС).

Аналогичным образом, можно под прикрытием привычной риторики (если это пока неизбежно) реализовывать конструктивные политические проекты.

2) Энергетическое сотрудничество, вероятно, так или иначе продолжится в новых геополитических реалиях: в прошлом «дипломатия «Газпрома» временами оказывалась эффективнее прямого межгосударственного взаимодействия. В рассматриваемом международно-политическом контексте поставки энергоносителей могут оказаться своего рода инвариантом, несмотря на дальнейшее накопление взаимных претензий Москвы и Берлина. Соответственно, энергетика является важной опорой для восстановления отношений после очередного кризиса.

3) Существующие проблемы можно рассмотреть и в культурологическом контексте. Россия и Германия разделяют с Великобританией и США общее христианское наследие, однако менталитет русских и немцев в целом глубоко чужд англосаксонскому культурному коду, универсализации которого все еще добивается часть американского правящего слоя. Необходимость противостоять нивелирующему влиянию «культурной глобализации» может со временем поспособствовать сближению РФ и ФРГ. Неоднородность западной цивилизации и нерешенность вопроса о ее границах могут при известных обстоятельствах получить прямое геополитическое значение. За последний век произошел ряд событий, поставивших под сомнение традиционную трактовку западной идентичности. Две мировые войны, подъем постмодернизма, «культурная революция» 1960-х гг. в США, выступления 1968 г. и, наконец, нынешний наплыв мигрантов заставили Запад возобновить дискуссию о ключевых мировоззренческих вопросах, которые представлялись давно и окончательно решенными. Сегодня большинство европейцев не

признают Россию частью своего культурного ареала на том основании, что она не разделяет (нео)либеральных ценностей. При этом забывается, что западная цивилизация сформировалась задолго до эпохи буржуазных революций и, следовательно, нельзя сводить обсуждение ее культурного кода исключительно к проблематике демократии, прав человека и рыночной экономики. В конце концов, представление о неотчуждаемых достоинстве и ценности человеческой личности было внушено европейцам христианством, и здесь речь уже идет об общем духовном наследии России, романских и германских народов. Аналогично следует рассматривать линейное восприятие времени и некоторые другие мировоззренческие характеристики.

Следует внимательно изучить возможность российско-немецкого сближения на основе традиционализма, консервативных ценностей. В эпоху классического «европейского концерта» Россия, Австрия и Пруссия входили в Священный союз, ставивший себе целью защиту принципа легитимизма и противодействие революционным выступлениям. Уже после объединения Германии ненадолго возникла ось Берлин-Вена-Санкт-Петербург («союз трех императоров», первая система Бисмарка). И в начале XX в. было несколько интересных исторических развилки: хорошим примером такого рода является Бьеркский договор.

В будущем подобный союз Москвы и Берлина возможен лишь при выполнении целого ряда нетривиальных условий. Германия должна не только отказаться от атлантизма, но и вернуться к своим христианским корням, преодолев инерцию навязанного ей «политкорректного» дискурса. В современной России консервативные партии пользуются ограниченным влиянием, хотя соответствующая идейная традиция достаточно широко учитывается руководством страны.

Впрочем, упомянутые дипломатические прецеденты, параллели между историческими путями двух стран и рассмотренные выше культурные факторы заставляют серьезно отнестись к описанному сценарию.

4) Необходимо учитывать и влияние третьих акторов. США, вопреки распространенным оценкам, амбивалентно относятся к развитию российско-немецких отношений. Они стремятся не допустить появления коалиции евразийских государств, способной бросить вызов американскому влиянию в Старом Свете. Впрочем, многие действия администраций Д. Буша-младшего и Б. Обамы объективно приближали прямо противоположный результат, объединяя весьма несхожие страны в противостоянии американскому гегемонизму. С другой стороны, США не могут позволить своему «демократическому плацдарму» на западе Евразии погрузиться в хаос, поскольку это резко ограничило бы их возможности проецировать свою мощь вглубь континента и создало бы им серьезные экономические проблемы. Соответственно, теоретически американское влияние на российско-немецкие отношения может быть и конструктивным, и нейтральным, хотя последнее десятилетие дало крайне мало примеров такого рода.

В 2008 г. кризис американского глобального лидерства вступил в открытую фазу. Крах военной авантюры режима М. Саакашвили, начало мирового финансового кризиса и падение уровня внешнеполитического планирования в США ознаменовали наступление новой эпохи. Изменившаяся расстановка сил на международной арене двояким образом отразилась на американской внешней политике. Неуверенность усилила тягу Белого дома к интервенционизму и «стратегии хаоса», однако относительное ослабление национальной мощи мешает ему доводить начатое до конца. Вашингтон немало сделал для реализации в Сирии «ливийского сценария», однако российские Военно-космические силы и сторонники президента Б. Асада сумели переломить ситуацию. Украинские события в итоге не оказали на Россию того разрушительного воздействия, на которое рассчитывали американские стратеги. Плодотворное сотрудничество РФ с КНР, Индией и Ираном продолжается. Дальнейшая эрозия американской гегемонии откроет новые перспективы развития российско-немецких отношений. Впрочем, становление зрелой многополярности может растянуться на десятилетия.

Другие центры силы в международных отношениях – в первую очередь, Индия и Китай – лишь опосредованно влияют на взаимодействие Москвы и Берлина. Однако если противники американского империализма создадут прочный стратегический альянс, со временем Германия может захотеть присоединиться к нему. Восхождение новых полюсов в любом случае ставит под вопрос некоторые устоявшиеся приоритеты немецкой внешней политики.

Сделанные выводы могут послужить отправной точкой для дальнейшего исследования заявленной темы. Современные российско-немецкие отношения подробно задокументированы и хорошо изучены, однако исследователь, желающий продолжить разработку проблемы, тем не менее, сталкивается с серьезными трудностями. Многие важные источники информации о новейшей истории остаются засекреченными, из-за чего научное описание некоторых событий оказывается фрагментарным: не все пробелы и пропущенные логические звенья можно восстановить на основе открытых публикаций. Кроме того, специалистам по современным российско-немецким отношениям трудно полностью освободиться от влияния политической конъюнктуры, того или иного «социального заказа». Исследователи древних и средневековых обществ находятся здесь в несколько лучшем положении: результаты их работы труднее связать с текущими классовыми конфликтами и интересами. Наконец, в монографии речь идет преимущественно о незавершенных политических и экономических процессах. Соответственно, ее выводы неизбежно будут исправлены и дополнены последующим развитием событий.

Необходимо кратко охарактеризовать перспективные направления дальнейших исследований. Хорошие результаты обещает междисциплинарный подход, предполагающий сочетание традиционных исторических и политологических методов с достижениями философии, геополитики и геоэкономики, теории цивилизаций. Классическая английская политическая экономия и марксизм-ленинизм возникли на пересечении целого ряда гуманитарных дисциплин. И школа «Анналов» с ее концепцией

«тотальной истории», и неомарксисты призывали устранить искусственные перегородки между различными областями гуманитарного знания.

Текущая ситуация в европейской политике неоднократно подвергалась обстоятельному геополитическому и геоэкономическому анализу. Имеет смысл рассмотреть ее через призму геокультуры и выяснить, как украинский кризис повлиял на мировоззрение затронутых им людей, какие выводы сделали из него сторонники различных идеологий и политических течений. В Германии атлантизм подвергается все более суровым испытаниям, однако внешнеполитической концепции, способной его заменить, пока нет. В России после присоединения Крыма и событий в Донбассе активизировался мировоззренческий поиск, но еще рано говорить о его результатах. В обеих странах идут острые дискуссии об их месте в современном миропорядке, о базовых ценностях и предпочтительном пути развития.

Также полезно сделать современные российско-немецкие отношения предметом углубленного политэкономического анализа. Две страны воплощают два различных типа позднекапиталистического общества и по-разному встроены в существующий миропорядок. Их новейшая история дает богатый материал для проверки объяснительных и предсказательных моделей марксистско-ленинской политэкономии и альтернативных буржуазных концепций. Современные исследователи нередко рассматривают политические и военные события вне контекста экономических структур, что неизбежно сказывается на качестве получаемых результатов. После распада СССР некоторые ключевые достижения советской исторической школы были утрачены. «Деидеологизация» гуманитарных дисциплин в новой России во многом была прикрытием для наступления либеральной идеологии. Несомненно, выход за узкие рамки брежневского диамата был для отечественной исторической науки благом, однако вместе с догмами и предрассудками был отброшен и ряд ценных научных концепций.

Наконец, дальнейшая разработка заявленной темы предполагает совершенствование методов политического прогнозирования. Необходимо

искать новые приложения материалистической диалектики и общей теории систем к истории и политике. Это позволит преодолеть ограниченность метода экстраполяции и глубже изучить качественные изменения общественных отношений, научиться с большей уверенностью предсказывать их. Диалектика необходимого, возможного и случайного – одна из основ методологии исторических исследований. Нужно выяснить, какие факторы определяют направление исторического процесса и каковы границы их влияния. Перспективными представляются и некоторые направления исследований, пока не инкорпорированные академической наукой. Во многих случаях альтернативная история помогает понять причины и механизмы уже произошедших событий и подготовиться к будущему. Ее можно уподобить разбору побочных вариантов при анализе шахматной партии.

Если данная программа будет хотя бы частично выполнена, это станет прорывом в изучении современных российско-немецких отношений.

ГЛАВА 3. СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

3.1. Структурные параметры двусторонних отношений: диалектика интересов и ценностей

Прежде чем дать интерпретацию современных российско-немецких отношений в терминах неореализма и неолиберализма, следует кратко изложить основные положения данных общественно-политических учений.

Термин «неореализм» имеет, как минимум, три значения. В более узком смысле это – общее название теорий международных отношений, восходящих к работам К. Уолца («оборонительная» версия), Д. Миршеймера («наступательная» версия) и Р. Гилпина (теория гегемонии). В третьем «большом споре» они противостояли транснациональной парадигме. С другой стороны, иногда понятие «неореализм» употребляется в расширительных трактовках – как синоним структурно-системного подхода к международным отношениям или собирательное обозначение всех современных последователей Макиавелли, Гоббса, Моргентау. В работе везде, за исключением особо оговоренных случаев, подразумевается первое из трех значений.

Термин «неолиберализм» также не является вполне однозначным. В политологическом смысле речь идет о веере теорий, которые прямо или косвенно опираются на работы Р. Кеохейна и Д. Ная («комплексная взаимозависимость») и в третьем «большом споре» конкурировали с этатистским подходом. В политической экономии неолиберализм (ордолиберализм) – учение, видящее выход из циклических кризисов капитализма в максимальной дерегуляции трудовых и вообще рыночных отношений, в широкой приватизации и маркетизации народного хозяйства. Таким образом, он противостоит не только социализму, но и кейнсианству

(более широко, теории социального государства). В международно-политической части исследования неолиберализм рассматривается в первом смысле, в политэкономической – во втором. В публицистике под неолиберальной политикой часто понимается «рыночный фундаментализм», тесно связанный с империалистическим, государственно-монополистическим проектом глобализации. Данное толкование пересекается с первыми двумя, но все же является неточным. Решая терминологические проблемы, необходимо помнить и о существовании промежуточных подходов, наподобие «либерального реализма» Б. Бузана.

Неореализм является одним из трех «больших нарративов» в современной теории международных отношений. Его генеалогия достаточно сложна. Во-первых, он многое взял у классического реализма: национальное государство как главный актор международных отношений, приоритет мощи и интереса перед моральными и правовыми факторами, терпимость к политике баланса сил и сфер влияния, методологическое разграничение внешней и внутренней политики, относительность категории силы. С другой стороны, новая школа имела ряд серьезных расхождений с предшественниками: она отказалась выводить специфику международных отношений из той или иной интерпретации человеческой природы и утвердила примат социологического над психологическим. Она поставила во главу угла такие понятия, как структура системы международных отношений, распределение возможностей между ключевыми акторами, дихотомия редукционистских и системных теорий. Все это позволило формализовать недостаточно строгие категории классического реализма и более эффективно применять их к эмпирическому материалу. Впрочем, вполне допустим вопрос, не является ли сам неореализм редукционистской теорией²⁶⁹.

При этом неореалисты учли модернистскую критику «традиционализма» и сделали соответствующие выводы. Структурализм – методология,

---

²⁶⁹ Bell D. Realism / D. Bell // Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/topic/realism-political-and-social-science> (дата обращения: 07.12.2020).

позволившая упорядочить многие общественные науки – этнографию, антропологию, экономику, социологию, политологию и теорию международных отношений. Количественно выразимые системные параметры – одна из необходимых основ теории, способной избежать субъективистских и волюнтаристских искажений, соединить интуитивную логику с математическим и естественнонаучным познавательным инструментарием. Доказывая, что наиболее эффективны компактные (по числу великих держав) многополюсные системы, К. Уолц приводит заимствованный из комбинаторики аргумент²⁷⁰. Кроме того, он иллюстрирует свой подход экономическими примерами и распространяет его объяснительную способность также и на данную сферу²⁷¹. При этом экономическая статистика дает гораздо больше доступного для математической обработки материала, чем политические события. Следовательно, в рассматриваемой концепции большую роль играют формализация, квантификация и моделирование, что объясняется существенным модернистским влиянием.

Наконец, третий «большой спор» в теории международных отношений обогатил неореализм новыми идеями. Полемизируя с транснационализмом, он был вынужден, с одной стороны, оттачивать свою аргументацию для защиты принципиальных положений, с другой, принимать на вооружение наиболее бесспорные достижения оппонентов. Соответственно, в рамках дисциплины намечился синтез «нео-нео», хотя до его завершения еще далеко, а постпозитивистские дебаты и четвертый «большой спор» (между рационализмом и рефлексивизмом) вывели на передний край науки другие проблемы. Сегодня и неореалисты, и неолибералы признают государство главным актором международных отношений, акцентируют их системный характер, избегают резких формулировок, превративших первый «большой спор» в «игру с нулевой суммой».

---

²⁷⁰ Waltz K. N. Theory of International Politics / K. N. Waltz. – Reading, Massachusetts: Addison-Wesley Publ. Co, 1979. – P. 135.

²⁷¹ Там же. – P. 129.

Неореализм характеризуется большей методологической цельностью, чем, например, модернизм, который рано распался на ряд независимых и даже несовместимых направлений. Тем не менее, в рассматриваемом «большом нарративе» четко выделяются несколько течений, которые не только конкурируют между собой, но и дополняют друг друга. Наиболее влиятельные из них связаны с именами американских ученых К. Уолца, Р. Гилпина и Д. Миршеймера. Разногласия между ними касаются сравнительных преимуществ «наступательного» и «оборонительного» реализма (дихотомия власть-безопасность²⁷²), многополярности и гегемонии. Речь идет и об объяснительных моделях, и о политических программах, здесь переплетены научная объективность и аксиологические вопросы. Ниже будут рассмотрены основные положения всех трех теорий и сделаны выводы для современных российско-немецких отношений. Отцом-основателем новой школы выступил К. Уолц, опубликовавший в 1979 г. книгу «Теория международной политики».

Неореализм, вслед за реализмом, видит международные отношения как «соревновательное взаимодействие эгоистических акторов»²⁷³. Основные идеи К. Уолца можно сформулировать следующим образом: международная анархия (нет мирового правительства), распределение возможностей между государствами (великие державы создают и поддерживают миропорядок исходя из своих интересов), структурализм (объективность и закономерность глобальных социальных структур), полярность (однополярная система наиболее опасна, поскольку единоличный гегемон легко идет на военные и политические авантюры). Ядерное оружие способствует поддержанию мира, его контролируемое распространение может быть полезным. Интервенционизм великих держав часто им вредит – примерами здесь являются Вьетнамская и Иракская войны²⁷⁴. Неореализм предложил свои ответы на вопросы, которые уже были поставлены в рамках дисциплины.

---

²⁷² Bell D. Realism / D. Bell // Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/topic/realism-political-and-social-science> (дата обращения: 07.12.2020).

²⁷³ Munro A. Kenneth N. Waltz / A. Munro // Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/biography/Kenneth-N-Waltz> (дата обращения: 06.12.2020).

²⁷⁴ Там же.

Являются ли институты простым отражением структур власти, или они обладают известной автономией? В каких пределах возможно международное сотрудничество?²⁷⁵

Неореализм отличается от классического реализма методологией, включая выбор уровней анализа. Строгий и экономный социологический подход подразумевает критику «традиционных» представлений о природе человека, качестве дипломатии и управления, национальном духе и внутренней политике. Национальные государства теперь воспринимаются как цельные рациональные субъекты в системе самопомощи, действующие в условиях неполной информации и под давлением международной структуры. Наиболее стабильна биполярная система²⁷⁶.

«Оборонительный реализм» подчеркивает, что войны порождаются не политическими амбициями, а структурными факторами. Чтобы обеспечить свою безопасность в анархичной среде, государства формируют союзы. Они предпочитают сохранение статус-кво переменам и занимают оборонительную позицию по отношению к соперникам²⁷⁷.

«Наступательный реализм» иначе расставляет акценты. Стремление к безопасности и выживанию заставляет государства проводить агрессивную внешнюю политику. Ее цель – максимизация собственной мощи и всемерное ослабление соперников. Теория Миршеймера основана на следующих принципах: международные отношения анархичны; у всех государств есть хотя бы минимальный военный потенциал; они никогда не могут быть полностью уверены в намерениях других государств, ценят выживание превыше всего и действуют как рациональные акторы, озабоченные продвижением своих интересов. Неустраняемая неполнота информации закономерно вынуждает их к превентивной агрессии. При этом Миршеймер

---

²⁷⁵ McClelland C. A. International relations. Structures, institutions, and levels of analysis / C. A. McClelland, R. Pfaltzgraff et al. // Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/topic/international-relations/Structures-institutions-and-levels-of-analysis> (дата обращения: 06.12.2020).

²⁷⁶ Waltz K. N. Theory of International Politics / K. N. Waltz. – Reading, Massachusetts: Addison-Wesley Publ. Co, 1979. – P. 129.

²⁷⁷ Там же. – P. 111, 128.

критиковал Иракскую войну и считал, что США не должны быть глобальным гегемоном или полицейским. Предпочтительнее стратегия глобального балансирования (превентивные действия против восходящих сверхдержав, стремящихся к контролю над стратегическими регионами)²⁷⁸. Таким образом, Миршеймер не согласен с Гилпином, разработавшим неореалистическую теорию гегемонии, но имеет точки соприкосновения с Бжезинским, предложившим концепцию «великой шахматной доски».

Неореализм имеет двоякое значение для изучения заявленной темы: методологическое и содержательное. По мнению К. Уолца, статистика международных отношений не выявила жесткой взаимосвязи между внутренними свойствами государства и результатами его внешней политики. Соответственно, любой подход, ставящий во главу угла качественное своеобразие отдельных государств, является редукционистским и не решает принципиальных теоретических задач²⁷⁹. Это означает, что современные российско-немецкие отношения нельзя рассматривать исключительно через призму интересов и ценностей двух стран, здесь необходимо привлекать более широкие контексты: евразийские, евроатлантические и глобальные.

Далее, неореализм, в отличие от школы Г. Моргентау, объясняет поведение акторов социологически, а не психологически²⁸⁰. Индивидуальные предпочтения субъекта могут быть самыми разнообразными, однако не все возможные варианты действий совместимы с его выживанием, не говоря уже о процветании и усилении. Здесь налицо разрыв с проблематикой первого «большого спора», в котором вопрос о природе человека был одним из центральных. Неореализм сформировался под сильным влиянием бихевиористской методологии. Сознание не поддается непосредственному наблюдению и убедительной квантификации, поэтому необходимо сконцентрироваться на сопоставительном изучении стимулов и реакций на

---

²⁷⁸ Munro A. John J. Mearsheimer / A. Munro // Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/biography/John-Mearsheimer> (дата обращения: 07.12.2020).

²⁷⁹ Waltz K. N. Theory of International Politics / K. N. Waltz. – Reading, Massachusetts: Addison-Wesley Publ. Co, 1979. – P. 37.

²⁸⁰ Там же. – P. 31.

них, воспринимая психику как передаточный механизм между первым и вторым. Данный подход не свободен от ряда упрощений, однако он в свое время позволил избавиться от некоторых предрассудков, прочно укоренившихся в общественных науках. Таким образом, исследование заявленной темы вполне может обойтись без политических портретов конкретных государственных деятелей обеих стран. В отечественной публицистике уже стало традицией связывать известные надежды со сменой западных правительств. Между тем США вполне последовательны в своем империализме и при демократах, и при республиканцах, Германия после 1990 г. постоянно пыталась сбалансировать евроатлантический, европейский и восточный векторы своей внешней политики (именно в таком порядке приоритетности). Россия после распада СССР проходила, в принципе, такой же период постепенного восстановления утраченных позиций, как после Смуты и после Гражданской войны. Несмотря на все несходство конкретно-исторических условий, структурная аналогия просматривается здесь весьма ясно.

Наконец, неореализм объясняет трансформации анархичных систем меняющимся распределением возможностей между их элементами²⁸¹. Это позволяет ему абстрагироваться от внутривнутриполитической и культурологической проблематики и предложить достаточно простые объяснительные модели, приложимые к широкому спектру международно-политических событий. Действительно, для некоторых аналитических задач российскую и немецкую геостратегию можно рассматривать как данность, не ставя в явной форме вопрос о ее генезисе. Так, с международно-правовой точки зрения государство является единым субъектом, взаимодействие его частей здесь несущественно. Подобных взглядов придерживались и ранние геополитические школы. С другой стороны, марксизм рассматривает общественные (и государственные) интересы как отражение текущего

---

²⁸¹ Там же. – Р. 102.

соотношения классовых интересов²⁸². С данной точки зрения любое политическое решение – это равнодействующая противоборствующих сил, отражение динамических структурных противоречий системы, на которые накладываются факторы среды. Такого рода проблемы в превращенной форме были осмыслены и рядом немарксистских учений (бюрократические и институциональные теории принятия внешнеполитических решений). Нередко перечисленные подходы можно рассматривать как взаимодополняющие.

Теперь следует сосредоточиться на содержательной стороне неореалистического учения. В недавнем интервью немецкий политолог А. Пар дал интересную характеристику современного геополитического положения Германии, которую можно истолковать как пример структурного анализа международных отношений. «Европа теряет свою привлекательность как регион, так как растут Китай и Юго-Восточная Азия. ЕС должен спасти свою еврозону. Европа застряла между двумя гигантами – США и Китаем – и, вместо того чтобы в этой ситуации начинать работу с ЕАЭС, отталкивает Россию и Евразийский союз»²⁸³. Иными словами, меняется распределение возможностей между ключевыми акторами современных международных отношений, причем сегодня субъектность присуща в том числе и регионам. Любые системные трансформации в мировой политике открывают одни «окна возможностей» и закрывают другие. Рост альтернативных центров накопления капитала означает усиление конкурентного давления на еврозону, ставит ее перед необходимостью болезненных структурных изменений. С другой стороны, осознание объективных исторических тенденций поможет европейским странам пересмотреть свои внешнеполитические приоритеты. Сегодня они на опыте убеждаются, что Объединенная Европа не сможет успешно выйти из кризиса, продолжив следовать в фарватере американской

---

²⁸² Лукач Д. Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей / Д. Лукач. – М.: Международные отношения, 1990. – С. 97.

²⁸³ Восканян М. Александр Пар: «Пока России говорят: «Нам можно, а вам нельзя», – договариваться не о чем» / М. Восканян, А. Пар // Бизнес Online. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/456257> (дата обращения: 25.02.2021).

внешней политики. Наблюдаемое относительное ослабление американской мощи обрекает чистый атлантизм на неудачу и заставляет искать новые модели глобального управления. Возможно, сейчас Германия по-своему воспроизводит политические коллизии, которые ранее наложили отпечаток на постсоветскую историю России. В 1991-1993 гг. главой российского МИД был А. В. Козырев, выступавший за безусловную интеграцию страны в созданный Западом миропорядок. По сути, реализация данной политики обрекала РФ на роль младшего партнера США. Следующие три года можно охарактеризовать как переходный период, в течение которого Москва не имела оформленной внешнеполитической доктрины. В 1996 г. новый министр иностранных дел РФ Е. М. Примаков провозгласил политику многовекторности, предполагавшую отстаивание российских национальных интересов в условиях незрелой многополярности. Возрождение регионального и глобального влияния России требовало эффективного взаимодействия со всеми центрами силы, без преимущественной ориентации на какой-либо один из них. В 2008 и 2014 гг. в мировой политике произошли серьезные сдвиги, которые и доказали правильность воззрений Е. Примакова, и высветили трудности, связанные с их практической реализацией.

Новая восточная стратегия В. Брандта и «нормализация» немецкой внешней политики при Г. Шредере предполагали изменение курса, основы которого заложил еще К. Аденауэр со своей теорией «западной интеграции». В обоих случаях ни внутриполитическая обстановка, ни глобальное распределение возможностей не способствовали закреплению успехов. И в 1982, и в 2005 гг. христианские демократы взяли верх над социал-демократами и отменили или смягчили введенные ими новшества. В эпоху «холодной войны» жесткая логика межблокового противостояния существенно сужала доступное В. Брандту пространство для маневра. В начале 2000-х гг. Россия и Китай еще не вполне утвердились в качестве самостоятельных полюсов нового миропорядка, а американские неоконсерваторы подтолкнули свою страну к глобальному геополитическому наступлению, последствия которого

ощущаются до сих пор. Текущий переход мира к зрелой многополярности, вероятно, предоставляет Германии лучшие возможности для конструктивной смены курса. С другой стороны, структурное давление на национальное государство может иметь двоякий характер. В одних случаях оно наносит ущерб, мешая реализации планов и увеличивая издержки. В других – помогает отбросить устаревшие подходы и преодолеть накопившуюся инерцию. Возможны и различные комбинации перечисленных вариантов.

Институт Европы РАН недавно предложил интересный структурный анализ текущей геополитики «междуморья». «Успех той или иной интеграционной модели зависит от того, какие государства к ней присоединились и насколько успешно смогли перенять нормы и стандарты. Это обстоятельство увеличивает пространство манёвра для стран-соседей: они могут вступать во взаимодействие с разными акторами»²⁸⁴. Имея методологические сходства с классическими неореалистическими подходами, предложенная концепция существенно отличается от них в деталях. К. Уолц делил государства мира на великие державы и все остальные, отмечая, что первые устанавливают общезначимые правила системы, а вторым остается только подчиняться. Авторы цитируемой монографии скорее тяготеют к концепции «второго мира» американского политолога П. Ханна, которая будет более подробно рассмотрена в геополитическом подразделе. В ней второстепенные акторы международных отношений добиваются желаемого, лавируя между тремя глобальными центрами силы – США, ЕС и КНР. В книге «Европа в поиске новых решений» похожая схема применяется на региональном уровне международно-политического анализа. Страны Центральной и Восточной Европы осознали открывшиеся политические перспективы и научились извлекать стратегические выгоды из многовекторности (реальной, потенциальной или мнимой – это уже другой вопрос). Сегодня в регионе действуют три «силовых поля», приблизительно

---

²⁸⁴ Айвазян А. С. Европа в поиске новых решений / А. С. Айвазян, Л. О. Бабынина, М. В. Ведерников и др. – М.: Институт Европы РАН, 2020. – С. 57.

соответствующие европейскому, евразийскому и евроатлантическому проектам. Его военно-политическая структура за последние 30 лет менялась трижды. В 1991 г. распад Организации Варшавского договора и Советского Союза создал на данной территории ситуацию «вакуума силы». В последующие полтора десятилетия он неуклонно заполнялся западным влиянием, что нашло внешнее отражение в расширении НАТО и ЕС на восток. В 2008 г. Россия, по сути, заявила о своем возвращении в круг великих держав, что выразилось, в частности, в ее новой политике в «ближнем зарубежье». На Западе существует обширная научная литература, посвященная данным переменам²⁸⁵. В прошлом страны «междуморья» либо подчинялись Москве, либо играли по правилам, написанным в Брюсселе и Вашингтоне. Возрождение российского влияния увеличило их внешнеполитический ресурс: теперь никто не может рассматривать их лояльность и готовность к сотрудничеству как непреложную данность. Новейшую историю «междуморья» вполне можно представить в неореалистических терминах: изменение соотношения сил ключевых акторов – трансформация международной структуры – новые возможности для второстепенных акторов – дальнейшие структурные сдвиги.

Становление неолиберальной парадигмы тесно связано с работой Р. Кеохейна и Д. Ная «Власть и взаимозависимость»²⁸⁶. Сегодня модель комплексной взаимозависимости является важнейшим инструментом анализа мировой политики. С ней часто связывают различные теории глобализации и международных институтов (включая не только соответствующие организационные формы, но и моральные и правовые установления). Также одним из важных научных достижений неолибералов является концепция транснациональной арены.

Применение данного комплекса идей к современным российско-немецким отношениям дает нетривиальные результаты. Так, под вопросом

---

²⁸⁵ Mankoff J. Russian Foreign Policy: The Return of Great Power Politics / J. Mankoff // Council on Foreign Relations Books. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers Inc., 2009. – 372 p.

²⁸⁶ Keohane R., Nye J. Power and interdependence / R. Keohane, J. Nye. – 4th ed. – Boston: Longman, 2012. – 330 p.

оказывается сам выбор уровня анализа. Сегодня негосударственные акторы международных отношений, а также субнациональные и наднациональные политические и экономические структуры необратимо трансформируют классическую вестфальскую модель. Традиционные инструменты «жесткой силы» частично утратили эффективность в новых конкретно-исторических условиях. Из этого неолибералы сделали вывод о гуманизации международных отношений и наступлении «зрелой анархии», весьма далекой от гоббсовской «войны всех против всех». Концепция «мягкой силы»²⁸⁷, разработанная Д. Наем, была призвана охарактеризовать новые внешнеполитические приоритеты развитых стран. Однако новейшая история международных конфликтов свидетельствует скорее о том, что после «холодной войны» глобальная политика не стала более миролюбивой. Формы военно-политической борьбы претерпели существенные изменения, однако ее конечные цели остались неизменными: добиться геостратегических выгод, разрушив или парализовав ключевую инфраструктуру противника и избежав неприемлемого ущерба. Со временем сами неолибералы более полно учли данную проблематику, что нашло отражение, среди прочего, в теории «умной силы»²⁸⁸.

Российский исследователь Н. Р. Сетов суммирует основные идеи двух отцов-основателей неолиберального институционализма. «Согласно Кохэйну и Наю, мировая политика переходит в транснациональную стадию, что означает рост проницаемости государственных границ, усиление роли международных рынков, возрастание роли межгосударственных и некоммерческих организаций на международной арене. Все эти факторы, разумеется, снижают вероятность возникновения международных конфликтов, но исключить ее полностью не могут»²⁸⁹. Можно выразить ту же

---

²⁸⁷ Nye J. Soft power / J. Nye // Foreign policy. – 1990. – № 80. – P. 153–171.

²⁸⁸ Nye J. In Mideast, the goal is 'smart power' / J. Nye // The Boston Globe. – August 19, 2006. – URL: http://archive.boston.com/news/globe/editorial_opinion/oped/articles/2006/08/19/in_mideast_the_goal_is_smart_power/ (дата обращения: 28.02.2021).

²⁸⁹ Сетов Н. Р. Неореализм и неолиберализм в теории международных отношений / Н. Р. Сетов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2012. – № 2. – С. 30.

характеристику еще более сжато: рост сотрудничества, ограничение конфликта, новые вызовы национально-государственному суверенитету. Правильность первого и отчасти третьего пунктов практически не вызывает возражений, хотя их значение по-разному интерпретируется в существующих дискурсах глобализации²⁹⁰. Второе положение, в силу вышеизложенных соображений, представляется сомнительным.

Несмотря на известные преувеличения, содержащиеся в неолиберальной теории, международно-политическая роль государства действительно требует переосмысления в современных конкретно-исторических условиях. Это отразилось, в том числе, и в активно развивающемся сегодня геэкономическом дискурсе. «Геэкономика рассматривает современное государство как национальную корпорацию, которая использует геэкономический инструментарий, чтобы действовать на национальных территориальных площадках»²⁹¹. С другой стороны, страны мира нередко рассматриваются как филиалы глобальной корпорации, фактически лишенные самостоятельности и вместо «своей игры» просто выполняющие определенные функции в рамках и в интересах целого²⁹².

Таким образом, современное геэкономическое знание характеризуется двойственным отношением к проблеме национального суверенитета, что во многом обусловлено влиянием неолиберальной парадигмы. Рассматривая актуальные проблемы российско-немецких отношений, необходимо учитывать контексты, создаваемые международными институтами. Сюда относятся экономическое соревнование ЕС и ЕАЭС и военная конкуренция НАТО и ОДКБ. Также полезно обратить внимание на «напряжение развития», существующее между G7 и БРИКС, которое отражает более масштабные противоречия между глобальными Севером и Югом. Наконец,

---

²⁹⁰ Иванов В. Д. Теоретические модели глобализации / В. Д. Иванов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. – 2007. – № 4. – С. 52–59.

²⁹¹ Переслегин С. Б. Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: законы геополитики / С. Б. Переслегин // Классика геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 720.

²⁹² Там же. – С. 721–722.

альтернативные трактовки международного права, предлагаемые Москвой и Берлином, являются важной частью изучаемой проблематики.

Хорошей иллюстрацией теории комплексной взаимозависимости является текущая ситуация вокруг «Северного потока-2». Американский правящий слой уверен, что Германию в итоге удастся подтолкнуть к бесповоротному отказу от проекта, введя против нее санкции или предложив те или иные выгоды. Однако немецкая администрация, возможно, считает, что, уступив в данном вопросе Вашингтону, она подорвет «доходность и кредитоспособность немецкой промышленности»²⁹³. Теоретически, немецкое правительство могло бы снизить свою зависимость от российских партнеров, ограничив внутренний спрос на природный газ путем повышения цен или сняв запрет на ядерную энергетику. Однако следовало ожидать, что никто не будет принимать столь рискованные и требующие сложных согласований меры в год выборов в бундестаг²⁹⁴.

Российский политолог А. Суздальцев отметил, что в ситуации с «Северным потоком-2» американская дипломатия зашла в тупик. «Соединенным Штатам надо, чтобы газопровод не был построен, иначе Америка понесет колоссальные имиджевые потери. Получится, что мир – не однополюсный, они не контролируют Европу ...Противостояние «Северному потоку-2» превратилось для них в доказательство мощи Америки, доказательство того, что они – держава и ничего в мире без них не делается. И это превратилось для них в политическую проблему»²⁹⁵. Вполне возможно, что в самом трудном положении оказалась Германия. Россия может быть уверена в том, что ее энергоносителям в обозримом будущем не найдут замену. США сохраняют значительное влияние в мире, даже если их последние антироссийские выпады ни к чему не приведут. То есть, для Москвы и Вашингтона ставки здесь не чрезмерно высоки. Германия же критически

---

²⁹³ Foreign Policy назвал "Северный поток – 2" способом выживания для Берлина // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20210228/potok-1599315023.html> (дата обращения: 28.02.2021).

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Политолог: США «загнали себя» противостоянием «Северному потоку-2» // Радио Sputnik. – URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20210303/ssha-1599773018.html> (дата обращения: 04.03.2021).

зависит от внешних источников в ряде сфер, которые имеют ключевое значение для обеспечения национальной безопасности. Бундесвер и немецкие спецслужбы могут полноценно функционировать только в рамках НАТО. Немецкая промышленность ежегодно потребляет большие объемы импортного топлива и не сможет в короткое время перестроиться. Страна не обладает достаточными запасами собственных полезных ископаемых, ликвидировала свою ядерную энергетику и пока не сумела компенсировать данную потерю за счет «зеленых» технологий. Если бы проект «Северный поток-2» рассматривался вне контекста других международных проблем, стороны могли бы прийти к взаимоприемлемому компромиссу. В действительности же он связан со сложным комплексом российско-немецких противоречий. Любое обострение сирийского, украинского или иного регионального кризиса может отрицательно отразиться на энергетической безопасности ФРГ. Это, скорее всего, не приведет к катастрофическим последствиям, однако может создать трудноразрешимые проблемы. В парламентской республике любое стратегическое решение проходит множество согласований и неоднократно корректируется, что нередко мешает достичь желаемого результата.

Случай «Северного потока-2» иллюстрирует два важных аспекта комплексной взаимозависимости. С одной стороны, все более тесное взаимодействие государств создает питательную почву для новых конфликтов. Как писал еще Х. Макиндер, коль скоро человечество стало в подлинном смысле слова единой системой, ее слабым элементам могут угрожать потрясения в любой точке планеты²⁹⁶. С другой стороны, именно беспрецедентное переплетение интересов заставляет государства мира весьма осторожно подходить к урегулированию существующих разногласий. Парадоксальным образом, международные конфликты имеют тенденцию к учащению, но при этом тяготеют к ограниченным масштабам и

---

²⁹⁶ Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History / H. J. Mackinder // Geographical Journal. – 1904. – Vol. 23. – № 4. – P. 422.

нетрадиционным формам. Это нашло отражение и в новых американских военно-политических технологиях, и в действиях таких стран, как Германия и Япония, которым ограниченный потенциал «жесткой» силы не мешает играть ключевые роли в международной политике.

Необходимо конкретно-исторически определить эвристическую ценность неореалистического и неолиберального подходов. «Оборонительный» и «наступательный» реализм расходятся в интерпретации международного статус-кво. Первый считает, что приоритетом государств является его сохранение, второй приписывает им постоянное стремление нарушить равновесие в свою пользу. Однако этим расхождением между двумя научными течениями не исчерпываются. Одним из камней преткновения является вопрос о намерениях акторов. По мнению Д. Миршеймера, конфликтный потенциал международных отношений во многом обусловлен тем, что государства никогда не могут быть уверены в истинных намерениях друг друга. Данное утверждение трудно согласовать со взглядами К. Уолца. Последний настаивает на своеобразном «естественном отборе» в мировой политике: страны, проводящие нерациональный при данных структурных ограничениях курс, обречены на неэффективность, вплоть до потери суверенитета. Поскольку логика действий успешных государств вытекает из открытой информации о системных параметрах, она может быть воспроизведена сторонним наблюдателем. Таким образом, с точки зрения «оборонительного» реализма непрозрачность намерений не является ключевой причиной международных конфликтов, тем более что результат действия определяется скорее структурными факторами, чем первоначальным замыслом.

Оба направления неореализма проливают свет на современные российско-немецкие отношения. Несмотря на существующие разногласия, и Москва, и Берлин заинтересованы в сохранении европейского равновесия, которое было поставлено под вопрос некоторыми действиями Вашингтона. С другой стороны, российские и немецкие крупные корпорации проводят

достаточно наступательную политику на зарубежных рынках. Здесь наблюдается известное расхождение между геополитикой и геоэкономикой. Россия и Германия достаточно объективно оценивают намерения друг друга, когда речь идет о чистом прагматизме, однако часто не проявляют такой проницательности в сфере мотивов, норм и ценностей. Впрочем, данные проблемы лучше исследовать через призму конструктивистской парадигмы.

Неолиберальный подход предлагает другой взгляд на современные российско-немецкие отношения. Р. Кеохейн и Д. Най рассматривают историю мировой политики как процесс закономерной смены глобальных экономических режимов. При этом большое внимание уделяется морально-правовому регулированию международных отношений, размыванию национального суверенитета и усилению негосударственных акторов. Ученые подчеркивают ограниченный характер теории разрушающейся гегемонии, предсказывающей неизбежный упадок американского глобального влияния, однако признают и наличие в ней известного рационального зерна²⁹⁷. По их мнению, главная задача Вашингтона в современную эпоху – научиться «осуществлять международное лидерство без способности к гегемонии»²⁹⁸. Интересно, что неолиберальная интерпретация перспектив «американского мира» имеет некоторые точки соприкосновения с неореалистической интерпретацией вопроса, предложенной Р. Гилпином. Ученый считает, что государство, достигшее пределов экспансии, вынуждено все дороже платить за удержание завоеванных позиций. Оно сталкивается с ростом производственных издержек и падением нормы прибыли. С другой стороны, периферийные страны постепенно овладевают технологиями, некогда составлявшими монополию центра системы. Увеличивающаяся разница в темпах роста, «преимущества отсталости» и неуклонная диффузия власти в итоге опрокидывают сложившееся международное равновесие²⁹⁹. Разумеется,

---

²⁹⁷ Keohane R., Nye J. Power and interdependence / R. Keohane, J. Nye. – 4th ed. – Boston: Longman, 2012. – P. 39–41.

²⁹⁸ Там же. – P. 207.

²⁹⁹ Gilpin R. War and change in world politics / R. Gilpin. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – P. 185.

Кеохейн и Най не отрицают серьезность данных проблем, однако для них предлагаемые неореалистами пессимистические сценарии – не предсказание неизбежного (или даже вероятного) будущего, а лишь предупреждение о рисках, с которыми при правильном подходе вполне возможно справиться.

Обе «большие парадигмы» показали большой эвристический потенциал на материале современных российско-немецких отношений, причем многие выводы двух конкурирующих научных школ можно интегрировать в единую картину мира. Облик современных международных отношений определяют и суверенные государства, и транснациональные структуры власти. В глобальном обществе военно-политические императивы находятся в сложном, динамичном, нередко противоречивом взаимодействии с экономическими факторами, моральными, правовыми и культурными установлениями. В свете изложенных фактов синтез «нео-нео» уже представляется не просто благим пожеланием или рискованным прогнозом, а вполне реальной перспективой развития международных исследований.

С другой стороны, неореализму и неолиберализму присуща известная ограниченность, которая неоднократно отмечалась и марксистской³⁰⁰, и конструктивистской³⁰¹ критикой. Упомянутые научные школы отличаются в целом консервативной ориентацией. Преходящие социальные явления воспринимаются ими как нечто вечное и неизменное, как отражение «естественного состояния» общества, абстрактно понятой человеческой природы. Неореализм рассматривает военно-политическую конкуренцию национальных государств, существующих в анархичной системе самопомощи, как постоянный фон любой внешней политики. Последний нельзя изменить, к нему можно только адаптироваться. Неолибералы, в свою очередь, закрывают глаза на историческую ограниченность рыночной экономики (или экономики свободного предпринимательства).

---

³⁰⁰ Гончарук А. А. Мировое коммунистическое общество как альтернатива неолиберальной глобализации / А. А. Гончарук, М. М. Кухтин // Человек и общество перед вызовами научно-технического прогресса: материалы II-й республиканской студенческой научной конференции. – Донецк, 2021. – С. 48–52.

³⁰¹ Wendt A. Social Theory of International Politics / A. Wendt. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 376–377.

Соответственно, они могут представить себе глобализацию только в терминах мирового разделения труда и соответствующего товарообмена, другие формы социальной связи для них гораздо менее значимы. Иными словами, неореалисты и неолибералы, по сути, не учитывают возможности радикальной трансформации существующего миропорядка.

Тем не менее, теории «главного потока» сохраняют немалый предсказательный потенциал, если речь идет о среднесрочных перспективах международного общества, его элементов и подсистем. Относительное ослабление американского влияния изменило распределение возможностей на глобальной арене, тем самым создав предпосылки для нового «переворачивания альянсов» и, более того, пересмотра некоторых устоявшихся «правил системы». Успешная реализация проекта «Северный поток-2» на время позволила предположить, что и в российско-немецких отношениях сегодня возможны серьезные перемены, не укладывающиеся в линейную логику Pax Americana. При этом некоторые уроки истории заставляют признать ограниченный характер ряда неореалистических прогнозов. В 2003 г., когда еще рано было говорить о кризисе американской мощи, Вашингтон не смог помешать формированию российско-немецко-французского тактического альянса, направленного против иракской авантюры. В 2010-х гг., когда перспективы однополярного мира уже были гораздо более туманными, США, напротив, сумели усилить отчуждение между Москвой и Берлином, запустив разрушительные геополитические процессы в ряде ближневосточных стран и на Украине. Можно сказать, что новый всплеск американского экспансионизма обусловлен как раз начинающимся упадком «единственной сверхдержавы», ее желанием разрубить гордиев узел неуклонно обостряющихся противоречий. Однако данная интерпретация не объясняет, почему геостратегическая ситуация не улучшается для альтернативных полюсов современного миропорядка.

Неолиберальная парадигма также освещает некоторые аспекты российско-немецких отношений. Теория комплексной взаимозависимости

объясняет удивительную устойчивость таких форматов сотрудничества, как «партнерство модернизации», которые сохраняют солидный геоэкономический потенциал вопреки нарастающим кризисным явлениям в политических отношениях. Кроме того, транснациональные исследования и теории международной интеграции, тесно связанные с собственно неолиберальной повесткой, позволяют создать многомерную модель немецкой внешней политики, в которой будут учтены интересы и ресурсы брюссельской бюрократии, старых и новых членов ЕС, а также релевантных субнациональных акторов. Однако рассматриваемая международно-политическая парадигма также не свободна от спорных моментов. В своих построениях неолибералы исходят из двух неочевидных допущений. Они верят в неуклонное снижение насилия в международных отношениях и безальтернативность существующих форматов глобализации. В действительности же последнее десятилетие было ознаменовано распространением новых видов военно-политического противоборства, а долгосрочные последствия пандемии высветили мозаичный характер мирового сообщества. Дальнейшее развитие российско-немецких отношений существенно зависит от динамики украинского и сирийского кризисов, а ведь последние прекрасно иллюстрируют роль превращенных форм насилия в современной межгосударственной конкуренции. Пандемия только усугубила разногласия Москвы и Берлина, снизив выгоду от совместных экономических инициатив и оттенив тот факт, что у двух стран разные подходы к вопросам общественной безопасности.

Неореализм и неолиберализм являются версиями структурно-системного анализа международных отношений. В отличие от более ранних научных школ, они избегают «метафизических» вопросов о вечной природе человека или универсальных морально-правовых рецептах, призванных спасти глобальное общество. Такая исследовательская установка позволяет им верно ставить и решать целый ряд теоретических и практических задач. Однако характерное для них понимание всемирно-исторического развития не является

последовательно материалистическим, что заметно ограничивает их предсказательную способность и практическую эффективность. Тем не менее, рассмотренные учения продолжают доказывать свою широкую применимость в прикладных международно-политических исследованиях.

Неореализм подчеркивает центральную роль государства в современных международных отношениях, несмотря на наметившиеся тенденции к размыванию национального суверенитета и расширению транснациональной арены. Сегодня государство продолжает выполнять ряд важных общественных функций, которые пока недоступны международным организациям и транснациональным корпорациям. Даже если в обозримом будущем положение вещей радикально изменится, это не опровергнет главного тезиса неореализма. Во-первых, любая структура власти (обобщенная корпорация), взявшая на себя традиционные роли государства, сама приобретет, по меньшей мере, квазигосударственный характер. Любое классово антагонистическое общество неизбежно создает политическую организацию – публичную власть, отчужденную от массы населения и выражающую интересы господствующего класса. Во-вторых, мир после конца национального суверенитета, описанный, например, в трудах немецкого социолога У. Бека, будет несомненной антиутопией. То есть, и в данном сценарии государство остается неявной социальной нормой и даже, как ни странно, вспоминается как «потерянный рай». Окончательная победа неолиберальной глобализации будет знаменовать собой наступление новых «темных веков», которые будут отмечены ностальгией по вестфальскому порядку, подобной тоске раннесредневековых людей по Римской империи. Таким образом, неореализм сохранит свое значение, даже если сбудутся наиболее радикальные предсказания неолибералов. Вероятнее всего, Россия и Германия продолжат играть ключевую роль в обеспечении европейской и мировой безопасности, причем бурный рост негосударственных акторов будет не только накладывать известные ограничения на их внешнюю политику, но и предоставлять для нее новые инструменты. Отчасти это происходит уже

сейчас. Когда Германия отказывается поддержать ту или иную российскую инициативу, она, как правило, ссылается на многосторонний подход и свои обязательства перед союзниками по ЕС и НАТО. Правление Г. Шредера было, наверное, единственным периодом в новейшей немецкой истории, когда официальный Берлин легко ссылался на национальные интересы при обосновании своих решений. С другой стороны, Россия использует евразийскую интеграцию для продвижения своих интересов, в том числе и на европейской арене. Когда российские компании поставили под свой контроль значительную часть среднеазиатских энергоносителей, это резко усилило переговорные позиции «Газпрома». Теперь уже нельзя было реализовать (по крайней мере, в чистом виде) проект З. Бжезинского, суть которого состояла в «открытии» Средней Азии для главных мировых центров накопления капитала³⁰². Иными словами, новые субъекты международных отношений могут не только бросать вызов национальным государствам, но и содействовать их усилению. Кроме того, современный теоретик-неомарксист И. Валлерстайн правильно отмечает, что влияние ТНК зависит от готовности государств оплачивать часть их расходов, обеспечивать им выгодные условия ведения бизнеса, защищать «свои» квазимонополии в международной конкуренции.

Далее, неореализм настойчиво акцентирует структурные принуждения, которые международная система накладывает на действия отдельных стран. Природа данных ограничений может меняться в историческом времени. Сегодня часто приходится слышать, что центр тяжести международной жизни неуклонно смещается от геополитики к геоэкономике и геокультуре (концепция российского ученого Н. Ютанова³⁰³). Строго говоря, данный тезис нельзя считать доказанным, однако даже его максимально полное осуществление не приведет к устареванию неореализма. Государства или аналогичные им структуры все равно будут встроены в те или иные

---

³⁰² Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М.: АСТ, 2014. – С. 178.

³⁰³ Ютанов Н. Ю. Торжество Геи / Н. Ю. Ютанов // Классика геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 6.

международные контексты, продолжают существовать в определенной среде, из которой будут исходить «требования» и «поддержки» (по Д. Истону). При этом, например, взаимосвязи мировой политики и глобальной экономики были во многом учтены уже в «Теории международной политики» К. Уолца. Изложенные соображения многое объясняют в перипетиях современных российско-немецких отношений. В обоих обществах есть сильный запрос на взаимопонимание и сближение. Кроме того, часть российских и немецких капиталистов (включая и имеющих мощное политическое лобби) заинтересована в восстановлении двустороннего сотрудничества. Отношения двух стран имеют долгую историю, а их положение на региональной и мировой геополитической карте делает диалог безальтернативным. Тем не менее, сегодня российско-немецкие отношения более неблагоприятны, чем в 2008 и даже 2014 гг. Существующие проблемы должны получить структурное объяснение, причем здесь неореализм довольно неожиданно смыкается с (нео)марксизмом. Современная мировая политика несет на себе печать американского глобального лидерства, которое искажает «естественные» (возможные в мире автономных «больших пространств») межгосударственные отношения. Политэкономическая точка зрения заставляет вспомнить о противоречиях империалистической эпохи. Распространенная на Западе русофобия объясняется, в том числе, и страхом «свободного мира» перед экспансией российских энергетических корпораций. Утверждение российского влияния на постсоветском пространстве, на Ближнем Востоке и в Латинской Америке имеет не только геостратегическую, но и финансовую составляющую. Многообразные структурные зависимости не позволяют Германии сделать шаг навстречу России, придать новый импульс «партнерству модернизации» или начать подготовку к полноценному энергетическому альянсу, которого в свое время так опасался З. Бжезинский³⁰⁴.

---

³⁰⁴ Brzezinski Z. Balancing the East, Upgrading the West. U.S. Grand Strategy in an Age of Upheaval / Z. Brzezinski // Foreign Affairs. – January-February 2012. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2012-01-01/balancing-east-upgrading-west> (дата обращения: 01.02.2021).

Наконец, разделение неореализма на «оборонительную» и «наступательную» версии также позволяет сделать ряд интересных выводов о будущем российско-немецких отношений. С точки зрения К. Уолца, государства стремятся обеспечить собственную безопасность, поддерживая международный статус-кво. Д. Миршеймер, напротив, утверждал, что каждое из них хочет достичь превосходства, опрокинуть сложившееся равновесие сил в свою пользу. В зависимости от принятой концепции «истоки российского и немецкого поведения» можно объяснять по-разному, причем на реальные геополитические проблемы здесь накладываются еще и искажения восприятия. В новом тысячелетии коллективный Запад неоднократно обращался к стратегии «сдерживания» России, и Германия, как один из ключевых членов НАТО, принимала в этом активное участие. Однако бывали случаи, когда официальный Берлин отказывался следовать в фарватере американской внешней политики. Так, в 2003 г. администрация Г. Шредера поддержала Россию в ее критике американского вторжения в Ирак. В 2008 г. Германия заняла умеренную позицию в отношении российско-грузинского конфликта, несмотря на критику заокеанских партнеров. Разногласия Москвы и Берлина по поводу «Арабской весны» не подвели черту под «модернизационным партнерством». После начала украинского кризиса немецкая сторона не стала замораживать или отменять проект «Северный поток-2». В последнем случае ситуация еще может неоднократно измениться в зависимости от развития «дела Навального» и иных факторов, однако нужно признать, что немецкое руководство достаточно долго воздерживалось от радикальных шагов на данном направлении.

Таким образом, можно утверждать, что немецкая внешняя политика парадоксальным образом соединяет элементы «наступательного» и «оборонительного» реализма. Первое во многом объясняется американским влиянием, второе – немецкими национальными интересами (энергетическое сотрудничество с Россией, европейская архитектура безопасности, сирийское урегулирование). Впрочем, описанное раздвоение можно истолковать и в

рамках концепции К. Уолца. Система никогда не находится в полной гармонии со всеми своими элементами. Каждый из них считает те или иные структурные ограничения обременительными и из доступных вариантов выбирает тот, который помогает не только решить конкретную задачу, но и обрести новые степени свободы. Реальная международная политика – равнодействующая многих разнородных сил. Системные параметры имеют здесь, с точки зрения неореализма, несомненный перевес, но не монополию. Кроме того, система, подвергающаяся коренной трансформации, проходит точки бифуркации, в которых малые воздействия могут вызывать непропорционально большие изменения. Таким образом, страны с ограниченным геостратегическим потенциалом иногда могут вести свою игру на мировой арене, потому что никакая международная система не является ни абсолютно жесткой, ни абсолютно стабильной. Однако описанные «окна возможностей» открываются относительно редко и ненадолго, в остальное время даже великой державе трудно что-то предпринять вопреки сложившемуся распределению возможностей между акторами.

Неолиберализм также позволяет извлечь из современных российско-немецких отношений несколько полезных уроков. Теория комплексной взаимозависимости проливает свет на многие перипетии украинского кризиса. Во время рассматриваемых событий и Москва, и Берлин неоднократно проявляли сдержанность, которая до наступления глобализации выглядела бы нетипичной. В XIX в. прямые военные столкновения великих держав были встроены в механизмы европейской политики – разумеется, в известных пределах. Более того, они могли служить стабилизации системы, именно опасность вооруженного отпора сдерживала аппетиты претендентов на гегемонию. Наконец, право объявлять войну и заключать мир по своему усмотрению считалось тогда непременным атрибутом национального государства. За прошедшие полтора века положение вещей радикально изменилось. Разумеется, здесь сыграло свою роль не только развитие мирохозяйственных связей и международных институтов, которое ставит во

главу угла неолиберализм. Не менее важным оказался и сдерживающий эффект ядерного оружия, подробно изученный еще классическими реалистами. Новая международно-политическая ситуация имеет целый ряд положительных сторон. Сегодня война часто не окупается даже с чисто геостратегической точки зрения, что заставляет великие державы проявлять благоразумие и искать другие пути защиты своих интересов. Однако, вопреки оптимистичным прогнозам неолибералов, насилия в современных международных отношениях не стало меньше, чем раньше. Оно просто во многом приобрело нетрадиционные формы (войны прокси, гибридные и информационные, «цветные революции»). Кроме того, именно неолиберальная парадигма, первой истолковавшая права человека как глобальную, а не национальную проблему, стала одним из источников доктрины «гуманитарных интервенций».

Таким образом, можно согласиться с тем, что развитие международных институтов привело мир в состояние «зрелой анархии», однако не следует видеть в этом потенциальное решение всех проблем. Дело не только в том, что, например, международное право часто нарушается из-за гегемонистских амбиций великих держав, но и в его внутренней противоречивости. Право наций на самоопределение и принцип территориальной целостности государств нередко приходят в столкновение. Соответственно, коллективный Запад предпочитает подходить к косовской проблеме с одной меркой, а к самоопределению Крыма и народных республик Донбасса – с другой.

При этом международные организации, которые государства создают для продвижения собственных интересов, со временем приобретают автономию и даже могут противостоять своим творцам как внешняя принуждающая сила. Таким образом, развитие транснациональной арены, рассматриваемое неолиберализмом как залог демократизации международных отношений, на деле во многом подчиняется закономерностям, открытым неореалистической школой. Классическим примером такого рода является влияние НАТО и ЕС на немецкую внешнюю политику. Часть немецких правящих кругов

заинтересована в новой «восточной политике», активном сближении с ЕАЭС и ОДКБ, однако в Брюсселе ее голос часто не слышат. Данную ситуацию нельзя объяснить исключительно американским давлением, ведь внешнеполитические приоритеты самих европейских стран тоже нередко приходят в противоречие. Франция стремится упрочить свое влияние в Африке (в первую очередь, в своих бывших колониях) и реализовать проект «Европы суверенных наций». Немецкие амбиции в большой степени связаны с Центральной и Восточной Европой, а также переформатированием ЕС на федеративных началах. Кроме того, само географическое положение по-разному ориентирует устремления двух стран. Франция исторически тяготеет к атлантизму и поддержанию амфибийной мощи, Германия – к континентальной стратегии и роли влиятельной сухопутной державы. Соответственно, два государства всегда неодинаково относились и к России, и к США.

В последние годы Польша и страны Балтии последовательно занимали антироссийскую позицию. Это связано и с воспоминаниями о социалистическом прошлом, которое в данных обществах рисуется, как правило, в мрачных тонах. Кроме того, упомянутые страны в своей внешней политике ориентируются на Вашингтон, что обусловлено не только глубоко укоренившимися в них представлениями о «российской угрозе», но и желанием уравновесить влияние «европейского ядра», стремящегося использовать наднациональные институты ЕС для подчинения более слабых членов организации. Из вышеизложенного вытекает важный урок: международные организации могут увеличивать конфликтный потенциал международных отношений, причем речь здесь идет не только о военно-политических блоках, но и об изначально экономических объединениях. Таким образом, там, где неолибералы удовлетворенно констатируют переход к «зрелой анархии», можно увидеть просто включение новых субъектов в борьбу за передел мира.

3.2. Идентичности и нарративы: проблемы восприятия в российско-немецком взаимодействии

Постпозитивистские дебаты в теории международных отношений привели к пересмотру целого ряда традиционных концепций и подходов. Свои ответы на возникшие затруднения предложили постмодернисты. Постмодернизм претендует на осмысление новейшего состояния западной и мировой культуры с позиций релятивизма и рефлексивизма, что знаменует разрыв (впрочем, неполный) с рационалистической традицией европейского Просвещения³⁰⁵. Для данного типа философии центральное значение имеют понятия дискурса и нарратива. Дискурс – это «какая-либо философская или научная концепция, обращенная к читателю или слушателю»³⁰⁶. Иными словами, это знание как социальный феномен, со своей внутренней логикой и внешними условиями развертывания. Любые общие идеи являются продуктом общественной жизни в целом, их необходимо толковать конкретно-исторически. Каждое историческое или политическое исследование отражает не только свой предмет, но и те условия, в которых оно само создавалось.

Нарратив – это «повествование», изложение и интерпретация фактов и событий с определенной точки зрения. Он всегда существует в контексте других нарративов, однако прямо не соотнесен с объективной действительностью, изучение которой было главной целью в классической парадигме научного знания. «Целостная реальность ускользает от слов и отрицается постмодернизмом. Признаются только описания. Эти описания конституируются как единственная реальность. Подчеркиваются те черты электронной культуры, которые стирают различия между истиной и ложью»³⁰⁷. При таком подходе гуманитарное знание воспринимается как

---

³⁰⁵ Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии / Б. И. Кононенко. – М.: Вече 2000: АСТ, 2003. – С. 323–324.

³⁰⁶ Там же. – С. 120.

³⁰⁷ Померанц Г. С. Постмодернизм / Г. С. Померанц // Новая философская энциклопедия. – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0178cc6d34a5c64571161178> (дата обращения: 06.03.2021).

собрание нарративов, которое не может быть структурировано на основании тех или иных формальных или содержательных критериев. Любая «большая парадигма» (политическая, философская, религиозная) объявляется формой ложного сознания и идеологическим оружием конкретных групп интересов. Критическая теория общества заострила данное положение, выдвинув тезис о неизбежной и тотальной ангажированности социальных наук. Парадоксальным образом, именно здесь открывается путь к преодолению постмодернистского «отрыва от корней». С точки зрения классического марксизма, партийность философии не исключает ее объективного содержания. Более того, истина ситуации может быть выявлена только познавательными усилиями и (самое главное) общественно-исторической практикой класса, который на данный момент воплощает прогрессивные исторические тенденции³⁰⁸.

Конструктивистская теория международных отношений предлагает свой ответ на ключевые вопросы, поставленные в ходе постпозитивистских дебатов. При этом она развивает в новых условиях основные идеи английской школы международных исследований, которая не охватывается классическими изложениями истории дисциплины, основанными на понятиях «большого спора» и «канонической» парадигмы³⁰⁹. Сегодня конструктивизм является весьма популярным исследовательским подходом, хотя в известном смысле и остается в тени трех «больших теорий» – неореализма, неолиберализма и неомарксизма.

Рассматриваемая модель может оказаться особенно полезной при изучении таких вопросов, как агитация и пропаганда, PR в международных отношениях, ценностные детерминанты мировой политики, геостратегия дискурсов, нарративов и идентичностей и т. п. Все это напрямую затрагивает современные российско-немецкие отношения, поскольку сегодня «стали

---

³⁰⁸ Лукач Д. Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей / Д. Лукач. – М.: Международные отношения, 1990. – С. 75–76.

³⁰⁹ Сафронова О. В. К вопросу о генеалогии конструктивизма в теории международных отношений / О. В. Сафронова // Вестник Нижегородского университета. Международные отношения. Политология. Регионоведение. – 2004. – Вып. 1(2). – С. 100.

заметны методологические расхождения в анализе внешней политики России и Европейского союза: первую зачастую анализируют с отсылкой к классическим теориям геополитики, в то время как изучение Европейского союза невозможно без конструктивистского подхода»³¹⁰. Такая методологическая асимметрия отражает некоторые распространенные стереотипы, однако в ней есть и рациональное зерно. Коллективный Запад продолжает придерживаться неолиберального консенсуса и, как следствие, склонен недооценивать любые системы ценностей, непохожие на его собственную. С другой стороны, выше уже говорилось о недостаточной эффективности «мягкой силы» Москвы, которая обусловлена рядом разнородных факторов. В экспертных кругах не утихают споры о том, сформировалась ли уже новая российская идентичность, можно ли констатировать относительное мировоззренческое единство современного российского общества. Кроме того, отечественная наука еще не вполне освоила основные достижения мировой геоэкономики и геокультуры.

В США вильсонизм долгое время играло роль своеобразного идеологического стандарта. Парадоксальным образом, данный комплекс идей был и предметом искренней веры, и средством социальной мобилизации, и прикрытием для американских силовых акций (более широко – геополитического прагматизма). Некоторые подходы времен «холодной войны» сказываются и на «ценностной политике» современных западных стран.

Манипуляции сознанием в мировой политике не исключают настоящих проблем восприятия, обусловленных глубинными культурно-историческими факторами и нередко мешающих нормальному развитию международного сотрудничества. Данная проблематика хорошо исследована, среди прочего, на материале российско-немецких отношений. Российский эксперт И. Тимофеев отмечает: «По всей видимости, в России нет единого и целостного восприятия

---

³¹⁰ Айвазян А. С. Европа в поиске новых решений / А. С. Айвазян, Л. О. Бабынина, М. В. Ведерников и др. – М.: Институт Европы РАН, 2020. – С. 55.

Германии. Оно колеблется в широком диапазоне стереотипов. Одни недооценивают Германию («вассал Вашингтона»), другие, наоборот, избыточно переоценивают («европейский бульдозер»)³¹¹. Немецкие политические круги также не свободны от стереотипов в своих интерпретациях российского поведения. Попытки объяснить все шаги Москвы в рамках единой схемы некорректны, как и слишком широкие обобщения, касающиеся «российского экспансионизма» или «режима Путина»³¹².

Приведенные факты хорошо иллюстрируют и когнитивные искажения, характерные для различных форм политического дискурса, и некоторые особенности массового сознания. Трудно устоять перед соблазном простых решений: нередко по формальным критериям выделяют в объекте исследования одну ведущую сторону и выдают редукционистскую модель за точное отражение сложной реальности. Кроме того, упрощенные объяснения событий и явлений легче использовать в информационном противостоянии, в целях агитации, пропаганды и социальной мобилизации.

Данные вопросы нашли обширное освещение в научной литературе. В частности, в России было написано огромное количество исследований, посвященных личности и деятельности А. Меркель³¹³, в которых представлен широкий спектр оценок ее решений, вплоть до диаметрально противоположных. Это свидетельствует о том, что данная тема вызывает сильный эмоциональный отклик в российском экспертном сообществе и средствах массовых коммуникаций. После прихода к власти А. Меркель сформировала узнаваемый политический бренд, что позволяло ей более эффективно решать некоторые политические задачи, однако при этом создавало дополнительные риски. С одной стороны, сильный канцлер увеличивает национальный потенциал «мягкой силы»: так, сегодня немецкая

---

³¹¹ Тимофеев И. Россия – Германия: восприятие и мотивы // Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-germaniya-vozpriyatie-i-motivy/> (дата обращения: 15.12.2020).

³¹² Там же.

³¹³ Айвазян А. С. Европа в поиске новых решений / А. С. Айвазян, Л. О. Бабынина, М. В. Ведерников и др. – М.: Институт Европы РАН, 2020. – С. 26.

внешняя политика ассоциируется, среди прочего, с решительными (хотя далеко не всегда оптимальными) действиями христианских демократов в период европейского долгового кризиса. С другой, внутренние и зарубежные аудитории легко связывают существующие проблемы, в первую очередь, с личностными особенностями влиятельного лидера, игнорируя или недооценивая их структурные причины. Так, стремясь объяснить наблюдаемое ухудшение российско-немецких отношений, российская общественность нередко говорила о несговорчивости или двуличии бывшего федерального канцлера, ее слепой приверженности неолиберальному «символу веры». Такие интерпретации событий, по сути, сводят социальную динамику к психологическим процессам, от чего предостерегал еще К. Уолц. Субъективистское и волюнтаристское истолкование политических явлений – это частный случай «соблазна простых решений», создающего иллюзию понимания вопроса без его глубокого исследования. Тем не менее, мифы и стереотипы массового сознания должны тщательно учитываться в политическом анализе и прогнозировании, поскольку они и характеризуют реальные социальные противоречия, и нередко являются основой для принятия общественно значимых решений. Именно здесь может оказать незаменимую помощь концептуальный аппарат, разработанный в рамках конструктивистской парадигмы международных исследований.

В последние годы появился ряд интересных работ, в которых отношения РФ и ЕС анализируются в терминах не только интересов и возможностей, но и ожиданий, касающихся, в частности, геополитических трансформаций в Центральной и Восточной Европе. То есть, «материальная», понятая в неореалистическом смысле международная структура помещается в контекст региональной и глобальной политической культуры, которая во многом определяет реакцию элит на объективные вызовы и проблемы. Так, Брюссель сегодня продолжает транслировать стереотипы, связанные с ролью Москвы в украинском кризисе, что создает новые субъективные предпосылки для соперничества двух глобальных игроков, усложняющие и без того непростую

ситуацию. Такие факты заставляют вернуться к вопросу о ценностной составляющей современных российско-немецких отношений. Исследования данной проблематики не всегда характеризуются методологической цельностью, поскольку, как уже отмечалось, российская внешняя политика изучается в них в рамках геополитического подхода, а европейская – через призму конструктивизма³¹⁴. Однако здесь можно отметить и целый ряд полезных научных результатов. Некоторые эксперты «склонны рассматривать Евросоюз как актор, навязывающий странам-соседям определенный социальный порядок и цивилизационные ценности. ... Напротив, нормы, транслируемые Россией, – это государствоцентричность, невмешательство во внутренние дела, суверенная демократия, принадлежность к «русскому миру»³¹⁵. Таким образом, за взаимным отчуждением Москвы и Берлина кроется целый комплекс проблем, многие из которых нельзя правильно интерпретировать без обращения к социальным теориям международной политики.

М. В. Хорольская пишет, что сегодня можно говорить о «кризисе понимания» в российско-немецких отношениях. Германия не собирается менять свою позицию по украинской повестке, хотя официальный Берлин до известной степени примирился с новыми геополитическими реалиями, возникшими после крымских событий. Немецкое руководство подозревает Москву в «имперских амбициях» и акцентирует разногласия ценностного плана, противоречия между российской политической культурой и западным пониманием толерантности. Впрочем, исследовательница видит здесь не столкновение традиционализма и условного постмодерна, а конкуренцию двух политических дискурсов, у которых на самом деле больше общего, чем представляется на первый взгляд. Наконец, М. В. Хорольская резонно отмечает, что Москва подчеркивает важность именно двусторонних

---

³¹⁴ Там же. – С. 53–55.

³¹⁵ Там же. – С. 56.

отношений, в то время как Берлин не желает отказываться от привычного многостороннего подхода³¹⁶.

Данный анализ проливает свет на многие проблемы восприятия, характерные для современных российско-немецких отношений. Исследование любых общественных ценностей в конечном счете приводит к ресурсам, удовлетворяющим потребности тех или иных социальных групп. Соответственно, в политике ценности можно рассматривать как превращенную форму интересов, их не прямое отражение в общественном сознании. Если у двух стран есть общие цели и опасения, мировоззренческие разногласия, как правило, не являются непреодолимым препятствием для развития сотрудничества. Это отчасти доказывает пример «Северного потока-2». Однако проблемы восприятия легко создают избыточную «нагрузку на операцию» (если использовать военный термин), что может привести к срыву одних совместных проектов и сделать другие непомерно дорогими. Поэтому успех внешней политики государства сегодня в большой степени зависит от понимания исторически и культурно обусловленных стереотипов других акторов и умения эффективно с ними работать.

Кризис понимания в российско-немецких отношениях неразрывно связан с кризисом доверия, что отмечается целым рядом экспертов. Так, ведущий специалист Института Европы РАН В. Белов характеризует сложившуюся ситуацию следующим образом: «Очевидно, что рабочие контакты Москвы и Берлина по политическим вопросам продолжатся, хотя и будут проходить на фоне глубокого кризиса доверия и минимального уровня взаимопонимания по ряду спорных вопросов (кибератаки, З. Хангошвили, А. Навальный)»³¹⁷. Иными словами, здесь логика традиционной дипломатии, основанной на рациональном согласовании национальных интересов, сталкивается с реалиями информационной войны. Сегодня ключевые полюса международной

---

³¹⁶ Хорольская М.В. Российско-германские отношения: матрешка кризисов // Независимая газета. – URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2020-09-20/9_7968_germany.html (дата обращения: 13.12.2020).

³¹⁷ Белов В. РФ – ФРГ: кризис политического доверия как фактор асимметрии отношений // Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rf-frg-krizis-politicheskogo-doveriya-kak-faktor-asimmetrii-otnosheniy/> (дата обращения: 13.12.2020).

системы втянуты в гибридное противостояние, которое накладывает свой отпечаток и на региональные конфликты современности, и на глобальные противоречия формирующегося миропорядка. С другой стороны, украинский и ближневосточный кризисы, «зеленая» повестка, борьба с пандемией и многие другие проблемы требуют скоординированных усилий наиболее влиятельных государств мира. Разумеется, официальный Берлин, регулярно обвиняющий Россию в нарушениях международного права и стремящийся отчасти переписать историю Второй мировой войны, нередко сам отталкивает российских партнеров, однако альтернативы диалогу нет³¹⁸.

Таким образом, взаимное недоверие в российско-немецких отношениях вписано в широкий международно-политический контекст, связано с целым рядом объективных проблем и противоречий. При этом последние нужно рассматривать не только как продукт материальных обстоятельств, но и как закономерные социальные конструкты, существование которых в большой степени зависит от господствующих культурных установок. Сегодня даже геополитика, традиционно ориентированная на выявление независимых от человека международно-политических факторов, все чаще обращается к проблемам восприятия, к географическим образам в научном мышлении и массовом сознании.

Отечественный исследователь И. Ю. Окунев так характеризует основную идею критической геополитики: «Ученые данного направления предположили, что геополитика государств формируется не под влиянием фундаментальных естественных законов и структуры пространства, а через географическое воображение и пространственные мифы, т. е., другими словами, под влиянием мира идеального»³¹⁹. Таким образом, в геостратегических исследованиях произошел парадигматический сдвиг, который можно объяснить в терминах критики идеологии. Ранняя геополитика была насквозь проникнута идеологическими установками, отражавшими

---

³¹⁸ Там же.

³¹⁹ Окунев И. Ю. Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики / И. Ю. Окунев // Сравнительная политика. – 2014. – № 4 (17). – С. 6.

интересы великих держав в эпоху раннего империализма. Иными словами, она оправдывала экспансионизм как «объективно неизбежный» вывод из тех или иных географических императивов, бесосновательно постулируя жесткие и однозначные причинно-следственные связи в нелинейных самоорганизующихся системах. Такой подход обрекал национальные геополитические школы на взаимное непонимание и создавал широкие возможности для политических злоупотреблений. Кроме того, лежащая в его основе методология все чаще шла вразрез с новейшими данными социальных наук. Переход к геополитике восприятия позволил частично разрешить упомянутые затруднения.

В современных российско-немецких отношениях большую роль играют географические стереотипы, своеобразно калибрующие мировоззрение сторон, их идентичности. К числу таких представлений можно отнести многие пространственные образы, характерные для атлантизма («междуморье», Римленд, Хартленд) и евразийства («большое пространство»). Здесь следует выделить две проблемы, затрудняющие нормализацию двустороннего взаимодействия. Во-первых, некритическое следование перечисленным шаблонам восприятия превращает их в самоподтверждающиеся пророчества, что еще больше сужает доступный двум странам выбор. Во-вторых, инерция мышления мешает им пересмотреть сложившиеся ролевые модели: слишком легко заявить, что Москва и Берлин «обречены» либо на создание антиамериканского альянса, либо, напротив, на перманентное соперничество в Центральной и Восточной Европе. На деле же оба представления весьма далеки от истины.

Интересную интерпретацию современных российско-немецких отношений дает отечественный эксперт Д. Тренин. Он также акцентирует роль взаимных ожиданий и подспудных убеждений в двустороннем диалоге. В эпоху Горбачева был заложен фундамент взаимного доверия между новой Россией и объединенной Германией. Отношения двух стран приобрели характер стратегического партнерства, причем Берлин, по сути, взял на себя

роль посредника между Москвой и коллективным Западом. Принося обеим сторонам разнообразные выгоды, данный формат взаимодействия в то же время таил в себе значительные риски. Немецкая позиция по «делу Навального» была воспринята российским правительством не как неконструктивный ход в геополитической игре, а как вероломство, злоупотребление доверием. Отношения, слишком сильно зависевшие от «социального капитала», начали стремительно деградировать, когда болезненная «утрата иллюзий» нарушила двустороннюю коммуникацию³²⁰. Общий вывод эксперта представляется скорее неутешительным: «...Россия уже не ждет чего-то от Европы, а потому оглядываться на ее мнение или интересы становится не обязательно. С американцами же давно ведется гибридная война с нулевой суммой. В этой борьбе остается все меньше сдерживающих факторов»³²¹. В последние годы Запад нередко пытался использовать существующие форматы сотрудничества для давления на Россию. Однако при этом не было учтено, что именно желание сохранить взаимовыгодные связи в ряде случаев мотивировало Москву идти на уступки. Последовательно разрывая их, Вашингтон и Брюссель неуклонно теряли инструменты влияния на российскую внешнюю политику.

Немецкий политолог А. Рар оценивает перспективы двусторонних отношений с осторожным оптимизмом: «Проблемы, которые нарастали в последние 30 лет, привели нас в очень конфликтную ситуацию, где мы друг друга не понимаем, но, с другой стороны, потенциал для сотрудничества очень большой»³²². Данное заявление было сделано уже после «дела Навального», его можно рассматривать как достаточно актуальную характеристику предмета исследования. Идентичности международных акторов не только определяют принимаемые ими решения, но и сами трансформируются под влиянием обратных связей. Геополитически и геоэкономически цена

---

³²⁰ Тренин Д. Последняя страница. Как дело Навального изменило отношения России и Германии // Московский центр Карнеги. – URL: <https://carnegie.ru/commentary/82690> (дата обращения: 13.12.2020).

³²¹ Там же.

³²² Эксперты оценили будущее российско-германских отношений // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20201001/dialog-1578050327.html> (дата обращения: 13.12.2020).

наблюдаемого ухудшения отношений уже оказалась достаточно высокой. Несомненно, это мотивировало заинтересованные государства адаптировать свои мировоззренческие установки к меняющейся реальности, при частичном сохранении старой риторики и заметной инерции привычных подходов.

В другом интервью А. Рар подробнее рассмотрел проблему культурно-исторической неоднородности Европы. Римско-византийский дуализм, фундамент которого был заложен еще в древности, продолжает во многом определять политическую жизнь региона, задавать характерные для него форматы коммуникации. Данный факт заставляет отвергнуть старый проект «Европы от Атлантики до Урала» как утопический, однако не является поводом для пессимизма. «Сейчас нужно говорить не о том, как включить Россию в НАТО и Европейский Союз, а о том, как создать Европу разных мировоззрений, которые могут друг друга обогатить, потому что мы все-таки имеем общие корни, например, христианство»³²³. Иными словами, нужно максимально использовать существующие точки соприкосновения, не преуменьшая и не игнорируя идейные разногласия. Позицию А. Рара отличает масштабная постановка вопроса о проблемах восприятия: его интересует не столько абстрактная дихотомия «авторитаризм-демократия», сколько цивилизационная подоплека политических вызовов современности.

Интересный анализ сложившейся ситуации дал российский исследователь А. В. Багай. По его мнению, наблюдаемое отчуждение между Россией и Германией в большой степени обусловлено сознательными усилиями части западных элит. «...в общественном дискурсе и СМИ Германии была запущена настоящая программа целенаправленной стигматизации немецких политиков, общественных деятелей и бизнесменов, которые высказывали так или иначе отличную от мейнстрима точку зрения на

---

³²³ Рокоссовская А. К. Эпоха несостоявшейся любви. Александр Рар: У Ангелы Меркель нет пути назад / А. К. Рокоссовская // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2016/09/19/aleksandr-rar-rossia-ne-stanet-chastiu-zapada-i-dazhe-chastiu-evropy.html> (дата обращения: 11.10.2017).

украинские события и российско-германские отношения»³²⁴. То есть, политические стереотипы отражают не только известную культурно-историческую ситуацию, но и те или иные властные интересы.

Существующие социальные институты стремятся обеспечить собственное воспроизводство, даже если это означает дополнительные риски и издержки для общества в целом. Для этого им нужны не только материальные ресурсы и административные рычаги, но и значительная «мягкая сила». Сегодня идеология атлантизма сталкивается с мощным противодействием в самих западных странах. «Глубинное государство», по необходимости являющееся оборотной стороной неолиберального консенсуса, реагирует на данный кризис легитимности все более активным подавлением инакомыслия. Россия не просто выступает как геополитический противовес американскому гегемонизму, она воплощает ценностные модели и жизненные форматы, способные в перспективе трансформировать международную культуру в целом, существенно повлиять на мировосприятие широких зарубежных аудиторий. Соответственно, Москва, будучи не в силах изменить официальную позицию коллективного Запада, должна более эффективно работать с конструктивной оппозицией на его территории. Данной цели уже служат международные информационные агентства наподобие Russia Today и Sputnik News. Глубокое изучение конструктивизма может дать важные ключи к оптимизации их деятельности.

Наибольший вклад в развитие конструктивистской парадигмы внесли американские ученые Н. Онаф³²⁵ и А. Вендт³²⁶. Ее можно также назвать социальной теорией международной политики, поскольку ее основным понятием является социальное конструирование. Общественные отношения создают людей как существ, не ограниченных сугубо биологической логикой,

---

³²⁴ Багай А. В. Российско-германские отношения «после Крыма»: от «Партнерства для модернизации» до деградации диалоговых форматов / А. В. Багай // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2019. – Т. 12, вып. 3. – С. 368.

³²⁵ Onuf N. G. Constructivism: a user's manual / N. G. Onuf // Making sense, making worlds. Constructivism in social theory and international relations. – N.Y.: Routledge, 2013. – P. 3–20.

³²⁶ Wendt A. Social Theory of International Politics / A. Wendt. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 429 p.

а люди, в свою очередь, творят мир в заданных природой исходных условиях. Только в обществе могут существовать агенты – индивидуальные или коллективные субъекты действия, которые обретают идентичность, соблюдая или нарушая установленные правила исходя из своих рационально понятых интересов³²⁷.

Многие аспекты современных российско-немецких отношений можно рассмотреть через призму концепции социального конструирования. Идеи «великой евразийской державы» или «западных ценностей» не являются прямым отражением наличной материальной реальности, в них есть ярко выраженные проектная и историческая составляющие, а социальные контексты, которые еще или уже не существуют, можно истолковывать по-разному.

Структура и динамика современных российско-немецких отношений в значительной степени зависят от исхода общественных и научных дискуссий, посвященных событиям Второй мировой войны. Для Германии важно оставаться частью западного «сообщества ценностей» и сохранять особые отношения с Вашингтоном и европейскими партнерами. Это обусловлено не только прагматическими соображениями, но и желанием продолжить традиции «западной интеграции», заложенные К. Аденауэром. Преодоление психологических травм, связанных с нацистским прошлым, является важной проблемой и в современном немецком обществе. С другой стороны, Германия по политическим мотивам отвергает некоторые ключевые положения российской трактовки Великой Отечественной войны. Это создает в немецком общественном сознании заметное напряжение: страна, сделавшая примирение одним из своих внешнеполитических приоритетов, по сути, блокирует его достижение на самом важном на данный момент направлении.

Объективной оценке военных событий на международном уровне препятствуют несколько факторов. С одной стороны, в разных странах мира

---

³²⁷ Onuf N. G. Constructivism: a user's manual / N. G. Onuf // Making sense, making worlds. Constructivism in social theory and international relations. – N.Y.: Routledge, 2013. – С. 4–5.

существуют властные группы, ведущие информационную войну против России и рассматривающие переписывание истории как один из ее методов. С другой, настойчивое акцентирование тех или иных исторических оценок (в том числе и достаточно объективных) может служить симптомом нерешенных общественных проблем. Обострившиеся социальные антагонизмы, отсутствие ясного образа будущего, тяжелое наследие недавнего прошлого могут подтолкнуть элиты к манипуляциям историческим нарративом, пусть и без искажения или отрицания твердо установленных фактов. Такая политика менее опасна, чем распространение лженаучных представлений, однако и она таит в себе существенные риски, поскольку является способом ухода от актуальных общественно-политических вопросов.

Сегодня и Германия, и Россия проходят через непростой процесс трансформации национальной идентичности. Пока он не завершен, говорить о новом уровне взаимопонимания трудно. Адекватный образ другого может сформировать только субъект, у которого уже вполне сложился достаточно объективный образ себя.

А. Вендт предлагает несколько иное прочтение теории, что позволяет дополнить предложенную социальную интерпретацию российско-немецких отношений. Он настойчиво акцентирует прагматическое измерение подхода, его способность вызывать положительные общественные изменения. Анализируя «новое мышление» М. С. Горбачева, он подчеркивает, что «холодная война» не просто породила известные идеи или испытывала их влияние: в определенном смысле она сама являлась не системой материальных процессов, а набором представлений, разделявшихся сторонами конфликта и их союзниками. Соответственно, трансформация идей, пусть и не являясь ключом ко всем проблемам, автоматически меняет социальную действительность³²⁸.

---

³²⁸ Wendt A. Social Theory of International Politics / A. Wendt. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 375.

А. Вендт резонно отмечает, что политический реализм объективирует культуру международной жизни, рассматривает ее как безусловную данность. Теоретики данного направления верят в неизменную природу мировой политики и видят свою задачу только в лучшей адаптации своего государства к существующим реалиям³²⁹. Таким образом, теории международных отношений можно классифицировать по их целеполаганию, которое отражает интересы тех или иных стран или социальных групп. Концепция может ориентировать актора на приспособление к наличным конкретно-историческим условиям, их сохранение или изменение. Возможен вариант, когда теория вообще не предполагает осознанного отношения к мировой политике как органическому целому, а ее содержание целиком исчерпывается рассмотрением утилитарных вопросов.

Конструктивизм утверждает прямую зависимость международной культуры от действий государств и настаивает на осознанном, рефлексивном отношении к соответствующей проблематике. Есть большая разница между объективностью, безусловно необходимой в научном познании, и объективизмом – непродуктивным избеганием оценочных суждений в социальных исследованиях. Чтобы глубже понять существующее глобальное общество, необходимо ответить на вопрос о желательных и нежелательных сценариях будущего³³⁰. «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»³³¹.

Изложенные соображения побуждают исследовать роль публичной дипломатии в современных российско-немецких отношениях. Конструктивистская парадигма дает ключ к пониманию такого рода феноменов. С точки зрения неореализма, государство должно стремиться изменить распределение военно-политических возможностей в свою пользу: именно это является залогом успеха в международной политике, а не работа с

---

³²⁹ Там же. – Р. 377.

³³⁰ Там же. – Р. 377–378.

³³¹ Маркс К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. – 2-е изд. – Т. 3. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 4.

восприятием, ценностями и идентичностями. Для неолибералов структура глобального общества определяется не только динамикой политических и экономических режимов, но и нормативными и ценностными факторами. Правда, последние, как правило, получают скорее формально-юридическую или абстрактно-морализаторскую трактовку. Оба подхода существенно затрудняют конкретно-исторический анализ релевантного эмпирического материала.

Неомарксизм исходит из материалистического понимания истории, при котором идентичности политических субъектов рассматриваются как надстроечные феномены и не воспринимаются как движущая сила общественного развития (как «социальное топливо» по С. Б. Переслегину³³²). Тем не менее, неомарксизм может осваивать проблематику публичной и смешанной дипломатии, а также информационных и гибридных войн, используя возможности геокультурного подхода. Глобальная геокультура центристского либерализма – это картина мира, сохранение или изменение которой сегодня является предметом ожесточенной дипломатической борьбы. Критика идеологии представляет собой своеобразный мост между историческим материализмом и социальной теорией международной политики.

Таким образом, существуют организующие концепции, которые позволяют создать объемный образ публичной дипломатии, рассмотрев ее с различных точек зрения. Более того, такого рода исследования помогают интегрировать некоторые конструктивистские идеи в альтернативные теории международных отношений.

---

³³² Переслегин С. Б. Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: основные понятия геополитики / С. Б. Переслегин // Классика геополитики. XIX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 690.

Существует целый ряд эмпирических и теоретических работ, проливающих свет на отдельные аспекты заявленной темы^{333 334 335}. Ее осваивают представители множества дисциплин, включая международную информацию, политическую психологию и семиотику, PR, военно-политические технологии и некоторые другие. При этом роль публичной дипломатии в российско-немецких отношениях недостаточно полно исследована в контексте «больших парадигм» мировой политики. Здесь между глобальными моделями и уровнем конкретных фактов нередко возникает разрыв, преодолеть который можно, среди прочего, благодаря достижениям конструктивистского подхода.

Российской исследовательнице М. В. Безруковой принадлежит интересное наблюдение, касающееся истории рассматриваемого феномена. «Общественная дипломатия как система прямого взаимодействия государств с обществами зарубежных стран существует столько же, сколько сами государства, но особый интерес к этой сфере появился сравнительно недавно. Одно из главных орудий в «холодной войне» – общественная дипломатия – утратила привлекательность в 1990-х годах, однако затем вновь заинтересовала исследователей и практиков после трагедии 11 сентября 2001 года»³³⁶. Причины отмеченных перемен достаточно очевидны. Последние десять лет ушедшего тысячелетия были временем торжества квазиоднополярной модели миропорядка. Превосходство США во всех сферах международной жизни (включая геокультуру) было настолько подавляющим, что в большинстве случаев у Вашингтона просто не было стимула предпочитать стратегию непрямых действий. В начале текущего столетия мир вступил в эпоху незрелой многополярности, а американские элиты были

---

³³³ Безрукова М. В. Особенности общественной дипломатии Германии в России / М. В. Безрукова // Тренды и управление. – 2014. – № 3. – С. 237–242. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.3.12726.

³³⁴ Публичная дипломатия: теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 272 с.

³³⁵ Цветкова Н. А. Политизация «Цифровой дипломатии»: публичная дипломатия Германии, Ирана, США и России в социальных сетях / Н. А. Цветкова, Г. О. Ярыгин // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. – 2013. – № 1. – С. 119–124.

³³⁶ Безрукова М. В. Особенности общественной дипломатии Германии в России / М. В. Безрукова // Тренды и управление. – 2014. – № 3. – С. 237. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.3.12726.

вынуждены искать новые подходы, способные частично компенсировать последствия совершенных ранее внешнеполитических ошибок.

По мнению М. В. Безруковой, Германия на российском направлении своей публичной дипломатии делает акцент на межкультурной коммуникации. Это позволяет Берлину корректировать негативные представления о стране, которые сложились в России во время Великой Отечественной войны и до сих пор продолжают оказывать известное влияние на атмосферу двусторонних отношений. Кроме того, правительство А. Меркель было заинтересовано в распространении немецких культурных ценностей на территории восточного соседа³³⁷.

В современных условиях значимость «мягкой силы» в российско-немецких отношениях существенно выросла. Международно-политические кризисы прошедшего десятилетия усугубили разногласия между Россией и ее западноевропейскими партнерами. Официальные каналы коммуникации либо закрывались (исключение РФ из «большой восьмерки»), либо консервировались на неопределенный срок (встречи в рамках двусторонних рабочих групп), либо просто становились ненадежными и неэффективными (многие контакты на уровне министерств и ведомств). Соответственно, культурные контакты стали важнейшей страховкой от дальнейшей деградации двусторонних отношений, хотя потенциал данного инструмента, несмотря на ряд несомненных достижений, все еще не раскрыт в полной мере.

Цифровая дипломатия РФ и ФРГ получила достаточное освещение в специальной литературе. Так, российские эксперты Н. А. Цветкова и Г. О. Ярыгин отмечают, характеризуя немецкий случай: «Сотни культурных центров, образовательных программ, музыкальных мероприятий и кинофестивалей являются инструментами традиционной публичной дипломатии. Более того, немецкая публичная дипломатия заявляет о себе как об аполитичном инструменте, который не занимается продвижением

---

³³⁷ Там же. – С. 239.

демократии или поддержкой диссидентов»³³⁸. Первая часть приведенной характеристики не вызывает возражений, вторая отражает скорее имидж, который создают себе соответствующие группы влияния, чем фактическую сторону дела. В частности, некоторые немецкие интернет-ресурсы, ориентированные на ближневосточную аудиторию, отходят от принципов нейтральности и объективности, обязательных для информационно-просветительских проектов. По сути, они уже выступают как политические лоббисты или даже группы давления. Ярким примером такого подхода является позиция сайта-форума «Qantara», модераторы которого крайне предвзято относятся к правительству Б. Асада³³⁹.

Российская цифровая дипломатия, по мнению цитируемых авторов, во многом следует американским образцам, однако все еще отстает от них по охвату аудиторий и эффективности воздействия. Впрочем, информационные агентства наподобие Russia Today предлагают асимметричные решения проблемы, привлекая зрителей и читателей освещением непопулярных на Западе тем и нестандартной подачей материала³⁴⁰.

Сегодня теоретические исследования публичной дипломатии (нередко остающиеся под влиянием вильсонизма) тесно связаны с моделированием международно-политических систем. Венский миропорядок вполне допускает конструктивистскую интерпретацию, что, впрочем, не означает его истолкования в свете позднейших дипломатических практик. После наполеоновских войн в Европе утвердился принцип легитимизма, который, в отличие от, например, баланса сил, является не материальным, а идеологическим конструктом. Участники «европейского концерта» составляли полноценное международное общество задолго до того, как данный феномен был изучен английской школой международных исследований.

---

³³⁸ Цветкова Н. А. Политизация «Цифровой дипломатии»: публичная дипломатия Германии, Ирана, США и России в социальных сетях / Н. А. Цветкова, Г. О. Ярыгин // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. – 2013. – № 1. – С. 120.

³³⁹ Там же. – С. 120–121.

³⁴⁰ Там же. – С. 123–124.

В недавнем исследовании МГИМО, посвященном публичной дипломатии, отмечается известная размытость самого понятия, тормозящая развитие соответствующего научного направления. Сложившаяся ситуация обусловлена рядом объективных причин, среди которых не последнее место занимают сложность и многообразие проявлений самого объекта анализа. «Каналы воздействия при помощи публичной дипломатии могут быть двойными. Во-первых, воздействие может осуществляться по официальным каналам, т. е. путем выступлений официальных лиц в СМИ, с публичными лекциями, в социальных сетях и т. п. Во-вторых, по неофициальным каналам: через НПО, фонды, образовательные программы, женские и молодежные организации, университеты и т. д.»³⁴¹. Процитированная характеристика заставляет предположить, что научное сообщество еще не выработало единого определения публичной дипломатии. Пока не выявлены сущностные черты объекта исследования, пока неизвестны ближайший род и видовое отличие, его приходится определять либо генетически, либо прямым перечислением. Альтернативой является только неоправданное расширение изучаемого проблемного поля. Можно сказать, что публичная дипломатия – это все дипломатические акции, адресатами которых являются не официальные лица зарубежных стран, а внутренние или внешние массовые аудитории. Данное определение соответствует главному значению термина «публичный», однако произвольно раздвигает хронологические рамки понятия. Психологическое воздействие на население потенциального противника было частью философии войны с глубокой древности, как и пропаганда, нацеленная на дестабилизацию или трансформацию неудобных политических режимов. Такое понимание публичной дипломатии оставляет за скобками важные контексты, связанные с историей западной демократии, вильсонизмом, новейшими информационно-коммуникационными технологиями и гибридными формами военно-политического противостояния.

---

³⁴¹ Публичная дипломатия: теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2017. – С. 9.

Классический политический идеализм – это общественно-политическое учение, которое в чистом виде доказало свою несостоятельность, однако оставило глубокий след в истории идей. Его важно изучать для понимания как неолиберализма, так и конструктивизма. В первом случае генетические связи двух теорий предельно очевидны, однако второй не менее интересен. Вильсонизм заложило концептуальные основания современной публичной дипломатии, инструментарий которой заставляет исследователя выйти за пределы реалистической парадигмы и обратиться к символическим структурам мировой политики. Внешнеполитические стратегии нового типа нередко делают акцент на нетривиальном использовании политических образов и знаков, целенаправленной трансформации восприятия отечественных и зарубежных массовых аудиторий. Все это достаточно далеко от старой европейской дипломатии XVII-XIX вв., которая по преимуществу отражала соотношение материальных сил конкурирующих государств и предполагала режим строгой секретности. Произошедшие с тех пор фундаментальные сдвиги повлияли на становление как неолиберальной, так и конструктивистской парадигм.

Классическое вильсонизм, опиравшееся на определенную трактовку американских национальных интересов, отражало как специфику американской политической культуры начала XX в., так и новое качество международных отношений, связанное с долгосрочными последствиями Первой мировой войны. Тайная дипломатия отвергалась американской общественностью, свобода торговли и судоходства, а также критика колониализма облегчали реализацию «доктрины Мэхэна» и позволяли США исподволь утвердиться в статусе великой державы, избегая открытых конфликтов с другими его обладателями. Также В. Вильсон в январе 1918 г. должен был считаться с перспективой скорого распада Австро-Венгерской и Османской империй и большевистским проектом мировой революции. Этим объясняются его предложения по территориальному переустройству Центральной и Восточной Европы, включая воссоздание независимого

польского государства. Таким образом, общественно-политические взгляды В. Вильсона являются идеалистическими в терминах целей и ценностей, но не в смысле непрактичности. Видный представитель реализма Г. Киссинджер, критикуя изложенные идеи, все же отказывается проводить четкую грань между идеализмом и геополитикой, подчеркивая, что первый не только выступает за определенные ценности, но и видит в их максимальном распространении инструмент защиты национальных интересов³⁴². Классический идеализм необходимо рассматривать в контексте Парижской и Вашингтонской конференций, тогда станет ясно, что степень его оторванности от жизни нередко преувеличивалась экспертами.

В истории международных отношений идеализм нередко предстает как система взглядов, последовательно генерировавшая нежизнеспособные политические конструкты и инициативы – Лигу наций, пакт Бриана-Келлога, доктрину Стимсона, «умиротворение агрессоров» и т. п. Данная критика верна лишь отчасти. Если «мюнхенский сговор» был однозначным провалом англо-французской дипломатии, то о Парижском пакте этого сказать нельзя. Во второй половине 1920-х гг. Версальско-Вашингтонская система переживала период так называемой «малой разрядки», связанной с результатами Локарнской конференции и принятием плана Дауэса. Соответственно, радикальный пацифизм некоторых европейских политиков и дипломатов не казался тогда таким наивным, как это видится в ретроспективе. С другой стороны, частичное восстановление международного статуса Германии и нарастающие разногласия в англо-французском тандеме вынудили Париж искать новых союзников за океаном. Таким образом, пакт Бриана-Келлога, несмотря на свою идеалистическую риторику, содержит вполне понятные геополитические подтексты.

Далее, важная заслуга идеалистической парадигмы состоит в том, что она четко поставила вопрос о глобальных контекстах внешней политики, о ее зависимости от мирового общественного мнения и международных

---

³⁴² Киссинджер Г. Дипломатия / Г. Киссинджер; пер. с англ. В. В. Львова. – М.: Ладомир, 1997. – С. 24.

институтов. Реализм же предполагает сугубо этатистский подход к предмету и легко допускает его интерпретации, не выходящие за рамки сугубо региональных контекстов. Дискурсы глобализации, теории взаимозависимости, международной интеграции и транснациональной арены исторически и генетически, как правило, связаны скорее с неолиберализмом, чем с неореализмом. Теория «коммерческого либерализма», казалось бы, полностью опровергнутая Первой мировой войной, оказалась в итоге более жизнеспособной, чем предполагали ее оппоненты. Уже после «холодной войны» С. Хантингтон рассматривал данную концепцию как актуальную, хотя и отвергал ее по ряду принципиальных соображений³⁴³. Наконец, классический политический идеализм нередко считают пацифистской теорией, однако приверженность его ценностям не помешала В. Вильсону принять участие в интервенции против Советской России. Точно так же идеология не мешает современным неолибералам оправдывать «гуманитарные интервенции» или нетрадиционные (но от этого не менее опасные) инструменты международно-политического противоборства. Таким образом, вильсонизм сохраняет свою значимость как ключ к некоторым современным глобальным проблемам, хотя ни одно государство мира сегодня не придерживается данного учения в чистом виде. Кроме того, оно проливает свет на актуальные вопросы теории международных отношений, поскольку представление о моральном демократическом миропорядке предполагает и развитие публичной дипломатии, и внимание к символическим структурам глобального социума, а это уже вплотную подводит исследователя к конструктивистской проблематике.

Конструктивизм обогащает научные представления о системном характере международных отношений. Последние часто понимаются как структура, состоящая из военно-политических и экономических потенциалов и закономерных связей между ними. Такого рода феномены теоретически

---

³⁴³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова // *Philosophy*. – М.: АСТ, 2003. – С. 92.

допускают чисто механический анализ, по аналогии с ньютоновской картиной мира в естественных науках. С другой стороны, международные отношения можно рассматривать как сложную самоорганизующуюся систему, которая является предметом изучения синергетики и кибернетики. О функционировании и развитии таких объектов современная наука знает сравнительно мало, поэтому данный подход, при всем его теоретическом потенциале, пока не дает надежных конкретных рецептов. Конструктивисты добавляют к перечисленным точкам зрения еще одну. По их мнению, системность международных отношений в большой степени обусловлена упорядоченностью их символического, идеального измерения, которое складывается из моральных и правовых норм, идеологий и идентичностей, исторического сознания и версий будущего. Государства принимают внешнеполитические решения исходя из своих представлений о ситуации, о себе и о других субъектах, которые, в свою очередь, непрерывно корректируются за счет обратных связей. В неореалистической теории структура, стоящая между намерениями государств и результатами их действий, отражает распределение военно-политических возможностей между ключевыми акторами. Для конструктивистов таким промежуточным звеном является социальная реальность, понимаемая не материалистически, а в терминах норм, ценностей и идентичностей.

Изложенные идеи можно плодотворно применить к изучению современных российско-немецких отношений. Выше отмечалось, что сегодня многие исследователи интерпретируют российскую внешнюю политику с геополитических позиций, а немецкую – с конструктивистских. Возможно, научное сообщество со временем откажется от строгого разграничения данных двух подходов, ведь любая геостратегия предполагает четкую самоидентификацию ее субъекта, а нормы и ценности даже сегодня не могут существовать в полном отрыве от «жесткой» силы.

Сегодня Германия однозначно относит себя к геополитическому Западу, однако в геокультурном отношении все не так просто. Немецкий менталитет

существенно отличается от англосаксонского, американский культурный код, господствующий в регионе Северной Атлантики, отторгается европейскими консерваторами и неоднозначно воспринимается населением соответствующих стран. Поддерживаемое таким образом «напряжение развития» позволяет Германии выбирать из нескольких международно-политических ролей. Адаптируясь к меняющимся обстоятельствам, она может последовательно актуализировать различные аспекты своей идентичности и в каждом случае находить нужный баланс между атлантизмом и континентализмом, «западной интеграцией» и «восточной политикой». С другой стороны, смешение нескольких политических традиций и ценностных подходов может привести к потере ориентиров и непоследовательным шагам на региональной и мировой арене. Не существует единого общепринятого определения западной цивилизации, тем более что ряд теорий отвергает такую постановку вопроса и решительно предпочитает всемирно-исторический подход культурно-историческому. Соответственно, вопрос о том, в каком смысле Германия является частью Запада, трудно напрямую связать с прикладным политическим анализом и прогнозированием.

Проблема российской идентичности представляется еще более сложной. Россия изначально сформировалась как многонациональное государство, что дало ей уникальный исторический опыт и ценный геокультурный ресурс, но при этом заставило решать трудные социально-политические задачи. Соотношение русской и российской идентичностей, понятие традиционной конфессии, уроки советской и имперской истории – все это вызывает активные дискуссии в информационном поле страны. Споры западников и славянофилов, либералов, консерваторов и коммунистов не стали достоянием прошлого, напротив, испытания последних лет дополнительно актуализировали ключевые мировоззренческие вопросы.

Таким образом, проблемы восприятия в современных российско-немецких отношениях имеют несколько измерений. Избавиться от

стереотипных представлений о партнере легче, чем определиться с собственной самоидентификацией.

3.3. Глобальное и региональное распределение геополитических и геоэкономических ролей

Ранние геополитические теории содержат ряд интересных положений, проливающих свет на историю российско-немецких отношений. В «Географической оси истории» Х. Д. Макиндера возможный альянс Берлина и Санкт-Петербурга рассматривается как одна из главных угроз британским геополитическим интересам. Объединение ресурсов «осевого государства» и части «внутреннего полумесяца» подготовило бы создание мировой империи, воплощающей синтез сухопутной и морской мощи. Если данный сценарий будет реализован, Великобритании придется развертывать большие сухопутные силы на ряде евразийских плацдармов, чтобы помешать опасному противнику сосредоточиться исключительно на военно-морском строительстве³⁴⁴. Впрочем, поднимаемый Макиндером вопрос гораздо шире традиционной проблематики российско-немецких отношений. Если бы, например, «китайцы, организованные японцами», победили Российскую империю и взяли под контроль «осевые» земли, последствия для англосаксонской политики были бы в общих чертах теми же самыми. В конечном счете, непреходящее значение имеют сами геостратегические позиции, а не их сменяющиеся в историческом времени хозяева³⁴⁵.

В книге «Демократические идеалы и реальность» Макиндер выдвинул идею «санитарного кордона» между Балтийским, Черным и Адриатическим морями, призванного удерживать Германию от нового «натиска на восток»³⁴⁶. Большевицкая угроза также занимает в произведении важное место. По

---

³⁴⁴ Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History / H. J. Mackinder // Geographical Journal. – 1904. – Vol. 23. – № 4. – P. 436.

³⁴⁵ Там же. – P. 437.

³⁴⁶ Mackinder H. J. Democratic ideals and reality. A study in the politics of reconstruction / H. J. Mackinder. – London: Constable and Company Ltd., 1919. – P. 204–205, 214–215.

мнению автора, рост международного революционного движения грозил привести либо к анархии, либо к тирании в мировом масштабе³⁴⁷. Соответственно, «санитарный кордон» должен был служить для западных держав-победительниц заслоном и против немецкого империализма, и против мировой революции. В 1919 г. ученый продолжал рассматривать Германию и Россию как полноценных, хотя и ослабленных, субъектов мировой политики³⁴⁸, что до известной степени обеспечивало преемственность его новых идей с «Географической осью истории».

В поздней статье «Круглая Земля и обретение мира» Макиндер призывал СССР и его западных союзников совместно противостоять немецкому реваншизму, играя роль гарантов нового миропорядка³⁴⁹. По понятным причинам, в работе 1943 г. ученый не ставил вопрос ни о возрождении геополитической субъектности послевоенной Германии, ни о ее разделении, не обсуждал возможность «холодной войны» между социалистической и капиталистической системами.

Бросается в глаза амбивалентность предлагаемых Макиндером идей сухопутной и морской мощи. Если два государства принадлежат к одному «типу мобильности», что это означает для будущего их отношений? С одной стороны, сходство жизненных условий может привести к частичному совпадению ценностей, которое, в свою очередь, облегчит взаимопонимание. С другой, такие государства часто претендуют на одну и ту же «экологическую нишу», считают наиболее важными одни и те же ресурсы, что закономерно создает конфликтные ситуации. Таким образом, навряд ли возможна геополитическая типология международных акторов, которая сама по себе позволяла бы надежно предсказывать динамику их взаимоотношений. Ни Священный союз, ни Союз трех императоров, ни Договор перестраховки, ни Рапалльский договор не породили устойчивых форматов российско-

---

³⁴⁷ Там же. – Р. 265.

³⁴⁸ Там же. – Р. 221.

³⁴⁹ Mackinder H. J. The Round World and the Winning of the Peace / H. J. Mackinder // Foreign Affairs. – July 1943. – Vol. 21. – No. 4. – Р. 604.

немецкого сотрудничества. В данной серии неудач есть своя закономерность, которую нельзя объяснить ни чисто географическими соображениями, ни регулярным вмешательством внешних факторов (например, британской дипломатии). Впрочем, «центральные» (в макиндеровском смысле) державы действительно могут «наносить и получать удары со всех сторон»³⁵⁰, что способствует и росту амбиций, и крайне обостренному вниманию к вопросам безопасности. В таких условиях трудно представить себе эффективные меры по укреплению доверия.

Россия издавна занимает важнейшее место на геополитической карте Евразии, что иной раз толкало ее к великодержавной политике даже тогда, когда для этого не хватало ресурсов. Центральная и Восточная Европа сохраняет свое значение как арена соперничества США, РФ и «европейского ядра». США сменили Великобританию в качестве ведущей державы «внешнего полумесяца», закрепились на ближних подступах к «евразийской крепости» и стремятся ослабить и изолировать ее. Германия является связующим звеном между западными морскими державами и стратегическим хартлендом, этим во многом объясняются ее особые отношения с Россией, которые немецкая дипломатия совмещает с атлантизмом и ролью посредника между Москвой и Вашингтоном. Амфибийная ориентация Берлина и евразийский континентализм Москвы предполагают как пересечения, так и конфликты интересов. В будущем относительное ослабление глобального американского влияния может снизить внешнюю нагрузку на российско-немецкие отношения. С другой стороны, смещение мировой власти в Восточную Азию снизит геостратегическое значение «междуморья», что уменьшит трения между окружающими его центрами силы. Таким образом, предложенные Х. Д. Макиндером глобальные модели весьма продуктивны в применении к заявленной теме.

---

³⁵⁰ Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History / H. J. Mackinder // Geographical Journal. – 1904. – Vol. 23. – № 4. – P. 436.

В 1970-е гг. теория международных отношений начала отходить от чрезмерно узкой трактовки национальной и международной безопасности, сформировавшейся в рамках политического реализма. Было признано, что государство, хорошо защищенное от военно-политических рисков, может оказаться беззащитным перед угрозами экономического и информационного характера. Переосмысление понятия безопасности происходило не только в рамках «больших парадигм». Оно повлияло на становление двух новых гуманитарных дисциплин – геоэкономики и геокультуры. Первая изучает структурные проблемы международной экономики в релевантных пространственных контекстах, вторая – культурное осмысление географических реалий и сложные взаимосвязи физического и символического пространств, с соответствующими политическими выводами.

Три перечисленные дисциплины проливают свет на многие аспекты российско-немецких отношений. Целесообразно изучить глобальные геополитические схемы, по-разному встраивающие две страны в мировые властные структуры. Далее, следует рассмотреть оба государства как «обобщенные национальные корпорации», отстаивающие свои экономические интересы, по-разному интегрированные в мировое хозяйство и, соответственно, имеющие разные представления о его оптимальной модели. Наконец, Россия и Германия – мощные генераторы смыслов, страны, традиционно отличающиеся высоким уровнем проектности и сюжетности, воплощающие альтернативные варианты мирового переустройства. Такой комплексный подход позволит создать объемную картину современных российско-немецких отношений, выявить их движущие противоречия, глобальные и региональные контексты. Как следствие, можно будет надежно предсказать возможные пути их развития, предложить обоснованные рекомендации по их улучшению и предостеречь от существующих рисков.

Классические геополитические произведения нередко или создавались в эпоху «холодной войны», или посвящены осмыслению ее истории. Соответственно, Германии в них отводится достаточно скромное место. В

«Великой шахматной доске» З. Бжезинский рассматривает Западную Европу как «демократический плацдарм», расширение которого на восток позволит Америке проецировать влияние вглубь Евразии³⁵¹. Европейская интеграция рассматривается здесь не столько через призму ее внутренней логики, сколько в контексте тех или иных американских интересов³⁵². При этом автор признает за Германией статус геостратегического игрока, что в его классификации ставит ее выше Великобритании³⁵³. С другой стороны, он не рассматривает сценарии будущего, в которых Берлин реализует собственный «большой проект» в международной политике. Максимум, на что может рассчитывать Германия, – это роль противовеса для французских амбиций и авангарда (но не организатора) нового «натиска на восток»³⁵⁴. Интересно, что тогда геополитический потенциал России также не впечатлял американского ученого, хотя и ей он не отказывал в геостратегической субъектности. Разница заключается в том, что в своих поздних произведениях (например, «Балансируя Восток, модернизируя Запад»³⁵⁵) З. Бжезинский неявно отказался от концепции «черной дыры» на геополитической карте Евразии и стал рассматривать усиление Москвы как серьезный вызов Вашингтону. В отношении Германии такой радикальной переоценки не было.

С. Хантингтон в «Столкновении цивилизаций» пишет, что у западной цивилизации есть два стержня – США и франко-немецкий тандем, причем Великобритания играет роль второстепенного центра силы, лавирующего между ними. То есть, в политической структуре Запада Германия играет роль страны-участницы, хотя и с известными привилегиями. Соответственно, в геостратегической «табели о рангах» она расположена ниже России, Китая и

---

³⁵¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М.: АСТ, 2014. – С. 75.

³⁵² Там же. – С. 79, 101.

³⁵³ Там же. – С. 57.

³⁵⁴ Там же. – С. 91, 92.

³⁵⁵ Brzezinski Z. Balancing the East, Upgrading the West. U.S. Grand Strategy in an Age of Upheaval / Z. Brzezinski // Foreign Affairs. – January-February 2012. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2012-01-01/balancing-east-upgrading-west> (дата обращения: 01.02.2021).

Индии, являющихся стержневыми странами отдельных цивилизаций³⁵⁶. В предлагаемой (неоатлантистской) концепции российско-немецкие отношения, по сути, интерпретируются как зависимая переменная, а во главе угла оказывается взаимодействие Москвы и Вашингтона. Здесь Хантингтон не соглашается с Бжезинским, призывая к умеренности при расширении НАТО и ЕС на восток³⁵⁷, признавая право России на собственную сферу влияния и рассматривая ее как потенциального союзника Запада³⁵⁸.

Выводы двух рассмотренных авторов логически вытекают из их исследовательских установок. З. Бжезинский интерпретирует мировую политику по формуле «Америка и (потенциальные) угрозы ее интересам». То, что не вписывается в данную схему, по сути, остается за пределами его восприятия. Это привело ученого к ряду ошибочных прогнозов. Так, он переоценил значение «Веймарской тройки» в европейской политике³⁵⁹, при этом не уделив достаточно внимания геостратегическим сдвигам, уже тогда намечавшимся в Латинской Америке, Южной и Юго-Восточной Азии.

С. Хантингтон избрал локальную цивилизацию основной единицей геополитического анализа и планирования: государство в его теории предстает в истинном свете, только когда выявлено его место в политической структуре соответствующей цивилизации³⁶⁰. Предлагаемый подход весьма полезен при исследовании глобальных социальных процессов, однако слишком масштабен для продуктивного изучения двусторонних отношений. Впрочем, распространение англосаксонского культурного кода в континентальной Европе и ее сохраняющаяся зависимость от американского «зонтика безопасности» отчасти оправдывают предпочитаемую ученым расстановку акцентов.

---

³⁵⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова // *Philosophy*. – М.: АСТ, 2003. – С. 203.

³⁵⁷ Там же. – С. 195.

³⁵⁸ Там же. – С. 514, 520.

³⁵⁹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М.: АСТ, 2014. – С. 90–99.

³⁶⁰ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова // *Philosophy*. – М.: АСТ, 2003. – С. 202–210.

Альтернативную версию событий предлагает американский политолог П. Ханна. По его мнению, облик современного мира определяют три сверхдержавы – США, Китай и ЕС³⁶¹. Понимая, что рассмотрение международной организации как геополитического полюса может показаться спорным, ученый ссылается на европейскую идентичность, экономическую связность и общие политические позиции Объединенной Европы³⁶². В свете долгового и миграционного кризисов данный тезис представляется сомнительным, но еще важнее то, что в рамках рассматриваемой концепции страны «европейского ядра» фактически лишены геостратегической субъектности. Россию автор относит ко «второму миру» – второстепенным странам, которые, тем не менее, могут активно влиять на мировую политику, лавируя между сверхдержавами и выбирая, какой из них предоставить необходимые ресурсы³⁶³. Успешное развитие российско-немецких отношений в данном случае означало бы, по сути, подстраивание России под европейский полюс формирующегося миропорядка.

В свете вышеизложенного интересно обратиться к геополитическим прогнозам, приведенным в книге Д. Фридмана «Следующие сто лет». Эксперт предсказывает упадок «европейского ядра», распад России и Китая³⁶⁴, а также усиление Польши, Турции, Японии и других стран, которые сегодня прочно ассоциируются со вторым эшелонem мировой политики³⁶⁵. При этом глобальное доминирование США будет сохраняться очень долго, пока в конце XXI века их не потеснит Мексика³⁶⁶. Мир будущего представляется Д. Фридману довольно неуютным, ареной острых региональных и глобальных конфликтов, экономических кризисов и болезненных мировоззренческих трансформаций³⁶⁷. Соответственно, любое распределение власти между

---

³⁶¹ Ханна П. Второй мир / П. Ханна. – М.: Европа, 2010. – С. 11.

³⁶² Там же. – С. 33–35.

³⁶³ Там же. – С. 12, 38–39.

³⁶⁴ Фридман Д. Следующие сто лет. Прогноз событий XXI века / Д. Фридман; пер. с англ. А. Калинина, В. Наричы, М. Мацковской. – М.: ЭКСМО, 2010. – С. 138–162.

³⁶⁵ Там же. – С. 187.

³⁶⁶ Там же. – С. 323.

³⁶⁷ Там же. – С. 186–189.

центрами силы, любые альянсы и контральянсы будут тяготеть к нестабильности. Единственная константа в предлагаемой теории – американское глобальное лидерство, хотя и здесь, как и у З. Бжезинского, есть определенное видение «постамериканского» мира.

Вопрос о долгосрочных перспективах российско-немецких отношений ученым не ставится, поскольку жесткая однополярная модель диктует ему совершенно иную расстановку приоритетов.

Среди российских ученых также нет единства по рассматриваемому вопросу. Соответствующие дискуссии нередко своеобразно воспроизводят старые споры западников и евразийцев. Видным современным представителем первого лагеря является известный экономист и политолог В. Л. Иноземцев. По его мнению, евразийский проект отражает архаичные геополитические концепции сухопутной мощи и контроля над территориями. Россия должна интегрироваться в новый мировой порядок, в котором доминируют морские и воздушные коммуникации, а геополитической логике пришла на смену геоэкономическая и геокультурная. Стратегические партнеры России – страны ЕС и НАФТА, а не ЕАЭС и ШОС³⁶⁸.

С озвученной точкой зрения не согласен российский эксперт С. Ф. Черняховский. Он полагает, что атлантизм идет вразрез с историей России и подрывает ее национальную идентичность, неизбежно имеющую территориальную привязку. В глазах ученого Таджикистан является важнейшим геополитическим центром Евразии, за ресурсы которого стоит конкурировать с другими мировыми игроками. Абстрактно поставленный вопрос о превосходстве какого-то одного типа мощи ученый считает схоластическим: сравнительная эффективность морской и сухопутной мобильности зависит от конкретных географических и исторических условий³⁶⁹.

---

³⁶⁸ Иноземцев В. Л. Не потеряться во времени / В. Л. Иноземцев // Литературная газета. – 2014. – № 36. – Режим доступа: <https://lgz.ru/article/-36-6478-17-09-2014/ne-poteryatsya-vo-vremeni/> (дата обращения: 20.06.2021).

³⁶⁹ Черняховский С. Ф. И сушей, и морем / С. Ф. Черняховский // Литературная газета. – 2014. – № 41. – Режим доступа: <https://lgz.ru/article/-41-6483-22-10-2014/i-sushey-i-morem/> (дата обращения: 20.06.2021).

Оба подхода имеют свои сильные стороны, здесь можно вспомнить хотя бы концепцию амфибийной империи Н. Спикмена. С другой стороны, технический анализ предложенных альтернатив затрудняется тем обстоятельством, что обе они сильно идеологизированы. Нередко принимается по умолчанию, что евразиец должен быть консерватором с религиозным оттенком, а западник – безоговорочным сторонником либеральной демократии и рыночной экономики. Реальность гораздо сложнее, однако даже компромиссные версии названных мировоззрений часто не свободны от ценностных стереотипов.

Таким образом, ведущие эксперты по-разному оценивают значимость, структуру и динамику российско-немецких отношений в зависимости от своей «большой парадигмы» (атлантизм, мондиализм, многополярность; комплексная взаимозависимость, распределение возможностей, кризис позднего капитализма, политика идентичностей). Существуют глобальные геополитические модели, в которых данная проблема имеет периферийный характер или вовсе не рассматривается. Следовательно, тезис о ее значимости не только для двух стран, но и для формирующегося миропорядка в целом нельзя принимать как аксиому, его нужно отдельно доказывать.

С методологической точки зрения полезно, во-первых, разграничивать в геополитике природное и социальное, во-вторых, учитывать внутренние ограничения самого подхода. Изучаемые дисциплиной природные факторы (очертания континентов и океанов и другие макропараметры земного рельефа) отличаются крайне высокой устойчивостью, хотя и здесь возможны исключения: строительство Суэцкого и Панамского каналов коренным образом изменило географическую связность целых частей света и планеты в целом. С другой стороны, влияние окружающей среды на общество существенно модифицируется конкретно-историческими условиями – достигнутым научно-техническим уровнем, социальным строем³⁷⁰,

---

³⁷⁰ Mackinder H. J. Democratic ideals and reality. A study in the politics of reconstruction / H. J. Mackinder. – London: Constable and Company Ltd., 1919. – P. 12–13, 38–39.

разнообразными международно-политическими факторами. Поэтому притязания геополитики на открытие «вечных» истин несостоятельны, хотя ее вклад в решение прикладных военных и дипломатических задач трудно переоценить.

Обзор геополитических концепций, так или иначе связанных с темой исследования, иллюстрирует тот факт, что даже лучшие представители дисциплины не вполне освободились от известной инерционности мышления. Некоторые аспекты данной проблемы были проанализированы российским ученым В. Л. Цымбурским. Первая геополитическая концепция Х. Д. Макиндера, в которой обосновывается неизбежность англо-русского противостояния и преуменьшается международная роль Германии, – несомненный продукт «имперского столетия», которое тогда уже близилось к закату. Сходным образом, итоговая теория Н. Д. Спикмена, предсказывавшая подъем «амфибийных империй» Римленда, гораздо лучше отражала реалии начала, чем середины XX в.³⁷¹

Иными словами, полезность геополитики нередко определяется не столько конкретными рецептами или предсказаниями, сколько более общими соображениями. Рассматриваемая методология помогает сделать мышление более строгим и последовательным, накопить запас организующих концепций, границы применимости которых, возможно, выяснятся только со временем. С другой стороны, геополитика, как и модернистская теория международных отношений, обладает большим критическим потенциалом. Даже не подсказывая правильное решение, она часто предостерегает исследователя от заведомо неверных выводов и оценок, подчеркивая диалектическую взаимосвязь между политической системой и ее социальной и природной средой.

Одно из ключевых геополитических положений, проливающих свет на долгосрочные тенденции российско-немецких отношений, было

---

³⁷¹ Цымбурский В. Л. Хэлфорд Макиндер: трилогия хартленда и призвание геополитика / В. Л. Цымбурский // Русский Архипелаг. – Режим доступа: <https://archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=2465> (дата обращения: 07.06.2021).

сформулировано еще Х. Д. Макиндером. Британский географ отметил, что Германия занимает центральное положение в Европе, Россия – в Евразии, а стратегический союз двух государств является ключевым потенциальным вызовом англосаксонскому преобладанию в мировой политике³⁷². Соответственно, в российско-немецких отношениях большую роль играют внешние ограничения, создаваемые противниками «континентального блока» по обе стороны океана. Идея «санитарного кордона» в «междуморье», популярная после Первой мировой войны, и сегодня имеет немало сторонников в западных столицах. Последние расширения НАТО на восток и украинский кризис стали продолжением стратегии, сформулированной англосаксонской школой геополитики больше века назад.

Если Москва и Берлин смогут восстановить утраченное стратегическое партнерство, это изменит соотношение сил на всей европейской арене. Страны «междуморья» должны будут пересмотреть свои приоритеты и найти новый баланс между региональным сотрудничеством и трансатлантическими связями. ЕС встанет перед необходимостью коренных структурных трансформаций, а НАТО столкнется с многомерным кризисом влияния. Впрочем, такого рода проблемы неизбежны и в большинстве альтернативных сценариев.

Используя украинский фактор для замедления российско-немецкого урегулирования, Вашингтон стремится выиграть время для подготовки к новому витку глобальной конкуренции. Четверть века назад С. Хантингтон писал, что наблюдаемый упадок евроатлантической цивилизации – сложный, нелинейный процесс «с паузами, откатами назад и повторными утверждениями западного могущества, за которыми следуют проявления слабости Запада»³⁷³. Сегодня США надеются переломить некоторые

---

³⁷² Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History / H. J. Mackinder // Geographical Journal. – 1904. – Vol. 23. – № 4. – P. 436.

³⁷³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова // Philosophy. – М.: АСТ, 2003. – С. 118.

невыгодные для них внутренние и международно-политические тенденции, и полностью исключить такое развитие событий нельзя.

Для России оптимальным ответом на возможный рост американского влияния является укрепление евразийского проекта, который в узкой трактовке охватывает почти все постсоветское пространство, а в широкой – также Китай, Индию и Иран. Для Германии выбор окажется гораздо более трудным. Она может либо сохранить приверженность англосаксонской трактовке западных ценностей, либо предпочесть европейский континентализм, предполагающий сохранение культурной самобытности «европейского ядра», его отдаление от США и сближение с Россией. На данный момент второй вариант представляется маловероятным, однако в среднесрочной перспективе обстоятельства могут коренным образом измениться. Призвание геополитики как раз и заключается в том, чтобы связывать мегатренды с динамикой политической конъюнктуры для решения релевантных прикладных задач.

Геополитика помещает современные российско-немецкие отношения в некоторые важные глобальные и региональные контексты. В начале XX в. Х. Д. Макиндер предложил рассматривать диалектику морской и сухопутной мощи как движущее противоречие всемирной истории. Интересно, что в современной американской геополитике данный подход нередко объявляется устаревшим (З. Бжезинский, «Великая шахматная доска»), однако его активно используют российские неоевразийцы (А. Г. Дугин, «Философия войны»³⁷⁴). Трудно определить, с чем именно это связано. Возможно, отечественная геополитическая школа с запозданием освоила некоторые идеи, уже отвергнутые западной научной традицией. С другой стороны, последняя далеко не свободна от идеологических наслоений, которые нередко приводят исследователей к тенденциозным толкованиям текущих международно-политических процессов.

---

³⁷⁴ Дугин А. Г. Философия войны / А. Г. Дугин. – М.: Яуза, 2004. – С. 25–31.

В любом случае, идеи Макиндера наводят на интересные мысли о современной европейской геостратегии. Российская внешняя политика определяется континентальной логикой, немецкая – отмечена печатью дуализма. Германия вынуждена лавировать между восточным соседом и «амфибийными» державами Северной Атлантики. На данном факте и было основано стратегическое партнерство Москвы и Берлина, которое с развитием украинского кризиса постепенно ушло в прошлое.

В концепции Н. Д. Спикмена Германия, будучи расположенной на территории Римленда, сама обладает немалым «амфибийным» потенциалом. Здесь трудно усмотреть прямую аналогию с современностью: сегодня официальный Берлин совершенно чужд военно-морских амбиций. Однако в будущем изменение ситуации может потребовать новых прочтений некоторых классических текстов. Немецкий экономический империализм может со временем привести страну к той или иной форме великодержавной политики.

Взгляды З. Бжезинского на международно-политическую роль объединенной Германии претерпели известную эволюцию. В «Великой шахматной доске» страна получает статус геостратегического игрока, что ставит ее выше Великобритании, Японии и всех государств Нового Света (разумеется, кроме США). С другой стороны, способность Вашингтона использовать «демократический плацдарм» в своих интересах не подвергается сомнению. Управляя темпами европейской интеграции и помогая франко-немецкому тандему сохранять баланс, США смогут эффективнее проецировать свое влияние во внутренние районы Евразии. Украина рассматривалась в данной концепции как потенциальный член Веймарской группы, Россия – как кризисное государство и объект сдерживания³⁷⁵. Однако за следующие 15 лет в мировой политике произошли существенные изменения, которые заставили З. Бжезинского пересмотреть свою теорию. В статье «Балансируя Восток, модернизируя Запад» он предупреждает о

---

³⁷⁵ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М.: АСТ, 2014. – С. 107–110.

возможном расколе евроатлантического единства, обусловленном российско-немецким сближением. Энергетический альянс Москвы и Берлина вызовет панику в «междуморье» и усилит атлантистскую ориентацию Великобритании и Франции³⁷⁶. Данная концепция проливает свет на некоторые текущие события. Западные архитекторы украинского кризиса стремятся разобщить Россию и страны «европейского ядра», чтобы развеять преследующий американских геостратегов «кошмар коалиций». Если ведущие государства Старого Света объединятся против американского гегемонизма, это достаточно скоро обречет его на историческое небытие. Здесь З. Бжезинский следует логике рассуждений Х. Макиндера, которому принадлежит идея «санитарного кордона» в Центральной и Восточной Европе. Интересно, что методологически два автора существенно расходятся. Американский ученый считает, что к концу XX в. уже устарели споры о сравнительной важности различных типов мощи и районов Евразии. Вашингтон должен использовать все находящиеся в его распоряжении инструменты, чтобы господствовать над Евразией в целом. За последние 100 лет англосаксонская геополитика освоила целый ряд методологических и концептуальных новаций, однако это весьма мало повлияло на ее ценностный фундамент. Россия/СССР неизменно рассматривается представителями данной школы как антипод «свободного мира», создающий риски для западных демократий.

С. Хантингтон в целом ряде отношений расходится с З. Бжезинским. Автор «Столкновения цивилизаций» считает франко-немецкий тандем одной из двух опор коллективного Запада и признает право России на свою сферу влияния и статус глобального игрока. По его мнению, у НАТО и ЕС есть «естественные границы» расширения, определяемые географией культурных идентичностей. Игнорирование данных ограничений сделает упомянутые международные организации неоднородными и малоэффективными. Более того, С. Хантингтон полагает, что в конфликте между Западом и китайско-

---

³⁷⁶ Brzezinski Z. Balancing the East, Upgrading the West. U.S. Grand Strategy in an Age of Upheaval / Z. Brzezinski // Foreign Affairs. – January-February 2012. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2012-01-01/balancing-east-upgrading-west> (дата обращения: 01.02.2021).

мусульманским блоком Россия, возможно, поддержит первый, но для этого США должны уважительно относиться к ее коренным интересам, к ее статусу стержневого государства православно-славянской цивилизации³⁷⁷. Наконец, ученый еще в 1996 г. обратил внимание на риск распада Украины из-за конфликта идентичностей, предсказав, таким образом, важные характеристики текущего украинского кризиса. В предлагаемой концепции российско-немецкое сближение оказывается вполне возможным – как часть более широких цивилизационных процессов. Не исключено, что недавняя американо-китайская «торговая война» побудит некоторые западные правительства пересмотреть свои внешнеполитические приоритеты и предпринять конструктивные шаги на российском направлении.

«Следующие 100 лет» Д. Фридмана выделяются даже на фоне работ других американских атлантистов. Предрекая невиданное ослабление «европейского ядра» и распад России и Китая, автор рисует картину, совершенно непохожую на реалии текущей глобальной политики. В условиях укрепляющейся многополярности основные положения работы не следует брать за отправную точку анализа, однако она отражает намерения части американской военной и политической элиты. Соответственно, ее изучение помогает пролить свет на риски, которые американский проект мирового переустройства создает для альтернативных центров силы. П. Ханна в работе «Второй мир» изложил более мягкую версию западного глобализма, в которой Россия остается во втором эшелоне мировой политики, а Китай утверждается в статусе империи, ориентированной не на заветы Мао Цзэдуна, а на общемировые тренды и «правила игры». Как известно, геополитический плюрализм вполне совместим со всемирным торжеством одной идеологии и одной экономической модели.

Рассмотренные глобальные схемы объясняют многие особенности современных российско-немецких отношений. Проблема «спорного

---

³⁷⁷ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова // *Philosophy*. – М.: АСТ, 2003. – С. 514.

соседства», экономическая взаимозависимость и вызовы европейской и мировой безопасности делают двустороннее сотрудничество безальтернативным, однако они же закладывают основу для острых политических конфликтов. А. В. Багай, описывая международно-политические приоритеты официального Берлина, так характеризует данное противоречие: «Желание «трансформировать» Москву там, конечно, никуда не исчезло, скорее напротив. Но одновременно в Берлине имеется понимание невозможности без России эффективно решить поставленные амбициозные внешнеполитические цели страны в XXI в. и противодействовать актуальным глобальным вызовам. Поиск баланса между этими двумя факторами, судя по всему, и станет основой дальнейшей политики Германии в отношении России»³⁷⁸.

Таким образом, в сложившейся ситуации можно выделить факторы, ограничивающие деградацию диалоговых форматов, о которой резонно предупреждает процитированный автор. С другой стороны, существенное улучшение двусторонних отношений в обозримом будущем представляется маловероятным. Геополитика позволяет частично объяснить механизм кризиса, однако к ее выводам следует относиться с осторожностью. Классические геополитические теории нередко имеют прямолинейно детерминистский характер, рассматривают государственную политику как следствие своеобразной «обреченности», механического действия неумолимых географических императивов. В таких концепциях социальная логика событий, по сути, подменяется природной, что противоречит имеющимся научным данным, не дает надежд на исправление ситуации и помогает оправдать деструктивные действия заинтересованных субъектов как простую «историческую необходимость».

Альтернативный вариант истолкования событий предлагает критическая геополитика. По мнению ее сторонников, в современном обществе

---

³⁷⁸ Багай А. В. Российско-германские отношения «после Крыма»: от «Партнерства для модернизации» до деградации диалоговых форматов / А. В. Багай // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2019. – Т. 12, вып. 3. – С. 374.

внешнеполитические решения гораздо меньше зависят от чисто географических факторов, чем представлялось авторам классических теорий (Мэхэну, Макинтеру, Хаусхоферу и др.). Для доиндустриальных формаций, отличавшихся весьма ограниченной властью человека над природой, была характерна иная ситуация, однако применимость традиционной геополитики к актуальным международным проблемам действительно вызывает сомнения. Новый подход активно обращается к семиотике, культурологии, анализу политического дискурса, критике идеологии и другим научным дисциплинам и исследовательским стратегиям, которые позволяют уйти от прямого изучения сугубо физических закономерностей в область рефлексии, «мышления о мышлении». Такая постановка вопроса в свое время оказалась весьма продуктивной, поскольку геополитические теории, пользовавшиеся популярностью в последнее десятилетие XX в., часто страдали от стихийного подхода к методологии. Таким образом, они рисковали утратить подлинно научный статус и превратиться в набор стереотипов массового сознания.

Новые концепции вскрыли недостатки детерминистских и фаталистических объяснений международной реальности, однако сами нередко впадали в другую крайность, давая ей не вполне чуждое волонтаризму и субъективизму истолкование. Соответственно, в новом тысячелетии наметился пересмотр приоритетов геополитических исследований, основная идея которого заключается в творческом синтезе ранних и поздних достижений дисциплины. В данной связи современный российский исследователь И. Ю. Окунев отмечал: «Важным методологическим новшеством посткритической геополитики становится отказ от построения универсальных концепций геополитического обустройства мира и переход к глубинному анализу пространственных факторов, определяющих развитие политических процессов»³⁷⁹.

---

³⁷⁹ Окунев И. Ю. Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики / И. Ю. Окунев // Сравнительная политика. – 2014. – № 4 (17). – С. 14.

Критическая геополитика занимает особое, промежуточное положение в системе гуманитарного знания. Материал и проблематику она черпает во многом из традиционных геостратегических исследований, а ее методология напоминает скорее конструктивистскую картину мира. Неопределенный статус нового подхода пока не позволяет дать окончательную оценку достигнутым в его рамках научным результатам.

Другим важным относительно молодым направлением геополитического анализа является региональная геополитика. Трудно сказать, опирается ли она на оригинальную методику или представляет собой простое применение общих концепций к частным международным и национальным проблемам. Во многих случаях происходит скорее второе, однако регионалистика как новая дисциплина, отражающая некоторые характерные тренды эпохи глобализации, несомненно, имеет большое будущее, как и теории международной интеграции и разнообразные культурно-исторические концепции.

Хорошим примером региональной геополитики являются актуальные арктические исследования. В одном из них отмечается, что «Арктика – зона геополитических и военно-стратегических интересов России, эффективное развитие которой может стать движущей силой для модернизации и качественного роста национальной экономики, способствовать формированию конкурентных преимуществ страны в долгосрочной перспективе, а также поддержанию глобального экологического равновесия и стабильности»³⁸⁰. Здесь, по сути, прописываются три уровня анализа: национально-государственный (российская точка зрения на события), региональный (специфика Арктики как политико-географического целого) и глобальные проблемы современности (мировой политический процесс, экология). Долгое время Арктика оставалась на периферии российской и западной геостратегии, поскольку отсутствовали достаточные технические

---

³⁸⁰ Суходаева Т. С. Развитие российского сегмента арктической зоны как региональное измерение мировой геополитики / Т. С. Суходаева // Развитие территорий. – 2020. – № 2 (20). – С. 77.

возможности для ее полноценного освоения, а внимание и ресурсы великих держав были поглощены другими международно-политическими проблемами. Сегодня расклад сил в регионе стремительно меняется, что можно связать как с глобальной экологической повесткой, так и с обострившимся военно-политическим соперничеством полюсов современного миропорядка. Возникающие в данном контексте вызовы не оказывают прямого влияния на российско-немецкие отношения, однако здесь нельзя исключать значимых косвенных воздействий. В Заполярье Россия конкурирует и с США (определение границ, милитаризация региона), и с Норвегией (проблема Шпицбергена), что может отразиться на ее отношениях с другими членами НАТО. Американское давление по линии «Северного потока-2» можно истолковать, в том числе, и как реакцию на российские успехи на других международно-политических направлениях.

Методами региональной геополитики можно исследовать сирийский и украинский кризисы, перспективы политических трансформаций в Восточной Европе, Закавказье и Средней Азии. Во всех перечисленных местах так или иначе сталкиваются российские и западные интересы. Данные процессы создают дополнительные военные риски, одновременно поддерживая известное «напряжение развития» и иногда предоставляя второстепенным акторам новые возможности дипломатического маневрирования. Геостратегические проблемы российского «ближнего зарубежья» были удачно суммированы в концепциях «Острова Россия» и Великого Лимитрофа, предложенных отечественным мыслителем В. Л. Цымбурским³⁸¹.

Таким образом, подходы классической, критической и региональной геополитики помогают прояснить многие аспекты заявленной темы. Полный сравнительный обзор соответствующих концепций может стать предметом отдельного исследования.

---

³⁸¹ Межуев Б. В. Вадим Цымбурский: от конъюнктур земли к конъюнктурам времени / Б. В. Межуев // МЕТОД. Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2011. – № 2. – С. 321.

3.4. Выводы по третьей главе

Выше основные проблемы современных российско-немецких отношений были рассмотрены через призму неореализма, неолиберализма, конструктивизма, геополитики и смежных с ней дисциплин. Целесообразно кратко суммировать полученные выводы и выяснить, насколько их можно синтезировать в единую картину.

Как рассмотренные выше «большие парадигмы» соотносятся с (нео)марксистским дискурсом, есть ли точки соприкосновения или непреодолимые противоречия? Неореализм и неомарксизм объединяет структурный подход к объекту исследования. Первый изучает международную систему, качественно сформированную распределением военно-политических возможностей между основными игроками, второй – иерархические отношения в глобальной экономике. Понятно, что неореалистов можно упрекнуть в отрыве надстройки от базиса, а неомарксистов – в экономическом редукционизме, однако у данных теорий больше общего, чем может показаться на первый взгляд. В обоих случаях внешнеполитическое поведение государства выводится из его места в глобальных и региональных структурах власти, а не из его внутренних свойств. Таким образом, обе школы рассматривают мировой политический процесс как закономерное связное целое, что отличает их как от теорий хаоса, так и от целого ряда постмодернистских (шире – постпозитивистских) подходов. Кроме того, можно сказать, что и мир-системный анализ активно использует категорию распределения возможностей, просто называя ее иначе и перенося акцент с военно-политической проблематики на экономическую. Наконец, две теории роднит интерес к феномену гегемонии, причинам ее установления, поддержания и падения.

Различия двух подходов также существенны. В теории К. Уолца международная система рассматривается как данность, изучение которой не требует глубокого погружения в историю. Соответственно, проводимый им

структурный анализ не основан на принципе единства исторического и логического, хотя и удовлетворяет самым строгим критериям немарксистской социологии. Ученый делает акцент на классической великодержавной политике, однако не рассматривает ее генезис. Между тем, военная сила государства зависит и от демографии, и от технологии. Преобладающий тип воспроизводства населения меняется, в частности, с индустриализацией и урбанизацией, научно-технический прогресс также тесно связан с данными факторами. Таким образом, нельзя изучать становление вестфальского порядка без отсылок к раннему европейскому капитализму. Возникновение последнего одни теоретики объясняют, в первую очередь, развитием национального производства, другие – влиянием активизировавшейся международной торговли, однако в обоих случаях предлагается более широкий взгляд на проблему, чем у неореалистов. Далее, в «Теории международной политики» К. Уолца геокультурная проблематика, по сути, редуцирована, в то время как в картине мира И. Валлерстайна она занимает одно из центральных мест. Действительно, национальная мощь может быть подорвана не только поражением в конвенциональной или «гибридной» войне, но и кризисом легитимности. Самым непредсказуемым звеном любой военной машины является человек, который может, не имея даже самого необходимого, самоотверженно сражаться и победить, но может и отказаться выполнять приказ, протестуя против сложившихся «правил игры». Новейшие виды вооружений производятся в материальном мире, но люди, кроме того, живут еще и в символическом пространстве. Распад Российской империи и Советского Союза показал, что рассогласование материального и идеального может оказаться роковым для обладающего всеми внешними атрибутами мощи государства. То есть, неомарксизм с его многомерным подходом способен успешно осваивать традиционную неореалистическую проблематику, а вот возможность обратной процедуры вызывает сомнения. В 1979 г. К. Уолц хвалил международные системы с малым числом полюсов как идеал устойчивости и предсказуемости, однако биполярный порядок, строго

говоря, не просуществовал и десяти лет после этого. С другой стороны, западный марксизм был во многом построен на критике ленинской интерпретации Маркса и реального социализма. Соответственно, мир-системная школа оказалась лучше подготовлена к событиям 1991 г., чем многие ее оппоненты.

Сопоставление неомарксизма с неолиберализмом также приводит к интересным выводам. Связующим звеном между двумя учениями является дискурс глобализации. Международные структуры, исследуемые неореалистами, могут существовать и на региональном уровне. Им необязательно приобретать планетарный масштаб, чтобы определять внешнеполитическое поведение государств и опосредствовать причинные зависимости между их намерениями и результатами их действий. Об этом свидетельствует опыт ранней Вестфальской системы, древнегреческих полисов и китайских «сражающихся царств». Неомарксизм и неолиберализм, напротив, по умолчанию учитывают глобальные измерения международной политики, хотя и делают это по-разному. В центре внимания неомарксистов находится динамика капиталистической мир-системы, которая уже в XVI в. возникла как самостоятельное целое (отдельный социальный «мир»), однако далеко не сразу приобрела подлинно планетарный характер. Доказывая историческую ограниченность капитализма, неомарксисты ссылаются на его неспособность справиться со снижением нормы прибыли. Данная проблема связана, в том числе, и с исчерпанностью свободного экономического пространства планеты. Даже в развивающихся странах уже не осталось достаточно больших чисто аграрных районов, которые ранее бесперебойно поставляли на мировой рынок дешевую рабочую силу. Глобальный характер современного капитализма, наряду с другими факторами, мешает ему «нормально» развиваться, то есть извлекать все большие прибыли из эксплуатации наемного труда.

Неолиберальная теория комплексной взаимозависимости предполагает существование планетарных хозяйственных механизмов и юридических

установлений, этим она отличается, например, от геополитики «больших пространств» с ее плюралистическим подходом к человеческой истории. Для глобалистов превращение мира в «единое социокультурное место» (Р. Робертсон) является неизбежным и, более того, желательным исходом. С неолиберальной точки зрения, транснационализация международных отношений неуклонно ослабляет государства с их неповторимыми жизненными укладами и приближает мир к однородному состоянию.

Легко уловить и внешнее сходство, и внутреннее сродство двух приведенных позиций. Впрочем, в научной литературе сам термин «глобализация» употребляется в разных значениях, поэтому здесь нужно избегать слишком широких обобщений.

Рассмотренные главные и второстепенные теории освещают многие аспекты современных российско-немецких отношений. Последние представляют собой многоуровневый и многоплановый феномен, изучение которого требует всестороннего учета разных групп факторов. Этим обусловлены некоторые методологические проблемы, возникшие при исследовании заявленной темы. С одной стороны, необходимо выработать единый подход к событиям и явлениям, интегрировать причинно-следственные связи между ними в рамках целостной картины мира. С другой – обоснование выбранной методологии требует рассмотрения всех значимых альтернатив. Кроме того, различные теории международных отношений преуспели в решении весьма несходных задач. Попытки свести данное многообразие к единой теории пока не увенчались успехом. Впрочем, последовательное применение ряда подходов к одному и тому же конкретно-историческому материалу позволяет не только лучше понять факты, но и оценить сравнительные преимущества и недостатки самих теорий, выделить в них общее и особенное. Для международных исследований своеобразным пробным камнем является вопрос о структурном анализе общественных явлений. Степень усвоения соответствующего познавательного инструментария можно даже считать показателем зрелости теории.

Классические формы идеализма и реализма основывались на интуитивной логике и неочевидных антропологических допущениях (представлениях о природе человека). И в первой четверти XX в. существовали структурные интерпретации международных отношений – ленинская теория империализма и макиндеровская глобальная геополитическая модель. Однако такого рода концепции не могли изменить облик дисциплины в целом, пока не появились общая теория систем (Л. фон Берталанфи), кибернетика (Н. Винер) и теория информации (К. Шеннон). Второй «большой спор» обогатил международные исследования достижениями естественных и точных наук, тем самым подготовив появление неолиберализма и неореализма.

В теории международных отношений достаточно трудно проследить генетические связи между различными парадигмами, поскольку степень их близости определяется по-разному в зависимости от выбранных формальных, содержательных и методологических критериев. Так, с точки зрения категориального аппарата (национальная мощь, национальные интересы, баланс сил и т. д.) классический реализм и неореализм имеют много общего. Обе теории привержены этатизму и политическому редукционизму, что заставляет их отторгать марксистский классовый подход. С методологической точки зрения ситуация выглядит иначе. Неореализм и марксизм – структурные теории, стремящиеся полностью исключить из своих построений субъективизм и психологизм. Напротив, школа Г. Моргентау приписывала человеку имманентную «волю к власти» и трактовала историю международных отношений не как системный процесс, а как производную от неизменных антропологических предпосылок.

В содержательном отношении (нео)марксизм находится на особом положении в общественных науках. По глубине и интенсивности социальной критики его можно сопоставить разве что с некоторыми направлениями анархизма. С другой стороны, в плане познавательного инструментария и частных результатов радикальная парадигма имеет точки соприкосновения с неолиберализмом, неореализмом, конструктивизмом, геополитикой,

геоэкономикой и некоторыми другими учениями. Это открывает путь к широкому синтезу разнообразных достижений современных общественных наук.

ГЛАВА 4. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО- НЕМЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ: СОЦИОЛОГИЯ И ФУТУРОЛОГИЯ

4.1. Методология политического анализа и прогнозирования: альтернативные подходы

Вопрос о методологии футурологических исследований продолжает вызывать оживленные дискуссии в различных областях гуманитарного знания. Разумно предположить, что метод социальных наук характеризуется принципиальным единством, независимо от того, идет ли речь о прошлых, текущих или будущих событиях. Логика истории (в гегелевском или марксистском смысле) уже объективно задана в полном объеме, тот факт, что пока не все ее аспекты выявлены эмпирически, не меняет сути дела. Такой подход ставит под сомнение традиционное разделение труда между историей (завершенные социальные процессы), политологией (актуальная проблематика и ограниченное планирование и прогнозирование) и футурологией (среднесрочные и долгосрочные предсказания). Впрочем, устоявшаяся система общественных наук, предполагающая достаточно спорные критерии разграничения их предметных полей, неоднократно подвергалась аргументированной критике. Школа «Анналов» в свое время сформулировала целую программу реформы гуманитарных исследований, воплощенную в концепции «тотальной истории». И. Валлерстайн предельно четко поставил вопрос о «двух культурах» в научном познании и призвал убрать искусственные барьеры в сфере гуманитарных исследований. Перечисленные проблемы, относящиеся к области методологии и философии науки, не решены до сих пор.

С философской точки зрения, возможны различные толкования самого понятия исторического времени. Можно считать, что будущее и прошлое существуют так же объективно и определены так же однозначно, как и настоящее. Грядущие события уже существуют, просто пока они не поддаются

непосредственному наблюдению. Критики данной концепции нередко заявляют, что она бесполезна с прагматической точки зрения, так как отрицает субъектность людей, их способность выбирать и проектировать будущее, самостоятельно решать свою судьбу. Данное замечание не вполне верно. Неизбежное будущее реализуется не помимо людей, а через них, даже их попытки избежать предначертанного могут оказаться необходимым условием его реализации, как в мифе об Эдипе. Если брать более близкие к современности примеры, можно вспомнить о механизмах биржевых кризисов, описанных, среди прочего, в работах Д. Сороса. В таких случаях непродуманные попытки инвесторов избежать личного краха приближают предсказанный всеобщий крах. Самоподтверждающиеся пророчества сопряжены здесь с «тиранией простых решений»³⁸²: способ действий, вполне адекватный частной проблеме, только усугубляет проблему глобальную.

Впрочем, большинство футурологических теорий находятся между крайностями фатализма и волюнтаризма. Необходимость связана со свободой, возможностью и случайностью не механически, а диалектически, взаимодействует с ними не только антагонистически, но и кооперативно. В данной связи полезно рассмотреть два популярных футурологических подхода современности – марксистскую теорию бесклассового общества и когнитивное сценарное прогнозирование. Первая концепция основана на принципах материалистической диалектики, вторая использует идею фаз развития (от архаической до когнитивной) и фазовых переходов (неолитическая революция, «гибель Рима», индустриализация, постиндустриальный барьер)³⁸³.

Одним из основателей марксистской футурологии был советский ученый И. В. Бестужев-Лада. Он последовательно отстаивал деятельностный подход в научном прогнозировании, неразрывную связь предвидения с

---

³⁸² Waltz K. N. Theory of International Politics / K. N. Waltz. – Reading, Massachusetts: Addison-Wesley Publ. Co, 1979. – P. 108.

³⁸³ Переслегин С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске / С. Б. Переслегин // Philosophy. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2005. – С. 481–510.

проектированием, с целенаправленным преобразованием природной и социальной реальности. «1. Прошлое можно знать, но невозможно изменить; будущее невозможно знать как прошлое (в виде тех или иных событий), зато можно изменить...

2. Соответственно, будущее можно и должно познавать не обязательно простым предугадыванием событий, а в форме постановки проблем, целей, а также возможных решений и их последствий»³⁸⁴.

Произведения фантастов нередко повествуют о будущем, которое воспринимается либо как неизбежное, либо как только возможное, но безотносительно к проблемам и задачам сегодняшнего дня. Марксистская футурология чужда такому подходу. Э. В. Ильенков подчеркивал, что «коммунизм не сказка о красивом будущем, а реальное движение современности»³⁸⁵. То есть, бесклассовое общество будет качественно новой, не имеющей аналогов в прошлом формой социальной жизни, однако оно станет ответом на вопросы, которые уже поставлены историей и освоены общественно-политической мыслью. В современном критическом марксизме важной социологической категорией является «живое творчество масс»³⁸⁶. В данном понятии отражаются многие ключевые проблемы современной футурологии. С одной стороны, творчество предполагает создание качественно нового, того, что не может быть предсказано и осмыслено путем простых исторических аналогий и экстраполяции уже существующих тенденций. С другой, активное созидание нового мира является реакцией на реальные противоречия современной жизни, на те структуры отчуждения, которые препятствуют полноценному раскрытию человеческого потенциала здесь и сейчас³⁸⁷. При такой трактовке новое предстает не непостижимой и неумолимой судьбой, а закономерным результатом социальных

---

³⁸⁴ Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. Антология современной классической прогностики. 1952-1999 / ред., сост., предисл. И. В. Бестужева-Лады. – М.: Academia, 2000. – С. 25–26.

³⁸⁵ Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах / Э. В. Ильенков. 2-е изд. – К.: Час-Крок, 2006. – С. 311.

³⁸⁶ Ленин: рождение нового мира // Альтернативы. – 2020. – № 2. – С. 51.

³⁸⁷ Там же.

трансформаций, вызванных несоответствием старых рецептов и актуальных задач.

Российский исследователь С. Б. Переслегин предложил методику сценарного прогнозирования, которая хорошо отражает футурологическую проблематику, вскрытую различными направлениями марксистской философии. По его мнению, пространство выбора лежит между неизбежным и невозможным будущим. С одной стороны, «социальные системы обладают огромной инерцией»³⁸⁸, которую не может быстро погасить никакая проектная деятельность. С другой, законы геополитики, диалектики, общей теории систем и т. д. накладывают рамочные ограничения на любые социальные процессы³⁸⁹. Соответственно, рассматриваемая концепция избегает и волюнтаризма, и субъективизма, предостерегает и от непродуманных действий, и от пассивной, чисто выжидательной позиции.

Весьма интересен вопрос, что же именно придает социальным системам столь большую инерцию. Ответ на него может быть найден в марксистском анализе труда как субстанции-субъекта истории³⁹⁰. Пока сохраняется отчуждение труда, пока общественный человек не осуществил снятие своей «предыстории», не перешел в «царство свободы»³⁹¹, он неизбежно сталкивается с социальными институтами как с внешней принуждающей силой, сопротивление которой нередко приходится преодолевать с большими затратами времени, сил и ресурсов. «Неизбежное будущее» по Переслегину в большой степени обусловлено именно этим. Разумеется, при коммунизме общественное развитие будет строго планомерным, чуждым любому произволу, однако именно поэтому его будет гораздо легче скорректировать в

---

³⁸⁸ Переслегин С. Б. В ожидании «Гибели Богов» / С. Б. Переслегин // Опасная бритва Оккама. – М.: АСТ: Астрель; СПб.: Terra Fantastica, 2011. – С. 41.

³⁸⁹ Там же. – С. 42.

³⁹⁰ Рагозина Т. Э. Проблема субъекта истории как системообразующий принцип философской рефлексии / Т. Э. Рагозина // Субъективное и объективное в историческом процессе. Материалы международной научной конференции. – Донецк: ГОУВПО «ДонНТУ», 2017. – С. 51.

³⁹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 25-2. – С. 386–387.

интересах большинства, если того потребуют обстоятельства. Между насилием и дисциплиной есть большая разница³⁹².

С. Б. Переслегин предлагает рассматривать реальное будущее через призму базового сценария, с учетом альтернатив в качестве его рисков. Далее выявляются субъекты сценирования и «окна возможностей», позволяющие им принимать эффективные меры для защиты своих ключевых интересов³⁹³. Столь компактная и изящная методология оказывается, тем не менее, весьма трудной для практической реализации.

Следует испытать перечисленные исследовательские приемы на материале современных российско-немецких отношений. Логично предположить, что их базовым среднесрочным сценарием является деградация диалога на одних направлениях и его замораживание на других, что не исключает полностью и ограниченных успехов в двустороннем взаимодействии. В качестве альтернативных сценариев можно предложить такие варианты развития событий, как частичная или полная нормализация двусторонних отношений или, с другой стороны, исчезновение самого предмета исследования. Последнее может произойти в случае полного разрыва между двумя государствами, острого системного кризиса в одном из них или устаревания вестфальской модели как таковой.

Определение субъектов сценирования также представляет собой нетривиальную задачу. Обзор ключевых геополитических концепций современности показывает, что в них Германия далеко не всегда рассматривается как самостоятельный субъект мировой политики, каковым, разумеется, является отнюдь не каждый актер международных отношений. С другой стороны, России бывает нелегко защитить свою самостоятельность и право выбора в сферах геэкономике и геокультуре. Конечно же, Россия и Германия по умолчанию и неизбежно являются субъектами своего

---

³⁹² Рагозин Н. П. Фридрих Энгельс о роли насилия в истории / Н. П. Рагозин // Фридрих Энгельс и современность. VII Международная научная конференция. – Донецк, 2020. – С. 12.

³⁹³ Переслегин С. Б. В ожидании «Гибели Богов» / С. Б. Переслегин // Опасная бритва Оккама. – М.: АСТ: Астрель; СПб.: Terra Fantastica, 2011. – С. 42–43.

собственного двустороннего взаимодействия, однако их решения могут отражать не только их собственные интересы, но и позиции других игроков (возможно, более влиятельных) или безличные закономерности глобальных структур власти и собственности. Все это необходимо учитывать при построении пространства сценирования. Далее, следует определиться с коренными интересами выделенных субъектов. С точки зрения политического реализма, суть любого национального интереса сводится к двум инвариантам – выживанию и усилению, конкретно-историческая оболочка которых, впрочем, весьма переменчива. Часто меняются и оптимальные средства, необходимые для решения упомянутых задач в зависимости от обстоятельств места и времени. Ситуационный выбор политического инструментария неразрывно связан с поставленным выше вопросом об «окнах возможностей».

Коренные интересы России связаны с противодействием западной геополитической экспансии, адаптацией к перманентной «войне санкций» и развитием альтернативных внешнеполитических направлений. Все названные цели можно интегрировать в рамках модели зрелой многополярности, заставляющей вспомнить консервативные и евразийские традиции отечественной общественно-политической мысли. Германия сохраняет приверженность «западной интеграции», что сегодня автоматически означает поддержку неолиберальной глобализации, хотя последняя допускает разные интерпретации, как атлантистские, так и мондиалистские. Налицо несовместимость систем ценностей и картин мира, однако можно найти и некоторые точки соприкосновения. Обе страны заинтересованы в поддержании европейской стабильности и ликвидации очагов напряженности у собственных границ. И Россия, и Германия стремятся сохранить хотя бы минимальный уровень энергетического и технологического сотрудничества, поскольку режим полной автаркии для них в одних сферах невозможен, а в других обойдется слишком дорого.

Сформулировав интересы сторон, можно в первом приближении идентифицировать реальные и потенциальные возможности, которыми они

располагают. Пока длится острая фаза украинского кризиса, Германия будет максимально избегать трений с союзниками, даже в ущерб своим национальным интересам. Однако в последующий период «разрядки» разница между европейскими и американскими подходами к международным проблемам снова может стать заметной. С другой стороны, Россия, переживающая сейчас этап болезненных экономических трансформаций, со временем справится с возникшими трудностями, что обеспечит ей более прочные переговорные позиции в том числе и на европейском направлении. Актуальные опции двусторонних отношений скорее напоминают форсированный вариант в шахматной партии, однако будущее внушает известный оптимизм. Впрочем, в шахматной практике нередки случаи, когда, казалось бы, досконально продуманная комбинация разрушается неожиданным промежуточным ходом.

Так в общих чертах выглядит текущая ситуация в двусторонних отношениях. Ее структурные противоречия и возможные пути их разрешения выявляются с помощью тривиальных методов политического анализа и прогнозирования. Чтобы конкретизировать полученные результаты, необходимо подробнее остановиться на философии и методологии футурологических исследований. Энциклопедия «Британника» определяет футурологию как «изучение текущих тенденций для предсказания будущих процессов»³⁹⁴. Однако задачей научного прогнозирования является анализ не только наличных, но и потенциальных тенденций, одни из которых только начали складываться, а другие и вовсе имеют чисто гипотетический характер. С. Б. Переслегин критикует распространенное сегодня понимание будущего как улучшенного или ухудшенного настоящего, резонно отмечая, что такая постановка вопроса несовместима с подлинно инновационным развитием³⁹⁵. Можно констатировать, что российская школа сценирования выгодно

---

³⁹⁴ O'Toole J. J. Futurology / J. J. O'Toole // Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/topic/futurology> (дата обращения: 15.03.2022).

³⁹⁵ Переслегин С. Б. Кризис футурологии. Какая нам от этого польза? / С. Б. Переслегин // Опасная бритва Оккама. – М.: АСТ: Астрель; СПб.: Terra Fantastica, 2011. – С. 194.

отличается от классической футурологии как масштабом задач, так и, соответственно, методикой их решения.

Далее, «Британника» возводит генеалогию дисциплины, с одной стороны, к литературным утопиям и научной фантастике, с другой – к технологическому прогнозированию³⁹⁶. Оба подхода неоднократно доказывали свою продуктивность, однако необходимо помнить и о присущих им ограничениях. В литературных исследованиях возможного будущего не всегда четко прописаны критерии, позволяющие отделить обоснованные предсказания от простых воплощений чьих-то надежд и страхов. В анализе технологических трендов нередко подспудно присутствует философия техницизма, о заблуждениях и опасностях которой множество раз предупреждали марксисты. Действительно, одни и те же производительные силы могут контролироваться разными социальными субъектами и, соответственно, служить разным интересам, вплоть до диаметрально противоположных³⁹⁷.

Многие исследования, ставшие классикой футурологии, посвящены в первую очередь не самим политическим процессам, а их широким общественным и природным контекстам. Американские социологи Э. Тоффлер и Д. Белл одними из первых описали кризис промышленной цивилизации и противоречивое вызревание постиндустриального общества в ее недрах. Экспертный доклад «Пределы роста» акцентирует социальные и экологические последствия демографического взрыва, перепроизводства и сверхпотребления³⁹⁸. Предлагаемые его авторами решения – экономия ресурсов, «зеленые» производства, контроль рождаемости, ограничение потребностей – конечно же, требуют политической воли, однако предполагают и коренные изменения массового сознания и социальных практик.

---

³⁹⁶ O'Toole J. J. Futurology / J. J. O'Toole // Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/topic/futurology> (дата обращения: 15.03.2022).

³⁹⁷ Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах / Э. В. Ильенков. 2-е изд. – К.: Час-Крок, 2006. – С. 36–38.

³⁹⁸ O'Toole J. J. Futurology / J. J. O'Toole // Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/topic/futurology> (дата обращения: 15.03.2022).

Перечисленные концепции вызвали в научном сообществе неоднозначную реакцию. С марксистской точки зрения, концепции постиндустриального общества, несмотря на ряд правильных частных наблюдений, объективно работают на апологию позднего капитализма. Анализ классовых противоречий подменяется в них абстрактной социальной критикой, направленной на конкретно-исторические формы организации производительных сил, вырванные из некоторых релевантных контекстов. Современные экологические движения также можно оценивать по-разному. С одной стороны, они нередко указывают на реальные проблемы и предлагают рациональные пути их решения. С другой, многие эоактивисты политически ангажированы и недостаточно последовательны в своих социологических построениях. Э. Тоффлер резонно отмечает, что лозунг защиты окружающей среды может использоваться и адептами «нового средневековья»³⁹⁹. Таким образом, рассмотренные выше футурологические модели вполне допускают продуктивное использование, однако все они так или иначе привязаны к текущей политической конъюнктуре и не свободны от известных когнитивных искажений.

Предложенные подходы вскрывают важные контексты современных российско-немецких отношений. Экономика знаний и услуг уже стала реальностью в наиболее развитых странах мира, однако конкретное содержание данной трансформации можно понимать по-разному. С марксистской точки зрения, евроатлантическая цивилизация сегодня представляет собой своеобразную «витрину» позднего капитализма, способную поддерживать высокий уровень жизни и достигнутые темпы инновационного развития лишь за счет внешнего и внутреннего пролетариата. В такой трактовке концепция постиндустриального общества представляет собой попытку затушевать нарастающие противоречия капиталистического способа производства. Это не означает, что такого рода теории полностью лишены объективного содержания. Напротив, они нередко хорошо

---

³⁹⁹ Тоффлер Э. *Метаморфозы власти* / Э. Тоффлер // *Philosophy*. – М.: АСТ, 2004. – С. 462–463.

схватывают суть социально-экономических изменений, связанных с последними этапами научно-технической революции. Критику вызывает скорее тот факт, что они не всегда способны отделить главное от второстепенного, а также игнорируют или тенденциозно истолковывают отдаленные причины изучаемых феноменов. Как бы то ни было, Россия и Германия играют разные роли в политической экономике империализма. С одной стороны, это создает почву для конфликтов: евроатлантический мир стремится навязать остальному человечеству сугубо вертикальную модель отношений, что вызывает закономерное растущее неприятие во многих незападных странах. С другой, государства, находящиеся на разных «этажах» мир-системы, не могут в обозримом будущем претендовать на одну и ту же нишу в ней, что в ряде случаев скорее уменьшает конфликтный потенциал их отношений. Если воспринимать постиндустриальную экономику просто как новый уровень проектности, сюжетности и инновационного развития, то асимметрия современного миропорядка выступит еще более явственно. Одни государства выступают пионерами (и хотят стать монополистами) научно-технического развития, другие вынуждены мириться с чисто индустриальной или даже преимущественно сырьевой специализацией. Налицо и неразрывная взаимозависимость, и неизбежность мощных антисистемных движений.

Экологическая повестка играет амбивалентную роль в современном миропорядке. С одной стороны, она отражает объективные угрозы окружающей среде, обострившиеся в последние десятилетия. С другой, истинные первопричины проблем нередко замалчиваются, а борьба с загрязнением помещается в контекст информационных войн современности. Капиталистическая экономика, для которой максимизация прибыли важнее удовлетворения потребностей населения, неспособен к сбалансированной экологической политике. Если фирма вкладывает большие деньги в защиту окружающей среды, она проигрывает конкурентам, готовым на все ради сиюминутной выгоды. При этом продвижение «зеленых брендов» может оказаться выгодной рыночной стратегией, однако здесь идет речь о

превращенной форме экономической логики и давлении общественности, а не о собственно экологическом сознании. Наконец, компании могут использовать экологическую повестку друг против друга. В результате «грязные» производства либо трансформируются в соответствии с новыми требованиями, либо переносятся в развивающиеся страны. Как бы то ни было, и здесь беспокойство из-за достигнутых «пределов роста» не является первичным мотивом деятельности. «Зеленые» партии и движения играют большую роль в политической жизни многих современных стран, причем заявленные ими цели нередко расходятся с реальными. Так, в Германии «Союз 90/Зеленые» больше известен своей антироссийской риторикой, чем успехами в природоохранной сфере. В экологических дискуссиях между Россией и Западом «Гринпис» занимает предвзятую позицию, во многом обусловленную сугубо политическими соображениями. Отношение американской дипломатии к Киотскому протоколу может послужить темой отдельной работы. Таким образом, рассматриваемая ветвь футурологических исследований решает сразу несколько задач, ее прагматика наряду с прогнозированием и проектированием будущего включает продвижение тех или иных государственных интересов, в том числе и методами информационного противоборства.

Интересно, что многие глобальные футурологические схемы либо предсказывают отмирание вестфальской модели, либо, по меньшей мере, считают национально-государственную повестку периферийной в свете актуальных мегатрендов. Это характерно как для коммунистических и постиндустриальных прогнозов, так и для теорий технологической сингулярности (Ю. Н. Харари, Ф. Фукуяма). Соответственно, для современного гуманитарного знания характерен разрыв между макросоциологическим и прикладным политическим прогнозированием. Данная проблема имеет как субъективные, так и объективные причины. С одной стороны, научное сообщество еще не вполне выявило и использовало методологические резервы, позволяющие связывать различные уровни и

направления футурологических исследований. С другой, здесь нужно учитывать и природу государства как политической организации общества. Любая система властных институтов стремится к неограниченному самовоспроизводству и сопротивляется даже весьма осторожным попыткам ее реформировать. В принципе, это отчасти объясняет периодические революционные кризисы, характерные для новой и новейшей истории: социальное напряжение неуклонно растет, когда государство систематически предпочитает конъюнктурные узкогрупповые интересы масштабным задачам общественного развития. Движение вперед невозможно без риска, без инноваций, то есть подходов, не освященных традицией и опытом. Своеобразная логика функционирования бюрократических структур хорошо описана, среди прочего, в статье А. Лазарчука и П. Лелика «Голем хочет жить». Соответственно, если субъектом сценирования выступает то или иное государство, аналитику нелегко избежать видения будущего как «продолженного настоящего». На самом же деле вестфальская модель является продуктом конкретно-исторических условий, а не воплощением вечного «человеческого удела», поэтому увековечить ее невозможно. Впрочем, национальные правительства, как правило, признают данный факт крайне неохотно и с большим трудом адаптируются к новым реалиям международной жизни.

Футурологические исследования должны учитывать не только пройденные этапы развития своего объекта, но и свою собственную историю. Интересно, что предсказания будущего всегда были тесно связаны с его проектированием, с продвижением той или иной политической и социально-экономической повестки. Это связано и с непродуктивностью пассивного угадывания грядущих событий, и с классовой ангажированностью любой социологической концепции. Также стоит отметить, что футурология исторически развивалась в тесном контакте не только с другими научными направлениями, но и с другими способами отражения действительности (публицистика, фантастика, религия). При этом наиболее интересные с

теоретической и практической точек зрения результаты нередко достигались за пределами академической сферы. Рассматривая историю соответствующих идей, необходимо помнить то, что выше говорилось о критической геополитике. Следует различать степень предметной истинности концепций и их социальное функционирование: данные параметры, разумеется, многообразно связаны между собой, однако их взаимодействие имеет нелинейный и труднопредсказуемый характер.

Британский ученый Д. Уилсон посвятил перечисленным вопросам специальное исследование «История будущего»⁴⁰⁰. Давая широкую историческую панораму человеческих попыток заглянуть в будущее, автор неявно подводит к мысли, что невозможно провести четкую грань между различными методами прогностики или раз и навсегда ранжировать их по степени научности. При этом ученый с известной долей иронии перечисляет уловки, помогающие неудачливым предсказателям избегать разоблачения. Можно выдать за пророчество описание уже случившихся событий. Можно пересматривать даты, отвлекать аудиторию переменной темы, давать предсказанию новые толкования или изначально формулировать его обтекаемо. Можно утверждать, что оно исполнилось вопреки видимости обратного или надеяться, что часть прогнозов сбудется просто в силу теории вероятностей⁴⁰¹. Еще интереснее самого перечисления тот факт, что нежелание признавать допущенные ошибки и склонность подгонять факты под предвзятую теорию – отнюдь не монополия массового сознания. Данная проблема актуальна и для научных кругов.

Конкретно-исторический анализ Д. Уилсона проливает свет на многие актуальные глобальные проблемы. Так, ученый убедительно показывает, что идеология Американской революции основывалась не только на общеизвестных политических и экономических соображениях, но и на специфических формах протестантского религиозного сознания

---

⁴⁰⁰ Уилсон Д. История будущего / Д. Уилсон // Philosophy. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. – 286, [2] с.

⁴⁰¹ Там же. – С. 264–269.

(милленаризм)⁴⁰². Мессианские тенденции играют существенную роль в современной внешней политике США, что неоднократно отмечалось в отечественной науке⁴⁰³. Иными словами, некоторые разновидности западной футурологии не чужды апокалиптической мистике, в них научные предсказания будущего сосуществуют с отголосками религиозных пророчеств. С другой стороны, заметная часть российского общества разделяет тезис «Москва – третий Рим», а в Китае активно развиваются конфуцианские по духу международные исследования⁴⁰⁴. То есть, даже в эпоху глобализации нередко сохраняется известная связь между геостратегией светских государств и религиозным мировоззрением.

Подводя промежуточные итоги, стоит кратко суммировать трудности, характерные для современного политического прогнозирования. Пока хорошо разработаны только те его методы и приемы, которые основаны на представлении о строгой закономерности изучаемых явлений. Иными словами, политология, в отличие от философии и некоторых разделов физики, еще не научилась уверенно обращаться с индетерминистскими концепциями. Идея «диких карт» – только первый шаг к заполнению данного пробела. Далее, прогнозирование невозможно отделить от прагматики и идеологии. Осмысленное предсказание не может иметь форму простой констатации, оно с необходимостью включает в себя и целеполагание, и соответствующую «дорожную карту». Более того, любой озвученный прогноз не только так или иначе отражает реальные перспективы (или претендует на это), но и служит конкретным общественным интересам уже сегодня. Элиты могут манипулировать общественным сознанием, внушая гражданам мысль о неизбежности тех или иных решений и событий, ставя их перед ложными альтернативами или запугивая выдуманными (как вариант, преувеличенными) угрозами. Идеологическая борьба – это прежде всего борьба образов

---

⁴⁰² Там же. – С. 116–125.

⁴⁰³ Дугин А. Г. Философия войны / А. Г. Дугин. – М.: Яуза, 2004. – С. 36–41.

⁴⁰⁴ Понька Т. Китайский взгляд на теорию международных отношений / Т. Понька, А. Бельченко, А. Забелла // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61. – № 10. – С. 82.

будущего, и здесь научный поиск легко подчиняется требованиям политической конъюнктуры. Наконец, нередко весьма трудно выделить четкие критерии, позволяющие достоверно установить степень реализации прогноза. Как отмечалось выше, автор предсказания может скорректировать сроки его реализации, дать новое толкование ему или событиям, которые оно было призвано отразить. Соответственно, оценка качества футурологической теории представляет собой весьма нетривиальную задачу. Можно изучить исторические судьбы актора, исходившего в своих решениях из определенной модели будущего, и сделать вывод о ее релевантности. Однако изложенный метод не дает полной гарантии успеха. Бывают случаи, когда удачные практические решения принимаются на основе ошибочных теорий. Готические соборы строили люди, не имевшие понятия о сопромате.

Применение общих принципов к избранному конкретно-историческому материалу требует ряда уточнений и оговорок. Во-первых, изучаемая система необходимо имеет открытый характер. Оценка протекающих в ней процессов в большой степени зависит от внешних контекстов – вплоть до глобального общества. Во-вторых, геополитическая турбулентность, характерная для современных международных отношений, делает особенно значимыми нестандартные методы предсказаний, далекие от обычных экстраполяций. В-третьих, сегодня и Россия, и Германия активно используют футурологию не только для политического и экономического планирования, но и в идейной борьбе, что нередко оказывает определяющее влияние на прагматику соответствующих исследований.

Нижеследующие выводы о перспективах российско-немецких отношений с известной точки зрения будут иметь промежуточный характер. Исход украинского кризиса остается неопределенным, и не только потому, что коллективный Запад взял курс на его затягивание. Гораздо значительнее тот факт, что крайне трудно представить себе стабильную геополитическую архитектуру Центральной и Восточной Европы. Иными словами, ни одна из сторон конфликта не знает, на каких рубежах ей следует остановиться, чтобы

и избежать неприемлемых рисков, и гарантировать неприкосновенность уже сделанных приобретений. О данной проблеме более десяти лет назад писал Д. Фридман, ссылаясь на стратегическую специфику Прибалтики и «междуморья» в целом⁴⁰⁵. Политический актер, не знающий, чего он может добиться, уже находится в состоянии неопределенности. Тем более это относится к актору, который не нашел ответа на вопрос, чего ему стоит желать, что будет для него полезно в долгосрочной перспективе. Украинские события привели (и еще приведут) к переоценке ценностей как в России, так и в Германии, их труднопредсказуемая динамика продолжит менять граничные условия двусторонних отношений.

При этом отдельного рассмотрения может заслуживать субъективное измерение изучаемых процессов. Диапазон возможных решений всегда существенно ограничивается структурными факторами, однако выбор из допустимых, относительно безопасных вариантов уже допускает проявление индивидуальных предпочтений. Психологические портреты лидеров могут иметь футурологическое значение, однако их эвристический потенциал не следует переоценивать. Роль политического лидерства и структура соответствующих институтов сильно разнятся в зависимости от конкретного общественного строя, при этом мировоззренческие установки ответственных лиц также в большой степени являются продуктом среды и прошлого опыта. Однако в точках бифуркации системы значимость личного выбора резко возрастает, потому что здесь нарушается привычная пропорция между силой воздействия и его последствиями, включая долгосрочные. В новейшей истории российско-немецких отношений, судя по всему, еще не было случаев, когда решения лидеров сами по себе непредсказуемым образом меняли бы весь формат двустороннего взаимодействия. Однако нарастание международной турбулентности и коренная трансформация современного миропорядка делают такие ситуации все более вероятными. Их

---

⁴⁰⁵ Фридман Д. Следующие сто лет. Прогноз событий XXI века / Д. Фридман; пер. с англ. А. Калинина, В. Нарицы, М. Мацковской. – М.: ЭКСМО, 2010. – С. 155–157.

прогнозирование и изучение тем более необходимы, что политический менеджмент нередко теряется, сталкиваясь с непривычно высоким уровнем неопределенности.

В данных условиях особенно важно историческое осмысление положительного опыта двустороннего взаимодействия. Это не только бесценный источник конкретных моделей и подходов (разумеется, с поправкой на изменившиеся условия), но и важное напоминание о возможных альтернативах текущему неутешительному положению вещей. В данном контексте следует прежде всего рассмотреть сочинские встречи В. В. Путина с немецкими политиками и бизнесменами, а также форум «Петербургский диалог». После начала украинского кризиса официальные каналы связи, обеспечивавшие обмен мнениями между Москвой и Берлином, либо закрылись, либо перестали нормально функционировать. Тем важнее оказалось двустороннее взаимодействие на уровне гражданского общества. По поводу одной из таких встреч немецкий журналист Й. М. Меллер заметил: «Мы здесь, потому что убеждены – «Петербургский диалог» должен продолжаться. Увлекательные и жаркие дискуссии, которые состоялись в Сочи, больше любой декларации подтверждают, что наш форум жив. Именно сейчас в эти сложные времена нужно стремиться к тому, чтобы диалог не разрушался»⁴⁰⁶. Данное заявление было сделано в декабре 2014 г. Боевые действия в Донбассе уже шли более полугода, однако у многих наблюдателей еще оставалась надежда на дипломатическое урегулирование конфликта. Разумеется, с тех пор ситуация во многом изменилась, но в потоке событий можно усмотреть и известную преемственность.

С развитием украинского кризиса стена непонимания делалась все толще и выше, однако это отнюдь не доказывает бесполезность обсуждаемых инициатив. Напротив, они обеспечили России столь необходимое ей пространство для маневра, дали ей передышку, возможность относительно

---

⁴⁰⁶ Бондаренко О. В Сочи завершилась встреча российских и немецких журналистов / О. Бондаренко // Российская газета. – Режим доступа: <https://rg.ru/2014/12/19/dialog.html> (дата обращения: 13.07.2022).

плавно войти в наиболее острую фазу противостояния. С другой стороны, в прошлом устремления немецких деловых кругов нередко расходились с жесткой антироссийской линией официального Берлина. Такого рода разногласия неизбежны и в будущем, и Москва продолжит использовать их в своих интересах. Наконец, второстепенные немецкие политические партии (коммунисты, «Альтернатива для Германии») охотно прибегают к пророссийской риторике, чтобы завоевать голоса избирателей и бросить вызов господствующему «центру» (христианской демократии и социал-демократии).

В последнее время все чаще можно услышать пессимистические прогнозы относительно будущего «Петербургского диалога». В частности, немецкий политолог и журналист А. Рар резонно отмечает: «Вместо диалога, Петербургский форум превратился в настоящее постоянное поле брани. Форматы двухстороннего диалога сужаются»⁴⁰⁷. Предлагаемое экспертом объяснение растущего отчуждения проливает свет не только на конкретную обсуждаемую проблему, но и на отношения России и Запада в целом. Берлин вознамерился в одностороннем порядке «научить Москву демократии», не останавливаясь и перед перспективой новых «цветных революций». Кроме того, правительство А. Меркель искусственно сузило повестку дня форума, что отразило уменьшение международно-политической самостоятельности Германии по сравнению с эпохой Г. Шредера, ее растущую зависимость от мнения американских и европейских партнеров. Впрочем, несмотря на продолжающееся ухудшение российско-немецких отношений, А. Рар отнюдь не исключает запуска резервных механизмов сотрудничества. «С немецкой стороны останутся такие площадки, как Потсдамские встречи, форум в Вакербарте и т. д., которые ведут диалог о взаимных интересах (а их много), а не только по либеральным ценностям. А с российской – Валдайский клуб, Волгоградский форум и другие, которые вполне могли бы заняться

---

⁴⁰⁷ Александр Рар: «Петербургский диалог» может умереть // Русское поле. – URL: <http://ruskoeполе.de/ru/news-18/224166-aleksandr-rar-peterburgskij-dialog-mozhet-umeret.html> (дата обращения: 15.07.2022).

специально Германией»⁴⁰⁸. Вне всякого сомнения, Специальная военная операция внесла свои коррективы в озвученные ученым планы, но они и сегодня сохраняют актуальность, поскольку основаны не на политической конъюнктуре, а на глубинных долгосрочных тенденциях двусторонних отношений.

Традиция сочинских встреч сыграла значимую роль в истории российско-немецких отношений. Немецкий бизнес нередко оценивал экономические последствия двустороннего конфликта реалистичнее, чем официальный Берлин, что создавало важные предпосылки для интенсификации или хотя бы поддержания диалога. Так, представительница Восточного комитета германской экономики К. Клаас-Мюльхойзер отметила на форуме: «Мы всегда придерживались позиции, что ЕС не нужно ждать полной реализации Минского соглашения для отмены санкций. Мы говорили о том, что санкции надо отменять пошагово с подвижками при реализации Минских договоренностей»⁴⁰⁹. Разумеется, такая позиция не могла вполне удовлетворить Москву, поскольку, по сути, ставила реализацию ее интересов в зависимость от американской дипломатии. Вашингтон мог раз за разом подталкивать Киев к эскалации в Донбассе, а потом, обвиняя Россию в саботаже Минских соглашений, заставляя Европу принимать все новые пакеты антироссийских санкций. Иными словами, процитированным заявлением немецкий бизнес неявно признавал свою полную несамостоятельность в принятии стратегических решений. С другой стороны, нельзя не отметить, что озвученная позиция выгодно отличалась от достаточно агрессивной риторики официального Брюсселя. Обсуждаемая встреча интересна, среди прочего, и заявлением В. В. Путина, сохраняющим актуальность и сегодня: «Мы никогда не используем никаких экономических рычагов для решения каких бы то ни было политических вопросов, хочу вас

---

⁴⁰⁸ Там же.

⁴⁰⁹ Герейханова А. В Сочи Путин обсудил деловой климат с немецкими предпринимателями / А. Герейханова // Российская газета. – Режим доступа: <https://rg.ru/2019/12/08/reg-ufo/v-sochi-putin-obsudil-delovoj-klimat-s-nemeckimi-predprinimateliami.html> (дата обращения: 17.07.2022).

заверить, так оно будет и в будущем»⁴¹⁰. Действительно, даже после событий 2022 г. Россия была готова работать над проектом «Северный поток-2» в обычном режиме, этому помешали все более неконструктивная позиция немецкой стороны и диверсия, стратегические последствия которой еще предстоит оценить в полной мере. Такой подход весьма отличается от западного, предполагающего, среди прочего, заморозку зарубежных активов РФ после начала Специальной военной операции.

Интересно сравнить рассмотренный формат двустороннего взаимодействия с сочинской встречей В. Путина и А. Меркель в 2017 г. В ретроспективе нелегко освоиться с тем фактом, что на четвертом году украинского кризиса были возможны столь продуктивные российско-немецкие переговоры, внушавшие надежду на медленное, но неуклонное улучшение двусторонних отношений. По горячим следам мероприятия российский эксперт В. Б. Белов отмечал: «Рабочая встреча в Сочи прошла в целом конструктивно, что в принципе было ожидаемым, но не гарантированным. Стороны подтвердили свои позиции по основным вопросам международного сотрудничества, обозначив при этом принципиальную готовность поиска совместных решений наиболее сложных вопросов по сирийской и украинской тематике»⁴¹¹. Причины успеха имеют комплексный характер. Администрация Д. Трампа во многом отделилась от «европейского ядра» и сделала ставку на восточноевропейских членов НАТО, что подтолкнуло официальный Берлин к известной «переоценке ценностей». Украинский кризис был временно заморожен, а сирийская политика РФ демонстрировала Западу возросшее влияние страны на достаточно удаленном от Европы театре военных действий. Наконец, у А. Меркель уже был успешный опыт восстановления двусторонних отношений – после августовского кризиса 2008 г. С тех пор в ФРГ и США сменились

---

⁴¹⁰ Там же.

⁴¹¹ Белов В. Б. Российско-германские переговоры в Сочи: три года спустя / В. Б. Белов // Российский совет по международным делам. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiysko-germanskie-peregovory-v-sochi-tri-goda-spustya/> (дата обращения: 19.07.2022).

правительства, Минский процесс окончательно утратил актуальность, а новые достижения ближневосточной политики Москвы настроили Вашингтон и Брюссель еще более враждебно. Сегодня сочинские встречи сохраняют значение как исторический урок и перспективная разработка, но прямо переносить данный опыт в текущие конкретно-исторические условия не представляется возможным.

Интересно сравнить вышеизложенное с характеристикой азиатско-тихоокеанской политики России, которую немецкий политолог Г. Маулль дал в августе 2015 г. Некоторые ее аспекты сохраняют актуальность и сегодня, несмотря на произошедшие с тех пор тектонические сдвиги в глобальных структурах власти. После событий 2008 и особенно 2014 гг. на Западе стал общим местом тезис об «азиатском повороте» России. Согласно данной концепции, ухудшение отношений с европейскими и американскими партнерами заставляет Москву все больше переносить центр тяжести своей внешней политики на восток. Китай, Япония, государства Юго-Восточной Азии – высшие приоритеты новой российской дипломатии, однозначно перевешивающие ее традиционные направления. Г. Маулль критикует такой подход, указывая, что западные опасения, связанные с Азиатско-Тихоокеанским регионом, во многом преувеличены. Оформление российско-китайского стратегического союза представляется эксперту маловероятным, впрочем, даже буквальная реализация данного сценария не внесет существенных изменений в региональное соотношение сил⁴¹². Действительно, даже спустя много лет после публикации прогноза геостратегическая ось Москва-Пекин так и не превратилась в военно-политический блок, несмотря на многочисленные значительные успехи в развитии двусторонних отношений. При этом роль России в решении проблем Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей остается ограниченной, хотя и конструктивной, как и предсказывал Г. Маулль. С другой стороны, его рассуждения о

---

⁴¹² Koo J. Russia and the South China Sea: An Interview with Dr. Hanns Maull / J. Koo // Russian International Affairs Council. – URL: <https://russiancouncil.ru/en/blogs/pivottoasia-en/32883/> (дата обращения: 22.07.2022).

российской и китайской внешней политике пролили свет на динамику украинского кризиса. По его словам, на Украине Москва избрала «китайскую тактику», она осторожно продвигалась вперед там, где это было возможно, временно отступала при появлении серьезных рисков и была готова отстаивать свои интересы даже вразрез с существующим международным порядком⁴¹³. Разумеется, начало Специальной военной операции означало смену российского подхода к украинскому кризису. При этом международный порядок не является фетишем, это инструмент для решения глобальных и региональных проблем человечества. Если же он служит интересам узкой группы стран в ущерб всем остальным, направленные против него действия в ряде случаев могут быть вполне конструктивными.

По сути, Г. Маулль описывает некую стратегию не прямых действий, которая позволяет постепенно демонтировать отжившие глобальные институты, преодолев сопротивление все еще господствующих консервативных сил. Россия и Китай имеют общие интересы, связанные с формированием нового миропорядка, однако трудно предсказать, как будут складываться двусторонние отношения после достижения совместных целей. С другой стороны, для обеих стран характерна тенденция к достаточно четкому разграничению внешней и внутренней политики. Российское и китайское правительства на своей суверенной территории последовательно выступают за гражданскую дисциплину, строгую централизацию, отвергают западную модель «открытого общества», предполагающую (хотя бы теоретически) служебную роль государства в общественной жизни. При этом на международной арене Москва и Пекин нередко выступают как антисистемные силы, если под системой понимать глобальный неолиберальный проект, они часто поддерживают страны и народы, стремящиеся оспорить несправедливые «правила игры», навязываемые коллективным Западом. Таким образом, речь здесь идет о двух пониманиях демократии – для внутреннего использования и глобальной геостратегии.

---

⁴¹³ Там же.

Само по себе это не является минусом: разноуровневые системы требуют разных подходов, а от «экспорта демократии» на западный манер новые центры силы должны как-то защищаться. Однако сосуществование двух конкурирующих социальных концепций порождает и «напряжение развития», и новые вызовы. Овладевшие массами идеи начинают жить своей жизнью, что может стать сюрпризом для их первоначальных пропагандистов. С другой стороны, общество не может успешно решать всемирно-исторические задачи, воспринимая собственную политическую организацию (государственную форму) как самоцель и вневременную данность. Как отмечал В. С. Соловьев, «истины боятся, потому что она кафолична, то есть вселенская. Во что бы то ни стало хотят иметь свою особую религию, русскую веру, императорскую Церковь. Она не является ценной сама по себе, за нее держатся как за атрибут и санкцию исключительного национализма. Но не желающие пожертвовать своим национальным эгоизмом вселенской истине не могут и не должны называться христианами»⁴¹⁴. Данное замечание приложимо не только к религиозным, но и к светским формам идеологии.

4.2. Основные противоречия российско-немецких отношений и возможные пути их разрешения

Альтернативные сценарии развития российско-немецких отношений соответствуют различным способам разрешения актуальных противоречий, характеризующим как двустороннее взаимодействие, так и региональную и глобальную геополитику и дипломатию. Соответственно, при среднесрочном политическом прогнозировании следует исходить из уже существующих проблем, которые призвано решить последующее общественное развитие.

Ключевым вызовом для современной Германии является вопрос энергетической безопасности. Возникает вопрос, способна ли страна в обозримом будущем снизить свою зависимость от российского природного

---

⁴¹⁴ Соловьев В. С. Русская идея / В. С. Соловьев // Русская идея. – М.: Айрис-пресс, 2004. – С. 245.

газа? Добиться этого будет весьма трудно. В эпоху А. Меркель Германия отказалась от ядерной энергетики, и новое правительство навряд ли будет пересматривать данное решение, тем более что теперь «зеленые» входят в правящую коалицию в немецком бундестаге. Возобновляемые виды энергии также не являются ключом к проблеме: во-первых, соответствующие технологии все еще далеки от совершенства, во-вторых, территория Германии относительно невелика, если сравнивать с ее населением и промышленным потенциалом. Импорт сжиженного газа зависит от пропускной способности немецких океанских портов и перерабатывающих мощностей, от позиции экологов и возможностей потенциальных поставщиков, в первую очередь, США. Кроме того, не все технически возможные варианты замещения российских энергоносителей экономически рентабельны.

Впрочем, «газовая проблема» имеет обоюдоострый характер. Россия может найти новые азиатские рынки сбыта для своих нефти и газа. Она может реализовывать инновационные, высокотехнологичные проекты совместно с Китаем, Ираном и Индией, что существенно снизит ее зависимость от западных постиндустриальных кластеров. Наконец, текущий кризис все больше ориентирует Москву на самодостаточное (хотя, конечно же, и не изолированное) развитие. Однако геоэкономическое отчуждение между Россией и Западом грозит отчасти подорвать «дипломатию «Газпрома», лишить страну важных рычагов влияния на политику зачастую недоброжелательных соседей.

С другой стороны, все еще неясно, как далеко готова зайти Германия в своем стремлении минимизировать потребление российских энергоносителей. Характеризуя стоящие перед Берлином дилеммы, специалист по европейской экономике К. Денисенко резонно отмечает: «В сложившихся обстоятельствах, при нарастающем алармизме западных стран, долгих сроках реализации новых проектов СПГ и росте цен на газ политика энергетического перехода может замедлиться, а тезис о диверсификации поставок энергоресурсов

продолжит быть актуальным в последующие годы»⁴¹⁵. Таким образом, у правительства О. Шольца просто нет потенциала, необходимого для последовательной реализации его жесткой риторики. Администрация Д. Байдена вряд ли будет решать данную проблему за счет американских налогоплательщиков. Это противоречило бы американским внешнеполитическим традициям и означало бы неприемлемые для Вашингтона экономические издержки. Таким образом, европейские потребители российских энергоносителей пока не видят конструктивного выхода из сложившегося положения. При этом следует помнить, что завязавшийся узел противоречий является вызовом для всех сторон конфликта.

Равным образом амбивалентна и проблема центрально- и восточноевропейского урегулирования, известная в западной политологической литературе как проблема «междуморья». Западные державы неоднократно пытались сформировать в регионе антироссийский «санитарный кордон» или очаг напряженности, который будет поглощать значительную часть ресурсов восточного соседа. Однако тем самым создавались новые многообразные вызовы европейской безопасности. Например, Украина со времен президентства В. Ющенко неоднократно нарушала свои международные обязательства в энергетической сфере, ставила под угрозу бесперебойный транзит российского природного газа через свою территорию. Далее, центрально- и восточноевропейские страны, тяготеющие к конфликтным отношениям с Россией, ориентируются на Вашингтон, а не на Брюссель, что не мешает им предпринимать шаги, способные втянуть «европейское ядро» в полномасштабное столкновение с Москвой. Таким образом, урегулировав украинский кризис на своих условиях и за свой счет, Россия попутно решит ряд проблем некоторых своих партнеров, поскольку

---

⁴¹⁵ Денисенко К. Я. Политика энергетического перехода: Германия в поисках альтернативы / К. Я. Денисенко // Российский совет по международным делам. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/oilandgastoday/politika-energeticheskogo-perekhoda-germaniya-v-poiskakh-alternativy/?sphrase_id=89614849 (дата обращения: 03.04.2022).

коллективный Запад отнюдь не является монолитом. Разумеется, благодарности из Брюсселя за это не последует, более того, перспективы улучшения отношений станут еще более туманными. После Наполеоновских войн многие европейские политики воспринимали Россию как потенциального континентального гегемона, что, конечно, способствовало росту отчуждения по линии «запад-восток». Можно даже сказать, что Крымская война в известном смысле была продолжением «весны народов». Подавление венгерского восстания российскими войсками, независимо от его реального геополитического содержания, было использовано для популяризации мифа о «жандарме Европы». Подготовив общественное мнение, западные державы подтолкнули Османскую империю к войне с Россией, тем самым вынудив последнюю сделать фальстарт – вступить в крупномасштабное вооруженное противостояние до завершения военно-технической и социально-экономической модернизации. Не исключено, что тактика Запада с тех пор не претерпела существенных изменений.

Другие российско-немецкие противоречия также заслуживают отдельного рассмотрения. Часть из них относится к идеологической сфере. Современное немецкое общество в целом принимает либеральную демократию и рыночную экономику как единственно верную модель общественного развития. Россия после ряда социальных экспериментов 1990-х гг. отказалась от данного пути, однако все еще находится в процессе поиска альтернативы. За последние два десятилетия были предложены различные интерпретации российского «особого пути»: «управляемая демократия», «суверенная демократия», «стабильность», «крымский консенсус». Каждая из них сыграла свою роль в отечественном политическом дискурсе, однако даже в сумме они не смогли исчерпать всей сложности текущих общественных трансформаций и указать их оптимальное дальнейшее направление. С другой стороны, и в Германии сегодня не исключены тектонические сдвиги в массовом сознании. «Демократия участия» переживает там не лучшие времена из-за политической пассивности и скептицизма части населения,

традиционные парламентские партии с трудом приспосабливаются к новым глобальным реалиям, что увеличивает шансы и последовательных сторонников левого проекта, и крайне правой «Альтернативы для Германии». Наконец, несмотря на перипетии немецкой истории XX в., в стране сохраняется заметная инерция ее недемократического прошлого, ощущается сильное влияние культурных паттернов, которые существенно отличаются и от англосаксонского «стандарта», и от образа «коллективного Запада», преобладающего в отечественной публицистике.

При этом либеральная демократия не является застывшей системой взглядов или неизменной политической практикой. Есть веские основания считать, что сегодня данная форма правления переживает тяжелый кризис. После террористических атак 11 сентября 2001 г. западные страны радикально расширили полномочия своих спецслужб и вообще приобрели некоторые черты полицейских государств. Политическая активность разнообразных меньшинств приводит к инсталляции непрозрачных механизмов принятия общественно значимых решений, сужает доступное населению в целом пространство свободы. Циклические экономические кризисы позднего капитализма расшатывают средний класс, двести лет служивший надежной опорой политическим режимам, так или иначе отражающим идеалы Просвещения и требования буржуазных революций. Цифровая трансформация, существенно ускоренная пандемией новой коронавирусной инфекции, резко изменила жизнь госслужащих и офисных работников, которые долгое время были опорой социальной стабильности и в России, и на Западе. Именно они воплощали ценности исторического оптимизма, конформизма, социального компромисса и партнерства, прочно связывая свои жизненные планы и устремления с действующей властью. Теперь представители данных общественных слоев в большинстве своем дезориентированы, выбиты из привычной колеи, что будет иметь масштабные

исторические последствия⁴¹⁶. Проблема эрозии социального капитала (доверия, солидарности, механизмов самоорганизации и самоуправления) была подробно исследована в классической работе Ф. Фукуямы «Великий разрыв»⁴¹⁷. О вызовах глобализации и кризисе политического участия было сказано выше. Таким образом, та общественная модель, в отходе от которой Вашингтон и Берлин систематически упрекают Москву, уже стала достоянием истории в большинстве западных стран. Разумеется, формальное сохранение устоявшихся идеологием при их содержательном выхолащивании отнюдь не способствует налаживанию российско-немецкого и российско-американского диалога.

Таким образом, Германия страдает от зазора между декларируемыми ценностями и реальным положением дел в западном мире. В такой ситуации у политических решений, как правило, нет убедительного и общезначимого морального обоснования, а официальная идеология теряет связь с общественно-исторической практикой. Государство начинает руководствоваться исключительно текущими интересами, конкретное оформление и содержание которых, как известно, весьма переменчиво и может по-разному истолковываться различными социальными силами и властными институтами. Таким образом, сегодня способность «западных партнеров» России к последовательной и ответственной внешней политике представляется достаточно ограниченной.

С другой стороны, коренные трансформации российского общества все еще далеки от завершения. За последние 20 лет господствующий формат отношений между властью и населением несколько раз пересматривался, и есть основания считать, что стабильное решение некоторых ключевых социальных проблем еще не найдено. Более того, даже несомненные достижения в области государственного строительства, которых за исследуемый период было немало, далеко не всегда были удовлетворительно

---

⁴¹⁶ Филина О. Удаленное будущее. Чем напуган «офисный планктон» / О. Филина // Огонек. – № 40 от 12.10.2020. – С. 26. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4519782> (дата обращения: 16.04.2022).

⁴¹⁷ Фукуяма Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма // Philosophy. – М.: АСТ: Ермак, 2004. – 474, [6] с.

артикулированы на концептуальном уровне. Иными словами, некоторые успехи отражают не целенаправленную проектную деятельность, а стихийную игру общественных сил, причем их уроки далеко не в полной мере осознаны элитами и населением. С другой стороны, пока нет прочного общественного консенсуса относительно оптимальной модели дальнейшего национального развития.

Таким образом, на современные российско-немецкие отношения накладывает свой отпечаток и тот факт, что обе страны сейчас переживают кризис идентичности, хотя его причины, формы и динамика имеют в том и другом случае достаточно мало общего. Это означает, что у текущей конфронтации есть дополнительное измерение, которое не сводится к взаимным претензиям сторон, поддающимся сугубо материальному выражению и чисто рациональному объяснению.

Анализ показывает, что современные российско-немецкие отношения несут на себе печать серьезных противоречий, которые имеют системный, долгосрочный характер и мало зависят от колебаний политической конъюнктуры и других преходящих (или вовсе случайных) факторов. Это несколько не означает фатальной предопределенности будущего двусторонних отношений. Напротив, те данности, которые Москва и Берлин изменить неспособны, только подчеркивают значимость целенаправленных усилий в тех сферах, в которых обе страны имеют известные степени свободы. Обострение конфронтации предъявляет повышенные требования к кризисному менеджменту. Последний может акцентировать «игру на удержание», однако не должен к ней сводиться. Если противоречия невозможно разрешить при нынешнем устройстве глобального общества, нужно приложить все усилия, чтобы обеспечить себе наилучшие стартовые условия к началу нового всемирно-исторического периода. Следует ограничить масштаб конфронтации и постараться обойти проблемы, с которыми пока нельзя осмысленно работать напрямую. Здесь может оказаться полезной рассмотренная выше концепция площадок преадаптации, которую

следует распространить на международные отношения в целом, не ограничиваясь ее первоначальным сугубо геоэкономическим содержанием. От решения перечисленных задач во многом зависит реализация того или иного сценария российско-немецких отношений.

Полезно кратко охарактеризовать данные сценарии, помня, что вероятности их реализации достаточно изменчивы и нельзя исключить возможность гибридных или синтетических моделей. Здесь не рассматриваются варианты развития событий, связанные с коренной трансформацией глобального общества и требующие скорее социологического и экономического, чем международно-политического подхода. Они были изучены выше, в главе, посвященной марксистской социологии неолиберального миропорядка.

Если оставить за рамками анализа «дикие карты», формационные переходы и возможный крах вестфальской модели, можно выделить следующие развилки:

1. Сохранение текущего формата отношений или его радикальное изменение.

2. Прорыв к новому стратегическому партнерству или дальнейшая деградация диалоговых механизмов (оптимистический и пессимистический сценарии).

3. Для первого сценария из пункта 2 предельным вариантом являются раскол НАТО и ЕС и немецкое участие в евразийской интеграции, чего не исключал еще З. Бжезинский. Второй сценарий может привести к выходу конфликта из политической плоскости в военную. В обоих случаях, несмотря на все их несходство, аналитик сталкивается со своеобразной сингулярностью, то есть, с ситуацией крайней неопределенности, развитие которой невозможно предсказать стандартными футурологическими методами. Причем угрозу, как ни странно, может таить и резкое улучшение обстановки, к которому общество оказывается не готово.

4. При ближайшем рассмотрении выясняется, что «работа на удержание» также связана с важной развилкой. В военном деле чисто оборонительная стратегия, как правило, в итоге оказывается проигрышной. В большой степени это относится и к политике. Сохранение нынешнего уровня отношений может принести двум странам пользу, но может и навредить. С одной стороны, они получают необходимую передышку и избегают дальнейшей эскалации. С другой, такая стабилизация в перспективе поглощает все больше ресурсов обеих сторон и сужает доступное им пространство решений. Это можно рассматривать как своеобразную плату за пассивность.

Здесь возникает проблема, которая была характерна еще для некоторых модернистских теорий международных отношений. Метод формализации дает исследователю представление лишь о формальном пространстве решений, обо всех путях развития ситуации, логически совместимых с исходными данными. При этом вопросы правдоподобия и вероятности, имеющие первостепенную практическую важность, оставляются за рамками анализа. Данное соображение в свое время побудило критиков модернизма сделать вывод, что качественные, интуитивно-логические методы международных исследований сохраняют актуальность несмотря на растущее влияние точных наук на гуманитарные.

Соответственно, возникает методологическая проблема утилизации сценариев, разработанных на основе анализа структурных противоречий изучаемых явлений. Следует приписать им различные вероятности реализации, по аналогии с математическим ожиданием, как оно понимается при изучении природных процессов и азартных игр. Для совместимых вариантов развития событий можно создать результирующий сценарий, сопоставимый с равнодействующей нескольких сил в классической механике. Для несовместимых – построить лестницу взаимоисключающих вызовов и возможностей, чтобы пролить свет на последствия выбора на каждой из выявленных «развилкок», они же точки бифуркации системы.

Качественный анализ показывает, что в первую очередь следует учесть риск дальнейшей деградации диалоговых форматов. Независимо от того, сколько продлится «горячая» фаза украинского кризиса и каких масштабов он в итоге достигнет, ему уже можно приписать глобальные долгосрочные последствия. Иными словами, создание прочной геополитической структуры для Центральной и Восточной Европы – это задача, решение которой потребует усилий всех крупных мировых игроков и займет несколько десятилетий. Неизбежен конфликт разных моделей регионального урегулирования, который может усилить отчуждение между Москвой и Берлином, хотя здесь и нет фатальной предопределенности. Также весьма вероятным представляется столкновение различных версий глобализации. Мировой неолиберальный проект вступил в пору острого системного кризиса, при этом в долгосрочной перспективе человечество не может отказаться от более глубокой интеграции, которая позволит уже существующему международному (глобальному) обществу обрести стабильное институциональное оформление. Альтернативы планетарному рынку пока еще недостаточно артикулированы. «Ортодоксальный» марксистский проект в глазах многих дискредитирован крахом советского строя, «бархатными революциями» и китайским опытом социальных трансформаций. Неомарксистский «дух Порту-Алегри» отражает скорее понимание исторической ограниченности капитализма, чем выверенную программу общественных преобразований. Консервативные проекты либо откровенно несостоятельны, либо, по сути, предлагают решения общенациональных проблем вне контекста общемировых, что не может оправдать себя в расчете на несколько поколений. Существуют и значимые исключения, но они, как правило, далеки от актуальной политической практики. Хорошей иллюстрацией данного тезиса является философия всеединства В. С. Соловьева⁴¹⁸. Мыслитель резко критикует национализм, культ великодержавной мощи, бюрократизацию Церкви и общества в целом, видя

---

⁴¹⁸ Соловьев В. С. Русская идея / В. С. Соловьев // Русская идея. – М.: Айрис-пресс, 2004. – С. 227–256.

выход из тупика в новом миропорядке, основанном на христианской идее соборности⁴¹⁹. Таким образом, Соловьев рассматривал русскую идею как универсальную, всемирно-историческую миссию, несводимую ни к какой геополитике или «народности». Однако нынешняя российская государственность отражает скорее порядки времен Николая I и Александра III, чем ценности и устремления русского религиозно-философского ренессанса.

Все это имеет самое прямое отношение к текущим российско-немецким разногласиям. Каждая из двух стран будет по-своему искать оптимальную модель глобализации или встраиваться в какой-либо уже существующий проект, исходя из собственных культурно-исторических традиций, стратегического потенциала, места в наличных, переходных международных структурах. Несколько раз свернув в разные стороны на таких развилках, страны рискуют упустить последние возможности достичь взаимопонимания.

Российский политолог А. В. Фененко предлагает интересный анализ факторов, которые мешают Германии провести ревизию своей внешней политики: «Атлантический выбор» современной Германии связан прежде всего с ее базированием на Рейнско-Баварской платформе, исторически связанной с Западной Европой. У современной Германии нет исторических имперских центров, которые могли бы изменить ее идентичность. Однако такая ситуация базируется на стабильности институтов ЕС, удерживающих Германию в рамках «Атлантической системы». Трансформация структуры этого сообщества может привести к подвижкам в географии «германской системы», что в будущем может вновь поставить вопрос о ее выборе⁴²⁰. Выводы автора представляются весьма нетривиальными. В отечественной научной традиции немецкий атлантизм связывается, прежде всего, с «западной интеграцией» по К. Аденауэру и блоковой дисциплиной в рамках

---

⁴¹⁹ Там же. – С. 255–256.

⁴²⁰ Фененко А. В. Геополитика «немецкого вопроса» / А. В. Фененко // Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/geopolitika-nemetskogo-voпросa/> (дата обращения: 20.05.2022).

НАТО, однако А. В. Фененко в приведенной оценке не касается данных вопросов напрямую. В его восприятии евроатлантическая политика Германии преимущественно определяется динамикой и перспективами европейской интеграции. С этим стоит во многом согласиться, поскольку Берлин может рассчитывать на статус гегемона в ЕС, но не в НАТО, а немецкие национальные интересы гораздо теснее связаны с обустройством и защитой «европейского дома», чем с американской глобальной вовлеченностью. С другой стороны, за последние восемь лет угрозы европейскому проекту беспрецедентно умножились. Здесь следует вспомнить и об украинском и сирийском кризисах, и о нестабильности Большого Ближнего Востока в целом, и о медленном, но неуклонном исчерпании потенциала глобального неолиберального проекта. Означает ли это, что Германия, утратив привычные региональные ориентиры, переживет коренную трансформацию идентичности, способную в итоге подтолкнуть ее к всестороннему пересмотру внешнеполитического курса? По крайней мере, постепенная эрозия некоторых западных институтов заставляет учитывать такую возможность. Вероятно, в обозримом будущем западная цивилизация должна пройти целый ряд точек бифуркации, что может изменить ее облик до неузнаваемости.

Перечисленные проблемы в той или иной форме стоят и перед Россией. Трансформации современного миропорядка ставят под сомнение некоторые аспекты ее текущей самоидентификации. Спор между обобщенными западниками и славянофилами красной нитью проходит через всю историю отечественной общественно-политической мысли. Недавно данную дискуссию возобновили российские геополитики В. Иноземцев и С. Черняховский, о чем было подробно рассказано выше. В общем виде дилемма проста: Россия может или интегрироваться в структурированный западными жизненными форматами морской мир, или создать собственную континентальную платформу. В текущих конкретно-исторических условиях первый вариант по понятным причинам не рассматривается, однако главная проблема находится на гораздо более глубоком уровне: возможно,

предлагаемая альтернатива в эпоху глобализации стала ложной. Здесь стоит вспомнить критику воззрений Х. Макиндера З. Бжезинским: «Сегодня геополитический вопрос более не сводится к тому, какая географическая часть Евразии является отправной точкой для господства над континентом, или к тому, что важнее: власть на суше или на море. Геополитика продвинулась от регионального мышления к глобальному, при этом превосходство над всем Евразийским континентом служит центральной основой для глобального главенства»⁴²¹. Данные рассуждения полезно применить и к современной российской внешней политике, которая в известном смысле находится на распутье. Ответом на актуальные вызовы не может стать простая переориентация с одного региона на другой, здесь необходима новая концепция глобальной вовлеченности (не в универсалистском или гегемонистском смысле). Нужна не только четкая артикуляция российских национальных интересов, но и видение всемирно-исторической миссии страны. Иными словами, стоит задуматься, что именно, сверх обычной политической конъюнктуры и сугубо утилитарных соображений, может мотивировать другие государства поддерживать те или иные инициативы Москвы.

Такой сверхзадачей может стать консолидация многополярного миропорядка, от которой выиграют не только потенциальные и актуальные полюса силы, но и многие игроки второго и третьего эшелонов. Российский эксперт В. Нежданов так характеризует перспективы данного сценария: «Международные отношения в таком случае приобретают характер творческого процесса, направленного на поиск возможностей по совмещению и сотворчеству во взаимодействии разных по своей сути, политических и идеологических центров. Как следствие, международные отношения могут быть приведены в соответствие с принципами и идеалами Устава ООН, демонстрируя переход к общечеловеческой метацивилизации (объединению

---

⁴²¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М.: АСТ, 2014. – С. 54.

нескольких цивилизаций в один массив), характеризующей мир как многообразие в единстве»⁴²². Ученый связывает международно-политический потенциал России со всемирно-историческим оптимизмом. Отстаивая свои национальные интересы, страна, по сути, поможет реализации более рациональной и гуманной модели глобализации. Здесь можно уловить отголоски русской дореволюционной философии (Ф. Достоевский, В. Соловьев, Н. Федоров), для которой была очень важна идея нового «всемирного устройства», достигаемого через Россию в общечеловеческих интересах. Текущие события выдвигают на первый план пессимистические сценарии российско-немецких отношений и мирового развития в целом, однако с более далеким будущим можно связывать определенные надежды. Даже в подчеркнута конфликтной модели С. Хантингтона диалог цивилизаций оказывается и возможным, и необходимым, поскольку над ними все явственнее нависают общие угрозы, а цена их столкновения может оказаться непомерно высокой.

Выше проблемы и перспективы современных российско-немецких отношений преимущественно характеризовались в терминах методологического материализма. Иными словами, их анализ основывался на поиске объективных социальных факторов, которые существуют и действуют независимо от картины мира, познавательных и ценностных установок субъектов принятия решений. Большинство школ международных исследований исходят из неочевидного допущения, что в каждом отдельном случае такие факторы будут рано или поздно найдены, а в определяемых ими процессах удастся вычлениить очищенные от всякого субъективизма инварианты. В применении ко многим исследовательским задачам эффективность данной методологии оказывается не ниже ожиданий или даже их превосходит. Однако даже в хрестоматийных объяснительных моделях можно выделить некий «сухой остаток» – факты, противоречащие их общему

---

⁴²² Нежданов В. Формирование нового мирового порядка: на пути к полицентричности? / В. Нежданов // Российский совет по международным делам. – URL: https://russiancouncil.ru/blogs/v-nezhdanov/formirovanie-novogo-mirovogo-poryadka-na-puti-k-politsentrichnosti/?sphrase_id=90823963 (дата обращения: 22.05.2022).

духу и смыслу, которые, тем не менее, нельзя было оставить за скобками при их построении. Отчасти это связано с самой спецификой научного знания: если бы текущая парадигма была полностью свободна от противоречий и белых пятен, она не могла бы ни развиваться, ни со временем смениться новой. С другой стороны, недостатки методологического материализма становятся особенно явственными в современную эпоху, когда сугубо геополитическая логика государственного строительства все больше демонстрирует свою ограниченность.

Конструктивистский подход предложил инновационные аналитические инструменты для работы с изменившимися реалиями, которые существенно отличаются и от обобщенной вестфальской модели, и от предсказаний классических теорий постиндустриального общества. Рассматриваемые идеи отличаются ярко выраженной прагматической ориентацией, связывают актуальные международно-политические проблемы с фундаментальными философскими вопросами и могут быть истолкованы в духе социальной критики и идеологической рефлексии. Таким образом, их применение к наиболее сложным аспектам заявленной темы может оказаться весьма продуктивным с эвристической и практической точек зрения.

В современном мире успех государства в огромной степени зависит от его умения управлять смыслами и идентичностями. Уже в начале XXI в. было высказано мнение, что классическая геополитика после «холодной войны» потеряла актуальность, а грядущие битвы за глобальное лидерство развернутся в пространствах геоэкономики и геокультуры⁴²³. Российскими учеными были созданы концепции антропотока и этнотектоники⁴²⁴, которые отражают различные аспекты важнейшего всемирно-исторического процесса – переноса идентичностей во времени и пространстве. В западной научной традиции данные феномены подробно изучались конструктивистами,

---

⁴²³ Ютанов Н. Ю. Торжество Геи / Н. Ю. Ютанов // Классика геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 6.

⁴²⁴ Переслегин С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске / С. Б. Переслегин // Philosophy. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2005. – С. 129–138.

предложившими новое прочтение теории международного общества, которая была ранее разработана английской школой международных исследований⁴²⁵.

Хотя конструктивизм во многом сформировался в борьбе с устоявшимися подходами, он имеет и ряд точек соприкосновения с ними. И ему, и «большим парадигмам» свойственны представление о системном характере международных отношений и четкая прагматическая ориентация. При этом во главу угла можно ставить разные социальные структуры – военно-политические, экономические, правовые, культурные. С другой стороны, практические рекомендации, предлагаемые теми или иными теоретиками, могут быть нацелены либо на сохранение, либо на изменение существующих общественных порядков.

Классический политический реализм, по сути, не признавал социологического подхода к изучению международных отношений. Г. Моргентау строго разграничивал исследования внешней и внутренней политики государства (анархичного «естественного состояния» и упорядоченного «гражданского общества» по Т. Гоббсу). Закономерности, установленные в одной из данных двух сфер, он не переносил в другую. Позже французский ученый Раймон Арон предложил свою версию социологии международных отношений, сохранив некоторые элементы политического реализма, а английские исследователи Х. Булл и М. Уайт разработали учение о международном обществе, призванное примирить противоречия «больших парадигм»⁴²⁶.

Основное допущение конструктивизма проще всего объяснить по аналогии с одноименной теорией наций и национализма. В данной дисциплине произошел переворот, когда британский ученый Б. Андерсон опубликовал книгу «Воображаемые сообщества». В частности, в ней говорится, что феномен нации не дан индивиду в непосредственном опыте: его

---

⁴²⁵ Сафронова О. В. К вопросу о генеалогии конструктивизма в теории международных отношений / О. В. Сафронова // Вестник Нижегородского университета. Международные отношения. Политология. Регионоведение. – 2004. – Вып. 1 (2). – С. 100.

⁴²⁶ Там же.

собственные социальные связи характеризуются гораздо меньшим охватом. Нация существует в сфере идеального, ее создают книга, национальный язык, карта, перепись и музей. Без конвенций и норм, функционирование которых обеспечивается печатной коммуникацией, социальные единицы такого масштаба существовать не могут⁴²⁷. Нация – плод самоидентификации и взаимного признания, общее для данного человеческого коллектива (и даже создающее его) символическое пространство, а не прямое отражение тех или иных материальных структур.

Конструктивистское понимание международных отношений можно суммировать следующим образом. Поведение актора зависит от его идентичности, которая, в свою очередь, определяется общественными ценностями, институтами и практиками, а также историческим наследием. Все институты социально конструируются: они не могут существовать без межсубъектного консенсуса относительно того, что приемлемо и желательно в общественной жизни. Постмодернизм и критическая теория общества в известном смысле радикализировали приведенные тезисы. С точки зрения первого подхода, любые международные структуры – это социальные конструкты, отражающие выгодное элитам мировоззрение. Сторонники второго стремятся сформулировать идеи «прямого действия», призванные освободить людей от угнетающих их социальных институтов, в основе которых может лежать не только классовый критерий, но и гендерные, расовые, религиозные и национальные различия⁴²⁸.

Чтобы оценить современные российско-немецкие отношения в терминах конструктивизма, необходимо кратко изложить основные идеи основателей данного научного направления – Н. Онафа и А. Вендта.

---

⁴²⁷ Юрин А. Н. Междисциплинарные исследования нации во второй половине XX в.: конструктивистский подход / А. Н. Юрин // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2017. – № 3-4 (30-31). – С. 146–149.

⁴²⁸ McClelland C. International relations. Recent perspectives. Constructivism / C. McClelland, R. Pfaltzgraff et al. // Britannica. – Chicago, 2019. – Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/international-relations/Structures-institutions-and-levels-of-analysis#ref247579> (дата обращения: 22.04.2022).

Н. Онаф пишет, что общественные отношения создают людей, а люди, в свою очередь, творят мир, причем язык играет огромную роль в обоих процессах. Люди и общество взаимно формируют друг друга, участвуя в различных практиках – видах деятельности, регулируемых правилами. Применяя правила к соответствующим типам ситуаций, человек приобретает статус агента (субъекта действия). Институты – это устойчивые наборы правил и связанных с ними практик, создающие среду, в которой рациональные агенты делают целесообразный выбор, причем последний меняет и их самих, и их среду. Структура общества определяется его правилами, институтами и непреднамеренными последствиями принимаемых решений⁴²⁹. Здесь есть точки пересечения с неореализмом («тирания малых решений»⁴³⁰), однако конструктивисты все же предлагают альтернативную версию структурного подхода. По их мнению, «структура – это то, что видят наблюдатели, в то время как институты – это то, в рамках чего действуют агенты»⁴³¹. С точки зрения неореализма, структура системы международных отношений сугубо объективна, она определяется исключительно распределением возможностей между акторами и влияет на их поведение и его результаты независимо от того, осознается ли сам факт ее существования⁴³². Неолибералы смещают акценты в рамках структурного подхода, их в первую очередь интересуют экономические факторы, обуславливающие сохранение или эрозию гегемонии и действующие как бы параллельно военно-политическим изменениям⁴³³. При этом необходимо отметить, что обе последние парадигмы в известном смысле остаются в границах первого «большого спора». И дело здесь не только в том, что они интенсивно заимствуют темы и мотивы у своих предшественников – школ Г. Моргентау и

---

⁴²⁹ Onuf N. G. *Constructivism: a user's manual* / N. G. Onuf // *Making sense, making worlds. Constructivism in social theory and international relations.* – N.Y.: Routledge, 2013. – P. 4–6.

⁴³⁰ Waltz K. N. *Theory of International Politics* / K. N. Waltz. – Reading, Massachusetts: Addison-Wesley Publ. Co, 1979. – P. 108.

⁴³¹ Onuf N. G. *Constructivism: a user's manual* / N. G. Onuf // *Making sense, making worlds. Constructivism in social theory and international relations.* – N.Y.: Routledge, 2013. – P. 6.

⁴³² Waltz K. N. *Theory of International Politics* / K. N. Waltz. – Reading, Massachusetts: Addison-Wesley Publ. Co, 1979. – P. 129.

⁴³³ Keohane R., Nye J. *Power and interdependence* / R. Keohane, J. Nye. – 4th ed. – Boston: Longman, 2012. – P. 39.

В. Вильсона, соответственно, но и в неявных методологических установках, общих большинству исследовательских подходов, оформившихся до «конструктивистской революции». Имеется в виду известный объективизм данных учений, которые, по сути, выносят проблемы восприятия и культурные факторы за рамки международно-политического анализа, заметно обедняя его под предлогом устранения произвольных допущений.

Конструктивисты же понимают мировой политический процесс как динамику правил и институтов, как меняющуюся социальную реальность, в которой агенты постоянно совершают рациональный выбор, используя те или иные ресурсы для защиты своих интересов. Важно отметить, что агент может быть идентифицирован наблюдателем и, как правило, развивает те или иные формы самоидентификации⁴³⁴. Здесь поднимается одна из важнейших проблем социальных наук. Понятие идентичности можно определять по-разному. Это и факторы, обеспечивающие временное тождество личности, и включенность человека в группу в его собственном и чужом восприятии, и нормы, ценности и представления, принятие которых как раз и делает его членом группы. С конструктивистской же точки зрения, агент имеет идентичность в силу того, что он действует по известным правилам в рамках определенных институтов. Здесь ясно выражена прагматическая тенденция, которую довел до завершения классический марксизм с его акцентом на общественно-исторической практике и пониманием сущности человека как «совокупности всех общественных отношений»⁴³⁵. «Что бы ты ни делал, ты делаешь себя» – с данным тезисом согласны и марксисты, и конструктивисты.

Изложенные соображения проливают свет на многие измерения заявленной темы. По мнению некоторых отечественных экспертов, сегодня в научных подходах к российской и немецкой внешней политике наметился и

---

⁴³⁴ Onuf N. G. Constructivism: a user's manual / N. G. Onuf // Making sense, making worlds. Constructivism in social theory and international relations. – N.Y.: Routledge, 2013. – P. 8–9.

⁴³⁵ Маркс К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 3. – С. 3.

даже утвердился своеобразный методологический дуализм⁴³⁶. Современная немецкая идентичность основана, в том числе, и на строгом следовании формально определенным нормам и правилам (предсказуемость, преемственность, многосторонний характер немецкой внешней политики тесно с этим связаны). Такого рода юрицизм всегда был чужд российской политической культуре, для которой важно выстраивание и поддержание неформальных связей и отношений между ключевыми игроками. Соответственно, Германия упрекает Россию в нежелании соблюдать правила – в контексте украинского и сирийского кризисов, «дела Навального» и т. п. Москва же, в свою очередь, критикует Берлин за манипуляции нормами, приверженность двойным стандартам. Разные идентичности двух государств связаны, среди прочего, с их неодинаковым отношением к неолиберальной трактовке международного права, сформулированной и активно продвигаемой США. Соответственно, РФ и ФРГ по-разному встроены в социальную структуру мировой политики, что не только приводит к периодическим столкновениям интересов, но и создает проблемы восприятия. В конструктивизме властные отношения – это вопрос не столько материальной силы, сколько рационального выбора и картины мира. При этом любые правила подразумевают наличие правления, даже если оно не воплощено в одном или нескольких субъектах власти⁴³⁷.

А. Вендт предложил несколько иную расстановку акцентов. Он тоже противопоставляет конструктивизм неореализму, холистический и идеалистический подход – индивидуализму и материализму. При этом он стремится выяснить, как сила и интерес зависят от идей и культуры, распределение которых гораздо важнее соотношения материальных возможностей. Агенты, вопреки методологическому индивидуализму, не являются сущностями, онтологически первичными по отношению к

---

⁴³⁶ Айвазян А. С. Европа в поиске новых решений / А. С. Айвазян, Л. О. Бабынина, М. В. Ведерников и др. – М.: Институт Европы РАН, 2020. – С. 57.

⁴³⁷ Onuf N. G. Constructivism: a user's manual / N. G. Onuf // Making sense, making worlds. Constructivism in social theory and international relations. – N.Y.: Routledge, 2013. – P. 7.

социальной системе, в которую они включены. Напротив, она создает (конструирует) их. Культура международной системы формирует идентичности государств и определяет способы их взаимодействий, а не наоборот⁴³⁸.

Идентичность государства в большой степени обуславливает его ожидания от потенциальных и реальных партнеров и международной среды в целом. Это может оказать на двусторонние отношения даже большее влияние, чем рационально понятые материальные интересы участников. Рассматриваемая концепция полезна для интерпретации российско-немецких разногласий последних лет. Как отмечает аналитик Российского совета по международным делам Д. В. Тренин, проблема во многом коренится в сфере восприятия. «Разумеется, дело не только в событиях 2020 года (в том числе и не в победе Байдена): отношения, которые на заре 1990-х выглядели как почти идеальный союз между Россией и Европой, разрушались уже давно. В основном – из-за нереалистичных ожиданий друг от друга и опыта, который копился у обеих сторон все эти три десятилетия»⁴³⁹. При этом некорректные политические представления – не случайность и не результат произвола, а закономерное порождение социальной реальности, в которой существуют оба государства. Германия воспринимает международную политику через призму «западных ценностей», хотя их конкретная трактовка остается предметом споров. Теория «конца истории» Ф. Фукуямы продемонстрировала свою полную геополитическую несостоятельность, что в итоге вынужден был признать и сам автор⁴⁴⁰. Однако она оказалась крайне эффективным нарративом, который, искаженно отражая объективное положение вещей, сам становится важным элементом социальной реальности. В российском

---

⁴³⁸ Wendt A. *Social Theory of International Politics* / A. Wendt. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 370–372.

⁴³⁹ Тренин Д. В. Европа и Россия: тупик, из которого можно выйти / Д. В. Тренин // Российский совет по международным делам. – М., 2021. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/evropa-i-rossiya-tupik-iz-kotorogo-mozhno-vyyti/?sphrase_id=75534714 (дата обращения: 22.04.2022).

⁴⁴⁰ Fukuyama F. The future of history. Can liberal democracy survive the decline of the middle class? / F. Fukuyama // *Foreign affairs*. – January-February 2012. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2012-01-01/future-history> (дата обращения: 27.09.2017).

политическом дискурсе сегодня доминирует скорее консервативная парадигма, основанная на представлениях о духовных скрепах и особом историческом пути страны. При всех фундаментальных различиях между данными подходами, у них есть и общие черты. Их можно трактовать по-разному, когда дело доходит до принятия конкретных решений. Невозможно предсказать внешнюю политику государства на основании таких ценностных констатаций, тем более что она зависит не столько от них, сколько от идейной и материальной структуры международной системы в целом. Кроме того, рассмотренные идеологемы не являются в соответствующих странах предметом общенационального консенсуса, скорее их следует считать выражением тех или иных групповых властных интересов. Наконец, в современных социальных науках популярна интерпретация идеологии как формы ложного сознания, восходящая еще к Ф. Энгельсу: «Идеология – это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он создает себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах»⁴⁴¹. Любая политическая культура – творение людей, которые не могут вполне постичь «истину ситуации» именно потому, что их связывает с ней конкретный материальный интерес, опосредованный определенными социальными конструктами. Программа-максимум для дипломатии – успешно решать все проблемы восприятия за исключением исторически неизбежных. На это и следует ориентироваться при выстраивании российско-немецких отношений. По мнению Д. В. Тренина, они должны основываться на модели соседства, которая предполагает, среди прочего, «определенную степень взаимного уважения к различию взглядов» и «поиск взаимных интересов: ценности не

---

⁴⁴¹ Энгельс Ф. Францу Мерингу, 14 июля 1893 г. / Ф. Энгельс // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1966. – Т. 39. – С. 83.

объединяют, а разъединяют»⁴⁴². Весьма характерно, что из пяти озвученных экспертом рекомендаций по крайней мере две можно истолковать в конструктивистском ключе.

По мнению А. Вендта, переосмысление принятых идей, определяющих социальную реальность, – это прямое политическое действие. В качестве примера он приводит роль «нового политического мышления» в завершении «холодной войны». Система международных отношений – в основе своей структура идей. Понимаемое так международное общество создает благоприятные условия для «самоподтверждающихся пророчеств». В нем существуют широкие возможности для планомерного социального творчества, хотя его результат в известной степени определяется стихийными процессами и непреднамеренными последствиями целенаправленных действий⁴⁴³. Здесь А. Вендт смыкается с Н. Онафом. Общественное развитие можно планировать, но замысел не может напрямую претвориться в результат, в процессе реализации он претерпевает ряд превращений. Ученые по-разному отвечают на вопрос, возможно ли полностью устранить такого рода искажения. С точки зрения неореализма, структурные принуждения, стоящие между намерениями государств и результатами их действий, отражают неотъемлемые свойства анархичной международной системы⁴⁴⁴. Марксизм же полагает, что отчуждение (в частности, существование непрозрачных для народных масс и неподконтрольных им социальных структур) – это преходящее явление. При коммунизме общественное развитие впервые станет вполне сознательным и планомерным, тогда начнется подлинная история человечества⁴⁴⁵.

---

⁴⁴² Тренин Д. В. Европа и Россия: тупик, из которого можно выйти / Д. В. Тренин // Российский совет по международным делам. – М., 2021. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/evropa-i-rossiya-tupik-iz-kotorogo-mozhno-vyyti/?sphrase_id=75534714 (дата обращения: 22.04.2022).

⁴⁴³ Wendt A. *Social Theory of International Politics* / A. Wendt. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 375–376.

⁴⁴⁴ Waltz K. N. *Theory of International Politics* / K. N. Waltz. – Reading, Massachusetts: Addison-Wesley Publ. Co, 1979. – P. 104–107.

⁴⁴⁵ Вазюлин В. А. *Логика истории. Вопросы теории и методологии* / В. А. Вазюлин. – М.: МГУ, 1988. – С. 4, 11.

А. Вендт трактует конструктивизм как теорию, способную направлять положительные социальные преобразования. Выдвигая на первый план рефлексию и планирование, он выступает своеобразным мостом между фактами и ценностями, помогает лучше интегрировать нормативность в международные исследования. Реализм не может этого достичь, потому что он исходит из неизменности основных параметров международной системы. На деле же государства сами создают лежащую в ее основе культуру, а значит могут ее изменить. В международных исследованиях первостепенное значение имеет прагматика. То, что ученый видит в предмете исследования, зависит, среди прочего, от его общественных идеалов и предполагаемых путей их осуществления⁴⁴⁶.

Российский эксперт И. Н. Тимофеев подробно анализирует проблемы восприятия в российско-немецких отношениях. По его мнению, политические культуры обеих стран не свободны от ряда стереотипов, создающих иллюзию понимания сложных и динамичных общественных явлений. Запад склонен подозревать Россию в агрессивности и гипертрофировать роль отдельных личностей и институтов в ее политической жизни. Российские правящие круги также нередко прибегают к упрощенным объяснительным моделям (загнивающий Запад, информационная война, американский гегемонизм, «цветные революции» как единый заговор, Германия как «вассал Вашингтона» или, наоборот, «европейский бульдозер»). Проблема такого стиля мышления в том, что невозможно подобрать универсальный ключ ко всем происходящим событиям: каждое из них имеет свои особые причины. Раскритиковав характерные ошибки восприятия, эксперт делает вывод: «Очевидно, что нам трудно обойтись без моделей. Так устроено наше мышление. А их рационализация к тому же создает иллюзию правильности модели. Уверовав в ее истинность, мы начинаем говорить менторским тоном,

---

⁴⁴⁶ Wendt A. *Social Theory of International Politics* / A. Wendt. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 377–378.

а попытка отражения реальности приближается к проповеди»⁴⁴⁷. Урегулирование существующих разногласий требует умелого управления отношениями и терпеливой работы со стереотипами. Хорошая новость заключается в том, что изменить сложившиеся представления все же проще, чем материальную основу существующих социальных отношений. Как отмечает А. Вендт, те или иные идеи не просто отражали или определяли ход «холодной войны», в известном смысле они ею были⁴⁴⁸. В статье В. А. Бабкиной дается подробный перечень стереотипов о России, транслируемых немецкими СМИ⁴⁴⁹. И. Н. Тимофеев предложил сходный анализ российского публичного дискурса⁴⁵⁰.

Резюмируя идейную эволюцию немецкой политической элиты в 2014-2019 гг., российский исследователь А. В. Багай отмечает, что Берлин больше не считает ухудшение отношений с Москвой своей приоритетной проблемой. В этом состоит существенное различие между правительствами А. Меркель и В. Брандта. С другой стороны, Германия сейчас балансирует между сохраняющимся желанием «трансформировать» российский общественный строй и пониманием того факта, что защита ее национальных интересов критически зависит от ее умения выстраивать продуктивный диалог с Россией⁴⁵¹. Иными словами, здесь налицо типичный конфликт интересов и ценностей/идентичностей, реалистической и конструктивистской логики принятия решений. Последователи Г. Моргентау или К. Уолца порекомендовали бы Германии сосредоточиться на практически полезных

---

⁴⁴⁷ Тимофеев И. Н. Россия – Германия: восприятие и мотивы / И. Н. Тимофеев // Российский совет по международным делам. – М., 2020. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-germaniya-vozpriyatie-i-motivy/> (дата обращения: 22.04.2022).

⁴⁴⁸ Wendt A. Social Theory of International Politics / A. Wendt. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 375.

⁴⁴⁹ Бабкина В. А. Стереотипное моделирование образа России в современных немецких СМИ на фоне обострения российско-германских отношений / В. А. Бабкина // Филология: научные исследования. – М.: НБ-Медиа, 2017. – № 1. – С. 78–84.

⁴⁵⁰ Тимофеев И. Н. Россия – Германия: восприятие и мотивы / И. Н. Тимофеев // Российский совет по международным делам. – М., 2020. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-germaniya-vozpriyatie-i-motivy/> (дата обращения: 22.04.2022).

⁴⁵¹ Багай А. В. Российско-германские отношения «после Крыма»: от «Партнерства для модернизации» до деградации диалоговых форматов / А. В. Багай // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – СПб.: СПбГУ, 2019. – Т. 12, вып. 3. – С. 373–374.

вещах. Выстраивание общеевропейской архитектуры безопасности, охватывающей военно-политические вопросы, энергетику, здравоохранение и многие другие сферы, важнее, чем бесплодные рефлексии над недостатками «режима Путина». Однако такую логику можно считать слишком прямолинейной. Идентичность Европы опирается, среди прочего, на представление о «демократическом плацдарме»⁴⁵², о распространении либеральных идей как своеобразной миссии. Разумеется, Европа нередко использует декларируемые ценности как «дымовую завесу» для своих геополитических маневров. С другой стороны, как свидетельствует история, либеральная демократия и рыночная экономика не являются универсальным ответом на все проблемы человечества, независимо от конкретно-исторических условий. Однако все это не отменяет того факта, что отказ от привычной риторики, не говоря уже об официально принятом мировоззрении, лишит немецкое правительство важнейших инструментов социальной мобилизации и, как следствие, сузит доступное ему пространство для маневра. Радикальный прагматизм в известном смысле опровергает сам себя, поскольку, отказываясь от некоторых символических ресурсов, нередко упускает политическую выгоду. Впрочем, по мнению ряда исследователей, кризис глобальной геокультуры (центристского либерализма) начался уже давно⁴⁵³, а значит, ценностная трансформация немецкой внешней политики неизбежна в любом сценарии будущего. Вопрос лишь в том, помогут ли новые идеи создать лучшую социальную реальность для широких масс населения, ведь существует опасность, что они снова будут отражать преходящие узко понятые интересы тех или иных элитарных групп.

Конструктивистская методология позволила достичь достоверных исследовательских результатов. Сегодня российско-немецкие отношения переживают кризис, который вызван не только столкновением интересов, но

---

⁴⁵² Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М.: АСТ, 2014. – С. 75.

⁴⁵³ Wallerstein I. World-systems analysis. An introduction / I. Wallerstein. – Durham and London: Duke Univ. Press, 2004. – P. 77.

и конфликтом норм и ценностей. Германия отстаивает западное понимание демократии и прав человека, Россия часто видит в данных концепциях политические инструменты, которые США и их союзники используют для борьбы с неудобными режимами. При этом российское восприятие Германии имеет двойственный характер. С одной стороны, западный сосед рассматривается как несамостоятельный актер, ждущий приказов из-за океана, с другой – отношения с ним считаются приоритетными и стратегическими. Немецкое общество также не выработало единого критерия оценки российской внешней политики. Последнюю можно толковать в контексте немецких или американских национальных интересов, в терминах англосаксонского культурного кода или его западных альтернатив. Наконец, РФ и ФРГ могут, в зависимости от колебаний политической конъюнктуры, по-разному расставлять акценты в своих исторических нарративах, включая светлые и темные эпизоды двусторонних отношений. Важно понимать, что вопросы идентичности возникают и решаются на всех уровнях национальной политики. Каждое государство должно так или иначе интегрироваться в международное общество, выстроить отношения с собственным населением, включая различные социальные страты, религиозные и этнические группы. Кроме того, ему необходимо определиться со своим «большим проектом», вписав решение повседневных проблем в контекст исторической миссии, в систему четких мировоззренческих ориентиров. Все перечисленные задачи требуют активных действий как в физическом, так и в символическом пространстве, предполагают установление новых социальных конвенций, а также пересмотр старых.

Кратко суммируя вышеизложенное, можно сделать ряд практически значимых выводов. Сегодня российское и немецкое общества проходят через непростые трансформации, вызванные как внутренними причинами, так и кризисом старых идентичностей и жизненных форматов под напором глобализации. Будущее двусторонних отношений в большой степени зависит от способности Москвы и Берлина ответить на возникающие вызовы в

интересах установления более справедливого международного порядка. Россия сегодня активно ищет новые ценностные ориентиры, способные укрепить единство ее многонационального народа и защитить ее социокультурную уникальность от усиливающихся трансграничных вызовов. Германия подспудно ставит под вопрос гегемонию англосаксонского культурного кода, рассматривает альтернативные пути культурного развития. В эпоху регионализации и глобализации все перечисленные проблемы уже не являются сугубо внутренними, у них появились характерные международно-политические измерения. Конструктивистские идеи и подходы вполне способны помочь их успешному решению.

4.3. Сценарии европейского будущего: интересы России и Германии

В силу ряда причин классическое марксистское наследие недостаточно освоено теорией международных отношений. Во-первых, К. Маркс и Ф. Энгельс не оставили специальных работ, посвященных международно-политической проблематике, хотя неоднократно обращались к ней в своих произведениях. Во-вторых, неолиберальные элиты, стремясь снизить остроту классовых противоречий, предпочитают абстрактно рассуждать об общественных или государственных интересах, не уточняя принципы и механизмы их формирования. В их идеологии государство – это монолитное образование с однозначной и, по сути, неизменной мотивацией, равноудаленное от всех своих граждан. С марксистской точки зрения, «государство – политическая организация общества; диктатура господствующего класса»⁴⁵⁴. «Общественные интересы» до построения социализма – просто текущая равнодействующая противоборствующих

---

⁴⁵⁴ Лехин И. В. Краткий политический словарь / И. В. Лехин, М. Э. Струве. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 78.

классовых интересов, определяемая переменчивым соотношением классовых сил⁴⁵⁵.

Сегодня внешняя политика государства преимущественно определяется двумя взаимосвязанными факторами: его местом в международном разделении труда и внутренней социальной структурой. По совокупности признаков современная Германия является одной из центральных экономик мир-системы, а Россия таким статусом не обладает. Последнее утверждение не является полемическим, оно указывает на опасную зависимость российской экономики от внешних факторов, на структурные проблемы, препятствующие ее устойчивому развитию. Так, она критически зависит от ряда внешних рынков при ограниченности внутреннего. Это позволяет объяснить, почему «война санкций» причинила России значительный ущерб.

Наращение противоречий глобального капитализма много раз фиксировалось в том числе и далекими от марксизма авторами^{456 457}. Однако его интерпретация остается дискуссионным вопросом. Российский историк Р. А. Медведев полагает, что на рубеже тысячелетий Россия перешла от олигархического капитализма к государственному⁴⁵⁸. Даже если это верно, такие трансформации не затрагивают самой сущности данного способа производства. Впрочем, приведенное мнение не является в науке общепринятым. Здесь можно вспомнить классическое определение периферии, предложенное И. Валлерстайном. Экономик данного типа действуют в навязанной им рыночной логике и неспособны создавать и поддерживать сильные квазимонополии⁴⁵⁹. Действительно, «центральная»

---

⁴⁵⁵ Лукач Д. Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей / Д. Лукач. – М.: Международные отношения, 1990. – С. 97.

⁴⁵⁶ Brzezinski Z. Balancing the East, Upgrading the West. U.S. Grand Strategy in an Age of Upheaval / Z. Brzezinski // Foreign Affairs. – January-February 2012. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2012-01-01/balancing-east-upgrading-west> (дата обращения: 01.02.2021).

⁴⁵⁷ Fukuyama F. The future of history. Can liberal democracy survive the decline of the middle class? / F. Fukuyama // Foreign affairs. – January-February 2012. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2012-01-01/future-history> (дата обращения: 27.09.2017).

⁴⁵⁸ Медведев Р. А. Владимир Путин / Р. А. Медведев // ЖЗЛ. Биография продолжается. – М.: Молодая гвардия, 2007. – С. 238–239.

⁴⁵⁹ Wallerstein I. World-systems analysis. An introduction / I. Wallerstein. – Durham and London: Duke Univ. Press, 2004. – P. 93.

страна может развивать уникальные технологии и эффективно тормозить их диффузию, а продавец энергоресурсов должен постоянно иметь в виду, что покупатели могут снизить энергоемкость своих экономик или открыть новые, неподконтрольные ему месторождения.

Интересно сравнить все вышесказанное с оценкой противоречий поздней Российской империи, данной В. И. Лениным. Российский «догоняющий» империализм был обречен на подчиненное положение по отношению к западному капиталу, а характерные для него общественные противоречия накладывались на нерешенные конфликты докапиталистического происхождения (феодалы пережитки в деревне, архаичные формы межнациональных отношений)⁴⁶⁰. Социальная напряженность в России 1905-1917 гг. была выше, чем, например, в Великобритании или во Франции, а средств для ее снижения не хватало, поскольку царское правительство располагало меньшей долей глобальной ренты, чем его «западные партнеры». Чтобы расколоть национальный пролетариат, выделив из него «рабочую аристократию», нужны немалые вложения⁴⁶¹.

Также полезно сопоставить рассмотренные идеи со взглядами Н. С. Трубецкого и К. Хаусхофера. Первый писал, что большевистская революция обрекла Россию на превращение в колонию Запада. Это не приговор, а указание на новую миссию: именно она должна возглавить борьбу угнетенных народов против романо-германского ига⁴⁶². К. Хаусхофер считал, что интересы Веймарской республики во многом совпадают с интересами национально-освободительных движений в колониях. У них общие претензии к Версальско-Вашингтонской системе⁴⁶³. Действительно, противостояние несправедливому миропорядку может объединить очень несхожие страны.

---

⁴⁶⁰ Сталин И. В. Об основах ленинизма / И. В. Сталин // Вопросы ленинизма. – 11-е изд. – М.: Госполитиздат, 1952. – С. 4–6.

⁴⁶¹ Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма (популярный очерк) / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т. 27. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – С. 308.

⁴⁶² Трубецкой Н. С. Русская проблема / Н. С. Трубецкой // Классика геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 137.

⁴⁶³ Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении / К. Хаусхофер // Классика геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 495–500.

Разумеется, постсоветская Россия прошла ряд исторических этапов, которые в свете интересов трудящихся следует оценивать по-разному. Однако положительная динамика была связана, в первую очередь, не с инновациями и успешным догоняющим развитием, а с благоприятной конъюнктурой на мировых рынках энергоносителей. Здесь возникает серьезная проблема, которую косвенно затронул российский политолог С. Марков. По его мнению, в путинской России долгое время действовал общественный договор, согласно которому общество отказывалось от самостоятельной политической роли, а власть в обмен на это гарантировала ему медленный, но неуклонный рост благосостояния. Эксперт считает, что в 2013 г. данное соглашение было пересмотрено по инициативе частично восстановившегося среднего класса, захотевшего большего политического участия⁴⁶⁴. Во многом это верно, однако здесь сыграл свою роль и другой фактор. Российская власть, зависящая от мировых цен на энергоносители, не могла сохранить экономическую часть договора, но и не хотела пересматривать его политическую часть.

Впрочем, марксистская социология не использует категорию «среднего класса». Два полюса капиталистического общества, определяющие его структуру и движущие противоречия, – это собственники средств производства и люди наемного труда. Менее значим тот факт, что высокооплачиваемые наемные специалисты и представители малого и среднего бизнеса могут иметь сопоставимые доходы, сходные политические симпатии и бытовые предпочтения.

Ленин в своих «Тетрадах по империализму» высветил влияние иностранного капитала на экономику Российской империи⁴⁶⁵. Приведенная им статистика красноречиво свидетельствует о геоэкономической обстановке, в которой сформировалась Антанта. Германия, несмотря на серьезное ухудшение российско-немецких отношений, стремилась сохранить

---

⁴⁶⁴ Марков С. Власть приняла заявку. В России формируется новый общественный договор / С. Марков // Российская газета. – № 65 (6041). – URL: <https://rg.ru/2013/03/27/vlast.html> (дата обращения: 12.11.2020).

⁴⁶⁵ Ленин В. И. Тетрады по империализму / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т. 28. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – С. 92–111.

традиционное «партнерство модернизации», рассматривая его в том числе и как инструмент давления и контроля. «За январь-октябрь 2019 года оборот внешней торговли России и Германии составил 43,779 миллиарда долларов...

Более 82% российского экспорта приходится на минеральные продукты.

...

Импорт в основном представлен машинами, оборудованием и транспортными средствами, продукцией химической промышленности, металлами и изделиями из них и др.»⁴⁶⁶.

Классовая оценка современного немецкого общества вызывает меньше споров. О немецком империализме говорят не только левые силы⁴⁶⁷, но и некоторые либеральные СМИ⁴⁶⁸. Для неомарксистов принадлежность Германии к центру капиталистической мир-системы является бесспорным положением. Ее внешнеэкономическая политика ранее была подробно рассмотрена автором⁴⁶⁹.

Конкретно-историческое применение классового подхода представляет собой задачу повышенной сложности. Во-первых, государственно-монополистический капитализм более эффективно, чем его предшественники, контролирует духовное производство⁴⁷⁰, включая сбор и интерпретацию социально-экономической статистики. Во-вторых, при империализме контроль над средствами производства может юридически оформляться по-разному (госкорпорации, введение крупных чиновников в советы директоров и правления компаний, «классическая» частнокапиталистическая собственность, различные формы «частно-государственного партнерства»). В-третьих, недостаточно развит понятийный аппарат, необходимый для анализа

---

⁴⁶⁶ Межгосударственные отношения России и Германии // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20200111/1563252091.html> (дата обращения: 22.11.2020).

⁴⁶⁷ Programm der Deutschen Kommunistischen Partei. – Essen: DKP-Parteivorstand, 2006. – S. 17–19.

⁴⁶⁸ Heffer S. The week the Fourth Reich began (without a shot being fired) / S. Heffer // The Daily Mail. – 2 April, 2013. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/debate/article-2301250/The-week-Fourth-Reich-began-shot-fired.html> (дата обращения: 16.11.2020).

⁴⁶⁹ Кухтин М. М. Немецкая экономическая экспансия в условиях европейского долгового кризиса / М. М. Кухтин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». – 2014. – № 4. – С. 45–49.

⁴⁷⁰ Рагозин Н. П. Духовное производство и тенденция его «погружения» в базис общества / Н. П. Рагозин // Культура и цивилизация. – 2018. – № 1 (7). – С. 13.

разновидностей позднего капитализма. Так, российский социолог С. Г. Кордонский отмечал: «В европейской культуре человек всегда знает, кто он такой, к какой социальной страте он относится. У нас – не знают. Начинают относить себя к какой-то архаике: рабочий, крестьянин или служащий – группам, которые исчезли в 1991 году. Сейчас у нас какая-то другая социальная структура, но слов для ее описания и понятий для самоидентификации нет»⁴⁷¹. С одной стороны, факты угнетения и эксплуатации часто предстают в завуалированном виде, с другой – сегодня во многих странах мира марксистские исследования переживают глубокий кризис. При этом осознанная социальная самоидентификация, классовая психология и классовое сознание – три отдельных, хотя и взаимосвязанных, понятия.

Концепция частно-государственного партнерства заслуживает более подробного рассмотрения. С точки зрения классического марксизма, она подразумевает шаткий компромисс между реакционными рыночными императивами и требованиями прогрессивного развития человечества. Решения проблемы здесь не найти, речь может идти только о рецептах, позволяющих временно смягчить ее симптомы. С другой стороны, опыт шведских экономических реформ заставляет признать, что временные меры в социал-демократическом духе могут положительно отразиться на исторических судьбах страны. В России такого рода идеи развивал известный дипломат и ученый Е. М. Примаков, общественно-политические взгляды которого во многом напоминают неокейнсианские теории П. Кругмана и Д. Стиглица. В книге «Россия. Надежды и тревоги», среди прочего, развернуто излагается социально-экономическая концепция автора. «Развитие оборонно-промышленного комплекса может и должно стать одним из важнейших источников экономического роста, тем более что гонку вооружений в мире

---

⁴⁷¹ Кордонский С. Г. «Триста с лишним лет – сплошная модернизация, а страна остается такой же» / С. Г. Кордонский // Знак. – 12.11.2018. – URL: https://www.znak.com/2018-11-12/simon_kordonskiy_o_propasti_mezhdu_falshivoy_gosstatistikoy_i_realnoy_zhiznyu_rossiyan (дата обращения: 03.11.2020).

ныне в значительной степени заменяет гонка технологий... Международная обстановка требует не сокращения, а серьезной финансовой и организационной подпитки самого ОПК»⁴⁷². Е. М. Примаков отдельно подчеркивает, что предлагаемые им меры диктуются не только напряженной международно-политической обстановкой, но и чисто хозяйственными соображениями. ОПК – не только отрасль товарного производства и опора национальной безопасности, но и важный инструмент государственного регулирования экономики в целом. Через оборонные предприятия правительство может ограничивать «свободную игру рыночных сил» в интересах широких народных масс, создавать эффективный противовес неолиберальной политике неограниченной приватизации и маркетизации. Экономическая безопасность России предполагает не только достижение независимости по критическим производствам и технологиям, но и окончательный отход от неконструктивных хозяйственных практик, которые нередко подводятся под категорию «рыночного фундаментализма».

В начале 2015 г. эксперт опубликовал большую статью «О России сегодня», где изложил основные принципы своей актуальной социально-экономической программы, предложил «дорожную карту» для вывода страны из системного кризиса. Один из главных пунктов рассматриваемого плана – бюджетный федерализм. «Трудно игнорировать тот факт, что большинство субъектов Федерации и муниципалитетов могут выполнить свою роль в социально-экономическом развитии России лишь тогда, когда достигнут финансовой достаточности»⁴⁷³. Исторически российское государство, как правило, тяготело к достаточно радикальным моделям централизации, что далеко не всегда оказывалось оптимальным решением. Обладавшие ограниченным экономическим потенциалом регионы, элиты которых практически не имели опыта кризисного управления и вообще принятия

---

⁴⁷² Дзасохов А. С. Доверие к автору – критерий оценки книг Евгения Примакова / А. С. Дзасохов // Российский совет по международным делам. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/library/library_rsmd/rossiya-padezhdy-i-trevogi/ (дата обращения: 08.07.2022).

⁴⁷³ Примаков Е. М. О России сегодня / Е. М. Примаков // Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/o-rossii-segodnya/> (дата обращения: 10.07.2022).

самостоятельных решений, часто не могли адекватно ответить на актуальные вызовы. Яркой иллюстрацией данного тезиса являются события Смуты 1605-1613 гг. и первого постсоветского десятилетия.

С бюджетным федерализмом тесно связана проблема стратегических территорий («территорий опережающего развития»). Автор резонно отмечает: «Все большее значение будет иметь продуманная линия социально-экономического развития Крымского федерального округа. Это главное условие адаптации Крыма в системе Российской Федерации»⁴⁷⁴. За прошедшие годы на данном направлении был достигнут ряд успехов (строительство Крымского моста, развитие туризма, решение проблемы водоснабжения), однако о полном завершении адаптации говорить еще рано. Свою роль здесь сыграли и правительственные инициативы, не всегда и не во всем соответствовавшие требованиям момента, и позиция некоторых российских корпораций, которые не спешили открывать представительства на полуострове, опасаясь попасть под новые западные санкции.

Далее Е. М. Примаков подробно останавливается на реформе местного самоуправления, на выстраивании подлинно демократического и вместе с тем стабильного и эффективного федерализма, столь необходимого такой многонациональной и многоконфессиональной стране, как Россия⁴⁷⁵. От успешного решения всех перечисленных задач зависит и способность государства защищать свои интересы на международной арене.

Социально-экономические воззрения Е. М. Примакова сохраняют актуальность, однако его анализ украинского кризиса во многом не выдержал проверку временем. В 2015 г. эксперт писал: «Итак, можно ли по-прежнему говорить о российской заинтересованности в том, чтобы юго-восток оставался частью Украины? Отвечаю: считаю, что нужно. ... Следующий вопрос: в условиях несоблюдения минских соглашений может ли Россия в крайней ситуации ввести свои регулярные воинские части в помощь ополченцам?»

---

⁴⁷⁴ Там же.

⁴⁷⁵ Там же.

Отвечаю: категорически нет»⁴⁷⁶. Минский процесс, основанный на признании территориальной целостности Украины (без Крыма), не помог стабилизировать обстановку. Систематический саботаж дипломатического урегулирования украинским правительством и его западными кураторами не оставил России выбора. Специальная военная операция положила начало переформатированию центрально- и восточноевропейской геополитической архитектуры, конечные результаты которого пока невозможно предвидеть в деталях. Трудно сказать, какая граница между западной и российской сферами влияния будет оптимальной в контексте российских интересов безопасности и какие меры Москва готова принять для выхода на данные рубежи. Как бы то ни было, в данном конкретном отношении рекомендации Е. М. Примакова разошлись с духом времени, объективной тенденцией исторического процесса. Впрочем, вполне вероятно, что столь опытный эксперт уже в январе 2015 г. понял, что дипломатия здесь бессильна, и просто создавал «дымовую завесу», желая обеспечить своему государству необходимую передышку в затяжном геостратегическом противостоянии. В политических исследованиях прагматика текста часто не совпадает с его буквальным смыслом или даже противоречит ему. Установить это ретроспективно далеко не всегда возможно, а для многих аналитических задач и не нужно.

Теперь имеет смысл обратиться к высказываниям Е. М. Примакова, проливающим свет на актуальные проблемы глобальной политики. «Соединенные Штаты остались державой, которая одевает свою внешнюю политику в идеологические одежды. Главным образом это проявляется в том, что мобилизуются все информационные и пропагандистские возможности США, чтобы представить их вооруженные акции и в целом американскую внешнеполитическую линию как средство распространения демократии в мировом масштабе»⁴⁷⁷. С данной оценкой гибридных войн трудно поспорить,

---

⁴⁷⁶ Там же.

⁴⁷⁷ Дзасохов А. С. Доверие к автору – критерий оценки книг Евгения Примакова / А. С. Дзасохов // Российский совет по международным делам. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/library/library_rsmd/rossiya-nadezhdy-i-trevogi/ (дата обращения: 08.07.2022).

однако у проблемы есть и другая сторона. Идеология – не только политический инструмент, позволяющий манипулировать внутренними и внешними аудиториями, но и закономерное отражение объективных интересов того или иного общественного класса в его сознании. Версия для пропаганды, версия для внутреннего пользования и реальное значение совершаемых социальным субъектом действий – далеко не одно и то же. Четкое разграничение данных понятий уже требует обращения к политэкономии позднего капитализма, однако это представляется многим авторам неудобным, поскольку данный общественный строй существует и в самой России, а не только у ее геополитических противников.

Конкретные предсказания Е. М. Примакова нередко оказывались пророческими. В свете недавних событий полезно вспомнить его слова о раннем этапе украинского кризиса. «Судя по позиции Вашингтона, ставка делалась на втягивание российских вооруженных сил на юго-восток Украины. В таком случае Европа с учетом настроений ее общественности на долгие десятилетия оставалась бы в орбите политики США»⁴⁷⁸. Отсюда следует, что за восемь лет конфликта Вашингтону удалось достичь части поставленных целей, что создает для России дополнительные риски в сфере безопасности. Ответом Москвы должна стать гибкая и взвешенная политика, предполагающая в то же время решительное отстаивание коренных национальных интересов и последовательное завершение уже начатых геополитических проектов.

Интересно сравнить с вышеизложенным немецкие интерпретации украинского кризиса. Обзор ведущих немецких СМИ (Spiegel, Tagesschau, Focus) показывает, что, несмотря на известные различия в стилистике и тональности, их освещение современных российско-немецких отношений, как правило, достаточно поверхностно и однообразно. В условиях западной политической цензуры любой отход от общепринятых рецептов, лозунгов и оценок может повлечь за собой прямые или косвенные репрессии. Даже

---

⁴⁷⁸ Там же.

высказывания главы германского государства Ф.-В. Штайнмайера не свободны от господствующих политических стереотипов, хотя и отличаются большей глубиной анализа и более осторожными формулировками. В частности, он отметил, что украинский кризис бросает вызов европейскому единству, а новое закрытие границ на континенте – вполне возможный сценарий. При этом его трактовка европейских ценностей и видение причин кризиса не представляют собой ничего нового по сравнению с немецким медийным мейнстримом⁴⁷⁹. Еще сравнительно недавно немецкие социал-демократы нередко стремились смягчить радикальный атлантизм христианско-демократического правительства, однако текущие заявления и решения О. Шольца и Ф.-В. Штайнмайера показывают, что в современной Германии данные различия уже стерлись. В известном смысле сегодня можно говорить об имитации многопартийности во многих западных странах. Альтернативное мнение по ключевым вопросам международной политики зачастую оказывается прерогативой относительно малочисленных крайне левых и крайне правых движений, а остальной политический спектр жестко унифицирован в рамках неолиберального консенсуса. То же в большой степени относится и к научным школам. С одной стороны, их растущая мировоззренческая конвергенция существенно упрощает исследование их взглядов, с другой, такой анализ неизбежно имеет ограниченную продуктивность. Замкнутая сама на себя инфосфера уже не отражает прямо объективное положение вещей, а скорее косвенно характеризует его как закономерная «форма ложного сознания».

Впрочем, в современных немецких медиа встречается и серьезная политическая аналитика и прогностика, хотя ее удельный вес относительно невелик. Так, весьма интересно и поучительно выступление шотландского эксперта Н. Фергюсона в онлайн-издании «Фокус». Он, судя по всему,

---

⁴⁷⁹ „Sind wir dazu bereit, empfindliche Nachteile in Kauf zu nehmen?“ Steinmeier über die Kriegsfolgen // Der Spiegel. – URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/steinmeier-zum-ukrainekrieg-sind-wir-dazu-bereit-empfindliche-nachteile-in-kauf-zu-nehmen-a-2af1761f-e6a3-405e-8f86-521c81321fa2> (дата обращения: 25.07.2022).

выражает точку зрения многих западных политиков, настроенных враждебно по отношению к России, но не утративших способности видеть реальное положение дел. По его словам, во время Специальной военной операции Россия сумела эффективно использовать фактор времени в своих интересах, реально оценив и запас прочности украинского государства, и шаткость европейского единства. Запад уже чувствует усталость от войны и, вероятно, в обозримом будущем снизит объемы финансовой помощи Украине. Н. Фергюсон полагает, что администрация Д. Байдена допустила серьезную ошибку, попытавшись навязать России войну на истощение. В действительности Запад (не говоря уже об Украине) сам оказался не готов к конфликту такой длительности, а российское государство успело за выигранное время перейти на военные рельсы и провести работу над ошибками. Пока Москва может продавать энергоносители и разыгрывать продовольственную карту, ее позиции будут оставаться прочными, а вот Запад под давлением экономических факторов скоро пойдет на уступки и фактически согласится на раздел Украины⁴⁸⁰. В истории можно найти и подтверждения предлагаемой концепции, и факты, ставящие ее под сомнение. Действительно, провал блицкрига в 1812 и 1941 гг. означал неизбежное (хотя и отложенное) поражение агрессора, неспособного соревноваться с Россией/СССР в выносливости. С другой стороны, события февраля-октября 1917 и августа-декабря 1991 гг. показывают, что недостаток проектности и сюжетности отнюдь не компенсируется ресурсным богатством и мощными государственными аппаратами. Идею продовольственной и энергетической сверхдержавы также можно трактовать по-разному. В условиях позднего капитализма рынок потребителя не дает владельцу ресурсов уникальных внешнеполитических преимуществ.

---

⁴⁸⁰ Historiker mahnt: „Putin weiß, dass die westliche Einigkeit ein Verfallsdatum hat“ // Focus Online. – URL: https://www.focus.de/politik/ausland/ukraine-krise/duestere-prognose-im-ukraine-krieg-experte-mahnt-eindringlich-putin-weiss-dass-die-westliche-einigkeit-ein-verfallsdatum-hat_id_123794896.html (дата обращения: 27.07.2022).

Далее, перед Россией стоит непростая задача консолидации уже сделанных приобретений. Антироссийски настроенные западные эксперты тщательно выискивают любые потенциальные слабости, которые могут снизить экономическую и географическую связность страны. Разумеется, крымский фактор часто оказывается в центре их внимания. Так, немецкий эксперт А. Умланд отмечает, что любое территориальное расширение государства сопряжено с серьезными финансовыми издержками. Большое расстояние разделяет установление военно-административного контроля над регионом и его полную интеграцию в новую социальную систему. Ученый также заявляет, что объективное место Крыма в русской этнической истории не соответствует официальному нарративу Москвы⁴⁸¹. Разумеется, Крым вошел в состав российского государства позже, чем его центральные европейские губернии, а его этническая история была во многом мозаичной, однако само по себе это не доказывает тезис эксперта. Почти любое государство делится на изначальное историческое ядро и приобретенные впоследствии территории. Юго-западная часть современных США вошла в их состав гораздо позже 1783 г., а Техас имеет опыт независимого существования («Республика одинокой звезды»). На упомянутых землях испанский язык имеет даже большее распространение, чем крымскотатарский в Крыму, однако их будущий статус не внушает опасений большинству западных экспертов. Экономические аргументы А. Умланда имеют более серьезный характер и заставляют вспомнить «транспортную теорему» геополитики и учение о географической связности по С. Б. Переслегину⁴⁸². К 2014 г. у России уже было несколько территорий, инфраструктурная и экономическая интеграция которых в общенациональное пространство не была завершена (Калининградская область, Чукотка, Камчатка, Сахалин с Курильскими

---

⁴⁸¹ Umland A. Warum Putins Krim-Eroberung nur vorübergehender Natur ist. Subventionsbedarf und Tourismusprobleme / A. Umland // Focus Online. – URL: https://www.focus.de/politik/experten/umland/subventionsbedarf-und-tourismusprobleme-warum-putins-krim-eroberung-nur-voruebergehender-natur-ist_id_12119945.html (дата обращения: 29.07.2022).

⁴⁸² Переслегин С. Б. Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: законы геополитики / С. Б. Переслегин // Классика геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 702–718.

островами). Присоединение Крыма к РФ было целиком оправдано исторически и политически, однако действительно нет гарантии, что Москва уже в марте 2014 г. предвидела полную цену данного шага и все нетривиальные управленческие решения, которые понадобятся для предотвращения возможного кризиса. Здесь остается ряд стратегических слабостей, которые при известных обстоятельствах могут быть использованы коллективным Западом. Таким образом, доктрина атлантизма содержит не только стандартный набор лозунгов и идеологием, но и ряд важных геополитических прозрений, из которых альтернативные школы (например, евразийство) могут извлечь полезные практические уроки, что, разумеется, не предполагает ценностных компромиссов.

А. Умланд отдает должное Крымскому мосту как уникальному инфраструктурному проекту, однако не считает его панацеей. Он резонно указывает на проблемы с туристическим потоком и иностранными инвестициями, которые полностью не решены на полуострове до сих пор. Кроме того, сохраняет свою актуальность проблема с питьевой водой. Пандемия, санкции, снижение цен на энергоносители и структурные проблемы российской экономики окажут на последнюю сильное кумулятивное воздействие, что в итоге будет иметь и внешнеполитические последствия. Эксперт предсказывает, что нарастание перечисленных проблем приведет к новым переменам в восточноевропейской геополитике после окончания «эпохи Путина»⁴⁸³. Сегодня прогнозы мейнстримных западных экспертов нередко бывают крайне пристрастными, однако их изучение вполне допускает постановку и решение осмысленных научных задач. Во-первых, как уже отмечалось выше, ложное сознание тоже указывает на истину ситуации, поскольку его генезис связан с объективной расстановкой общественных сил, отражает их интересы, желания и возможности. Во-вторых, западные военные

---

⁴⁸³ Umland A. Warum Putins Krim-Eroberung nur vorübergehender Natur ist. Subventionsbedarf und Tourismusprobleme / A. Umland // Focus Online. – URL: https://www.focus.de/politik/experten/umland/subventionsbedarf-und-tourismusprobleme-warum-putins-krim-eroberung-nur-voruebergender-natur-ist_id_12119945.html (дата обращения: 29.07.2022).

и политические аналитики активно ищут слабые места в российской геостратегической позиции. Следовательно, многие их высказывания можно трактовать как указания на подлежащие устранению недостатки, хотя необходимо учитывать и возможность ошибки или сознательной дезинформации. С данной точки зрения в построениях А. Умландта можно усмотреть рациональное зерно. В условиях глобальной геополитической турбулентности любая национальная элита должна считаться с риском «идеального шторма», более или менее закономерной синхронизации ряда деструктивных социальных процессов. С другой стороны, для российской политической культуры характерен неформальный институт харизматического лидерства, который в чрезвычайной ситуации позволяет быстро мобилизовать большие ресурсы, но нередко предполагает неоптимальные механизмы преемственности власти. Это действительно может вызвать непредсказуемые стратегические эффекты при смене администрации. Впрочем, от этого вполне не застрахованы и западные режимы с их культом юридически закреплённой нормы и процедуры.

Приведённые соображения актуализируют вопрос о целях и методах изучения истории. Прошлое даёт настоящему самые разнообразные уроки, которые могут послужить обоснованием весьма несходных между собой идеологий. Чтобы исключить произвол в отборе эмпирических фактов, обеспечить объективное рассмотрение изучаемых событий, необходимо применять нетривиальные методы конкретно-исторического анализа. Иначе теряется прагматическое значение соответствующих исследований, пропадает их способность не только отражать, но и направлять общественно-историческую практику. Ведь трудно найти политическую меру, которая при известных обстоятельствах (может быть, сильно отличающихся от текущих) не принесла бы желаемого результата. С другой стороны, здесь есть и чисто социологическая проблема. В любом обществе сосуществует целый ряд сил, весьма различных по своему происхождению, природе, логике действий, субъективным и объективным целям. Их соотношение непрерывно меняется,

причем внешние формы данных процессов могут быть обманчивыми, а их внутренняя сущность может быть вполне постигнута только ретроспективно. Соответственно, релевантность исторических аналогий никогда не может быть исчерпывающе доказана каким-либо общезначимым способом, однако при умелом использовании они часто имеют немалую эвристическую ценность.

Несмотря на все национальные и классовые различия, разное геополитическое и геоэкономическое положение в мире, Россия и Германия все же во многом похожи. Донецкий марксист С. Г. Ретинский отмечает, что центр мирового коммунистического движения сейчас смещается в Латинскую Америку и Юго-Восточную Азию, а Россия и западные государства (страны обуржуазившегося пролетариата) еще достаточно долго будут стоять на позициях легитимизма – необходимости сохранения капиталистических порядков⁴⁸⁴. В Венской системе международных отношений был свой принцип легитимизма, имевший два аспекта – исторический и юридический. То есть, неприкосновенными считались политические режимы и границы, существующие уже давно и/или закрепленные международными договорами. Это консервировало феодальные отношения в целом ряде европейских стран. За соблюдением «правил игры» стремился следить Священный союз, в который входили Россия, Пруссия и Австрия. Две трактовки рассмотренного принципа часто противоречили друг другу и объективным историческим тенденциям, порожденным Великой французской революцией, что сыграло свою роль в подготовке «Весны народов». Современный легитимизм отвергает все способы артикуляции политических интересов, способные поставить под вопрос капиталистические производственные отношения. И здесь у России и Германии много общего, несмотря на конкретно-историческую специфику и геополитические противоречия. Их регулярные конфликты во многом объясняются тем, что обе страны действуют в одной и

---

⁴⁸⁴ Ретинский С. Г. Левая альтернатива через призму конфликта на Донбассе / С. Г. Ретинский // Альтернативы. – 2019. – № 1 (102). – С. 63.

той же рыночной логике. В новом тысячелетии российские ТНК заняли целый ряд стратегических позиций в странах Восточной Европы, «европейском ядре» и даже в США и Канаде. Это вызвало и продолжает вызывать жесткую реакцию коллективного Запада.

В 2009 г. В. В. Путин заявил, что «Россия останется рыночной, либеральной экономикой, несмотря на мировой кризис»⁴⁸⁵. С тех пор российские власти неоднократно критиковали либеральные ценности как моральную теорию, но не ставили под сомнение основы соответствующей социально-экономической модели. Пандемия коронавирусной инфекции дополнительно оттенила слабости позднего капитализма, его нежелание и неспособность реализовывать «экономически невыгодные» стратегические проекты – даже для обеспечения национальной и международной безопасности. В текущей ситуации крайне актуальным представляется теоретическое наследие В. И. Ленина, который призывал «за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»⁴⁸⁶. В 2004 г. И. Валлерстайн писал, что запаса прочности капиталистической мир-системы, вероятно, хватит еще на 25-50 лет⁴⁸⁷. Данный прогноз отчасти проливает свет на будущее российско-немецких отношений.

Классовая структура обоих обществ и их статус в мир-системе, вероятно, будут в обозримой перспективе меняться довольно медленно. С одной стороны, это убережет двусторонние отношения от внезапных рискованных трансформаций (модель «надежных партнеров»). С другой, проблемы, неразрешимые при нынешнем формате взаимодействия, еще долго будут омрачать российско-немецкое сотрудничество. Глобальное торжество

---

⁴⁸⁵ Путин на страже либеральной экономики // Интерфакс. – 29.09.2009. – URL: <https://www.interfax.ru/business/102691> (дата обращения: 09.11.2020).

⁴⁸⁶ Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т. 23. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – С. 47.

⁴⁸⁷ Wallerstein I. World-systems analysis. An introduction / I. Wallerstein. – Durham and London: Duke Univ. Press, 2004. – P. 77.

подлинной дружбы народов исторически неизбежно, однако для этого должен измениться миропорядок в целом.

Проведенный анализ показывает, с какими внутренними проблемами сталкиваются современные государства при определении своей внешней политики. Классический реализм настаивал на методологической замкнутости международных исследований, на возможности объяснить соответствующие феномены исходя только из них самих. Современный же опыт свидетельствует, что внешняя политика страны часто отражает либо ее желание решить свои внутренние проблемы за чужой счет, либо ее неспособность найти оптимальный выход из ситуации, объясняемую опять же социологически.

Сегодня Россия сталкивается с международно-политическими вызовами, высвечивающими противоречия ее новейшей истории, непродуманный и непоследовательный характер части социальных реформ, которые она пережила за последние годы. Если общество вступает в период трудных испытаний, существенно возрастает роль социального капитала – доверия и солидарности, которые невозможно сохранить без прозрачных и справедливых «правил игры». Население может пойти на большие жертвы ради геополитических целей, если оно уверено, что правительство принимает оптимальные решения и справедливо распределяет риски и издержки, связанные с их реализацией и ее отдаленными последствиями. Есть основания полагать, что государства с рыночной экономикой и соответствующим уровнем имущественного расслоения редко способны на деле внушить гражданам такую уверенность.

Международные классовые связи накладывают дополнительные ограничения на российскую и немецкую внешнюю политику. Скрытые договоренности, воплощенные в международной банковской системе, Давосском форуме, мировых биржах и тому подобных глобальных институтах, сужают геостратегический инструментарий Москвы и Берлина. В свою очередь, компромиссная позиция правительства может восприниматься

теми или иными внутренними аудиториями как не вполне соответствующая национальным интересам. Возникающая на данной почве социальная напряженность может стоить обоим государствам важных степеней свободы.

Впрочем, релевантный исторический опыт в итоге отличается амбивалентностью, он высвечивает как риски, так и возможности. Так, отечественный политолог А. В. Фененко считает, что «русско-германская система» столетиями играла ключевую роль не только в исторических судьбах входивших в нее народов, но и в европейской дипломатии в целом. «В середине XX в. завершилось существование единой русско-германской системы, развивавшейся на протяжении двух с половиной веков. Перед нами пример расхождения двух некогда очень близких друг другу народов, создавших свои устойчивые государства через длительные и тяжелые войны друг с другом. Такой опыт исторического расхождения особенно интересен в контексте современных отношений России с республиками бывшего СССР, прежде всего с Украиной»⁴⁸⁸.

Предлагаемая автором интерпретация событий представляется весьма поучительной. Именно плотность и интенсивность двусторонних связей могут создавать серьезнейшие предпосылки для конфликта. Это полностью согласуется с анализом С. Хантингтона, давшего в «Столкновении цивилизаций» развернутую критику «коммерческого либерализма». Действительно, международная торговля, колонизация, миграции населения, культурный и дипломатический обмен – все это геополитически амбивалентные явления. Далее, А. В. Фененко подчеркивает, что идеологически важное понятие братского народа не может быть исчерпывающе обосновано научными конкретно-историческими соображениями. Здесь никакая степень близости не может гарантировать от разрушительных конфликтов и последующего (не ограниченного по времени и глубине) отчуждения.

---

⁴⁸⁸ Фененко А. В. Геополитика «немецкого вопроса» / А. В. Фененко // Российский совет по международным делам. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/geopolitika-nemetskogo-voprosa/> (дата обращения: 20.05.2022).

В футурологическом контексте наибольший интерес представляет вывод автора, что в обозримом будущем восстановление русско-германской системы невозможно. Это обусловлено ограниченным потенциалом политики диаспор, историческим опытом Второй мировой войны и атлантическим выбором современной Германии⁴⁸⁹. Таким образом, изученная оригинальная концепция во многом подтверждает скорее пессимистические прогнозы, сделанные выше на основании иных источников. С другой стороны, она помогает понять отдаленные причины нынешнего кризиса, независимые от актуальной политической конъюнктуры.

Действительно, географическая близость двух стран, ранняя централизация России и долго сохранявшаяся раздробленность Германии, петровские реформы и противоречивое наследие европейской дипломатии – все это необходимо учитывать при оценке современных разногласий Москвы и Берлина. Возможно, наблюдаемое растущее отчуждение между двумя странами меняет не сам мегатренд, а только внешние формы его проявления. Не исключено, что оно просто является неблагоприятной фазой крупного закономерно повторяющегося исторического цикла, не поддающегося непосредственному наблюдению, но позволяющего извлечь из прошлого ценные уроки для настоящего и будущего. Дальнейшее исследование заявленной темы может быть связано с кондратьевскими волнами, броделевским членением исторического времени, различными концепциями социального мегатренда и технологической сингулярности. Целью такого анализа необязательно является поиск конкретных рецептов, он может скорее высвечивать сложность существующих проблем, одновременно указывая на их преходящий характер и предостерегая от типичных ошибок при их решении.

---

⁴⁸⁹ Там же.

4.4. Выводы по четвертой главе

Выше были проанализированы различные сценарии будущего российско-немецких отношений. Был сделан вывод, что наиболее вероятным вариантом развития событий является дальнейшая деградация диалоговых форматов, не являющаяся, впрочем, фатально предопределенной и не исключающая частных успехов на отдельных направлениях сотрудничества. Неконструктивная позиция коллективного Запада, разумеется, в обозримом будущем может по каким-либо причинам измениться, однако необязательно рассматривать ее как главный камень преткновения. Геополитическая структура Центральной и Восточной Европы настолько сильно нарушена недавними событиями, что ее восстановление в том или ином виде будет долгим, болезненным и противоречивым процессом, который затронет и заденет коренные интересы многих государств мира. Конфликты на данной почве неизбежны, однако политическая мудрость поможет ограничить их длительность, масштабы и последствия. Параметры нового миропорядка, который возникнет после их завершения, также допускают сознательное проектирование и управление рисками (и, более того, такие целенаправленные усилия абсолютно необходимы).

Альтернативные варианты можно рассматривать как риски базового сценария, хотя в данном случае как раз наиболее вероятное развитие событий сопряжено с самыми серьезными вызовами и угрозами. В консолидирующийся евразийский блок, воплощенный в организационных формах ЕАЭС, ОДКБ и ШОС, могут, разумеется, войти и новые страны, в том числе и европейские. В последнем случае речь будет идти об углубляющемся расколе Запада, об остром кризисе его геополитических и геоэкономических структур. Впрочем, запас прочности данной системы еще далеко не исчерпан, как и ее способность так или иначе решать возникающие проблемы в сфере безопасности.

Далее, нельзя исключать возможность политических трансформаций в Германии и в России, которые побудят их кардинально пересмотреть собственные внешнеполитические приоритеты. Такого рода процессы могут отражать и новую расстановку классовых сил в данных государствах, и их новый статус в мировой системе, и смену господствующей модели глобализации. Разумеется, нельзя в деталях предсказать, какие внешнеполитические принципы будут определять содержание двусторонних отношений в рассматриваемом сценарии, однако некоторые общие гипотезы здесь вполне уместны. Они опираются на тот факт, что любые новые политические подходы должны предлагать решение уже существующих социальных проблем, иначе прогноз сведется к набору катастрофических сценариев, которые можно и нужно учитывать, но нельзя включить в осмысленную проектную деятельность.

Большинство стран мира сегодня сталкиваются со сходными в принципиальных моментах противоречиями, конечно же, имеющими в каждом отдельном случае разную конкретно-историческую окраску. Во многих местах отмечается растущее напряжение между требованием социальной справедливости и унаследованными от прошлого непрозрачными общественными институтами. Нередко государствам приходится признать, что национальная ограниченность их политических целей мешает им решать всемирно-исторические задачи, которые они не могут ни игнорировать, ни рассматривать через призму привычных представлений. В некоторых регионах планеты резко обострились противоречия между позднекапиталистической цивилизацией и ее природной и социальной средой, причем они часто выступают в превращенных формах этнических и религиозных конфликтов. Каким бы ни был новый формат российско-немецких отношений, которому суждено возникнуть после текущего кризиса, он не может так или иначе не учитывать перечисленные затруднения.

Наконец, следует прояснить некоторые методологические вопросы, связанные с прагматикой футурологических исследований. Нередко

предвидение угроз не дает никаких преимуществ в борьбе с ними, поскольку существующие социальные структуры блокируют правильные решения. В других случаях знание будущего может, как ни странно, навредить обществу, которое оказалось не готово услышать правду.

Видный представитель критического марксизма Д. Лукач подчеркивал классовый характер политического прогнозирования. Он отмечал, что способность социального класса видеть истину ситуации зависит от его отношения к преобладающим тенденциям общественного развития. Решает ли он насущные исторические задачи или стоит на пути их решения? Играет ли он судьбоносную роль в исторических событиях, готовится к ней или уже выполнил свое предназначение? Иными словами, формы, методы и результаты познания определяются местом его субъекта в общественно-исторической практике, со всеми ее национальными, региональными и глобальными контекстами. Таким образом, политические игроки – партии, государства, международные организации – нередко либо не видят реального положения вещей, потому что это знание угрожает их базовой онтологии, либо вынуждены исказить его в публичном дискурсе в угоду своим временным интересам. Разумеется, нередко трудно провести границу между официальной позицией и действительными намерениями властного учреждения, хотя несовпадение того и другого в принципе не вызывает сомнений. Кроме того, появление ложных социальных теорий отражает реальные общественные противоречия, а при подходящих конкретно-исторических условиях идеи любого качества могут овладеть массами и через это приобрести ту или иную степень материальности и действенности. Наконец, правящие круги никогда не обладают абсолютным иммунитетом к идеологемам, которые они целенаправленно распространяют среди населения с чисто утилитарными целями. Ошибки восприятия нередко отражают самообман, который начинался с сознательного обмана других, с манипуляций общественным мнением.

Соответственно, политические прогнозы в среднем содержат больше ошибок, чем, например, технологические. Если они все же оказываются в целом верными, их далеко не всегда можно открыто озвучить по цензурным соображениям, а высказанное необязательно будет услышано и понято. Более того, даже общее признание необходимости тех или иных мер отнюдь не гарантирует их практической реализации. Таким образом, связь футурологии с реальной жизнью опосредствована целым рядом передаточных звеньев. Некоторые из них откровенно ненадежны, другие малоизучены.

За период 2014-2022 гг. ухудшение российско-немецких отношений отмечалось многими аналитиками, не реже публиковались пессимистические прогнозы относительно их дальнейшего развития. В обеих странах и профессиональные политики, столкнувшиеся с трудными дилеммами, и простые граждане, опасющиеся за свою безопасность и благополучие, могут задать резонный вопрос: какова практическая ценность данных предсказаний, если уже очевидно, что они не помогли предотвратить нарастание кризиса? Хотя такого рода претензии далеко не безосновательны, против них возможен ряд возражений. Во-первых, футурология, как и любая другая наука, учится на своих ошибках и проходит через ряд парадигматических революций, причем лучшие достижения прошлых этапов в «снятом» виде продолжают функционировать в системе научного знания. Во-вторых, вполне возможно, что озвучивание плохих сценариев (в итоге сбывшихся) оказалось действенным предупреждением и помогло избежать еще более опасных вариантов развития событий. В-третьих, как уже отмечалось выше, в политических науках реальное использование концепции может сильно расходиться с первоначальной интенцией ее автора. Наука не гарантирует надежного рецепта для каждой отдельной проблемы. Однако она обогащает мировоззрение человека и, таким образом, повышает вероятность того, что в незнакомой, неожиданной ситуации он сделает правильный выбор.

Наконец, следует рассмотреть вопрос о нетривиальных решениях, которые, возможно, позволят Москве и Берлину обойти и базовый сценарий,

и его наиболее очевидные альтернативы. Такого рода сценарии можно разделить на следующие категории: технологические, социально-политические, связанные с разнообразными «дикими картами». В первом случае следует рассмотреть такое понятие, как технологическая сингулярность. Так футурологи называют грядущие научные и производственные перевороты, беспрецедентный характер которых не позволяет прогнозировать их долгосрочные (а иногда и ближайшие) последствия. Чаще всего в данном контексте упоминают так называемые NBIC-технологии – исследования наномира, биологические и когнитивные науки, информационно-коммуникационная сфера. С соответствующими открытиями и изобретениями связываются как надежды на решение насущных мировых проблем, так и страхи перед глобальной катастрофой или наступлением «постчеловеческой» эпохи. Трудно сказать, какое мнение ближе к истине, поскольку большинство технологий представляют собой амбивалентные инструменты, применение которых в огромной степени зависит от общественного строя, от того, в чьих руках находится политическая, экономическая и идеологическая власть. Социальные же структуры (как национального, так и глобального уровня) еще могут неоднократно измениться до реализации рассматриваемого сценария. С другой стороны, технологии бывают не только физическими, но и гуманитарными (С. Б. Переслегин). Первые регулируют взаимодействие человека с материальным миром, вторые помогают рационально пользоваться первыми – через систему целеполаганий и рамочных ограничений. Каждая из данных сфер может быть революционизирована, при этом нарушение баланса между ними может поставить общество на грань катастрофы: может быть достигнут «предел бедности» или «предел сложности».

Социально-политические сценарии в глобальном мире обязательно имеют общечеловеческое измерение, преобразующее их национальные и региональные аспекты. Наиболее интересные прогнозы такого рода были рассмотрены выше.

«Дикие карты» представляют собой одну из наиболее продуктивных концепций в современных футурологических исследованиях, однако ее научное использование по определению сопряжено с серьезными трудностями и ограничениями. Политическое прогнозирование ожидаемо ориентировано на выявление наиболее правдоподобных вариантов развития событий. Однако здесь стоит вернуться к идее математического ожидания, общеизвестной иллюстрацией которой является лотерея. Чем больше сумма выигрыша, тем меньше его вероятность, так что данные параметры в известном смысле уравнивают друг друга. При этом в политическом риск-менеджменте математические модели имеют гораздо меньшее распространение, чем в лотерейном или страховом бизнесе, в биржевой сфере. Пока такого рода отставание не преодолено, на поставленные выше вопросы трудно дать обоснованные конкретные ответы. Тем не менее, полезно в общих чертах обрисовать формальное пространство решений: какие «дикие карты» теоретически могут радикально изменить логику и содержание российско-немецких отношений? В одном или обоих государствах может произойти неожиданная частичная или полная ротация элит, не исключено появление новых политических партий и экономических групп интересов, общественную роль которых нельзя предсказать с помощью стандартных футурологических методов. Далее, динамика двусторонних отношений может значительно измениться под влиянием третьих стран – Польши, Турции или других, если они успешно внедрят какие-то управленческие, дипломатические или идеологические инновации. Наконец, «катастрофические» сценарии – региональные экологические вызовы, неконтролируемую эскалацию военной напряженности, острые социальные конфликты – также нельзя сбрасывать со счетов, хотя здесь необходимо четко разграничивать реальные угрозы, массовые страхи и пропагандистские штампы. Перечисленные варианты могут служить отправной точкой для дальнейшего футурологического осмысления современных российско-немецких отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование по необходимости имеет междисциплинарный характер. Сегодня во многих отраслях науки доминируют узкие специалисты, неясно представляющие себе общую картину развития своей дисциплины. Отчасти это обусловлено объективным процессом накопления и усложнения научного знания: энциклопедизм образца XVIII в. сегодня невозможен. Однако свою роль сыграл и кризис философии и методологии науки, некоторые причины которого были рассмотрены выше. Общий кризис капитализма проявился и в упадке буржуазной философии. Сегодня она тяготеет к фрагментарности, иррационализму и эскапизму, что объясняется интересами глобального капитала. Если в общественных науках утвердится правильная методология, неустранимые противоречия и пороки современной мир-системы станут очевидны не только большинству экспертов, но и широким слоям населения. Это довершит крах глобальной геокультуры, которой уже в 1968 г. был нанесен сокрушительный удар. Материалистическая диалектика дает ключ к решению насущных проблем обществоведения, однако в глазах многих она скомпрометирована начетничеством и догматизмом позднесоветских официальных идеологов. Кроме того, не пропали даром и усилия позитивистов, стремившихся дискредитировать любое философское исследование как «метафизику», однако, парадоксальным образом, рассматривавших собственное учение как своего рода философию науки.

Сегодня в общественных науках в РФ и на Западе царит методологический плюрализм. С одной стороны, конкуренция идей и концепций является локомотивом научного познания. С другой – наличие общепризнанных основоположений – необходимый признак зрелости дисциплины. Впрочем, политические, экономические и социологические учения – это всегда зеркало определенных конкретно-исторических условий. Утверждение более высоких общественных отношений откроет путь к преодолению существующих познавательных затруднений.

Выше современные российско-немецкие отношения были рассмотрены через призму кризиса неолиберального проекта. К началу XXI века человечество достигло высочайшего уровня политической и экономической интеграции, что как открыло невиданные возможности, так и создало беспрецедентные риски. В частности, глобализация в значительной степени размыла суверенитет национального государства, которое уже много столетий является главным актором международных отношений. Экспертное сообщество потратило много времени и сил на изучение данной проблемы, однако так и не выработало единого подхода к ней. Неореалисты глубоко проанализировали, как структура системы международных отношений влияет на политику государств. Она «вознаграждает» за соблюдение определенных правил, «наказывает» за их нарушение и опосредствует причинно-следственную связь между намерениями государств и результатами их действий. Структурное исследование позволяет подвести солидное основание под концепцию баланса сил, которую классические реалисты во многом истолковывали в волюнтаристском, субъективистском духе. Кроме того, оно позволяет вскрыть некоторые объективные закономерности возникновения, изменения и разрушения систем международных отношений. Уже Г. Моргентау рассматривал национальную мощь как относительную категорию, однако только неореалисты четко охарактеризовали распределение возможностей между акторами как системный фактор.

Изложенная теория помогает пролить свет на некоторые аспекты современных российско-немецких отношений, рамочные условия которых сегодня мало напоминают ситуацию 2000 и даже 2008 гг. За последние 25 лет распределение военно-политических возможностей в мире изменилось не в пользу США, однако Вашингтону все еще удастся сохранять общий контроль над «демократическим плацдармом». Россия и Китай существенно нарастили свое международное влияние, но это пока не привело к радикальной переориентации тех или иных союзников Вашингтона.

Современная система международных отношений дает богатый материал для совершенствования диалектического метода. Сейчас идет интенсивное накопление количественных изменений, которое со временем приведет к качественному скачку – выходу ряда стран из американской сферы влияния. С другой стороны, пока существующая система союзов хотя бы отчасти опирается на текущее глобальное распределение возможностей, она сохраняет известный запас прочности.

Изучая действующие в международных отношениях структурные принуждения, неореализм сосредотачивается на военно-политической проблематике, часто оставляя за скобками экономические вопросы. Неомарксизм, напротив, делает акцент именно на них. В рамках мир-системного подхода геополитические и геокультурные темы рассматриваются через призму экономических категорий. Уровень развития производительных сил и тип производственных отношений – ключевые характеристики как отдельного общества, так и мир-экономики в целом. Структура последней определяет внешнюю политику государств в гораздо большей степени, чем их внутреннее устройство, национальные интересы, взгляды их лидеров и народов.

Система, которая развивает одни из своих элементов за счет других, может достаточно долго сохранять стабильность. Миропорядок, при котором деградация в той или иной форме и степени становится повсеместным явлением, обречен на скорый, по историческим меркам, крах.

Мир-системный анализ позволяет вскрыть важные причины наблюдаемого охлаждения между Москвой и Берлином. Германия полностью интегрирована в глобальный неолиберальный проект, а Россия, пока вынужденная отчасти считаться с господствующей системой координат, тем не менее, отстаивает свое видение мироустройства и сопротивляется попыткам безличных транснациональных сил подчинить и поглотить ее. Берлин работает на укрепление существующего международного порядка, Москва же настаивает на необходимости больших перемен. Уже одно это серьезно

осложняет двусторонние отношения, хотя отнюдь не обрекает их на деградацию и не ведет с неизбежностью к преобладанию конфликта над сотрудничеством.

Кроме того, как уже отмечалось выше, кризис мир-системы поразили и глобальные властные механизмы, что нередко приводит к противостоянию там, где его можно было бы избежать. С описанной проблемой связан и вызов «запаздывающего управления». Громоздкие бюрократии, действующие на национальном и международном уровнях, часто не могут делать необходимую работу в реальном времени, что обесценивает значительную часть их усилий.

В рамках (нео)марксистского подхода кризисные явления в современных международных отношениях объясняются, в конечном счете, экономическими причинами. Неравномерное развитие, являющееся законом для капитализма, постоянно порождает конфликты. Страны «третьего мира» хотят достичь высокого уровня экономического развития и положить конец неокOLONIALной эксплуатации. Развитые капиталистические страны, напротив, стремятся не допустить конкуренции и сохранить возможность присваивать себе продукты чужого труда. Сегодня нередки и конфликты между странами, входящими в одну и ту же зону мир-системы. Государства «центра» традиционно борются за рынки сбыта, источники сырья и возможности для инвестиций. Государства «периферии» регулярно напрямую конфликтуют из-за территорий с их людскими и природными ресурсами. Кроме того, они конкурируют за право обслуживать потребность «центра» в сырье и промышленной продукции. Наконец, западные империалисты часто целенаправленно стравливают их между собой, организуя «цветные революции» и реализуя «стратегию хаоса». В более однородном мире международные конфликты случались бы реже, протекали бы менее остро и сопровождались бы меньшими разрушениями.

Не менее важен для характеристики капитализма закон уменьшения нормы прибыли. Общее снижение темпов накопления капитала заставляет капиталистов тем яростнее сражаться за производства, все еще сулящие высокую прибыль. Последнюю, как известно, обеспечивают инновации и

(квази)монополии, однако здесь существуют серьезные проблемы. Во-первых, монополисты нередко сами сознательно тормозят внедрение инноваций, поскольку оно может оказаться невыгодным и даже опасным для того, кто неподвластен рыночной логике. Во-вторых, ускоряющаяся диффузия технологий делает монополизацию производственных процессов все более трудной задачей. В-третьих, монополист не может сохранить свое положение без правовых гарантий, обеспеченных государственным аппаратом насилия, а позиции национального государства уже сильно подорваны глобальным капитализмом. В-четвертых, мир-система уже вплотную приблизилась к экологическим «пределам роста», и никакие инновации не остановят деградацию окружающей среды, пока главным стимулом производства является прибыль, а не удовлетворение материальных и духовных нужд населения. Таким образом, если бы капитализм сумел решить проблему неуклонно снижающейся нормы прибыли, он перестал бы быть капитализмом.

К современным российско-немецким трениям все это имеет самое непосредственное отношение. Если бы мир был менее опасным и некомфортным местом, гораздо большее количество людей уже увидело бы существующие порядки в истинном свете и приняло бы практические меры для их изменения.

Впрочем, именно логика развития капиталистической экономики увеличивает зависимость Германии от внешних поставок энергоносителей и, таким образом, побуждает ее к новым компромиссам с Россией вопреки давлению Вашингтона. Немецкий бизнес, руководствуясь сугубо экономическими императивами, стремится к сохранению сотрудничества с РФ. Взаимодействие государства и бизнеса имеет обоюдоострый характер, каждая из его сторон может при известных обстоятельствах стать ведущей, однако производственные отношения все же являются базисными, а политические и юридические структуры – надстроечными. Соответственно, любое подчинение бизнеса политическим целям ограничено как по масштабам, так и по времени. Здесь можно вспомнить провал плана

экономического удушения Великобритании, разработанного Наполеоном I. Ни огромная военная мощь Франции, ни выстроенная ею система альянсов и зависимых территорий не обеспечили последовательного поддержания режима «континентальной блокады». Интересно, что в начале XIX века глобальный капитализм еще был очень незрелым. Великая французская революция, породившая новую геокультуру, произошла всего за несколько лет до описываемых событий, многие страны Европы продолжали жить при феодализме или, по крайней мере, не успели избавиться от его пережитков. Тем не менее, попытка радикального политического вмешательства в рыночную логику потерпела неудачу, хотя обеспечивавшие ее ресурсы и сегодня поражают воображение.

Капиталистическая мир-система породила многие вызовы и угрозы национальной безопасности РФ, однако она же сделала возможными «дипломатию «Газпрома» и плодотворное экономическое сотрудничество в условиях политической конфронтации. Разложение общественно-экономической формации всегда обусловлено, в первую очередь, внутренними причинами: порожденные ей феномены обращаются против нее, сама внутренняя логика ее развития предопределяет катастрофу. Так, буржуазия, стремясь к максимизации прибыли, создала социальные условия, способствовавшие росту организации и самосознания пролетариата.

Не исключено, что некоторые государства в современном мире избрали тактику «итальянской забастовки». Как известно, к данной форме протеста рабочие нередко прибегали в ситуациях, когда обычная забастовка представлялась нецелесообразной (например, грозила локаутом с последующим наймом штрейкбрехеров). Они приходили на предприятие и работали, до мельчайших деталей соблюдая должностные инструкции и правила внутреннего распорядка, не допуская никакой «самодеятельности». Опыт показывает, что при таком подходе продуктивный труд невозможен. Никакие инструкции не могут предусмотреть всех возможных проблем. Кроме того, люди, которые их составляют и принимают, часто далеки от реальных

производственных процессов и больше думают о возможной личной ответственности в случае внештатной ситуации, чем об интересах дела. Между тем, формально-юридически участников «итальянской забастовки» упрекнуть не в чем.

Подобная логика применима и в высокой политике. Чтобы окончательно превратить ЕС в неэффективную организацию, совершенно необязательно открыто восставать против него с националистических или антиглобалистских позиций. Достаточно принять ряд нормативных актов, подобных печально известным правилам ЕС по продаже капусты (почти 27 тыс. слов), и настаивать на их неукоснительном исполнении.

Одни хотят сохранить неолиберальный проект, другие – активно бороться против него, третьи полагают, что достаточно просто ускорить его саморазрушение непрямыми действиями.

На основании вышеизложенного можно дать рекомендации по дальнейшему развитию российско-немецких отношений и предсказать их вероятную динамику. Следует исходить из предположения, что инерции капиталистической мир-системы хватит еще на несколько десятилетий. Исторический опыт и некоторые соображения структурного характера действительно заставляют считать такое развитие событий весьма вероятным. К нефеодалному сценарию подготовиться практически невозможно: любая социальная структура, призванная смягчить катастрофу такого масштаба, разрушится уже при ее начале. Революционный и компромиссный варианты предполагают новые возможности для развития российско-немецких отношений, сопряженные, в полном соответствии с законами диалектики, с новыми рисками. Однако данные трансформации столь масштабны, что их результаты невозможно предсказать в деталях, что заставляет временно воздержаться от выработки соответствующих политических рекомендаций. Впрочем, здесь следует привести некоторые общие соображения. РФ и ФРГ должны бороться с вызовом «запаздывающего управления», создавать административные структуры быстрого реагирования и снижать

инновационное сопротивление государства и общества. Даже если конкретный характер будущих задач неизвестен, общее повышение качества управления снизит вероятность неудачи.

Инерционный сценарий предполагает работу над двусторонними отношениями в знакомой системе координат, однако без надежды на прорыв или «перезагрузку». Он имеет свои преимущества, недоступные поверхностному анализу. Пока идет простое развертывание наличных тенденций, Россия должна проводить структурные реформы, которые позволят ей подготовиться к неизбежным качественным скачкам, извлечь из них максимальную пользу и минимизировать ущерб. Кроме того, поиски объединяющей общество идеи в России еще не вполне завершены, что ограничивает эффективность ее внешней и внутренней политики. Государство не может в своей деятельности ограничиваться только прагматическими соображениями, оно неизбежно сталкивается с вопросами если не миссии, то, по крайней мере, самоидентификации и базовой онтологии. Запрет государственной, общеобязательной идеологии, содержащийся в статье 13 Конституции РФ, нельзя истолковывать как оправдание «беспочвенности», ухода от трудных мировоззренческих проблем. Обществу для сохранения единства необходим широкий консенсус относительно основополагающих ценностей, а под маской свободной от идеологических ограничений дискуссии нередко пропагандируются предельно идеологизированные (возможно, деструктивные) концепции.

Известный «дефицит проектности» в российской внутренней и внешней политике, который, несмотря на позитивные перемены последних лет, все еще ощутим, не может быть окончательно преодолен в предельно сжатые сроки. Пока глубинные структуры современного миропорядка в целом остаются неизменными, необходимо приложить максимум усилий, чтобы основательно подготовиться к новой «эпохе перемен».

Россия должна последовательно наращивать свое влияние в «ближнем зарубежье», реализуя проекты евразийской интеграции и противодействуя

попыткам внешних акторов внести дестабилизацию в регион. Такая политика, несомненно, будет время от времени вызывать резкую критику коллективного Запада, однако объективно усилит переговорные позиции Москвы в целом ряде международных споров. Необходимо провести «полуоткрытую» модернизацию российской экономики, чтобы снизить ее зависимость от продажи энергоносителей и международной торговли в целом. Неравный торговый обмен – один из главных инструментов неокOLONиальной эксплуатации, что придает политике импортозамещения особую важность. Перспективы российско-немецкого «модернизационного партнерства» весьма туманны. России следует по возможности извлекать из него выгоду, одновременно снижая свою зависимость от него.

Украинский и сирийский кризисы еще долго будут ограничивать возможности развития двусторонних отношений. Впрочем, наличие непримиримых разногласий не исключает сближения. Абхазия и Южная Осетия остаются частично признанными государствами, причем западные страны продолжают считать их частью грузинской территории, с чем Москва категорически не согласна. Однако это не помешало восстановлению российско-немецких отношений после кавказского кризиса августа 2008 г.

Запад склонен проводить политику «взаимосвязанных решений» – давить на Россию по всем или почти всем направлениям за ее неуступчивость в одном или нескольких вопросах. Впрочем, данная стратегия имеет обоюдоострый характер: в ряде случаев Берлин и Брюссель теряют из-за свертывания сотрудничества, по крайней мере, не меньше, чем Москва. Именно здесь следует искать резервы для восстановления и развития отношений. Кроме того, американская внешнеполитическая доктрина может претерпеть известные изменения к лучшему, в истории уже были прецеденты такого рода. Классическая доктрина «сдерживания» имела ярко выраженную идеалистическую тенденцию. Ее авторы полагали, что переговоры по принципиальным вопросам с СССР станут возможны только после «обращения» его политической элиты или краха его общественного строя под

бременем непреодолимых внутренних противоречий. Пока этого не произошло, необходимо просто парировать конкретные попытки советской экспансии и этим выигрывать время для «свободного мира». Рассматриваемую концепцию трудно совместить с высоким уровнем геополитического анализа, что не замедлило сказаться на качестве американской внешней политики. Корейская война хорошо иллюстрирует данный тезис.

Ставший в 1969 г. президентом США Р. Никсон был политическим реалистом и геополитиком, хотя и прибегал к вильсонской риторике, чтобы не шокировать «традиционалистов». Он резонно рассматривал СССР как национальное государство, а не как «идеологическую державу» или плацдарм для мировой революции. Соответственно, он признавал за Москвой право на отстаивание своих интересов, при уважении к интересам других, и отказывался рассматривать советско-американские отношения в контексте советской внутренней политики, как бы она порой ни возмущала американцев. Такой подход позволил значительно снизить международную напряженность в начале 1970-х гг.

Интересно, что именно тогда США заложили основу для во многом противоположной внешней политики. В 1973 г. начало работу Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Подписанный его участниками Хельсинкский заключительный акт, по сути, предоставил Вашингтону новый инструмент давления на Москву. СССР признал проблему прав человека международной и тем самым облегчил США деятельность, направленную на подрыв социалистического строя изнутри.

Кроме того, раскритикованная выше политика «взаимосвязанных решений» была изобретением администрации Р. Никсона. Она явилась шагом вперед по сравнению со стереотипами и заблуждениями классической доктрины «сдерживания», однако ее современная интерпретация только мешает налаживанию российско-американских и российско-немецких отношений. Разумеется, Москва не может пассивно ждать позитивных

сигналов от Вашингтона, но их теоретическая возможность должна учитываться при долгосрочном политическом планировании.

Даже если российская политика США сохранит в целом конфронтационный характер, это не станет катастрофой. Как следует из проведенного анализа, американское глобальное преобладание станет достоянием истории гораздо раньше, чем предполагал З. Бжезинский. Позиция Белого дома по Украине и Сирии может достаточно долго оставаться в целом неизменной, однако ее значимость для мировой политики будет неуклонно снижаться. Япония уже заметно изменила свою внешнюю политику, усомнившись в надежности американских гарантий безопасности. Обсуждение российско-японского мирного договора, казалось бы, окончательно зашедшее в тупик, может опять возобновиться. Отношение западноевропейских стран к России, вероятно, будет меняться по мере дальнейшего относительного ослабления американской мощи. Эпоха внешнего доминирования в евразийской политике подходит к концу, и адаптация к новым реалиям потребует от геостратегических игроков больших усилий.

Ожидающие человечество перемены далеко не исчерпываются грядущим понижением международно-политического статуса США. Капиталистическая мир-система успешно развивалась при разных гегемонах, а также в исторические периоды, когда гегемона не было. Она пережила целый ряд экономических кризисов, революций и войн (из них две мировые), сохранив свои основополагающие черты – частную собственность на средства производства, эксплуатацию наемного труда, господство закона стоимости и т. д. Нынешний кризис в корне отличается от предыдущих. Речь идет не о смене глобального лидера и не о трансформации системы: близится к завершению этап развития европейской и мировой цивилизации, продлившийся почти половину тысячелетия. История человечества неуклонно ускоряется: первобытнообщинный строй просуществовал сотни тысяч лет,

рабовладельческие отношения – по крайней мере, дольше феодальных, феодальные – дольше, чем, видимо, сумеет продержаться капитализм.

Будущее европейской политической архитектуры во многом зависит от динамики российско-немецких отношений. Однако еще большую роль здесь играют меняющиеся глобальные контексты, степень изученности которых оставляет желать лучшего, несмотря на огромный объем посвященной вопросу научной, публицистической, идеологической, художественной литературы. Сегодня меняется не только позиция на мировой шахматной доске, но и сами правила игры, поскольку, действуя по-старому, мир пришел к патовой ситуации. Задача политиков состоит в том, чтобы минимизировать ущерб от бурных событий переходного периода и в полной мере использовать преимущества нового миропорядка, когда он будет построен. В монографии много внимания уделяется вопросу, к чему именно должно готовиться человечество, стоящее на пороге коренной ломки привычных жизненных укладов. Данная тема подробно разрабатывалась классиками марксизма-ленинизма и неомарксистами, необходимо планомерно продолжать ее изучение в новых конкретно-исторических условиях.

В третьей главе заявленная тема была изучена в свете альтернативных неомарксизму международно-политических учений. Полученные результаты в большой степени подтвердили сделанные выше выводы. Неореализм позволил вписать современные российско-немецкие отношения в контекст мирового распределения военных и дипломатических возможностей. Неолиберализм помог связать актуальные проблемы двустороннего взаимодействия с международными институтами эпохи «зрелой анархии» и динамикой глобальных экономических режимов. Оба подхода подтвердили неомарксистское положение, согласно которому внешняя политика национального государства преимущественно определяется характером его включенности в планетарные структуры власти. Соответственно, приведенные соображения опровергают целый ряд субъективистских и волюнтаристских трактовок текущих российско-немецких отношений, в которых их

перспективы ставятся в зависимость от личных качеств лидеров и случайных факторов. Наиболее уместным в сложившихся конкретно-исторических условиях представляется вывод, что наблюдаемое отчуждение между Москвой и Берлином сохранится или даже усугубится в обозримом будущем. Рациональная модель двустороннего взаимодействия должна основываться на объективной оценке данного факта и реалистичных мерах, которые позволят до известной степени смягчить связанные с ним риски. Международно-политические структуры обладают большой инерцией и приспособляемостью, они нередко сопротивляются даже давно назревшим трансформациям, консервируя явные пережитки ушедших исторических эпох. Это ставит перед национальными государствами тройную задачу. Они должны выработать оптимальную линию поведения в существующем несовершенном миропорядке, по возможности приблизить его конструктивное преобразование и, наконец, самим подготовиться к новым социально-экономическим, политическим и культурным реалиям. Описанная «большая стратегия» не отменяет, а, напротив, предполагает тщательную проработку прикладных, технических вопросов российско-немецких отношений. Здесь ни одна частность не может рассматриваться как малозначимая.

«Большие парадигмы» ставят во главу угла материальные факторы межгосударственных отношений. Для них успех актора всегда прямо пропорционален его ресурсам, включая позиционные преимущества, и умению рационально их использовать. Реальность нередко оказывается сложнее такой математически выверенной картины. Даже последовательный исторический материализм решительно признает и известную автономию общественного сознания, и его обратное влияние на общественное бытие. Вообще теории механической детерминации социальных явлений неизменно доказывают свою ограниченность. В политологии невозможно разработать систему формул, которая позволила бы свести качественное многообразие изучаемых явлений к сугубо количественным моделям или хотя бы освободить теорию от любых неоднозначностей. Односторонность «больших парадигм»

отчасти компенсирует конструктивистский подход. Он акцентирует тот факт, что проблемы восприятия могут находиться в различных отношениях с объективной действительностью, хотя и никогда полностью не отрываются от нее. Участники мирового политического процесса принимают решения исходя из определенных представлений о себе, о других и о природе международной системы в целом. Разумеется, непрерывный поток обратных связей заставляет акторов регулярно корректировать идеологию, однако оценивать результаты собственных действий они также могут по-разному, в зависимости от уже существующих предпочтений. Современные российско-немецкие отношения дают богатый материал для иллюстрации отдельных конструктивистских положений. Германия рассматривает российские инициативы через призму западных ценностных установок, Россия же в своей интерпретации мировой политики исходит из их последовательной критики. В эпоху глобализации оба полярных подхода могут иметь лишь относительное значение, хотя по законам информационной войны каждый из них позиционируется как последнее слово общественной и научной мысли. В любом случае, текущие российско-немецкие разногласия объясняются не только столкновением материальных интересов, но и стремлением сторон поддерживать в неприкосновенности идеологический фасад и отчасти их действительным мировоззрением.

Геополитическая и геоэкономическая точки зрения могут показаться антитезой конструктивистскому подходу, однако более пристальное рассмотрение вопроса открывает широкие возможности для синтеза. Геополитика восприятия позволяет выстроить концептуальные мосты между стратегическими проблемами международных отношений и их социокультурными измерениями. Такой подход требует двойного истолкования каждого текста классиков – С. Хантингтона, Г. Киссинджера, З. Бжезинского и других. С одной стороны, предложенные в них модели претендуют, с большим или меньшим основанием, на отражение объективной социальной реальности, с соответствующими прогнозами и рекомендациями. С другой, они функционируют как идеологические феномены, инструменты

продвижения известных групповых или национальных интересов. Здесь высказывание о социальной реальности само по себе является фактором ее изменения, что, впрочем, прямо не характеризует предметную истинность обсуждаемых теорий. Многие глобальные геополитические модели отводят проблеме российско-немецких отношений подчиненное место. Отчасти это связано с тем, что после Второй мировой войны Германия никогда не была самостоятельным полюсом силы в системе международных отношений. С другой стороны, кризис российского влияния после «холодной войны» обусловил известную инерцию мышления в западной науке. Тем не менее, геостратегическое моделирование современных российско-немецких отношений может быть весьма плодотворным. Текущий двусторонний конфликт можно интерпретировать в терминах борьбы Моря и Суши, атлантизма и евразийства. Футурологические исследования Д. Фридмана проливают свет на многие военно-политические риски, с которыми сегодня сталкивается Россия. П. Ханне принадлежат ценные мысли о взаимодействии разных структурных уровней мировой политики. Все перечисленные концепции, в сочетании с геоэкономическим районированием современного мира, помогают вскрыть историческую необходимость наблюдаемых российско-немецких противоречий и указать возможные пути их разрешения. При этом геоэкономика имеет точки соприкосновения с неомарксизмом, акцентирующим асимметричный характер капиталистической мир-системы.

Проведенный анализ позволяет разработать альтернативные сценарии российско-немецких отношений и ранжировать их по вероятности реализации. Поставленная задача требует углубленного изучения концептуальных и методологических оснований футурологических исследований. Научно обоснованное политическое прогнозирование затрудняется целым рядом факторов. Во-первых, теория сложных самоорганизующихся систем сама по себе является незавершенной дисциплиной, что, среди прочего, ограничивает продуктивность ее социологических приложений. Во-вторых, эффект самоподтверждающихся пророчеств искажает механизмы обратной связи:

часто нельзя установить, повлияла ли публикация прогноза на дальнейшие события или нет. В-третьих, футурологию невозможно полностью освободить от идеологических влияний, что увеличивает вероятность ошибок и манипуляций.

Целесообразно ввести своеобразную иерархию прогностических методов, отражающую их сравнительную эффективность и надежность. Экстраполяция ориентирована на достижение локальных результатов, диалектически понятая общая теория систем существенно расширяет горизонт исследования и планирования, а наиболее сложные футурологические задачи уже требуют учета разнообразных «диких карт». Данную классификацию можно условно сопоставить с тремя уровнями управления по С. Б. Переслегину: директивным, проектным и сценарным.

Изучая проблемы и перспективы современных российско-немецких отношений, можно использовать традиционный набор из трех сценариев – оптимистического, пессимистического и инерционного, которые должны получить конкретно-историческое наполнение и сформировать структурированное и обозримое пространство возможностей. При этом необходимо учитывать, что каждый из трех случаев таит как неизведанные возможности, так и непредсказуемые риски. Длинная полоса удач не всегда идет на пользу переживающему ее обществу, а поддержание статус-кво может в итоге обойтись дороже, чем быстрая катастрофа.

Чтобы выявить наиболее актуальные возможности и риски, следует вскрыть ключевые противоречия, определяющие текущую динамику российско-немецких отношений. Выше было показано, что значительный конфликтный потенциал имеется сейчас на всех уровнях двустороннего взаимодействия. Исторический материализм требует всегда искать экономическую подоплеку политических процессов. В данном случае она очевидна: речь идет об энергетической безопасности Германии, нефтегазовых доходах России и, шире, борьбе немецких и российских транснациональных корпораций за командные высоты мировой экономики. На существующие в

данной сфере проблемы накладываются политические противоречия, смысловым центром которых является вопрос центрально- и восточноевропейского урегулирования. Традиционные немецкие представления о регионе («Срединная Европа») и его роль в атлантистской геополитике («стратегический хартленд») идут вразрез с российскими национальными интересами, причем данное напряжение не может быть устранено дипломатическими средствами, хотя последние вполне способны ограничить масштабы эскалации. Ситуация остается весьма запутанной, что обусловлено как объективными причинами, так и действиями коллективного Запада, целенаправленно создающего очаги «управляемого хаоса» на российских границах. Соответственно, любые прогнозы ее дальнейшего развития по необходимости имеют предположительный характер. Стороны конфликта должны по возможности избегать необратимых последствий и экономить наличные ресурсы в ожидании более благоприятной политической конъюнктуры.

Третий уровень российско-немецких противоречий формирует идеология. Либеральные ценности атлантического мира несовместимы с российским евразийским проектом, тяготеющим к консервативному мировосприятию. Описанные расхождения нередко рассматривают через призму культурно-исторического (в пределе – цивилизационного) подхода. Данная точка зрения подкреплена серьезными аргументами и богатым фактическим материалом, однако ее нельзя считать безальтернативной. Можно считать, что характерные российские и немецкие идеологемы – это просто альтернативные варианты культуры Модерна, отражающие разные роли двух стран в системе позднего индустриального капитализма. Если же рассматривать ценности, в первую очередь, как превращенную форму интересов, международные дискуссии об авторитаризме и демократии предстанут как исторически преходящее явление. Ядро национальных интересов (выживание, безопасность, влияние) весьма стабильно, однако его

конкретное идейное и политическое оформление постоянно меняется в зависимости от ситуации.

Все перечисленные российско-немецкие противоречия органично вписываются в контекст конкурирующих теорий глобализации. Германия глубоко интегрирована в Pax Americana, Россия же выстраивает альтернативный ему мировой геостратегический проект. Оба подхода к международным отношениям динамично развиваются, их нельзя считать неизменными данностями, коренящимися в тысячелетних мегатрендах всемирной истории. Однако это не мешает им накладывать достаточно жесткие (хотя и теоретически преодолимые в перспективе) рамочные ограничения на текущие российско-немецкие отношения. Любое футурологическое исследование, особенно преимущественно ориентированное на экстраполяцию наличных тенденций, должно всесторонне учитывать такого рода факторы.

На основании приведенных соображений можно выстраивать различные сценарии европейского будущего. Один из них исходит из предположения, что общий кризис капиталистического способа производства в обозримой перспективе будет развиваться ускоренными темпами. Соответственно, политическая архитектура глобального общества и национальных государств достаточно быстро подвергнется коренным преобразованиям. Вначале новым центрам власти будет не хватать управленческого опыта, материальных и символических ресурсов, однако их сильной стороной будет свобода от социальных императивов позднего капитализма. После периода относительной турбулентности вероятно новое российско-немецкое сближение, уже на качественно иной общественно-экономической основе.

Некоторые отечественные ученые предлагают более консервативные сценарии регионального развития. Е. М. Примаков верил в дипломатическое урегулирование украинского кризиса и поддержание относительно единой европейской архитектуры безопасности. Впрочем, неизвестно, как бы он скорректировал свои оценки, если бы застал события февраля 2022 г.

А. В. Фененко, напротив, сетует на разрушение традиционной модели российско-немецких отношений и невозможность оперативно преодолеть взаимное отчуждение. Впрочем, его отчасти пессимистические прогнозы имеют скорее инерционный характер. Они предусматривают сохранение ряда наличных негативных тенденций, но не новые политические катастрофы. Не исключено, что Москва и Берлин в долгосрочной перспективе основывают свою европейскую политику именно на таких соображениях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айвазян А. С. Европа в поиске новых решений / А. С. Айвазян, Л. О. Бабынина, М. В. Ведерников и др. – М.: Институт Европы РАН, 2020. – 140 с.
2. Александр Рар: «Петербургский диалог» может умереть // Русское поле. – URL: <http://russkoepole.de/ru/news-18/224166-aleksandr-rar-peterburgskij-dialog-mozhet-umeret.html> (дата обращения: 15.07.2022).
3. Бабкина В. А. Стереотипное моделирование образа России в современных немецких СМИ на фоне обострения российско-германских отношений / В. А. Бабкина // Филология: научные исследования. – М.: НБ-Медиа, 2017. – № 1. – С. 76–85.
4. Багай А. В. Российско-германские отношения «после Крыма»: от «Партнерства для модернизации» до деградации диалоговых форматов / А. В. Багай // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – СПб.: СПбГУ, 2019. – Т. 12, вып. 3. – С. 357–376.
5. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
6. Безрукова М. В. Особенности общественной дипломатии Германии в России / М. В. Безрукова // Тренды и управление. – 2014. – № 3. – С. 237–242. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.3.12726.
7. Бек У. Что такое глобализация? / У. Бек; пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
8. Белов В. Б. «Противостоять отчуждению прошедших лет»: визит Ф.-В. Штайнмайера в Россию / В. Б. Белов // Российский совет по международным делам. – URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/protivostoyat-otchuzhdeniyu-proshedshikh-let-vizit-f-v-shtaynmayera-v-rossiyu/?sphrase_id=2030515 (дата обращения: 29.10.2017).
9. Белов В. Б. Российско-германские переговоры в Сочи: три года спустя / В. Б. Белов // Российский совет по международным делам. – URL:

- <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiysko-germanskie-peregovory-v-sochi-tri-goda-spustya/> (дата обращения: 19.07.2022).
10. Белов В. РФ – ФРГ: кризис политического доверия как фактор асимметрии отношений // Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rf-frg-krizis-politicheskogo-doveriya-kak-faktor-asimmetrii-otnosheniy/> (дата обращения: 13.12.2020).
11. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М.: АСТ, 2014. – 702, [2] с.
12. Бобыло А. М. «Мягкая сила» в международной политике: особенности национальных стратегий / А. М. Бобыло // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 14. – С. 129–135.
13. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр // Технология свободы. – М.: Постум, 2015. – 240 с.
14. Бондаренко О. В Сочи завершилась встреча российских и немецких журналистов / О. Бондаренко // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2014/12/19/dialog.html> (дата обращения: 13.07.2022).
15. Булгаков М. А. Собачье сердце / М. А. Булгаков // Избранные произведения. В 2-х т. – К.: «Дніпро», 1989. – Т. 1. – С. 454–545.
16. Бьюкенен П. Правые и не-правые / П. Бьюкенен; пер. с англ. К. Ковешникова. – М.: АСТ: АСТ Москва: Транзиткнига, 2006. – 348, [4] с.
17. Вазюлин В. А. Логика истории. Вопросы теории и методологии / В. А. Вазюлин. – М.: МГУ, 1988. – 328 с.
18. Вассерман А. А. Аксиомы конспирологии / А. А. Вассерман // Конспирология. Теории заговора. – URL: http://conspi.ru/news/a_vasserman_aksiomy_konspirologii/2010-12-30-49 (дата обращения: 10.09.2017).
19. Восканян М. Александр Пар: «Пока России говорят: «Нам можно, а вам нельзя», – договариваться не о чем» / М. Восканян, А. Пар // Бизнес Online. –

URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/456257> (дата обращения: 25.02.2021).

20. Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. Антология современной классической прогностики. 1952-1999 / ред., сост., предисл. И. В. Бестужева-Лады. – М.: Academia, 2000. – 480 с.

21. Гаджиев К. С. Геополитика: учеб. / К. С. Гаджиев // Основы наук. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2011. – 479 с.

22. Герейханова А. В Сочи Путин обсудил деловой климат с немецкими предпринимателями / А. Герейханова // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2019/12/08/reg-ufo/v-sochi-putin-obsudil-delovoj-klimat-s-nemeckimi-predprinimateliami.html> (дата обращения: 17.07.2022).

23. Гончарук А. А. Мировое коммунистическое общество как альтернатива неолиберальной глобализации / А. А. Гончарук, М. М. Кухтин // Человек и общество перед вызовами научно-технического прогресса: материалы II-й республиканской студенческой научной конференции. – Донецк, 2021. – 290 с. – С. 48–52.

24. Градировский С. Н. Государство. Антропоток / С. Н. Градировский, Б. В. Межуев, П. Г. Щедровицкий // Русский Архипелаг. – URL: http://www.archipelag.ru/agenda/strateg/antrostream/project-anropotok/doclad_zakl/ (дата обращения: 06.09.2017).

25. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – М.: АСТ, 2006. – 511 с.

26. Денисенко К. Я. Политика энергетического перехода: Германия в поисках альтернативы / К. Я. Денисенко // Российский совет по международным делам. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/oilandgastoday/politika-energeticheskogo-perekhoda-germaniya-v-poiskakh-alternativy/?sphrase_id=89614849 (дата обращения: 03.04.2022).

27. Депутат Бундестага: Меркель играет с огнем по указке из Вашингтона // Life News. – URL: <http://lifenews.ru/news/146067> (дата обращения: 22.03.2015).

28. Дзасохов А. С. Доверие к автору – критерий оценки книг Евгения Примакова / А. С. Дзасохов // Российский совет по международным делам. – URL: https://russiancouncil.ru/library/library_rsmd/rossiya-nadezhdy-i-trevogi/ (дата обращения: 08.07.2022).
29. Дипломат: КНДР все еще участник ДНЯО, поскольку выход не предусмотрен // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/world/20130608/942270872.html> (дата обращения: 21.09.2017).
30. Дугин А. Г. Философия войны / А. Г. Дугин. – М.: Яуза, 2004. – 256 с.
31. Жижек С. 13 опытов о Ленине / С. Жижек. – М.: Ад Маргинем, 2003. – 254 с.
32. Иванов В. Д. Теоретические модели глобализации / В. Д. Иванов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. – 2007. – № 4. – С. 52–59.
33. Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах / Э. В. Ильенков. 2-е изд. – К.: Час-Крок, 2006. – 312 с.
34. Иноземцев В. Л. Не потеряться во времени / В. Л. Иноземцев // Литературная газета. – 2014. – № 36. – URL: <https://lgz.ru/article/-36-6478-17-09-2014/ne-poteryatsya-vo-vremeni/> (дата обращения: 20.06.2021).
35. Истомин И. А. Дональд Трамп – непризнанный наследник Барака Обамы? / И. А. Истомин // Российский совет по международным делам. – URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/donald-tramp-nepriznannyyu-naslednik-baraka-obamy/> (дата обращения: 06.11.2017).
36. Кастро Ф. Послание XI конференции Объединенных Наций по торговле и развитию / Ф. Кастро // Fidel. Soldado de las Ideas. – URL: <http://www.fidelcastro.cu/it/node/58483> (дата обращения: 23.09.2017).
37. Киссинджер Г. Дипломатия / Г. Киссинджер; пер. с англ. В. В. Львова. – М.: Ладомир, 1997. – 847 с.
38. Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии / Б. И. Кононенко. – М.: Вече 2000: АСТ, 2003. – 512 с.

39. Кордонский С. Г. «Триста с лишним лет – сплошная модернизация, а страна остается такой же» / С. Г. Кордонский // *Znak*. – 12.11.2018. – URL: https://www.znak.com/2018-11-12/simon_kordonskiy_o_propasti_mezhdu_falshivoy_gosstatistikoy_i_realnoy_zhiznyu_rossiyan (дата обращения: 03.11.2020).
40. Корнфорт М. Диалектический материализм. Введение / М. Корнфорт. – М.: Издательство иностранной литературы, 1956. – 498 с.
41. Косырев Д. Е. Китайский съезд: калибровка сверхдержавности / Д. Е. Косырев // *РИА Новости*. – URL: <https://ria.ru/analytics/20171024/1507427460.html> (дата обращения: 27.11.2018).
42. Краткий очерк истории философии / под ред. М. Т. Иовчука, Т. И. Ойзермана, И. Я. Щипанова. – 2-е изд., переработ. – М.: Мысль, 1971. – 790 с.
43. Крауч К. Странная не-смерть неолиберализма / К. Крауч. – М.: Дело: РАНХиГС, 2012. – 272 с.
44. Кругман П. Великая ложь: сбиваясь с пути на рубеже нового века / П. Кругман; пер. с англ. Д. Павловой, А. Романовой, Г. Соловьевой // *Philosophy*. – М.: АСТ, 2004. – 474, [6] с.
45. Кухтин М. М. Немецкая экономическая экспансия в условиях европейского долгового кризиса / М. М. Кухтин // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология»*. – 2014. – № 4. – С. 45–49.
46. Лавров: хорошо известно, кто и как создал кризис на Украине // *Russia Today*. – URL: <http://russian.rt.com/article/23497> (дата обращения: 09.10.2017).
47. Лазарчук А. Г. Голем хочет жить / А. Г. Лазарчук, П. В. Лелик // Андрей Лазарчук. Ирина Андронати. – URL: <http://lazandr.lib.ru/web/books027.html> (дата обращения: 30.09.2017).
48. Лафарг П. Право на лень. Религия капитала / П. Лафарг. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 216 с.

49. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма (популярный очерк) / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. 5-е изд. – Т. 27. – С. 299–426.
50. Ленин В. И. Тетради по империализму / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т. 28. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – С. 92–111.
51. Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т. 23. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – С. 40–48.
52. Ленин: рождение нового мира // Альтернативы. – 2020. – № 2. – С. 47–71.
53. Лехин И. В. Краткий политический словарь / И. В. Лехин, М. Э. Струве. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – 397 с.
54. Лукач Д. Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей / Д. Лукач. – М.: Международные отношения, 1990. – 144 с.
55. Марков С. Власть приняла заявку. В России формируется новый общественный договор / С. Марков // Российская газета. – № 65 (6041). – URL: <https://rg.ru/2013/03/27/vlast.html> (дата обращения: 12.11.2020).
56. Маркс К. Введение (из экономических рукописей 1857-1858 годов) / К. Маркс. Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения // К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1958. – Т. 12. – С. 709–738.
57. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение / К. Маркс. Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения // К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 1. – С. 414–429.
58. Маркс К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 3. – С. 1-4.
59. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 25-2. – 551 с.

60. Материалистическая диалектика. Краткий очерк теории / П. Н. Федосеев, И. Т. Фролов, В. А. Лекторский и др. – М.: Политиздат, 1980. – 287 с. – С. 175–220, 263–279.
61. Медведев Р. А. Владимир Путин / Р. А. Медведев // ЖЗЛ. Биография продолжается. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 704 с.
62. Межгосударственные отношения России и Германии // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/spravka/20170502/1493229839.html> (дата обращения: 04.11.2017).
63. Межгосударственные отношения России и Германии // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20200111/1563252091.html> (дата обращения: 22.11.2020).
64. Межуев Б. В. Вадим Цымбурский: от конъюнктур земли к конъюнктурам времени / Б. В. Межуев // МЕТОД. Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2011. – № 2. – С. 321–345.
65. Мнение: США опасаются, что союз РФ и Германии превзойдет их по мощи // РИА Новости. – URL: http://ria.ru/radio_brief/20150319/1053493295.html#ixzz3V20OgTQt (дата обращения: 10.10.2017).
66. Морозов В. А. Германия, США и Россия в меняющемся мире / В. А. Морозов // Российский совет по международным делам. – URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/germaniya-ssha-i-rossiya-v-menyayushchemsya-mire/> (дата обращения: 29.10.2017).
67. Нежданов В. Формирование нового мирового порядка: на пути к полицентричности? / В. Нежданов // Российский совет по международным делам. – URL: https://russiancouncil.ru/blogs/v-nezhdanov/formirovanie-novogo-mirovogo-poryadka-na-puti-k-politsentrichnosti/?sphrase_id=90823963 (дата обращения: 22.05.2022).
68. Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/20603> (дата обращения: 09.10.2017).

69. Окунев И. Ю. Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики / И. Ю. Окунев // Сравнительная политика. – 2014. – № 4 (17). – С. 6–14.
70. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: сб. / Х. Ортега-и-Гассет // Philosophy. – М.: АСТ, 2002. – 509, [3] с.
71. Оруэлл Д. Скотный двор. 1984. Памяти Каталонии. Эссе / Д. Оруэлл. – М.: Пушкинская библиотека: АСТ, 2003. – 661, [3] с.
72. Пелевин В. О. Все повести и эссе / В. О. Пелевин. – М.: Эксмо, 2005. – 416 с.
73. Переслегин С. Б. «Полдень...» начинается в субботу / С. Б. Переслегин // Аркадий и Борис Стругацкие. Официальный сайт. – URL: <http://www.rusf.ru/abs/rec/peresl07.htm> (дата обращения: 28.09.2017).
74. Переслегин С. Б. В ожидании «Гибели Богов» / С. Б. Переслегин // Опасная бритва Оккама. – М.: АСТ: Астрель; СПб.: Terra Fantastica, 2011. – С. 41–46.
75. Переслегин С. Б. Возвращение к звездам. Фантастика и эволюция / С. Б. Переслегин // Philosophy. – М.: АСТ: АСТ Москва; СПб.: Terra Fantastica, 2010. – 570, [6] с.
76. Переслегин С. Б. Вторая мировая: война между Реальностями / С. Б. Переслегин. – М.: Яуза: Эксмо, 2006. – 544 с.
77. Переслегин С. Б. Кризис футурологии. Какая нам от этого польза? / С. Б. Переслегин // Опасная бритва Оккама. – М.: АСТ: Астрель; СПб.: Terra Fantastica, 2011. – С. 187–202.
78. Переслегин С. Б. Первая мировая. Война между реальностями / С. Б. Переслегин // Война и мы. – М.: Яуза-каталог, 2016. – 512 с.
79. Переслегин С. Б. Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: законы геополитики / С. Б. Переслегин // Классика геополитики. XX век: сб. / сост. К. Королев. – М.: АСТ, 2003. – С. 700–731.

80. Переслегин С. Б. Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: основные понятия геополитики / С. Б. Переслегин // Классика геополитики. XIX век: сб. / сост. К. Королев. – М.: АСТ, 2003. – С. 680–700.
81. Переслегин С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске / С. Б. Переслегин // Philosophy. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2005. – 619, [5] с.
82. Петровский В. Е. Как изменится китайский коммунизм в будущем? / В. Е. Петровский // Российский совет по международным делам. – URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/kak-izmenitsya-kitayskiy-kommunizm-v-budushchem/> (дата обращения: 27.11.2018).
83. Политолог: США «загнали себя» противостоянием «Северному потоку-2» // Радио Sputnik. – URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20210303/ssha-1599773018.html> (дата обращения: 04.03.2021).
84. Полный текст Минских соглашений // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/world/20150212/1047311428.html> (дата обращения: 26.10.2017).
85. Померанц Г. С. Постмодернизм / Г. С. Померанц // Новая философская энциклопедия. – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0178cc6d34a5c64571161178> (дата обращения: 06.03.2021).
86. Понька Т. Китайский взгляд на теорию международных отношений / Т. Понька, А. Бельченко, А. Забелла // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61. – № 10. – С. 76–86.
87. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2-х т. / К. Поппер; пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. – М.: Международный фонд «Культурная инициатива», Soros Foundation (USA), 1992.
88. Примаков Е. М. О России сегодня / Е. М. Примаков // Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/o-rossii-segodnya/> (дата обращения: 10.07.2022).
89. Примаков Е. М. Россия. Надежды и тревоги / Е. М. Примаков. – М.: Центрполиграф, 2015. – 148 с.

90. Публичная дипломатия: теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 272 с.
91. Путин на страже либеральной экономики // Интерфакс. – 29.09.2009. – URL: <https://www.interfax.ru/business/102691> (дата обращения: 09.11.2020).
92. Рагозин Н. П. Духовное производство и тенденция его «погружения» в базис общества / Н. П. Рагозин // Культура и цивилизация. – 2018. – № 1 (7). – С. 7–14.
93. Рагозин Н. П. Фридрих Энгельс о роли насилия в истории / Н. П. Рагозин // Фридрих Энгельс и современность. VII Международная научная конференция. – Донецк, 2020. – С. 7–16.
94. Рагозина Т. Э. Проблема субъекта истории как системообразующий принцип философской рефлексии / Т. Э. Рагозина // Субъективное и объективное в историческом процессе. Материалы международной научной конференции. – Донецк: ГОУВПО «ДонНТУ», 2017. – С. 40–55.
95. Рар А. Россия-Запад. Кто кого? / А. Рар. – М.: Издательство «Э», 2016. – 352 с.
96. Ретинский С. Г. Левая альтернатива через призму конфликта на Донбассе / С. Г. Ретинский // Альтернативы. – 2019. – № 1 (102). – С. 57–65.
97. Решетников: поведение ЦРУ подводит ФРГ к освобождению от зависимости // РИА Новости. – URL: <http://ria.ru/world/20140711/1015550691.html> (дата обращения: 10.10.2017).
98. Рокоссовская А. К. Эпоха несостоявшейся любви. Александр Рар: У Ангелы Меркель нет пути назад / А. К. Рокоссовская // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2016/09/19/aleksandr-rar-rossiia-ne-stanet-chastiu-zapada-i-dazhe-chastiu-evropy.html> (дата обращения: 11.10.2017).
99. «Российско-германские отношения в 2030 году»: Германия откровенно предлагает России очередную революцию // ИА REGNUM. – URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1729583.html> (дата обращения: 09.10.2017).
100. Российско-германские политические отношения. Досье // ТАСС. – URL: <http://tass.ru/info/4224357> (дата обращения: 30.10.2017).

101. Сафронова О. В. К вопросу о генеалогии конструктивизма в теории международных отношений / О. В. Сафронова // Вестник Нижегородского университета. Международные отношения. Политология. Регионоведение. – 2004. – Вып. 1 (2). – С. 99–105.
102. Сетов Н. Р. Неореализм и неолиберализм в теории международных отношений / Н. Р. Сетов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2012. – № 2. – С. 28–32.
103. Славин А. Уроки власти Ангелы Меркель / А. Славин // Литературная газета. – URL: <http://lgz.ru/article/-37-6613-20-09-2017/uroki-vlasti-angely-merkel/> (дата обращения: 28.10.2017).
104. СМИ: альянс России, Китая и Германии в Азии станет роковым для США // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/world/20141007/1027260910.html> (дата обращения: 12.10.2017).
105. СМИ: граждане Германии не хотят портить отношения с РФ из-за Украины // РИА Новости. – URL: <http://ria.ru/world/20140425/1005453570.html> (дата обращения: 09.10.2017).
106. Современные международные отношения: учеб. / под ред. А. В. Торкунова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – 584 с.
107. Соловьев В. С. Русская идея / В. С. Соловьев // Русская идея. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 512 с. – С. 227–256.
108. Сорос Д. Мировой экономический кризис и его значение. Новая парадигма финансовых рынков / Д. Сорос; пер. с англ. К. Вагнера. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010. – 272 с.
109. Сталин И. В. Об основах ленинизма / И. В. Сталин // Вопросы ленинизма. – 11-е изд. – М.: Госполитиздат, 1952. – С. 1–80.
110. Суходаева Т. С. Развитие российского сегмента арктической зоны как региональное измерение мировой геополитики / Т. С. Суходаева // Развитие территорий. – 2020. – № 2 (20). – С. 73–77.

111. Тимофеев И. Н. От авторитаризма к демократии? Будущее политических режимов / И. Н. Тимофеев. – URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-avtoritarizma-k-demokratii-budushchee-politicheskikh-rezh/?sphrase_id=262569 (дата обращения: 14.09.2017).
112. Тимофеев И. Н. Россия – Германия: восприятие и мотивы / И. Н. Тимофеев // Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-germaniya-vospriyatie-i-motivu/> (дата обращения: 22.04.2022).
113. Торкунов А. В. По дороге в будущее / А. В. Торкунов. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 476 с.
114. Тоффлер Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер // Philosophy. – М.: АСТ, 2003. – 669, [3] с.
115. Тренин Д. В. Европа и Россия: тупик, из которого можно выйти / Д. В. Тренин // Российский совет по международным делам. – М., 2021. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/evropa-i-rossiya-tupik-iz-kotorogo-mozhno-vyyti/?sphrase_id=75534714 (дата обращения: 22.04.2022).
116. Тренин Д. Последняя страница. Как дело Навального изменило отношения России и Германии // Московский центр Карнеги. – URL: <https://carnegie.ru/commentary/82690> (дата обращения: 13.12.2020).
117. Трубецкой Н. С. Русская проблема / Н. С. Трубецкой // Классика геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 126–143.
118. Уилсон Д. История будущего / Д. Уилсон // Philosophy. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. – 286, [2] с.
119. Участники «Северного потока» выразили Путину намерение продолжать проект // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/economy/20171012/1506721301.html> (дата обращения: 03.11.2017).
120. Фененко А. В. Взлет и падение русско-германской системы / А. В. Фененко // Российский совет по международным делам. – URL:

- https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vzlet-i-padenie-russko-germanskoj-sistemy/?sphrase_id=90746973 (дата обращения: 18.05.2022).
121. Фененко А. В. Геополитика «немецкого вопроса» / А. В. Фененко // Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/geopolitika-nemetskogo-voprosa/> (дата обращения: 20.05.2022).
122. Филина О. Удаленное будущее. Чем напуган «офисный планктон» / О. Филина // Огонек. – № 40 от 12.10.2020. – С. 26. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4519782> (дата обращения: 16.04.2022).
123. Фридман Д. Следующие сто лет. Прогноз событий XXI века / Д. Фридман; пер. с англ. А. А. Калинина, М. Я. Мацковской, В. А. Нарницы. – М.: ЭКСМО, 2010. – 336 с.
124. Фромм Э. Комментарии к «1984» / Э. Фромм. – URL: http://orwell.ru/library/novels/1984/russian/rnt_ef (дата обращения: 10.09.2017).
125. Фукуяма Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма // Philosophy. – М.: АСТ: Ермак, 2004. – 474, [6] с.
126. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; пер. с англ. М. Б. Левина // Philosophy. – М.: АСТ: Ермак, 2005. – 588, [4] с.
127. Ханна П. Второй мир / П. Ханна. – М.: Европа, 2010. – 616 с.
128. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова // Philosophy. – М.: АСТ, 2003. – 603, [5] с.
129. Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении / К. Хаусхофер // Классика геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 227–598.
130. Хорольская М.В. Российско-германские отношения: матрешка кризисов // Независимая газета. – URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2020-09-20/9_7968_germany.html (дата обращения: 13.12.2020).
131. Цветкова Н. А. Политизация «Цифровой дипломатии»: публичная дипломатия Германии, Ирана, США и России в социальных сетях / Н. А. Цветкова, Г. О. Ярыгин // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. – 2013. – № 1. – С. 119–124.

132. Цымбурский В. Л. Хэлфорд Макиндер: трилогия хартленда и призвание геополитика / В. Л. Цымбурский // Русский Архипелаг. – URL: <https://archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=2465> (дата обращения: 07.06.2021).
133. Черняховский С. Ф. И сушей, и морем / С. Ф. Черняховский // Литературная газета. – 2014. – № 41. – URL: <https://lgz.ru/article/-41-6483-22-10-2014/i-sushey-i-morem/> (дата обращения: 20.06.2021).
134. Что там у немцев? Эксперты о российско-германских отношениях // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/world/20160816/1474464065.html> (дата обращения: 30.10.2017).
135. Эксперт рассказал, как в ФРГ после выборов изменится отношение к России // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/world/20170925/1505499843.html> (дата обращения: 30.10.2017).
136. Эксперты оценили будущее российско-германских отношений // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20201001/dialog-1578050327.html> (дата обращения: 13.12.2020).
137. Энгельс Ф. Францу Мерингу, 14 июля 1893 г. / Ф. Энгельс // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1966. – Т. 39. – С. 82–86.
138. Юм Д. Сочинения в двух томах / Д. Юм. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: Мысль, 1996. – Т. 2. – 733, [2] с.
139. Юрин А. Н. Междисциплинарные исследования нации во второй половине XX в.: конструктивистский подход / А. Н. Юрин // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2017. – № 3-4 (30-31). – С. 141–156.
140. Ютанов Н. Ю. Торжество Геи / Н. Ю. Ютанов // Классика геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003. – 731, [5] с. – С. 5–6.
141. Adorno T. W. Spätkapitalismus oder Industriegesellschaft? / T. W. Adorno // Ob nach Auschwitz noch sich leben lasse. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1997.

142. Alexander R. Putin blamiert Deutschlands Außenpolitik / R. Alexander // Die Welt. – URL: <http://www.welt.de/debatte/kommentare/article125637098/Putin-blamiert-Deutschlands-Aussenpolitik.html> (дата обращения: 09.10.2017).
143. Amin S. Capitalism in the age of globalization: the management of contemporary society / S. Amin. – London: Zed Books, 2014. – 192 p.
144. Außenminister Steinmeier bei UN-Sicherheitsratssitzung in New York // Auswärtiges Amt. – URL: <http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Friedenspolitik/VereinteNationen/Aktuell/140919-BM-SR-Irak.html?nn=341800> (дата обращения: 22.03.2015).
145. Außenminister Steinmeier zur Befreiung von 49 türkischen Geiseln aus den Händen der Terrorgruppe ISIS // Auswärtiges Amt. – URL: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Meldungen/2014/140920_Befreiung_T%C3%9CR_Geiseln_aus_den_H%C3%A4nden_ISIS.html?nn=341800 (дата обращения: 10.10.2017).
146. Banyan M. E. Tragedy of the commons / M. E. Banyan // Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/science/tragedy-of-the-commons> (дата обращения: 21.09.2017).
147. Bell D. Realism / D. Bell // Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/topic/realism-political-and-social-science> (дата обращения: 07.12.2020).
148. Brzezinski Z. Balancing the East, Upgrading the West. U.S. Grand Strategy in an Age of Upheaval / Z. Brzezinski // Foreign Affairs. – January-February 2012. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2012-01-01/balancing-east-upgrading-west> (дата обращения: 01.02.2021).
149. Chomsky N. Noam Chomsky: The Long, Shameful History of American Terrorism / N. Chomsky // In These Times. – URL: http://inthesetimes.com/article/17311/noam_chomsky_the_worlds_greatest_terrorist_campaign (дата обращения: 10.10.2017).

150. Cline E. H. 1177 B. C. The year civilization collapsed / E. H. Cline. – Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2015. – 264 p.
151. Dickinson O. The Aegean from Bronze Age to Iron Age. Continuity and change between the twelfth and eighth centuries B. C. / O. Dickinson. – New York: Routledge, 2006. – 320 p.
152. First sponsoring, now fighting? Lavrov on West's anti-ISIS op // Russia Today. – URL: <http://rt.com/news/190200-lavrov-isis-west-miscalculation/> (дата обращения: 10.10.2017).
153. Foreign Policy назвал "Северный поток – 2" способом выживания для Берлина // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20210228/potok-1599315023.html> (дата обращения: 28.02.2021).
154. Fukuyama F. The future of history. Can liberal democracy survive the decline of the middle class? / F. Fukuyama // Foreign affairs. – January-February 2012. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2012-01-01/future-history> (дата обращения: 27.09.2017).
155. Geheimdienst-Informationen: Hinweise auf mögliche Anschläge auf deutsche Bahnhöfe und Pegida-Demos // Der Spiegel. – URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/berlin-und-dresden-geheimdienste-warnen-vor-terror-anschlaegen-a-1013334.html> (дата обращения: 10.10.2017).
156. Gilpin R. War and change in world politics / R. Gilpin. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 272 p.
157. Heffer S. The week the Fourth Reich began (without a shot being fired) / S. Heffer // The Daily Mail. – 2 April, 2013. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/debate/article-2301250/The-week-Fourth-Reich-began-shot-fired.html> (дата обращения: 16.11.2020).
158. Historiker mahnt: „Putin weiß, dass die westliche Einigkeit ein Verfallsdatum hat“ // Focus Online. – URL: https://www.focus.de/politik/ausland/ukraine-krise/duestere-prognose-im-ukraine-krieg-experte-mahnt-eindringlich-putin-weiss-dass-die-westliche-einigkeit-ein-verfallsdatum-hat_id_123794896.html (дата обращения: 27.07.2022).

159. Joseph Stiglitz: “One of the Main Lessons from the Financial Crisis is that the State Must Play a Key Role in Sustaining Economic Development” // African Development Bank Group. – URL: <https://www.afdb.org/en/news-and-events/joseph-stiglitz-one-of-the-main-lessons-from-the-financial-crisis-is-that-the-state-must-play-a-key-role-in-sustaining-economic-development-5524/> (дата обращения: 15.10.2018).
160. Kabinett beschließt Atomausstieg bis 2022 // Süddeutsche Zeitung. – URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/gesetzpaket-zur-energiewende-kabinett-beschliesst-atomausstieg-bis-1.1105474> (дата обращения: 03.11.2017).
161. Keohane R. Power and interdependence / R. Keohane, J. Nye. – 4th ed. – Boston: Longman, 2012. – 330 p.
162. Koo J. Russia and the South China Sea: An Interview with Dr. Hanns Maull / J. Koo // Russian International Affairs Council. – URL: <https://russiancouncil.ru/en/blogs/pivottoasia-en/32883/> (дата обращения: 22.07.2022).
163. Krotz U. National Role Conceptions and Foreign Policies: France and Germany Compared / U. Krotz. – 45 p. – URL: https://ces.fas.harvard.edu/#/publications/working_papers/78 (дата обращения: 15.07.2015).
164. Krugman P. Keynes was right / P. Krugman // The New York Times. – URL: http://www.nytimes.com/2011/12/30/opinion/keynes-was-right.html?_r=1 (дата обращения: 29.09.2017).
165. Krugman P. What ails Europe? / P. Krugman // The New York Times. – URL: <http://www.nytimes.com/2012/02/27/opinion/krugman-what-ails-europe.html> (дата обращения: 29.09.2017).
166. Mackinder H. J. Democratic ideals and reality. A study in the politics of reconstruction / H. J. Mackinder. – London: Constable and Company Ltd., 1919. – 272 p.
167. Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History / H. J. Mackinder // The Geographical Journal. – 1904. – Vol. 23. – № 4. – P. 421–437.

168. Mackinder H. J. The Round World and the Winning of the Peace / H. J. Mackinder // Foreign Affairs. – July 1943. – Vol. 21. – No. 4. – P. 595–605.
169. Mankoff J. Russian Foreign Policy: The Return of Great Power Politics / J. Mankoff // Council on Foreign Relations Books. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2009. – 372 p.
170. McClelland C. A. International relations. Structures, institutions, and levels of analysis / C. A. McClelland, R. Pfaltzgraff et al. // Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/topic/international-relations/Structures-institutions-and-levels-of-analysis> (дата обращения: 06.12.2020).
171. McClelland C. International relations. Recent perspectives. Constructivism / C. McClelland, R. Pfaltzgraff et al. // Britannica. – Chicago, 2019. – URL: <https://www.britannica.com/topic/international-relations/Structures-institutions-and-levels-of-analysis#ref247579> (дата обращения: 22.04.2022).
172. Meister S. An Alienated Partnership. German-Russian Relations after Putin's Return / S. Meister // The Finnish Institute of International Affairs Briefing Paper 105. – May 20, 2012. – 8 s. – URL: <http://www.fiia.fi/assets/publications/bp105.pdf> (дата обращения: 23.07.2015).
173. Munro A. Kenneth N. Waltz / A. Munro // Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/biography/Kenneth-N-Waltz> (дата обращения: 06.12.2020).
174. Neukirch R. „Russland nicht in die Knie zwingen“ / R. Neukirch, C. Hoffmann // Der Spiegel. – 2014. – № 52. – S. 24–26.
175. Notturmo M. Hayek and Popper: On Rationality, Economism and Democracy / M. Notturmo. – London & New York: Routledge, 2014. – 172 p.
176. Nye J. In Mideast, the goal is 'smart power' / J. Nye // The Boston Globe. – August 19, 2006. – URL: http://archive.boston.com/news/globe/editorial_opinion/oped/articles/2006/08/19/in_mideast_the_goal_is_smart_power/ (дата обращения: 28.02.2021).
177. Nye J. Soft power / J. Nye // Foreign policy. – 1990. – № 80. – P. 153–171.

178. O'Toole J. J. Futurology / J. J. O'Toole // Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/topic/futurology> (дата обращения: 15.03.2022).
179. Oliker O. Russian Foreign Policy: Sources and Implications / O. Oliker, K. Crane, L. H. Schwartz, C. Yusupov. – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2009. – 246 p.
180. Onuf N. G. Constructivism: a user's manual / N. G. Onuf // Making sense, making worlds. Constructivism in social theory and international relations. – N.Y.: Routledge, 2013. – 230 p. – P. 3–20.
181. Programm der Deutschen Kommunistischen Partei. – Essen: DKP-Parteivorstand, 2006. – 48 s.
182. Quigley C. The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis / C. Quigley. – Indianapolis: Liberty Press/Liberty Fund, 1979. – 444 p.
183. Russia tops ISIS threat, Ebola worst of all? Lavrov puzzled by Obama's UN speech // Russia Today. – URL: <http://rt.com/news/190392-russia-lavrov-obama-threat-speech/> (дата обращения: 10.10.2017).
184. Russland gegen den Westen. Europas Frieden in Gefahr? // ZDF. – URL: <http://www.zdf.de/maybrit-illner/russland-gegen-den-westen-europas-frieden-in-gefahr-zu-gast-u.a.-jens-stoltenberg-und-ursula-von-der-leyen-37036236.html> (дата обращения: 21.03.2015).
185. Schuler K. Linke kritisiert „kleinkarierte Geschichtsvergessenheit“ / K. Schuler, R. Pausch // Die Zeit. – URL: <http://www.zeit.de/politik/deutschland/2015-03/merkel-moskau-linke-spd-gruene> (дата обращения: 10.10.2017).
186. „Sind wir dazu bereit, empfindliche Nachteile in Kauf zu nehmen?“ Steinmeier über die Kriegsfolgen // Der Spiegel. – URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/steinmeier-zum-ukrainekrieg-sind-wir-dazu-bereit-empfindliche-nachteile-in-kauf-zu-nehmen-a-2af1761f-e6a3-405e-8f86-521c81321fa2> (дата обращения: 25.07.2022).

187. Stiglitz J. The fruit of hypocrisy / J. Stiglitz // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2008/sep/16/economics.wallstreet> (дата обращения: 15.10.2018).
188. Tiede P. Tschechiens Präsident Zeman im Bild-Interview. Wir brauchen Putin im Kampf gegen ISIS! / P. Tiede, H.-J. Vehlewald, D. Biskup // Das Bild. – URL: <http://www.bild.de/politik/ausland/tschechien/wir-brauchen-putin-im-kampf-gegen-isis-38602006.bild.html> (дата обращения: 10.10.2017).
189. Trenin D. Mit Putin weiß man, was man hat / D. Trenin // Die Zeit. – URL: <http://www.zeit.de/2014/07/russland-aussenpolitik-putin> (дата обращения: 09.10.2017).
190. Umland A. Warum Putins Krim-Eroberung nur vorübergehender Natur ist. Subventionsbedarf und Tourismusprobleme / A. Umland // Focus Online. – URL: https://www.focus.de/politik/experten/umland/subventionsbedarf-und-tourismusprobleme-warum-putins-krim-eroberung-nur-voruebergender-natur-ist_id_12119945.html (дата обращения: 29.07.2022).
191. Von Salzen C. „Putin entfernt sich von Europas Werten“ / C. von Salzen // Der Tagesspiegel. – URL: <http://www.tagesspiegel.de/politik/merkel-und-putin-in-hannover-putin-entfernt-sich-von-europas-werten/8030754.html> (дата обращения: 09.10.2017).
192. Wallerstein I. World-systems analysis. An introduction / I. Wallerstein. – Durham and London: Duke University Press, 2004. – 109 p.
193. Waltz K. N. Theory of International Politics / K. N. Waltz. – Reading, Massachusetts: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. – 251 p.
194. Weiland S. Deutsche Russland-Politik: Unions-Abgeordnete für härteren Kurs gegen Putin / S. Weiland // Der Spiegel. – URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/russland-cdu-und-csu-fuer-kurswechsel-gegen-putin-a-969317.html> (дата обращения: 09.10.2017).
195. Wendt A. Social Theory of International Politics / A. Wendt. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 429 p.

196. Wergin C. Die Chaostheorie der russischen Außenpolitik / C. Wergin // Die Welt. – URL: <http://www.welt.de/debatte/article125329711/Die-Chaostheorie-der-russischen-Aussenpolitik.html> (дата обращения: 09.10.2017).

197. Wipperfürth C. Russlands Außenpolitik: Lehrbuch / C. Wipperfürth // Elemente der Politik. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. – 151 s.

Научное издание

КУХТИН Михаил Михайлович

**КРИЗИС НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА И
РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ**

Монография

(2-е изд., доп. и перераб.)

ISBN 978-5-6049600-1-1

9 785604 960011

Издательский дом «ЭДИТ»
ДНР, г. Донецк, ул. Кирова, 90 и
Тел. +7(949) 332 36 75
e-mail: info@edit-dn.ru; www.edit-dn.ru

Подписано в печать 26.05.2023, формат 60x90 1/16
Бумага офсетная, гарнитура Times New Roman, печать цифровая
у.п.л. 21,39; у.и.л. 16,6; тираж 100 экз.
Заказ № 03 от 26.05.2023

Отпечатано в типографии
«Издательский дом «ЭДИТ»
ДНР, г. Донецк, ул. Кирова, 90 и
Тел. +7(949) 332 36 75
e-mail: info@edit-dn.ru; www.edit-dn.ru